

Современный мир стремительно меняется, и научное знание трансформируется вслед за этими изменениями. В ходе очередной научной революции наблюдается переход к новой постнеклассической рациональности, для которой типичен междисциплинарный характер исследований и акцент на изучении сложных саморазвивающихся систем. В этой ситуации перед историко-правовой наукой стоит задача осмысления и пересмотра ряда устоявшихся методологических подходов, внедрения новой методологии, активизации исследований актуальной проблематики в рамках истории государства и права, истории учений о праве и государстве, философских концепций в сфере права.

В сборнике представлены статьи участников Всероссийского форума историков права 10-11 июня 2022 г. в Санкт-Петербурге. Материалы сборника отражают консолидированную позицию значительной части научного сообщества по вопросам развития историко-правовой науки.

**ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

АССОЦИАЦИЯ
ИСТОРИКОВ ПРАВА

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРАВОСУДИЯ

**ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Сборник научных статей

2022

УДК 340.15
ББК 67.3
И 90

Рецензенты:

Борисова Наталья Евгеньевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета

Чердаков Олег Иванович - проректор по научной и инновационной работе Международного юридического института, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор

Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 10-11 июня 2022 г. / под редакцией А.А. Дорской и Д.А. Пашенцева. – Москва: Саратов.: Издательство «Саратовский источник», 2022. – 393 с.

ISBN 978-5-6048785-3-8

Современный мир стремительно меняется, и научное знание трансформируется вслед за этими изменениями. В ходе очередной научной революции наблюдается переход к новой постнеклассической рациональности, для которой типичен междисциплинарный характер исследований и акцент на изучении сложных саморазвивающихся систем. В этой ситуации перед историко-правовой наукой стоит задача осмысления и пересмотра ряда устоявшихся методологических подходов, внедрения новой методологии, активизации исследований актуальной проблематики в рамках истории государства и права, истории учений о праве и государстве, философских концепций в сфере права.

В сборнике представлены статьи участников Всероссийского форума историков права 10-11 июня 2022 г. в Санкт-Петербурге. Материалы сборника отражают консолидированную позицию значительной части научного сообщества по вопросам развития историко-правовой науки.

©Коллектив авторов, 2022

ASSOCIATION
OF LEGAL HISTORIANS

NORTHWEST BRANCH
RUSSIAN STATE UNIVERSITY
OF JUSTICE

HISTORICAL AND LEGAL SCIENCE IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIAL TRANSFORMATIONS

collection of scientific articles

УДК 340.15
ББК 67.3
И 90

Reviewers:

Natalia E. Borisova – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Institute of Law and Management of the Moscow City Pedagogical University

Oleg I. Cherdakov – Vice-Rector for Scientific and Innovative Work of the International Law Institute, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor

Historical and legal science in the conditions of modern social transformations: a collection of scientific articles on the results of the All-Russian Forum of Legal Historians, St. Petersburg, June 10-11, 2022 / edited by A. A. Dorskaya and D. A. Pashentsev. Saratov, 2022. – 393 p.

ISBN 978-5-6048785-3-8

The modern world is changing rapidly, and scientific knowledge is being transformed following these changes. In the course of the next scientific revolution, there is a transition to a new, post-non-classical rationality, for which the interdisciplinary nature of research and the emphasis on the study of complex self-developing systems are typical. In this situation, the historical and legal science is faced with the task of comprehending and revising a number of established methodological approaches, introducing a new methodology, intensifying research on topical issues within the framework of the history of state and law, the history of doctrines about law and the state, philosophical concepts in the field of law.

The collection contains articles by participants of the All-Russian Forum of Legal Historians on June 10-11, 2022 in St. Petersburg. The materials of the collection reflect the consolidated position of a significant part of the scientific community on the development of historical and legal science.

©Collective of Authors, 2022

Список авторов

Дорская Александра Андреевна (ответственный редактор) – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург);

Пашенцев Дмитрий Алексеевич (ответственный редактор) – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова, профессор Московского городского педагогического университета (Москва);

Борисов Андрей Андреевич – аспирант Юго-Западного государственного университета (Курск);

Борисов Андрей Марксович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Курского государственного университета (Курск);

Ворошилова Светлана Вячеславовна - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии (Саратов);

Гордова Татьяна Викторовна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета им. В. Ф. Уткина (Рязань);

Горячева Татьяна Сергеевна - аспирант кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии (Саратов);

Еремина Татьяна Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург);

Иванова Светлана Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета (Москва);

Ильин Артур Валериевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета им. В. Ф. Уткина (Рязань);

Израелян Валентин Борисович – доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова, кандидат юридических наук, доцент (Москва);

Калинина Елена Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург);

Карева Алла Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права и административно-правовых дисциплин Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (Рязань);

Кожевина Марина Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России (Омск);

Краснов Алексей Борисович – старший юрисконсульт Международной межправительственной организации «Объединенный институт ядерных исследований» (Дубна);

Крупеня Елена Михайловна - доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства права Института права и управления Московского городского педагогического университета (Москва);

Ладнушкина Нина Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры образовательного и информационного права Института права и управления Московского городского педагогического университета (Москва);

Марченя Павел Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры истории государства и

права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва);

Матиенко Татьяна Львовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Москва);

Минникес Ирина Викторовна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета (Иркутск);

Михайлов Валентин Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва);

Михайлова Наталья Владимировна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, (Москва);

Незнамова Алла Андреевна – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета Академии труда и социальных отношений (Москва);

Поворова Елена Александровна - заместитель главного редактора журнала «Российская юстиция» (Москва)

Скоробогатов Андрей Валерьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП) (Казань);

Соколов Александр Станиславович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой Истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета им. В. Ф. Уткина (Рязань);

Хашина Эллина Эдуардовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Курского государственного университета (Курск);

Честнов Илья Львович – доктор юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Шаляпин Сергей Олегович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (Архангельск);

Шатковская Татьяна Владимировна – доктор юридических наук, заведующая кафедрой теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Ростов-на-Дону);

Ящук Татьяна Федоровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Приветствия участникам всероссийского форума историков права «Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций и новой научной рациональности»	12
Предисловие	20
РАЗДЕЛ 1 МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОТ КЛАССИКИ К ПОСТНЕКЛАССИКЕ	22
<i>Пашенцев Д.А.</i> Историко-правовая наука в условиях новой научной рациональности.....	22
<i>Честнов И.Л.</i> Генетическая постклассическая методология в историко-правовой науке	27
<i>Кожевина М.А.</i> Наука истории русского права: генезис, методы познания, место в современном историко-правовом знании	45
<i>Михайлова Н.В.</i> Методологические критерии периодизации истории государства и права	64
<i>Яцук Т.Ф.</i> Этапы развития истории государства и права России как науки и учебной дисциплины в советский и постсоветский периоды	74
<i>Скоробогатов А.В.</i> Телеологическая парадигма историко-правового познания	87
<i>Шатковская Т.В.</i> Применение исторического метода как непереносимое условие действительности современного законодательства	96
<i>Дорская А.А.</i> Тенденции развития историко-правовой науки в России на современном этапе (анализ диссертационных исследований 2012-2022 гг.).....	106
<i>Ворошилова С.В.</i> Архивный документ в историко-правовых исследованиях	114
<i>Карева А.В.</i> Традиции и новации в становлении и развитии отечественной юриспруденции и юридической науки.....	125
<i>Крупеня Е.М.</i> Междисциплинарный синтез теории и истории государства и права: к вопросу об актуализации субъектно-личностного направления в исследованиях.....	137

РАЗДЕЛ 2 АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА	151
<i>Минникес И.В.</i> Эволюция процессуального права в контексте предметно-отраслевого метода преподавания Истории государства и права России	151
<i>Ильин А.В.</i> Историко-правовые аспекты трансформации понятийных характеристик источников права и правотворчества ..	159
<i>Шаляпин С.О.</i> Сравнительно-исторические правовые исследования конфессионально-правовых систем	167
<i>Марченя П.П.</i> Мифология правового нигилизма в России и проблема переосмысления реальной роли массового правосознания в русских смутах и революциях	175
<i>Израелян В.Б.</i> Историко-правовой анализ развития юридической техники	186
<i>Матиенко Т.Л.</i> Каузальность норм уголовного права и правовых форм досудебного производства в России в XIV-XV вв.	196
<i>Гордова Т.В.</i> История становления и развития института заключения брака в России	205
<i>Еремина Т.И.</i> «Учебная служба» как особый вид государственной службы Российской империи	218
<i>Борисов А.А.</i> Законы царской России и Российской империи о законотворчестве и видах правовых актов.....	223
<i>Михайлов В.И.</i> Первый советский уголовный кодекс: общие положения и ситуации правомерного вреда (обстоятельства, исключающие преступность деяния).....	235
<i>Краснов А. Б.</i> Государственно-правовое регулирование концессионных отношений в СССР (1920 – 30-е гг.)	247
<i>Ладнушкина Н.М.</i> История развития государственного контроля в сфере образования: советский опыт	262
<i>Иванова С.А.</i> Динамика гражданско-правового режима земельных участков в советский и современный периоды	278
<i>Незнамова А.А.</i> История развития лизинга в России	288

<i>Горячева Т.С.</i> Медико-биологические факторы трансформации семейного законодательства и демографической политики в России в XIX – начале XX века	292
<i>Поворова Е.А.</i> "Общее" мнение и публичная власть: по следам творческого наследия М.М. Сперанского.....	301
<i>Борисов А.М.</i> Первые труды отечественных юристов о лицах юридических: К.А. Неволин и В.Ю. Александров	315
<i>Соколов А.С.</i> Теоретик финансов и права А. А. Соколов о германском имперском законодательстве 1913 г.	328
<i>Калинина Е.Ю.</i> Безмолвные и отверженные: правовой статус и правовой образ изгоев в средневековой Испании. Современные направления и методы исследования на примере образа мусульман Иберийского полуострова в романском искусстве XI-XIII вв.	333
<i>Хащина Э.Э.</i> Исторический обзор правового регулирования культурной и языковой политики Канады как инструмента предотвращения сецессии.....	356
АННОТАЦИИ.....	367

**ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ
ВСЕРОССИЙСКОГО ФОРУМА ИСТОРИКОВ ПРАВА
«ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ
И НОВОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ»**

**Приветствие Момотова Виктора Викторовича,
Члена Президиума Верховного Суда Российской Федерации,
Секретаря Пленума, судьи Верховного Суда Российской
Федерации, Ученого секретаря Научно-консультативного
совета, Председателя Совета судей Российской Федерации,
доктора юридических наук, профессора**

Всероссийский форум историков права можно рассматривать как событие, направленное на консолидацию российского научного сообщества для решения важных задач, которые стоят перед историко-правовой и теоретико-правовой наукой. Форум посвящен важным вопросам, содержание которых определяется возрастающей ролью научного знания в современном обществе, а также обновлением методологического аппарата российской юриспруденции. Историки права концентрируют свои усилия на том, чтобы выявить общие закономерности правового развития в исторической динамике, раскрыть взаимосвязи между юридическими нормами и реальными правоотношениями на разных этапах, показать процесс эволюции правовых институтов. Требуется продолжение историко-правовых исследований русского права на разных этапах его развития с учетом выявленной и обоснованной отечественными правоведами многофакторности правогенеза и его социокультурной обусловленности. Тем самым будет сделан еще один важный шаг в развитии российской историко-правовой науки.

Позвольте пожелать участникам Всероссийского форума успешной работы, интересных и плодотворных научных дискуссий.

**Приветствие Жукова Василия Ивановича,
Академика Российской Академии Наук, доктора исторических
наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской
Федерации, Лауреата государственной премии Российской
Федерации имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова,
Лауреата премии Правительства Российской Федерации
в области образования**

Всероссийский форум историков права проходит в непростое для страны и мира время. Глобальные социально-политические трансформации меняют модели взаимоотношений между государствами, что актуализирует проблемы экономического суверенитета и государственного строительства, демографической и образовательной политики. Возрастает роль исторического знания, тесно связанного с национальными ценностями, с патриотическим воспитанием молодежи. Задача сохранения богатого исторического наследия народов Российской Федерации становится одной из важнейших для всего научно-образовательного сообщества.

Развитие права происходит в обществе и детерминировано совокупностью разнообразных факторов: экономических, политических, социальных, демографических, культурных. Совершенствование действующего законодательства, приведение его в соответствие с потребностями эпохи невозможно без глубокого изучения богатого отечественного опыта государственно-правового развития, исследованием которого занимаются ученые-правоведы, историки и философы права. Поэтому постановка новых задач в данной сфере наряду с консолидацией усилий всего научно-педагогического сообщества для их решения представляются крайне важными.

Форум проходит в год столетия образования СССР, которое стало событием всемирно-исторического значения. Богатый опыт правового развития, накопленный в советский период, в последнее время не очень часто оказывается в фокусе внимания правоведов. Его изучение и творческое использование – важная задача представителей отечественной юридической науки.

Позвольте пожелать участникам Всероссийского форума историков права успешной и интересной работы, а также новых научных открытий.

Приветствие Е.И.В. Великой Княгини Марии Владимировны, Главы Российского Императорского Дома

Приветствую организаторов и участников Всероссийского Форума историков права «Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций и новой научной рациональности».

Укрепление и совершенствование правовой системы немыслимы без глубокого знания и понимания её истоков и истории развития.

Характерное для нашего времени стремление к обновлению теоретических, методологических и практических подходов, выражающееся в расширении и усложнении связей между науками и дисциплинами, наряду с новаторством, имеет прочную укоренённость в российской традиции.

Именно соединение смелой модернизации с мудрой опорой на наследие предшествующих поколений является залогом успеха любого дела. Эпоха моего прародителя Императора Петра I Великого, 350-летие со дня рождения которого мы отмечаем в эти дни, является ярким примером справедливости этого утверждения.

В области Права преемственность имеет особенно высокое значение. Я, мой сын и наследник Великий Князь Георгий Михайлович и его супруга Светлейшая Княгиня Виктория Романовна желаем успешного и плодотворного проведения Форума историков права, а всем его участникам - доброго здоровья и помощи Божией в служении Родине.

**Приветствие Певцовой Елены Александровны,
Ректора Московского государственного областного
университета, доктора юридических наук,
доктора педагогических наук,
профессора, Почетного работника
высшего профессионального
образования Российской Федерации, Заслуженного работника
образования, Академика Международной академии
общественных наук**

Всероссийский форум историков права посвящен важным актуальным вопросам, связанным с поиском новых направлений развития историко-правовой науки, а также уточнением места истории государства и права как учебной дисциплины в системе современного реформируемого образования.

Форум проходит в сложное время, которое связано с глобальными политическими и социально-экономическими трансформациями. Эти трансформации ускоряют переход к новой научной рациональности, к постнеклассической парадигме, что предъявляет новые требования и к методологии историко-правовой науки. Значимость исследования отечественных государственно-правовых традиций определяется необходимостью сохранения исторической памяти, задачей активизации правового и патриотического воспитания молодежи.

Отказ от Болонской системы в образовании определяет потребность в выработке новых подходов к обучению и воспитанию в высшей школе. Сегодня требуется изменение основных принципов проектирования образовательных программ, разработка комплексной концепции воспитания обучающихся в системе высшего образования, качественное повышение уровня правового и патриотического воспитания студенческой молодежи. Определенную роль в решении этих задач призвана сыграть история отечественного государства и права, которая наряду с историей учений о праве и государстве, а также философией права играет системообразующую роль в процессе формирования мировоззрения будущих юристов. В связи с этим, заслуживают поддержки те усилия,

которые предпринимает Ассоциация историков права для консолидации историко-правового сообщества, выработки общей позиции ученых и преподавателей по обозначенным важным вопросам.

Позвольте пожелать участникам Форума успешной работы и плодотворных дискуссий, которые обогатят российское правоведение, позволят сформировать и обосновать новые подходы к историко-правовой науке, к определению ее места в системе высшего юридического образования.

**Приветствие Лермонтова Михаила Юрьевича,
Предводителя Российского Дворянского Собрания и
Королева-Перелешина Александра Юрьевича,
Первого Вице-Предводителя Российского Дворянского
Собрания, ответственного секретаря
Совета Объединённого Дворянства**

Глубокоуважаемые господа!
Дорогие друзья!

От имени руководства одной из старейших общественных корпоративных организаций нынешней России – Российского Дворянского Собрания сердечно приветствуем организаторов и участников Всероссийского Форума историков права «Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций и новой научной рациональности».

Российское Дворянское Собрание одной из важнейших своих задач неизменно считает свидетельство о величии истории России, о сложном, быть может, извилистом, но великом пути становления и развития нашего Отечества, в том числе как духовно-культурных, так и правовых основ его существования.

Сохранение исторической памяти, памяти о своём прошлом необходимо любому народу, любой общности людей, желающей сберечь себя; без этого нации невозможно ни полноценно существовать и ощущать себя сегодня, ни уверенно строить будущее своего Государства и сохранять его величие. Развитие историко-

правовой науки, изучение и понимание направлений и причин изменения права в государстве является неременным залогом развития и совершенствования всей современной правовой системы.

Программа Форума весьма внушительна и вызывает безусловное одобрение своими ценностными и смысловыми установками, направленными на изучение, понимание и разъяснение истории развития правовой науки и правовой системы в нашем государстве. Восхищает и заявленный состав экспертов – участников Форума, известных ученых и авторитетных практиков.

Постановки задач в темах Форума вполне соответствуют приоритетам государственной политики нашей страны в отношении необходимости сохранения естественнонаучного наследия, укрепления лучших отечественных научных, в том числе правовых школ.

В наши дни, когда и руководство страны, и общество осознают историческое значение внесения актуальных изменений в Основной закон нашего Государства, а значит и целого ряда федеральных законов, из этого Основного закона вытекающих, актуальность настоящего Форума представляется несомненной.

Именно поэтому особенно отрадно отметить включение Организаторами в перечень основных тем Форума проблематики философско-правового осмысления исторических трансформаций правового пространства, исторической динамики правотворческой деятельности и юридической техники, форм и методов правового и патриотического воспитания в условиях современных глобальных трансформаций.

Считаем также, что в условиях построения развитого гражданского общества значительное внимание законодательных органов страны, да и иных органов власти должно быть направлено на самое широкое привлечение общественных организаций к участию в обсуждении и работе над совершенствованием не только Основного закона, не только к обсуждению и поддержке Указа о традиционных ценностях, как основе нашего общества, но и в целом правовой системы нашего Государства.

Желаем всем участникам Форума доброго здоровья, крепости духа, успешной, плодотворной работы, интересного взаимного

общения и новых, полезных историко-научных и историко-правовых выводов, которые можно будет вовлекать в научный оборот, и которые обогатят и усовершенствуют правовую систему Великого Российского Государства!

**Приветствие Баяхчан Елены Валерьевны,
Председателя Правления НО «Фонд поддержки и развития
образования творчества, культуры»**

Приветствуя Организаторов, Экспертов и Участников Всероссийского Форума историков права, хотелось бы особо отметить уникальность времени, места и обстоятельств проведения столь знакового для российской науки собрания выдающихся ученых и практиков.

Ценно то, что Форум проводится в год празднования юбилеев, судьбоносных для Государства Российского событий - год 1160-летия со времени зарождения российской государственности, год 555-летия со времени начала правления Ивана III Васильевича – Великого Князя Московского, Государя всея Руси (собирателя русских земель, создателя единого Российского государства, соиздателя и мудрого дипломата), год старта «Десятилетия «науки и технологий» в Российской Федерации; в дни празднования 350-летия Царя всея Руси и первого Императора Всероссийского Петра I, великого государственного деятеля и реформатора, яркого политика, основателя Санкт-Петербурга, Таганрога, Липецка, Бийска, Новосибирска, Петрозаводска и мн. др., инициатора создания значительного числа правовых актов, повлиявших на ход истории России и мира (особенно важно принятие документов о создании российского флота, учреждение Правительствующего Сената, формирование Табеля о рангах, основание системы прокурорского надзора, создание казенных заводов, учреждение Академии наук, создание системы изучения природных богатств и территорий страны, реформы в сфере культуры и образования и мн. др.).

Для российской истории и права 2022 год запомнится как год глобальных геополитических и общественных трансформаций, требующих серьезного экспертного осмысления. Именно поэтому ценно объединение профессионалов, способствующее поиску адекватных ответов на сложные вопросы современности и укреплению правовых основ жизнедеятельности и безопасности государства.

Форум, являясь важной практической площадкой для философско-правового осмысления исторических трансформаций правового пространства и исследования современного юридического знания в историко-правовом ракурсе, поможет систематизации и актуализации материалов по историко-правовой проблематике, профессиональному становлению молодых ученых и укреплению региональных и международных научно-практических связей. Публикация итоговых документов Форума расширит перечень источников для практиков и теоретиков в сфере права и государственного управления.

Желаю всем сопричастным к проведению Всероссийского Форума историков права «Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций и новой научной рациональности» доброго здоровья, бодрости духа, согласия и достижения новых высот.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В условиях современных глобальных трансформаций – политических, социальных, правовых – историко-правовая наука вновь обретает свое достойное место в системе юридического знания. Нестабильность общества постмодерна повышает востребованность исторических традиций как опоры для формирования мировоззрения и правосознания. Ценностный потенциал историко-правовой науки определяет ее огромное воспитательное значение. Это относится и к правовому, и к патриотическому воспитанию, которое получило актуализацию в свете конституционной реформы 2020 года.

Современный этап развития историко-правовой науки связан со сменой методологических подходов, с переосмыслением многих источников и фактов, казалось бы, уже хорошо изученных. Новый взгляд на мир, характерный для постиндустриального общества, определяет и новое восприятие историко-правовых явлений. В итоге можно констатировать начало переходного этапа в истории государства и права, который означает не только количественное, но и качественное приращение соответствующего знания.

Статьи, вошедшие в сборник, подготовлены на основе докладов, прозвучавших в рамках Всероссийского историко-правового форума «Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций и новой научной рациональности», который состоялся 10-11 июня 2022 г. в Санкт-Петербурге. Форум был организован Общероссийской общественной организацией «Ассоциация историков права» при поддержке Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия. В мероприятии приняли участие ученые – историки и философы права из разных регионов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Иркутска, Казани, Курска, Омска, Улан-Удэ. Дистанционно в работе форума участвовали представители Белгорода, Иваново, Минска, Покрова, Ростова-на-Дону, Рязани, Симферополя, Тамбова, других городов. В итоге состоялось очень интересное и плодотворное обсуждение целого ряда важных вопросов,

связанных с актуальными проблемами и направлениями развития историко-правовой науки как важного элемента современной юриспруденции.

В сборник, подготовленный участниками форума, вошли научные статьи, имеющие историко-правовое содержание. Главная проблема, так или иначе затрагиваемая в статьях – это проблема методологических подходов к историко-правовым исследованиям. Она неразрывно связана с такими вопросами, как изучение правового поведения и правовых ценностей, характерных для той или иной конкретной исторической эпохи. Авторы ряда статей подчеркивают необходимость новых методологических подходов к осмыслению историко-правовой реальности, в том числе, связанных с переходом к постнеклассической научной рациональности. Намечены новые подходы к периодизации истории государства и права, что также имеет важное методологическое значение.

В целом, авторам сборника удалось внести свой вклад в развитие современного историко-правового знания, что делает его интересным для представителей самых разных направлений юридической науки.

Д. А. Пашенцев

РАЗДЕЛ 1

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОТ КЛАССИКИ К ПОСТНЕКЛАССИКЕ

Пашенцев Дмитрий Алексеевич

Историко-правовая наука в условиях новой научной рациональности

Историко-правовая наука сегодня выходит на иной, чем в прошедшие три десятилетия, уровень востребованности. Прежде всего, это связано с ее богатым аксиологическо-мировоззренческим потенциалом. В условиях, когда глобальные трансформации актуализируют вопросы сохранения исторической памяти и исторического наследия, правового и патриотического воспитания, детерминируют поиск нравственной опоры для дальнейшего развития общества и государства, историческое знание, и знание историко-правовое как его часть, приобретают архиважное значение. Но для полноценной реализации всех сложных и многоплановых задач, стоящих перед историей государства и права, она сама должна измениться, чтобы соответствовать тем новым требованиям, которые предъявляет к науке постнеклассическая научная рациональность.

Современный мир переживает очередную научную революцию, которая обусловлена технологическим развитием, становлением информационного общества, а также новыми открытиями ученых. Новая парадигма научного знания связана, в первую очередь, с междисциплинарностью как основополагающим принципом научного поиска. Для истории государства и права это означает более широкое, чем прежде, обращение к методам и достижениям иных общественных наук, в первую очередь, философии, исторической психологии, экономической теории, социологии, политологии, демографии, статистики. На новый уровень востребованности выходят такие богатые в методологическом отношении направления, как герменевтика и синергетика. От историка

права сегодня требуется освоение постулатов развивающейся постклассической теории права, а, следовательно, признание многомерности правовой реальности и ее сконструированного характера, понимание новой роли субъекта права.

На рубеже тысячелетий в науке произошли определенные повороты, предопределившие вектор существующей парадигмы, и перспективные для историко-правовых исследований.

Первый из них – лингвистический поворот, который связан с осознанием особой роли языка в конструировании правовой реальности. Явления социального мира конструируются их описанием, поэтому «изучение права через анализ знакового его аспекта — актуальная задача современной юридической науки»¹. Соответственно, историко-правовая наука может и должна больше внимания уделять языковым аспектам развития права. Сегодня ученые пишут о том, как современное технологическое развитие влияет на язык права²; но не меньший интерес представляет вопрос о том, как язык права способствовал конструированию правовой реальности в ушедшие эпохи. В числе прочего, было бы интересно проследить, существует ли корреляция между особенностями языка и преобладающими формами права в той или иной исторически развивающейся правовой системе.

Еще больше значение, на наш взгляд, имеет для историко-правовой науки антропологический поворот, связанный с новым пониманием роли человека – ученого в получаемых научных результатах и их интерпретации.

Результаты, получаемые ученым, во многом определяются его личностью, мировоззрением, изначальными установками, методологическими подходами. Научный результат становится неотделим от самого исследователя, что еще раз подчеркивает особую роль человека в происходящих социальных процессах.

В юриспруденции в силу антропологического поворота человек как субъект права все чаще рассматривается как центр право-

---

¹ Постклассическая онтология права / под ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016. С. 93.

² См., напр.: Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залойло. М., 2019.

вой системы, как ее главный элемент, своими повседневными действиями формирующий право. В историко-правовых исследованиях акцент с описания нормы и источника права смещается на человека, его поведение в правовом пространстве, детерминирующие это поведение факторы. Особое значение в этом контексте приобретают действия человека, наделенного правоприменительными полномочиями.

Все указанные обстоятельства заставляют историков обратиться к феномену субъекта права, через призму которого можно находить ключи к пониманию происходящих в правовой сфере общества процессов, искать ответы на те вопросы, которые постоянно оказываются в центре внимания ученых-правоведов.

С позиций современного антропоцентризма субъект права является центром правовой системы. Право в постклассической юриспруденции уже не рассматривается как статичная система взаимосвязанных норм, оно нередко понимается как постоянная деятельность субъектов по реализации этих норм на практике в соответствии с присущими им полномочиями. Конструирование правовой реальности происходит в три стадии: от создания знаковой формы через формирование ментального представления к воплощению в повседневном массовом поведении. Успешное прохождение всех трех стадий превращает новую норму в правовую, то есть непосредственно влияющую на общественные отношения.

Успех такого конструирования в конечном итоге определяется совокупностью факторов, влияющих на субъекты права. Деятельность субъектов по применению правовых норм происходит в многомерном социальном пространстве, которое построено «по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме...»³. На человека, выполняющего функции в сфере права, воздействует не только социально-экономическая ситуация, существующая в конкретный момент времени, его действия получают также ментальное, психическое, биологическое

---

³ Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц. СПб., 2017. С. 15.

измерения⁴. Кроме рациональных факторов (в том числе, экономических) они могут быть детерминированы существующей в обществе моралью, мифами, верованиями, интуицией. Разобраться в таком конгломерате невозможно без привлечения исторической антропологии, этнографии и исторической психологии. В результате историко-правовая наука приобретает тот междисциплинарный характер, о котором говорилось выше, осуществляет переход к постнеклассическому этапу развития научной рациональности.

Комплексное междисциплинарное исследование субъекта права в исторической ретроспективе позволит выявить и проанализировать качественные параметры правовой жизни общества в прошедшие эпохи. Важное значение в этом процессе имеет юридическая антропология, которая исследует человека в его правовых проявлениях, его роль в развитии права, анализирует бытие человека в рамках правовой сферы общества⁵.

С позиций постклассической юриспруденции, право обусловлено историческим и социокультурным контекстом⁶. В силу этого получает актуализацию социокультурная антропология права, которая исследует правовую реальность с включенным в нее человеком, детерминированным соответствующей правовой культурой.

В итоге получается устойчивая «взаимосвязь: человек как субъект права выступает главным звеном механизма конструирования правовой реальности, но при этом сам обусловлен историко-культурным социальным контекстом»⁷. Изучение правовой деятельности такого человека в исторической ретроспективе может рассматриваться как главная задача современной историко-правовой науки.

---

⁴ Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2011. С. 12.

⁵ Напалкова И. Г. Антропологические и социокультурные аспекты права // Современное право. 2020. № 3. С. 14.

⁶ Честнов И. Л. Правовая реальность как предмет постклассической философии права // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 2. С. 30.

⁷ Пашенцев Д. А. Наука истории государства и права в условиях постнеклассической научной рациональности // Правоприменение в публичном и частном праве. Материалы международной научной конференции. Омск, 2021. С. 391.

Нормы права, практика их реализации, правосознание субъектов общественных отношений и их правовое поведение в конкретную историческую эпоху неразрывно связаны между собой. «Право непосредственно связано с поведением человека, видоизменяет, ограничивает, определяет его рамки и дает тем самым возможность каждому субъекту права действовать, рассчитывая на достижение определенного результата»⁸. Более того, эти явления связаны с аналогичными явлениями в прошлом, детерминированы национальной правовой традицией, которая неизбежно влияет на динамику правовых институтов и иных параметров правовой системы. Только совместное изучение этих явлений может сформировать ту картину правовой реальности в исторической ретроспективе, которая будет соответствовать потребностям и принципам современной научной рациональности.

В завершение – еще один важный аспект, связанный с преподаванием истории государства и права студентам юридических вузов и факультетов. Учитывая актуализацию воспитательной и мировоззренческой функций историко-правовой науки, а также выход из Болонской системы, есть все основания поднять вопрос о том, чтобы вернуться к полноценному преподаванию дисциплин историко-правового цикла. Стоит вспомнить, что в эпоху специалитета «История отечественного государства и права» и «История государства и права зарубежных стран» преподавались каждая в течение двух семестров, в объеме 250 часов. С переходом к бакалавриату и количество семестров, и объем часов сократились вдвое, что не позволяет современным студентам получать качественные историко-правовые знания как основу формирования мировоззрения юриста и гражданина. Возврат к полноценному преподаванию истории государства и права станет важным шагом на пути к качественному юридическому образованию, правовому и патриотическому воспитанию молодежи.

---

⁸ Поляков А. В. Коммуникативный подход к праву как вариант классического правопонимания // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе. Сборник научных трудов. Минск, 2012. С. 21.

Список литературы

1. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц. СПб., 2017.
2. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2011.
3. Напалкова И. Г. Антропологические и социокультурные аспекты права // Современное право. 2020. № 3.
4. Пашенцев Д. А. Наука истории государства и права в условиях постнеклассической научной рациональности // Правоприменение в публичном и частном праве. Материалы международной научной конференции. Омск, 2021.
5. Поляков А. В. Коммуникативный подход к праву как вариант классического правопонимания // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки на современном этапе. Сборник научных трудов. Минск, 2012.
6. Постклассическая онтология права / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016.
7. Честнов И. Л. Правовая реальность как предмет постклассической философии права // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 2.
8. Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М., 2019.

Честнов Илья Львович

Генетическая постклассическая методология в историко-правовой науке

Генетический подход или методология – достаточно важный способ теоретического осмысления права в его истории. Он предполагает анализ права в его развитии, начиная с момента зарождения и экспликации этапов дальнейшей эволюции. Понятно, что одному исследователю невозможно сколь-нибудь полно представить такую картину. Но можно и важно предложить новую – современную, постклассическую – методологию исследования генезиса права как основания методологии историко-правовой науки. Однако прежде чем вести речь о специфике генетической пост-

классической методологии истории права, необходимо высказать несколько общих соображений, предваряющих позицию автора относительно понятия генезиса как такового и генезиса права, в частности.

«Генетический подход, - пишет А. М. Михайлов, - основывается на следующих посылаках: а) объект естественно произошел от более раннего во времени объекта и вобрал в себя его структуру; б) объект способен к внутреннему развитию, то есть источник его воспроизводства и развития заложен внутри; в) объект представляет собой развивающееся органическое целое, внутренняя структура которого производит эмерджентные свойства целого; г) объект помещен в среду, в зависимости от которой проявляются, актуализируются его внутренние потенциальные свойства; д) внутренняя структура целого задает пределы изменений свойств, которые актуализируются в зависимости от благоприятных или неблагоприятных внешних условий»⁹. Несомненно, такой подход имеет право на существование. В его основе лежит структуралистская философия, предполагающая устойчивость структуры как некой внешней и принудительной силы¹⁰, обуславливающей поведение и ментальность отдельных индивидов (понятно, что речь идет о социальных структурах). Однако такой подход не принимает во внимание изменчивость и открытость структуры, ее постоянное преобразование практиками людей. Постструктурализм, не отрицающий структуру и ее роль в мире (социальном, прежде всего), значительно изменил ее понимание. «Постструктурализм вырос из структурализма... Его отталкивание от структурализма можно свести к четырем пунктам: главным для него оказываются (1) не дискретность, а непрерывность, не синхронические застывшие срезы действительности, а текучие промежутки между ними; (2) не функционирование готового, а творчество нового; (3) не си-

---

⁹ Михайлов А. М. Генезис континентальной юридической догматики: монография. М., 2012. С. 84.

¹⁰ Традиционный подход к структуре, пишет Н. С. Автономова, видит в ней «не что замкнутое, догматичное, архаично, автоматическое, давно преодоленное, не имеющее никакого отношения к какой-либо позитивной эвристике» // Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон-Бахтин-Лотман-Гаспаров. М., 2009. С. 10.

стемное, объективное, а индивидуальное, субъективное; (4) не рациональное, а эмоциональное, в конечном счете бессознательное»¹¹.

Критика структурализма (вместе с другими факторами) приводит к формированию новой – постклассической методологии, которая достаточно активно развивается в отечественной юриспруденции, в том числе, в историко-правовой науке, позволяющей, как представляется, дать более адекватное представление о генезисе права в изменившемся социокультурном контексте постиндустриального глобального социального мира.

Постклассическая методология¹² как диалог традиции и воли.

Переход от классической картины мира к неклассической и постклассической (постнеклассической) и соответствующим типам рациональности¹³, связан, прежде всего, с изменениями, происходящими в мире, неотделимыми от социальных представлений о мире. Становление постиндустриального, информационного общества, процесс глобализации, новая геополитическая ситуация и т.п. привели к значительным трансформациям не только в социальных отношениях, но и в сопровождающих их изменениях методологических оснований науки. *Классическая рациональность*, соединяющая познавательный и онтологический аспекты, была, как известно, ориентирована на объективность познания внешнего мира трансцендентным субъектом, воплощающим научный разум. Она постулировала универсальность, рациональность, завершенность и непротиворечивость, аподиктичность научного знания. «Классическая» социальная наука исходила «из допущения, что мир может быть корректно понят только как *множество достаточно определенных и более или менее опознаваемых процес-*

---

¹¹ Там же. С. 224. При этом Н. С. Автономова полагает, что постструктурализм, расцветший во Франции после 1968 г., «кажется, уже заканчивает свой путь» – там же.

¹² О постклассической методологии см. подробнее: Честнов И. Л. Постклассическая методология юридических исследований // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 2 (76). С. 14-21.

¹³ См. подробнее: Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / Отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб., 2009.

сов»¹⁴. Отсюда делался вывод: «...в мире протекают определенные процессы, и они ждут того, чтобы быть открытыми. ... Такова цель социальной науки: обнаруживать наиболее важные из этих устойчивых процессов»¹⁵. Такой подход в юриспруденции выражается в поиске «юридического Геркулеса», фигуру которого ввел в научный оборот У. Блэкстон и активно пропагандировал во 2-м пол. XX в. Р. Дворкин, - ученого и одновременно практика и политика, чей взгляд проникает в самую суть вещей, который способен разрешать самые сложные юридические дела, выявляет скрывающиеся от взора обывателя закономерности права и обеспечивает с помощью социальной инженерии достижение всеобщего блага. Сегодня очевидна принципиальная недостижимость такого идеала, что, в прочем, не отменяет необходимости к нему стремиться.

Неклассическая рациональность, возникающая в начале XX в. под влиянием квантовой механики, проблематизирует объективность познания, признавая зависимость представления об объекте от используемого метода или позиции субъекта. Она вписывает объект в субъект-объектное отношение и опосредующий его метод¹⁶. *Постклассическая* (или постнеклассическая, по терминологии

---

¹⁴ Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой. Науч. ред. перевода С. Гавриленко. М., 2015. С. 20. В другом месте он пишет: «С философской точки зрения, мы все работаем в терминах до некоторой степени непроверяемых метафизических (и онтологических) предпосылок. ... Прежде всего (и это допущение наиболее общее), оказывается, что наш опыт во многом (если не полностью) организован вокруг интуиции, что там вовне есть реальность — за пределами нас самих. ... Большинство из нас, думаю, неявно предполагают, что эта внешняя реальность обычно независима от наших действий и, в особенности, от наших восприятий. ... Другое, до некоторой степени родственное, допущение здравого смысла состоит в том, что внешняя реальность возникает до нас, она нам предшествует. ... Следующее допущение здравого смысла: внешняя реальность имеет множество определенных форм или отношений, или образована ими. ... Еще одно допущение здравого смысла сводится к тому, что мир является общим, совместным. Он везде один и тот же». — Там же. С. 55-58.

¹⁵ Там же. С. 21.

¹⁶ Квантовая механика, по мнению известного итальянского философа Э. Агацци, постулирует невозможность «представить себе объект, который оставался бы незатронутым самим процессом его наблюдения или применяемыми к нему проце-

гии В.С. Степина) *рациональность* вводит субъект-объектное отношение в исторический и социокультурный контекст, определяемый исторической ситуацией, ценностями, интересами и потребностями субъекта. Одновременно классический, неклассический и постнеклассический типы рациональности отличаются также типами объектов исследования: простые механистические системы характерны для классической науки, сложные саморегулирующиеся системы свойственны неклассическому типу рациональности, сложные саморазвивающиеся системы отличают постнеклассику¹⁷. В то же время, становление постклассической рациональности и научной картины мира не отрицает существование в науке неклассической и классической методологии и ее важности для конкретных научных исследований, относящихся к относительно простому типу или уровню. Как справедливо утверждает В.С. Степин, возникновение «каждого нового типа рациональности не приводит к исчезновению предшествующих типов, а лишь ограничивает сферу их действия. При решении ряда задач неклассический и постнеклассический подходы могут быть избыточными и можно ограничиться классическими нормативами исследования. Научная рациональность на современной стадии развития науки представляет собой гетерогенный комплекс со сложными взаимодействиями между разными историческими типами рациональности»¹⁸. В то же время сегодня очевидно, что для анализа социальных (и правовых) явлений и процессов постсовременного, информационного «общества риска» наиболее адекватной является именно постклассическая методология.

Постклассическая методология отличается от классической так называемыми «*качественными*» *методами* научных исследо-

---

дурами измерения». – Агацци Э. Научная объективность и ее контексты. М., 2017. С. 33.

¹⁷Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика. С. 250 и след.

¹⁸ Степин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы: Материалы международной научной конференции «Рациональность и её границы» в рамках заседания Международного института философии в Москве (15-18 сентября 2011 г) / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. М., 2012. С. 18.

ваний. Эти методы образуют интерпретативную программу, которая предполагает, что социальные (и юридические) процессы «могут быть осмыслены только через интерпретацию того, как люди понимают окружающий мир и выражают свое понимание посредством языка, образности, личностного стиля, общественных ритуалов и т. д.»¹⁹. Социальный мир (и мир права) – это не люди, их действия и результаты таковых, а смыслы и значения, приписываемые людьми самим себе, своим действиям и их результатам. Поэтому недостаточно зафиксировать количественными методами изменения, которые происходят в мире; необходимо выяснить какое значение приписывается этим внешним процессам и явлениям и какими мотивами (смыслами) руководствовались акторы (носители статусов субъектов права) этих процессов и явлений. Это принципиально важно хотя бы потому, что «причинами» социальных (и юридических) действий и явлений являются психические процессы интериоризации внешних ситуаций в мотивацию, а затем в поведение людей.

«Качественное исследование - это стратегия, в которой основной акцент смещается от числовых параметров к словесным описаниям данных и их анализу в качестве стратегии исследования. Оно является индуктивистским, конструкционистским и интерпретативистским...»²⁰. К качественным методам в социальных науках относят включенное наблюдение, интервью в качественном исследовании, анализ фокус-групп, конверсационный анализ, дискурс-анализ, анализ документов как источник данных (личные документы, в том числе дневники, письма и автобиографии, визуальные объекты; публичные документы), качественный анализ данных (аналитическая индукция, «обоснованная теория», нарративный анализ и др.)²¹.

---

¹⁹ Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М., 2011. С. 12.

²⁰ Браймен А., Бэлл Э. Методы социальных исследований / пер. с англ. Харьков, 2012. С. 394.

²¹ Там же. С. 443-633. О. А. Леонтович к качественным методам коммуникативного анализа относит также: кейс-метод, контент-анализ, риторический анализ, семиотический анализ, концептологический анализ, методы теории координированного управления смыслами, методы исследования межкультурной коммуни-

Применительно к исследованию генезиса права наиболее эвристически ценным представляется постструктуралистская идея диалога как взаимодополнительности структуры и действия или традиции и воли. Именно это положение теории структуризации Э. Гидденса или хабитуса П. Бурдьё (шире – его генетического структурализма) воспринято постклассической методологией права.

Любое социальное явление диалогично в том смысле, что оно одновременно и уникально, и типично (социально), а социальный институт (например, право) – это система связей между безличностными социальными статусами, объективированными в соответствующем ментальном представлении, и реализация этих связей в фактически совершающихся взаимодействиях персонифицированных индивидов. Другими словами, диалог – это отношение Я – Ты, за которым всегда скрыто Оно: это уникальная встреча двух личностей, которая трансформируется в типизированную безличностную связь, а затем в последующие фактические взаимодействия.

В окружающем нас мире фактически существуют единичные люди и взаимодействия между ними. Однако в силу необходимости экономии мышления конкретные жизненные ситуации, так же, как и их участники, объективируются человеческим сознанием в статичные формы, подводятся (в юриспруденции для этого существует специальный термин – квалифицируются) под знакомые типичные взаимодействия. В силу такой объективации они наделяются (в массовом представлении) сверхъестественными, надындивидуальными чертами и «превращаются» в субстанциональные сущности. При этом люди в таких ситуациях ведут себя так, как если бы они были такими (сверхъестественными) на самом деле. В результате происходит «удвоение» социальной реальности: над фактическими взаимодействиями «надстраиваются» социальные роли, выражающиеся, например, в правовых статусах неперсонифицированных субъектов. Все это и есть структурирование соци-

---

кации, методы анализа культурных значений и смыслов, методы лингвистических исследований // Леонтович О. А. Указ. соч. С. 33-159.

альной (и правовой) реальности как необходимый ее аспект. В то же время структура существует, только если воспроизводится действиями (практиками) конкретных людей – носителей, в нашем случае, статуса субъектов права. Более того, субъекты или акторы – это люди, обладающие реальной возможностью создавать и изменять социальные структуры²². «Генетический структуризм» П. Бурдьё – это поиск диалектики структуры и действия с помощью понятия практики. Объективные структуры для П. Бурдьё – это продукты исторической борьбы, в которой агенты участвуют в соответствии с занимаемыми ими в социальном поле позициями, которые инкорпорированы в их сознании и воплощаются в действиях²³. Хабитус – одно из важнейших понятий в теории П. Бурдьё – это ментальные или когнитивные структуры, посредством которых люди действуют в социальном мире, выступающие результатом интериоризации структур социального мира²⁴.

Все это же относится к диалогу традиции и воли. Социальные структуры образуют традиции, которые обуславливают волю конкретных акторов. Традиция – это «универсальная форма фиксации, закрепления и избирательного сохранения тех или иных элементов социокультурного опыта, а также универсальный механизм его передачи, обеспечивающий устойчивую историко-генетическую преемственность в социокультурных процессах. Тем самым Т. включает в себя то, что передается (признанный как важный и необходимый для нормального функционирования и развития социума и его субъектов определенный объем социо-

---

²² Э. Гидденс настаивает на том, что актер перестает быть агентом, если утрачивает способность изменять социальный мир. При этом структура для Гидденса – это правила и возможности, свойства, благодаря которым заметно схожие социальные практики могут существовать в различные промежутки времени и пространства и которые придают им системный вид». - Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*, Berkely: University of California Press, 1984. P. 17. Структура для Гидденса «существует только в ходе и посредством действий социальных агентов». - Giddens A. *A Reply to My Critics* // D. Held, J. B. Thompson (eds.). *Social Theory of Modern Societies: Anthony Giddens and His Critics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998. P. 256.

²³ Bourdieu P. In *Other Words: Essays Toward a Reflexive Sociology*. Cambridge: Polity Press. 1990. P. 14.

²⁴ Bourdieu P. *Social Space and Symbolic power* // *Sociological Theory*. 1989. № 7. P. 18.

культурной информации), и то, как осуществляется эта передача, т.е. коммуникативно-трансляционно-трансмутационный способ внутри- и межпоколенного взаимодействия людей в рамках той или иной культуры (и соответствующих субкультур) на основе общего понимания и интерпретации накопленных в прошлом данной культуры (и соответствующих субкультур) смыслов и значений»²⁵. В то же время, если исходить из положения «генетического структурализма», то придется признать, что в основе любого социального института (и, следовательно, в основе любой традиции) лежит «первичный произвол» и последующая «социальная амнезия» (по терминологии П. Бурдьё, воспринявшего ее у Б. Паскаля). Отсюда вытекает концепция «созданности (или сконструированности) традиций» Э. Хобсбаума²⁶ и теория «воображаемого сообщества» Б. Андерсона²⁷.

Генезис права как его постструктуралистская генеалогия.

Постструктурализм – это радикальная критика логоцентризма как основания всей западной цивилизации (неотделимой от культуры) и, как следствие, стремление преодолеть структуралистскую методологическую программу, нацеленную на поиск вездесущей, хотя и скрытой от непосредственного наблюдения, структуры. Именно структура определяет преемственность исторического процесса, считалось очевидным до вт. пол. XX в. «Фундаментальные понятия, которые сейчас настоятельно необходимы, - писал М. Фуко, - это уже не понятия сознания и непрерывности (с соответствующими проблемами свободы и причинности), равно как и не понятия знака и структуры. Это понятия события и серии с игрой сопряженных с ними понятий: регулярность, непредвиденная случайность, прерывность, зависимость, трансформация. ... Эффективная история, противопоставляемая традиционной “истории историков”, имеет дело с событием. Событие - ее онтологическая

---

²⁵ Абушенко В. Л. Традиция // Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терешенко. Мн.: Книжный Дом, 2003. С. 1134.

²⁶ Hobsbawn E., Ranger T. (eds.) *The Invention of Tradition*. Cambridge, 1983.

²⁷ Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

характеристика. Под ним “надо понимать, - говорит Фуко, - не решение, договор, какое-то царствование или битву, но баланс сил, который вдруг меняет свою направленность, захваченную власть, словарь, которым овладели и обратили против тех, кто его первоначально использовал, падающее господство, отравляющее само себя, и внезапно врывающееся новое господство, выступающее в маске”»²⁸. И хотя сам Фуко не относил себя к представителям постструктурализма, таковым фактически являлся, высказывая, в том числе, подобного рода утверждения.

Постструктурализм предполагает «включение познающего историю субъекта в ее теоретическую картину. Речь идет, - по мнению В. П. Визгина, - об учете самой исторической концепции (шире: вообще любой относящейся к обществознанию конструкции) как фактора, формирующего историческую, соответственно, общественную реальность. В неклассической физике, в частности в квантовой механике, подобное проникновение субъекта в объект познания произошло и было осмыслено методологически раньше, чем это случилось в гуманитаристике, хотя, надо сказать, прорыв к неклассической парадигме, к преодолению жесткой дихотомии мира (субъект и объект) просматривается уже в таких симптоматических событиях европейской культурной истории, как философия Ницше, под знаком которой во многом и произошел переход от структурализма с его неоклассическим рационализмом к постструктуралистскому неоиррационализму власти, воли, желания»²⁹.

Примером постструктуралистского анализа истории западной цивилизации (и культуры) является программа генеалогии М. Фуко или генетического структурализма П. Бурдьё. В работе «Ницше, генеалогия, история» (1971), Фуко «подвергает критике представление о едином истоке или начале происхождения вещей (*Ursprung*), раскрывая основания и стиль «генеалогической» истории. “Началу” как общему унифицирующему вещи истоку их

---

²⁸ Фуко М. Воля к истине. М., 1996. Цит. по: Визгин В. П. На пути к Другому: От школы подозрения к философии доверия. М., 2004. С. 549.

²⁹ Визгин В. П. На пути к Другому: От школы подозрения к философии доверия. М., 2004. С. 568.

происхождения Фуко, излагая “генеалогию” Ницше, противопоставляет “историческое начало”. “Генеалогист – говорит он, - нуждается в истории, чтобы заклясть химеру начала”»³⁰.

Предметом внимания исследователя для Фуко, считает Ю. П. Зарецкий, «являются не “готовые” объекты прошлой реальности, функционирующие и взаимодействующие как данности (что для традиционных историков является привычным или даже аксиоматичным), а сам процесс возникновения этих объектов, превращения их в самих себя»³¹. «История служит для того, - говорил он в одном из интервью, - чтобы показать, что то, что существует, не существовало вечно, т. е., что вещи, кажущиеся нам наиболее очевидными, всегда возникают в результате стечения противоречий и случайностей, в ходе непредсказуемой и преходящей истории»³².

Генетический структурализм П. Бурдьё³³ наглядно демонстрирует взаимодополнительность воли и традиции. Знаменитый пассаж французского социолога, лежащий в основе его программы, состоит в выявлении объективации «первичного произвола», лежащего в основе любого социального (и правового) института.

---

³⁰ Там же. С. 546.

³¹ Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: теория, история, историография. М., 2011. С. 196.

³² Цит. по: там же. С. 199.

³³ «Генетический структурализм ... я считаю конститутивным для социальной науки в целом ... который состоит в той идее, что один из способов понять работу социального – это проанализировать его генезис, /.../ Генетический структурализм отличается от обычного подхода к истории, во-первых, тем, что он пытается выписать то, что значит делать то, что он делает. Во-вторых, тем, что он проясняет, какова специфическая логика исторического изменения, а также логика исторических реалий, в частности полей. В-третьих, когда речь о дифференцированных обществах, внутри которых сложилось государство как обособившийся регион, существующий наравне с остальными обособившимися регионами, социолог знает, что его предметом являются отдельные частные универсумы, поля: когда он занимается литературной историей, историей искусства, государства или конституционного права, он изучает генезис социальных игр, которые я называю полями. Все сказанное мной можно суммировать так: по моему мнению, исторический проект, которым я занимаюсь, состоит в изучении генезиса особого поля, которое я могу - для простоты изложения – сравнить с игрой...». – Бурдьё П. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992) / (ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пуло, М.-К. Ривьер); пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой; предисл. А. Бикбова. М., 2016. С. 196, 206.

П. Бурдьё утверждал вслед за Б. Паскалем: в основе любого социального института лежит первоначальный произвол³⁴, который с помощью механизма социальной амнезии по прошествии некоторого времени начинает выдаваться за «естественный ход вещей». Близкую программу формулирует Э. Лаклау, который полагает, что в основе любого социального института лежит учреждающий его акт власти, который в условиях фундаментальной неразрешимости социального состоит в предпочтении одного правила организации практик всем существующим альтернативам («первичный произвол» - по отношению к действующей нормативной системе), и который с помощью механизма «забывания происхождения» (у П. Бурдьё – «амнезия происхождения») седиментируется, то есть превращается в социальный институт, якобы сложившийся сам собой³⁵. При этом принципиально важно определить кто, когда и почему совершает «первичный произвол» и как он затем «амнезируется» (объективируется, часто реифицируется и воспринимается как некая естественная, объективная данность).

Любое действие (экстернализация – по терминологии П. Бергера и Т. Лукмана) совершается, конечно, людьми. Однако нормативную (или противоправную, оцениваемую так через некоторое время с позиций господствующей социальной группы) инновацию в состоянии продуцировать не любой человек, а правящая элита и (иногда – или) референтная группа. Именно они формируют первичный образец поведения, который может стать нормой, а может и нет. Это зависит от множества внешних факторов, интериоризируемых в массовое общественное сознание. Другими словами, превращение первичной инновации в норму обеспечивает ее (инновации) легитимация – принятие широкими народными массами. В силу трудно поддающемуся расчету полезности (по терминологии неoinституциональной экономической теории) для представителей разных социальных групп населения правовой инновации, ее легитимация обуславливается авторитетом правящей элиты и референтной груп-

---

³⁴ «Основа закона есть не что иное, как произвол», — Бурдьё П. За рационалистический историзм // Социологос постмодернизма. М., 1996. С. 15.

³⁵ Lacklau E. New Reflections on the Revolution of Our Time. London, 1990. P. 160.

пы. В то же время нельзя сбрасывать со счета «сопротивление структуры» (по терминологии Р. Харре и Б. Латура)³⁶.

Внесение изменения в существующий правопорядок, условно говоря, включает *две стадии*. На *первой стадии* правящая элита (или референтная группа, если речь идет о формировании нового правового обычая) в соответствии с процессуальным законодательством разрабатывает и принимает новый нормативно-правовой (например) акт. Для этого должны быть некоторые причины как объективного, так и субъективного плана: должны произойти некоторые изменения в обществе, которые оцениваются элитой в качестве нежелательных, вызывающих как минимум чувство обеспокоенности. Это и побуждает предложить инновацию применительно к действующему правопорядку.

Обнаружить единственную причину формирования инновативного образца правового института в принципе невозможно. В основе такой инновативной, креативной деятельности (представители социального конструктивизма называют ее экстернализацией) лежит сложная конфигурация общественных отношений, вызывающая неудовлетворенность как у элиты, так и у широкой общественности (чаще всего элита откликается на имплицитный, неартикулированный «запрос» или «заказ» народных масс), которая предшествует реформе. Вместе с тем индивидуальные артикуляции (термин предложили Э. Лакло и Ш. Муфф) и действия никогда не бывают точными копиями сложившегося образца; они, исходя из изменяющегося контекста, постоянно видоизменяют его сперва в рамках допустимого «люфта», а затем могут трансформировать в новый институт. Эта потенциальная изменчивость лю-

---

³⁶ Harre R. *Social Being*. 2-nd ed. Oxford, 1993; Latour B. When things strike back: a possible contribution of “science studies” to the social science // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. № 1. Об этом же, в принципе, пишет Я. И. Гилинский применительно к конструированию девиантности: «Общество “конструирует” свои элементы на основе некоторых онтологических, бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой жизнедеятельности причиняют определенный вред, наносят ущерб, а потому негативно воспринимаются и оцениваются другими людьми, обществом». – Гилинский Я. И. *Конструирование девиантности: проблематизация проблемы (вместо предисловия) // Конструирование девиантности / Монография. Составитель Я. И. Гилинский. СПб., 2011. С. 10-11.*

бой устойчивой структуры (института) обусловлена тем, что всякий знак (следовательно, и всякий институт как совокупность знаков с семиотической точки зрения) не имеет однозначного объективного значения³⁷. Социальная практика, оперирующая знаками, переопределяет их значения как в рамках структуры, так и выходя за ее границы и создавая тем самым новую структуру. Таким образом формируется представление об объективности социальной структуры (института), ее естественности. Однако так понимаемая объективность — это исторический результат политических процессов и борьбы за гегемонию навязывания своего символического видения мира. Объективность, как утверждает Э. Лакло, — это маскировка изменчивости, сокрытие альтернативных возможностей иных значений³⁸.

В результате инновационной деятельности принимается новый нормативно-правовой акт или складывается обычай (сначала среди узкой группы его адептов). Однако принятие закона, как и формирование «локального» обычая, еще не гарантирует его превращение в действующее право, его вхождение в реальный правопорядок. Для этого требуется легитимация этого нововведения широкими народными массами — содержание *второй стадии*. Именно за народом остается окончательное слово в вопросе о том, будет ли отобрана историей соответствующая правовая инновация. При этом общественное мнение формируется в сложной борьбе властных акторов за «право официальной номинации социального мира» (П. Бурдьё). Символическая власть, победившая в этой борьбе, натурализирует «более или менее произвольные

---

³⁷ Каждая конкретная фиксация значения знака условна, поэтому дискурс никогда не бывает зафиксированным настолько, чтобы не изменяться из-за разнообразия значений из области дискурсивности. - Laclau E., Mouffe C. *Gegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London, 1985. P. 110.

³⁸ Laclau E. *New Reflections on the Revolution of Our Time*. London, 1990. P. 89. Докса как принимаемое на веру как само собой разумеющееся знание, утверждал П. Бурдьё, «устанавливается в результате борьбы между властвующими и подвластными...». — Бурдьё П. О государстве. С. 337.

посылки», стоявшие у истоков соответствующего правового института³⁹.

Примеры применения обрисованной выше программы существуют в исторической и в историко-правовой науке. Среди них можно назвать анализ образования современного централизованного государства из «специфических интересов юристов..., которые создают разного рода легитимирующие теории, согласно которым король представляет общественные интересы и имеет право на полную безопасность и справедливость, ограничивает компетенцию феодальной юрисдикции»⁴⁰. Интересный и поучительный пример «социальной амнезии», создающей видимость объективности, естественности политико-правового института (английской конституции, сыгравшей роль политического образца в развитии конституционных учреждений) приводит Н. Н. Алексеев: «Сама по себе конституция эта была чистым продуктом иррационального исторического творчества. Она была постройкой, которая производилась не по выработанному плану, но которая исторически слагалась и росла, как строятся старые города. И как старые города с их запутанными и узкими улицами, и старыми дома-

---

³⁹ Бурдые П. О государстве. С. 238. «Институт добился успеха, если ему удалось себя навязать [как нечто самоочевидное]. Напомню вам определение института, которым я пользуюсь: институт существует дважды, он существует объективно и субъективно, в вещах и в умах, Успешный институт, способный существовать одновременно и в объективности норм, и в субъективности ментальных структур, к этим нормам привязанных, перестает представляться институтом. О нем перестают думать как о существующем *ex instituto* “из установления”. (Лейбниц применял это выражение *ex instituto* к языку, имея в виду, что язык не имеет иного основания, кроме акта его установления.) Институт, добившийся успеха, забывает сам себя и заставляет забыть о себе как о чем-то таком, что было рождено, у чего было начало», - там же.

⁴⁰ Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика (сборник статей). Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. СПб., 1999. С. 146. В другом месте он пишет: «[Необходимо] понять, каким образом — в силу и по причине их специфического капитала и их частных интересов — обладатели юридической компетенции были подведены к тому, чтобы порождать дискурс государства, который при всем том, что служил оправданием их позиции, представлял государство — *fictio juris*, которое мало помалу перестало быть простой выдумкой юристов и превратилось в самостоятельный порядок, способный принудить к повсеместному подчинению его задачам и его функционированию и заставляющий признать его устои». — Там же. С. 160.

ми, английская конституция обладала истинным историческим стилем, но в то же время была неудобна, если угодно, непрактична. В ее элементах не было никакой логики, но она вся была основана на символах, фикциях, пережитках, привычках. Последующая конституционная теория потратила немало остроумия, чтобы рационально защитить существование двух палат, но английские две палаты — лорды и общины — создавались без всякой теории, как результат многовековых влияний, борьбы интересов, различных компромиссов, соглашений. Без всякой теоретической логики, без плана выросла и английская система парламентарного министерства. Мы уже не говорим о потомственной монархической власти, основы которой целиком построены на исторических традициях. И вот эти три чисто иррациональные исторические категории — король, палаты, ответственное министерство, были превращены западной политической мыслью в род нормальной, отвечающей требованиям логики и справедливости политической системы»⁴¹. В свое время автору этих строк удалось показать, как в нашей стране возник институт административных правонарушений, принципиально отличающийся от того, что понималось под этим институтом в дореволюционной России и в западных государствах⁴². Микроанализ образования института строгого и сурового тюремного заключения (*paine forte et dure*) в средневековом английском праве проведен М. К. Ивиной⁴³.

Таким образом, генетическая постклассическая методология предлагает несколько иной, по сравнению с классической (и, смею надеяться, более адекватный историческим и социокультурным реалиям постииндустриального, информационного, глобального мира), подход к анализу генезиса права, эвристичный для историко-правовой науки. В ней акцентируется внимание не на органической преемственности и саморазвитии изучаемого института

---

⁴¹ Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Русский народ и государство. М., 1999. С. 458–459.

⁴² Честнов И. Л. Институт административных правонарушений в системе права // Автореф. дисс... канд. юрид. наук. СПб., 1994.

⁴³ Ивина М. К. Институт строгого и сурового тюремного заключения (*paine forte et dure*) в средневековом английском праве // Автореф. дисс... канд. юрид. наук. СПб., 2012.

права (не очень понятно, как оно происходит – развитие «изнутри»), а на исходном, практически всегда случайном, противоречивом моменте зарождения и последующем развитии как прерывном процессе борьбы властных акторов за его, института права, официальную номинацию. Конечно, такая программа нуждается в научной проработке, в частности проблемы взаимодополнительности внешних факторов, влияющих на генезис права и их интерпретации правовой культурой основных властных сил данного социума. Однако именно такой подход гораздо более плодотворен по сравнению с традиционной концепцией.

Список литературы

1. Абушенко В. Л. Традиция // Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Мн.: Книжный Дом, 2003.
2. Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон-Бахтин-Лотман-Гаспаров. М., 2009.
3. Агацци Э. Научная объективность и ее контексты. М., 2017.
4. Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Русский народ и государство. М., 1999.
5. Андерсен Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
6. Браймен А., Бэлл Э. Методы социальных исследований / пер. с англ. Харьков, 2012.
7. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика (сборник статей). Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. СПб., 1999.
8. Бурдые П. За рационалистический историзм // Социологос постмодернизма. М., 1996.
9. Бурдые П. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992) / (ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер); пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой; предисл. А. Бикбова. М., 2016.
10. Визгин В. П. На пути к Другому: От школы подозрения к философии доверия. М., 2004.
11. Гишинский Я. И. Конструирование девиантности: проблематизация проблемы (вместо предисловия) // Конструирование девиантности / Монография. Составитель Я. И. Гишинский. СПб., 2011.

12. Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: теория, история, историография. М.: Новое литературное обозрение. 2011.
13. Ивина М. К. Институт строгого и сурового тюремного заключения (*raie forte et dure*) в средневековом английском праве // Автореф. дисс... канд. юрид. наук. СПб., 2012.
14. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М., 2011.
15. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой. Науч. ред. перевода С. Гавриленко. М., 2015.
16. Михайлов А. М. Генезис континентальной юридической догматики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / Отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб., 2009.
17. Степин В. С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Рациональность и ее границы: Материалы международной научной конференции «Рациональность и её границы» в рамках заседания Международного института философии в Москве (15-18 сентября 2011 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский. М., 2012.
18. Фуко М. Воля к истине. М., 1996.
19. Честнов И. Л. Институт административных правонарушений в системе права // Автореф. дисс... канд. юрид. наук. СПб., 1994.
20. Честнов И. Л. Постклассическая методология юридических исследований // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 2 (76).
21. Bourdieu P. Social Space and Symbolic power // Sociological Theory. 1989. № 7.
22. Bourdieu P. In Other Words: Essays Toward a Reflexive Sociology. Cambridge, 1990.
23. Giddens A. A Reply to My Critics // D. Held, J. B. Thompson (eds.). Social Theory of Modern Societies: Anthony Giddens and His Critics. Cambridge, 1998.
24. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration, Berkely, 1984.
25. Harre R. Social Being. 2nd end. Oxford, 1993.
26. Hobsbawn E., Ranger T. (eds.) The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.
27. Lacklau E. New Reflections on the Revolution of Our Time. London, 1990.

28. Laclau E., Mouffe C. *Gegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London, 1985.

29. Latour B. When things strike back: a possible contribution of “science studies” to the social science // *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. № 1.

Кожевина Марина Анатольевна

Наука истории русского права: генезис, методы познания, место в современном историко-правовом знании

Вопрос о генезисе (зарождении) отрасли науки и научной дисциплины, о том, что послужило началом, явилось толчком к становлению и развитию, отнюдь, не праздный. В первую очередь он связан с самим понятием науки, выделением ее признаков, с выявлением и отграничением предметной области, определением методов познания, с выявлением степени социальной востребованности научного знания. В логической связи с указанным находится вопрос о периодизации истории науки, о методологии науки, о социальном предназначении науки. При всей, казалось бы, очевидности решения этих вопросов в общем плане, в современном отечественном правоведении он не нашел широкого обсуждения и освещения, не предпринимались попытки унифицировать сложившиеся научные позиции в определении значимых дефиниций (науки, научной дисциплины, предмета науки истории права и т. п.), в установлении единых или близких по звучанию критериев периодизации истории отечественной юридической науки и ее научных дисциплин и т. д. Однако весь спектр обозначенного является базовым для любой науки, так как позволяет не только укрепить автономность специализированной сферы знания, но и спроектировать перспективность развития, задать диапазон научного поиска.

Современная историко-правовая наука, прежде всего история права и государства России (изначально наука истории русского права) не в меньшей степени, чем другие юридические научные дисциплины, нуждается в рефлексии, так как занимает свое место

в системе юридических знаний. Она развивалась, выполняя на разных этапах определенную роль в исследованиях российской правовой действительности. Обладая междисциплинарным потенциалом, который проявляется как во внешнем взаимодействии с другими науками, так и во внутреннем с предметной областью теоретико-правовых и отраслевых дисциплин, она заметно влияла и влияет на выбор познавательного инструментария и форм популяризации полученных научных результатов.

Любое научное знание отличается объективностью, предметностью, воспроизводимостью, доказательностью, проверяемостью. Сложность реализации этих научных принципов заключается в том, что общественные отношения, как предмет познания гуманитарных наук, находятся в постоянной динамике, лишь на короткое время фиксируют те или иные формы человеческого взаимодействия, поэтому могут быть верифицированы только в ретроспективе. В этой связи актуализируются исторические знания вообще и специальные в частности, в первую очередь историко-правового характера в вопросах фактологии, источниковедения и историографии, то есть знания о том, что было, где зафиксировано, как изучалось и как стало достоянием общества. Этот фактор усиливается постнеклассическими тенденциями развития науки, ориентированными на социальный заказ.

В числе познавательных средств, позволяющих адекватно реагировать историко-правовой науке на запросы времени, мы бы обозначили науковедческий подход. Методы современного науковедения способствуют детальному исследованию закономерностей становления и развития науки, выявлению ее структуры и направлений деятельности, выделению взаимозависимых коммуникаций с другими социальными институтами, материальной и духовной жизнью общества. Науковедческий подход к изучению истории права обеспечивает формирование комплексного взгляда на сложившийся опыт, который может быть экстраполирован в современность в качестве источника дальнейшего эффективного развития.

Таким образом, определим основные методологические и конкретно-исторические аспекты обозначенной темы в науковед-

ческом контексте. Вначале обозначим свое понимание основных дефиниций. Наука – это та сфера общественной жизни, которая является «фабрикой» нового знания об окружающей действительности. В отличие от иных видов социальной деятельности она имеет творческий характер, тесно связана с поиском и отграничением репрезентативного комплекса источников познания, с их всесторонним изучением, а также с последующим теоретическим обобщением полученных знаний. Результат такого творчества может быть признан научным, если практика подтвердит правильность выводов. Наука – это социальный институт, то есть структурированная, строго организованная сфера общественных отношений, выполняющая ряд социально значимых функций. Ее следует рассматривать как систему взаимосвязанных подсистем – отраслей науки, научных дисциплин и т. п. В связи с чем допустима аналогия в исследовании истории отдельной отрасли, научной дисциплины. Метод экстраполяции в части выявления структуры и признаков науки в обозначенном контексте (наличие или отсутствие отдельных из них) позволяет выявить, на какой стадии формирования находится не только сама наука, но и ее институциональные компоненты – либо на стадии протонауки (преднауки, донауки), либо в состоянии генезиса, либо уже проявляется как полноценная наука (отрасль, дисциплина).

Юридическая наука как отрасль науки исследует определенную предметную область объективной действительности – право во всех его проявлениях. Поэтому неоднородна и включает определенное количество структурных элементов, каждый из которых нацелен на исследование части этой предметной области, т. е. образует научную дисциплину. Присоединимся к мнению о том, что научная дисциплина как структурный компонент отрасли науки (для нас наука истории русского права как часть юридической науки) принадлежит «фундаментальная роль», так как посредством дифференциации она позволяет отделить совокупность определенных знаний, оформить ее в специфическую область, отличающуюся по сравнению с иными, своим предметом и методологией познания. В рамках научной дисциплины теоретическое и эмпирическое знание приобретают системность в соответствии с

исторически сложившимися социокультурными нормами и идеалами науки⁴⁴.

Научная дисциплина зарождается и «вызревает» в рамках научной отрасли, в нашем случае история русского права как наука формируется в недрах отечественной юридической науки на основе специализации историко-правового знания, то есть в недрах истории права как общего направления. Вместе с тем она находится в историко-генетических связях с другими сферами гуманитарного знания, поэтому ее детерминация определяется многофакторностью внутреннего и внешнего взаимонаправленного воздействия, обуславливается как внутренними потоками в развитии юридической науки, нацеленными на автономизацию историко-правовых знаний, так и внешними – социальной и политической востребованностью. «Научная дисциплина образует инвариантную, относительно устойчивую структуру знания»⁴⁵, что обеспечивает целостность процесса развития и преемственного знания разных поколений ученых. Следует подчеркнуть, что феномен научной дисциплины неразрывно связан с феноменом самой науки, который имеет наряду с познавательными (когнитивными) и социальные (организационные, коммуникативные) признаки⁴⁶.

Имея в виду вышеизложенное, отметим, что повышенное значение приобретает вопрос генезиса науки истории русского права и периодизации ее истории, выявления предпочтительных методов познания и их эффективности на различных этапах развития научной дисциплины. К сожалению, бытует мнение, что отечественная историко-правовая наука, как и юридическая в целом, имеет многовековую историю, является частью истории Российского государства. Это действительно так, только исторический путь отечественной научной юриспруденции намного короче, чем представляется. Этот факт был признан еще в дореволюционный

---

⁴⁴ Огурцов А. П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. (А. П. Огурцов. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М., 1988, 256 с.): автореферат дис. ... доктора философских наук: 09.00.01 / АН СССР. Ин-т философии. М., 1990. С. 3.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

период. На рубеже XIX-XX столетий профессор Н.П. Загоскин, анализируя небольшой опыт отечественной историко-правовой науки, писал: «Наука истории русского права – наука совсем молодая, не насчитывающая еще и треть четвертей века своего существования. Мы видели, что в течение всего XVIII и первой четверти XIX столетий о самостоятельной научной постановке истории русского права не может еще идти и речи, что зачатки русского историко-юридического знания совершенно заслонялись в ту пору развивающеюся общей русской историей. Да вряд ли может идти до конца XVIII века речь и о русской науке правоведения, вообще. Зарождение на Руси юриспруденции – явление позднее...»⁴⁷.

Приведенная цитата (как ни парадоксально, малоизвестная современным историкам права) в полной мере раскрывает вектор исследования обозначенной темы, а именно: определение времени зарождения и этапов развития отечественной юридической науки и научных дисциплин историко-правового характера. Вместе с тем нацеливает на глубокое погружение в каждый из указанных самостоятельных сюжетов, но одновременно находящихся в неразрывной связи. Процесс развития науки историчен. Поэтому можно выделить несколько его стадий: стадию складывания предпосылок или донаучную (протонаучную), стадию генезиса и стадию развития. Последняя может включать несколько этапов, раскрывающих эволюцию науки. Детерминирующим фактором когнитивной институционализации научной дисциплины будет служить научный интерес к решению конкретной познавательной задачи. Он рельефно проявляется тогда, когда вся совокупность объективных и субъективных факторов, необходимых для понимания общественной востребованности научного знания об определенном объекте (в нашем случае истории русского права), сложилась и находится во взаимодействии с общественным интересом.

С этих позиций рассмотрим процесс зарождения и формирования истории русского права (в современном звучании – истории

---

⁴⁷ Загоскин Н. П. История права русского народа: Лекции и исследования по истории русского права. Казань, 1899. Т. 1. С. 72-73.

права и государства России) как науки. Ее генезис был обусловлен всем XVIII столетием. Обозначим его как донаучную (протонаучную) стадию. Важность такой стадии, по меткому выражению Г. С. Фельдштейна, «эмбриональной», неоспорима, так как в ее недрах формируются основные черты будущей науки и научной дисциплины, обуславливаются факторы, обеспечивающие ее устойчивое развитие в дальнейшем. История русского права, в отличие от классических отраслевых юридических дисциплин, зарождается в недрах двух наук – юридической и исторической. Однако прежде чем этот момент произойдет, необходимо было, чтобы каждая из этих наук в основных своих признаках сложилась и функционировала как система. История свидетельствует, что обе науки в России возникают к концу XVIII столетия, но развиваются по-разному. Наиболее активно – история, этот процесс стимулируется государством. Появляются различные организационные формы науки, а именно: историческое отделение в Императорской академии, создается Российская академия наук, вводится государственная должность историографа, поддерживается архивоведение как государственная служба и т. д. Юриспруденция несколько отстает в силу приоритета практической направленности, воспринимается вплоть до второй трети XIX века как ремесло, законоискусство. Однако предпосылки научного развития правоведения (в обозначенное время предпочтительным было понятие законоведения) начинают складываться уже в начале-середине XVIII века.

Становление юридической науки в России предвосхищают реформы Петра Великого. Они обозначили и в полной мере раскрыли основные детерминанты институционализации юридической науки и ее дисциплин. К их числу мы бы отнесли: а) формирование источниковой базы научной дисциплины посредством официальной и неофициальной (частной) систематизации отечественного законодательства; б) формирование профессионального юридического сообщества, в недрах которого зарождалось научное сообщество историков русского права; в) способствующая этому развивающаяся система общего и юридического образования, создание Императорского Московского университета; г) со-

здание организационных форм научного сообщества (Императорская Академия наук, Русская академия, научные общества, научные экспедиции, кафедра русского законовения Императорского Московского университета и т. п.); д) развитие форм популяризации исторического и юридического знания российской действительности (научно-популярные сборники и журналы, создание библиотек и т. д.).

Начало – первая половина XIX столетия ознаменованы рядом знаковых событий, фактически обеспечивших выделение истории русского права в самостоятельную область научного знания. В этом процессе наблюдаются два взаимонаправленных потока объективно-субъективного характера. С одной стороны, государство последовательно инициирует реформы в образовании, законодательной сфере, в науке. С другой, научная общественность поворачивается лицом к истории отечественного права, подпитывая свой интерес повышенной востребованностью укрепления национального самосознания и идентичности.

Организирующим началом в процессе формирования профессионального сообщества историков русского права следует считать «Предварительные правила народного просвещения», утвержденные 24 января 1803 года. Согласно «Правилам...» на территории страны создавалось шесть учебных округов, центрами которых становились университеты: Московский, Санкт-Петербургский, Казанский, Харьковский, Виленский и Дерптский. В качестве основополагающего документа, определившего статус университетов, следует рассматривать Устав Императорского Московского университета 1804 г. Аналогично ему были составлены Уставы Харьковского и Казанского университетов, с некоторыми изменениями – Дерптского и Виленского университетов, более поздние Уставы университетов носили универсальный характер, но в полной мере сохраняли и развивали положения первых, способствующих становлению отечественной юридической науки. «Внутреннее устройство университетов, – писал М. И. Сухомлинов, –

давало им независимое и почетное положение в общественной среде и благотворно действовало на дух ученой корпорации»⁴⁸.

Факультетская структура отражала представления власти о структуре развивающихся в России наук, в числе которых была и юриспруденция, что нашло отражение в «Положении о производстве в ученые степени», утвержденном 20 января 1819 г. Но следует оговориться, несмотря на то, что законоведение мыслилось как наука, в этот термин вкладывался отличный от современного смысл, о чем свидетельствует первый пункт первой главы Устава 1804 г.: «В нем (в университете – М. К.) приуготовливается юношество для вступления в различные звания государственной службы». Юридическая наука понималась утилитарно, как область необходимых пусть и новых знаний о праве, но значимых в первую очередь для практической деятельности, в этом русле выстраивалась преподавательская, и, соответственно, исследовательская работа. И коль скоро университеты находились на попечении государства, то учебные и научные дисциплины определялись им же⁴⁹.

История русского права как учебная дисциплина в списке не значилась, лишь опосредовалась иными политическими и отраслевыми юридическими предметами. Исключение составляли Дерптский и Виленский университеты, где предусматривалась должность профессора «положительного государственного и народного права, политики, *истории прав* (курсив наш – М. К.) и юридической словесности». Ответная реакция со стороны профессоров университетов на такое решение последовала незамедлительно, начались активные исследования истории отраслевого русского права, а затем и общей истории русского права. К числу первых историко-догматических опытов следует отнести работы И.Е. Неймана, профессора Дерптского университета, «Начальные основания уголовного права» (СПб., 1814); профессора Виленского университета А. С. Коровецкого «Историческое обозрение рос-

---

⁴⁸ Сухомлинов М. И. Материалы для истории просвещения в России в царствование императора Александра I. СПб., 1866. Т.1. С. 126.

⁴⁹ См. напр.: Сравнительная таблица Уставов университетов 1884, 1863, 1835, и 1804 гг. С.-Петербург, 1901. С. 1-4.

сийского гражданского и уголовного права (Сын Отечества и Северный архив. Т. 8. СПб., 1829. № 48. С. 32-108) и др.

Однако, как заметил Н. П. Загоскин, «все эти речи, брошюры и статьи – не могли, однако же, создать науки истории русского права. Странное совпадение явлений: как начало истории положено было немецкими учеными, так и история русского права зародилась как наука в немецком Дерптском университете, в трудах немецких профессоров этого университета – Эверса и Рейца»⁵⁰. Многие российские правоведы отмечали огромный вклад немецких ученых в развитие истории русского права, в частности, Г. С. Фельдштейн писал, что «они, можно без преувеличения сказать, поставили впервые на научную почву историю русского права»⁵¹. Н. П. Загоскин, анализируя работы И. Ф. Г. Эверса, оценивал их «как первую попытку систематического исследования в области истории русского права и в этом отношении должно почитаться исходною точкою дальнейшего развития нашей науки как таковой»⁵². Таким образом, ученый выразил общепризнанное мнение, что генезис науки истории русского права связан с именами немецких ученых и рельефно проявился в результате целенаправленного движения исторического и юридического знания в научном творчестве дерптских профессоров.

Так, на взгляды И. Ф. Г. Эверса заметное влияние оказало научное общение с Н. М. Карамзиным, который не только в процессе совместной работы с источниками русского права делился с молодым немецким историком своими исследовательскими материалами и наблюдениями (он позволил И. Ф. Г. Эверсу сделать копии Русской Правды и Судебников), но и вел с ним горячие дискуссии о происхождении Русского государства. Дерптский ученый сосредоточил внимание на отношениях, сложившихся в русском обществе в древний период. Он анализирует законодательные памятники этого периода, реконструирует отношения в

---

⁵⁰ Загоскин Н. П. История права русского народа. С. 85.

⁵¹ Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 147.

⁵² Загоскин Н. П. История права русского народа. С. 86.

древнерусском обществе, характеризует его уклад⁵³. Ученый в ходе исследования (в первую очередь Русской Правды) фактически впервые в отечественной юридической науке обосновал метод поэтапной работы с памятниками законодательства и летописями, на которые в свое время указывали Г. Миллер и А. Шлецер. С последним он был особенно дружен и находился в переписке⁵⁴. Этот метод позволил ему впервые в отечественной юриспруденции осуществить масштабное исследование государственных и правовых институтов Древней Руси. Вопрос о происхождении руссов ученый впервые ставит в ранней работе «Предварительные критические исследования по Русской Истории» (1814 г.)⁵⁵. Основной труд И. Ф. Г. Эверса «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии»⁵⁶ был издан на немецком языке в 1826 г. И несмотря на то, что работа была открытием в отечественной исторической и особенно юридической науке, для научной общественности доступной она стала не сразу. Лишь в 1835 году фундаментальный труд был переведен на русский язык И. В. Платоновым и опубликован.

По признанию многих отечественных правоведов, это первое исследование обобщающего характера истории древнего русского права. Ученый разработал, по сравнению с рационалистической концепцией историка И. Н. Болтина, в основе которой лежало договорное начало, принципиально новую концепцию социальной эволюции, сформулировал положения так называемой «родовой теории»⁵⁷. Он первый в истории отечественной юридической науки синтезировал исторические и юридические знания о древнерусской государственности, представив научному сообществу системное видение истории Российского государства в древний

---

⁵³ Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 253.

⁵⁴ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802–1903). Юрьев, 1902–1903. Т. 2. С. 512–513.

⁵⁵ Эверс И. Ф. Г. Предварительные критические исследования Густава Эверса для Российской истории. М., 1825–1826.

⁵⁶ Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / пер. с нем. И. Платонова. СПб., 1835. С. 2, 10.

⁵⁷ Там же. С. 12, 14, 44.

период, тем самым дав импульс развитию историко-правового направления во всем многообразии тематики исследований. Н.П. Загоскин высоко оценивал данный факт для отечественной науки, он писал: «Особенность рассматриваемого труда Эверса – это широкое совмещение в нем элемента чисто исторического и элемента историко-юридического, история и право стоят здесь рука об руку, взаимно освещая друг друга»⁵⁸.

Первым, кто откликнулся на научный порыв И. Ф. Г. Эверса, был А. М. Ф. Рейц. Сферу его научных интересов составляли проблемы истории славянского, в том числе и русского, права. Им написано немало трудов, но к наиболее востребованным юридическим и историческим сообществом можно отнести «Опыт истории российских государственных и гражданских законов»⁵⁹.

Идеи, обоснованные в трудах дерптских профессоров, нашли отражение в научном творчестве профессора Ф. Л. Морошкина, который обнаружив труд А. М. Ф. Рейца в 1836 г., отказался от написания собственного учебника по истории русского права. Ученый перевел его на русский язык, сопроводив библиографическим предисловием и обширными примечаниями. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова труд А.Ф. Рейца «первый опыт полного и систематического курса истории русского права, написанный под влиянием выводов Эверса»⁶⁰. Благодаря дерптским ученым зародилась российская традиция исторического познания права и государства. Их заслуга заключается и в том, что они, рассматривая исторические события, номинируют их, вводят в научный оборот «русскую» терминологию, таким образом, привносят в отечественную юридическую науку специальный историко-правовой категориальный аппарат.

Интерес к отечественной истории права был усилен государственной политикой в 1830-1840-е гг. Именно во второй четверти XIX века, когда идеология «просвещенного абсолютизма», при-

---

⁵⁸ Загоскин Н. П. История права русского народа. С. 87.

⁵⁹ Рейц А. М. Ф. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / пер. с нем. Ф. Л. Морошкина. М., 1836. С. 2.

⁶⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 4-е изд., с доп. Санкт-Петербург; Киев, 1905. С. 98.

внесенная Екатериной II и воспринятая Александром I, исчерпала себя, образцы западноевропейской политической практики утратили всю привлекательность, утверждался новый идеологический постулат «самодержавие – православие – народ», указывающий на востребованность национального компонента в государственной политике. Идеология «официальной народности» нацеливала на историческое постижение истоков российской государственности, формирование национальной идентичности. Вместе с тем укрепление государства мыслилось за счет стабилизации и универсализации правового пространства посредством систематизации российского законодательства, которая не имела аналогов в мировой юридической практике и предполагала создание не только Свода текущего законодательства, но и составление хронологической (исторической) инкорпорации русских законов в виде Полного Собрания.

Большое значение в формируемом политическом тренде приобрела категория «народности». На страницах периодических изданий в 40–50-х гг. XIX века не утихали дебаты о том, чем является народность в литературе, искусстве, истории, науке в целом. Историческое направление в изучении отечественного права было опосредовано Университетским уставом 1835 года. Определялась структура преподаваемых предметов. Историческая часть самостоятельности пока не приобретала и включалась в каждую дисциплину. Приоритет отдавался отечественному положительному праву, что в значительной степени, в отличие от предшествующего века, уменьшило оторванность отечественной юридической науки и образования от русской действительности. Из образовательного процесса исключалось естественное право. Впервые юридически обосновывались самостоятельные научные дисциплины: энциклопедия права (позже резвившаяся в общую теорию права), уголовное, гражданское, полицейское (позже административное право), государственное и международное право, история римского права. Таким образом, структура в полной мере отражала основные научные подходы к познанию права, которые менялись в зависимости от политических приоритетов российского

государства, а также в некоторой степени под влиянием новых направлений европейской юридической науки.

Как известно в это время в европейской юриспруденции возникли серьезные противоречия на фоне глобальных политических преобразований, когда естественно-правовая парадигма (юснатурализм) постепенно утрачивала свою актуальность в силу ограниченного потенциала в познании сущности права, а также в объяснении политико-правовых процессов конца XVIII – начала XIX столетий. В центре научных дискуссий оказался спор между двумя группами немецких юристов по поводу принятия Гражданского уложения, одна из которых ассоциировалась с позицией Антона-Фридриха-Юстуса Тибо (естественно-правовая школа), другая – с позицией Фридриха Карла фон Савиньи и Георга Фридриха Пухты (историческая школа).

И если вначале несовершенная российская научная юриспруденция, не имея общей методологии, слепо копировала теоретические конструкции европейской науки, излишне доверяя немецкой юридической школе, принимая ее за образец, тем самым все больше отдаляясь от практического отечественного правоведения, то в первой трети XIX столетия, когда стал заметным повышенный интерес к национальному праву, назревал вопрос о выборе собственного основополагающего подхода к изучению правовой действительности. Российское правоведение оказалось наиболее восприимчивым к новым веяниям европейской науки. Не исключая влияния естественно-правовой доктрины на развитие научного правосознания, основная часть российского профессионального юридического сообщества во второй четверти XIX столетия уверенно повернула свой взор в сторону немецкой исторической школы, которая не только по-новому ставила вопросы, но и предлагала соответствующую методологию познания отечественного права. Историческая парадигма в полной мере вписывалась в российские реалии и позволяла с позиций науки взглянуть на прошлое отечественного права и государства. Исходное положение исторической теории о том, что «право каждого народа есть его историческое наследие, от которого нельзя отказаться по произволу. Право не существует искони, оно создается во времени, но не

субъективным произволом людей, а объективным процессом исторической жизни народа»⁶¹, было положено отечественными правоведами в основу познания истории русской действительности. Но в силу того, что история русского права как самостоятельная наука еще в полной мере не проявилась, отдельные ее сюжеты находят отражение в теоретических и отраслевых исследованиях, в работах сравнительно-правового характера.

1830-е годы – середина XIX в. отмечены серией работ, написанных по истории русского гражданского права, которые определили круг исследователей, сторонников исторического подхода познания права. Среди них Ф. Л. Морошкин, профессор Московского университета («О владении по началам российского законодательства» М., 1837); Н. Ф. Рождественский, профессор Санкт-Петербургского университета, в 1838 году защитил докторскую диссертацию на тему «Историческое изложение русского законодательства о наследстве»; А. Г. Станиславский, профессор Казанского, затем Харьковского университетов, осуществил «Исследование начал ограждения имущественных отношений в древних памятниках русского законодательства» (Казань, 1855); К. Д. Кавелин в 1844 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Основные начала русского судопроизводства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о Губерниях»; С. В. Пахман, профессор Казанского, Харьковского, Санкт-Петербургского университетов, в начале своего творческого пути написал работу «О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому в историческом их развитии» (М., 1851); Д. И. Мейер, профессор Казанского университета, издал «Древнее русское право залога» (Казань, 1855) и др.

Центральное место в ряду этих работ занимало трехтомное издание профессора Санкт-Петербургского университета К.А. Неволина «История российских гражданских законов» (СПб., 1851), «которое обнимает всю особенную часть гражданского права в его

---

⁶¹ Коркунов Н. М. История философии права: Пособие к лекциям. Санкт-Петербург, 1908. С. 317.

историческом развитии». К.А. Неволин, будучи учеником Ф.К. фон Савиньи, глубоко воспринял принципы исторической школы права и в другом произведении «Энциклопедия законоведения» впервые в отечественной науке поставил вопрос о разграничении истории законов и истории законоведения. Историю законодательства рассматривал в двух ракурсах: а) истории внешней, «имеющей предметом своим изложить формы, в которых раскрывалось положительное законодательство» и б) истории внутренней, «которая излагает самое содержание, раскрывшееся в сих формах»⁶². В совокупности обе истории, считал ученый, формируют представление об источнике права, который определялся им как критерий периодизации истории русского права. Он выделяет два периода: древний и новый. Древний период делит на три этапа: первый – до Русской правды; второй – до Судебника Ивана IV; третий – до Соборного Уложения царя Алексея Михайловича. Новый период рассматривается в контексте систематизации российского законодательства, создания Полного Собрания законов и Свода законов Российской империи⁶³.

В то же время воззрения К. А. Неволина послужили основой в формировании взгляда отечественных юристов на историю права вообще и на историю русского права в частности. Исходя из посыла субъективно-объективного единства исторического развития, он указывал на важное свойство этого единства – его целенаправленность, обуславливающую преемственность в развитии. На субъективном уровне – это порядок «в духе автора, сочиняющего историю», заключающийся в последовательном изложении «происшествий, случаев» с определенной прагматической целью. На объективном уровне выделяется два «порядка» – низший, «когда мы двигаемся непосредственно внутри круга исторического, не возводя наши взоры за его пределы», и высший, когда цель познания связана с выявлением причинно-следственных связей, определением закономерностей и особенностей развития права. Размышляя в этом ключе, ученый, не вводя понятия преемственно-

---

⁶² Неволин К. А. Энциклопедия законоведения // Полное собрание сочинений К. Н. Неволина. СПб., 1857. Т. 1. С. 78.

⁶³ Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. Т. 2. С. 455.

сти, фактически раскрывает его содержание. Им обозначаются характерные признаки преемственности, а именно: ее историческая сущность, объективный характер, последовательность и единство в развитии общественной жизни, трансляция опыта последующим поколениям не в полном объеме, а лишь в той части, которая актуализирована во времени, передача этого опыта может осуществляться как в горизонтальной временной перспективе от поколения к поколению, так и от одного народа другому, то есть в пространстве в рамках одного периода.

Экстраполируя взгляд на общее развитие «жизни народной» в сферу права, К.А. Неволин указывал еще один важный аспект, раскрывающий не только суть права как социокультурного феномена, но и определяющий основной ракурс познавательного процесса преемственности в отечественном праве. Он ставит право в один ряд с религией, наукой, искусством и другими явлениями общественной жизни, которые находятся в неразрывной, тесной связи, во взаимодействии и взаимовлиянии друг на друга, представляют единство, целостность, то есть во всей своей совокупности обладают системным характером⁶⁴.

Вслед за К.А. Невוליным проблемы истории русского права исследовались профессором Санкт-Петербургского университета, доктором законовещения Н.Ф. Рождественским в работе «Обозрение внешней истории русского законодательства с предварительным изложением общего понятия и разделения законовещения» (Санкт-Петербург, 1848.). Этот факт свидетельствовал о начале глубокого и всестороннего исследования источников и форм русского права, а также формирования самостоятельного научного направления юридического источниковедения. Появляются и первые специальные исследования источников русского права, среди них наибольшей популярностью пользовалась работа С.М. Шпилевского «Об источниках русского права в связи с развитием государства до Петра I» (Казань, 1862).

---

⁶⁴ Неволин К. А. Энциклопедия законовещения. Введение в энциклопедию. Общая часть ее и первая половина особенной части // Полное собрание сочинений К. Н. Неволина. Т. 1. СПб., 1857. С. 122.

Идеи К.А. Неволина нашли отклик в работах профессора Московского университета П.Г. Редкина. В частности, он утверждал, что энциклопедия «имеет своим предметом всестороннее систематическое рассмотрение совокупности юридических законов, или права в объективном смысле, как со стороны формальной, так и со стороны материальной, внешней и внутренней, философской и исторической»⁶⁵. Значимым в этой позиции было то, что история права рассматривалась в качестве основного источника теоретического знания, что в полной мере сочеталось с развивающимся историческим направлением в науке.

Вместе с тем, историко-юридическое знание находило отражение в различных научно-популярных изданиях, тем самым сближая науку с общественной жизнью и одновременно будируя общественный интерес не только к истории права и государства России, но и к самой историко-правовой науке. В числе первых журналов начала XIX века следует назвать «Журнал правоведения» барона Беллинсгаузена»⁶⁶. Ярким событием в отечественной юридической науке стал выпуск первого, как считают многие исследователи, научного юридического журнала «Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным» (1841 г.). В него вошли статьи, объединенные исторической направленностью, профессора И. Даниловича «Взгляд на Литовское законодательство и Литовские статуты», кандидата права Н. Калачова «О судебниках царя Иоанна Васильевича», профессора П. Редкина «О казенных порядках и поставках в Россию до первого их преобразования» и другие.

Популяризатором научного историко-правового и исторического научного знания следует назвать созданную в 1811 г. при Московском архиве коллегии иностранных дел по инициативе графа Н.П. Румянцева Комиссию печатания государственных грамот и договоров. В течение 1813-1828 гг. Комиссией было выпущено четыре тома «Собрания Государственных грамот и договоров», ставших достойным источником и стимулом изучения древ-

---

⁶⁵ Цит. по: Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. М., 2010. С. 60.

⁶⁶ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. СПб., 1902. Т. I. С. 33.

него периода истории России⁶⁷. В 1834 году при Министерстве народного просвещения была создана Археографическая комиссия, которая тоже «оказала громадную пользу делу русской исторической и историко-юридической науки»⁶⁸. Ею было выпущено несколько многотомных документальных сборников, важных для юридической науки: «Акты юридические» (1838 г.); «Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси» в двух томах (1857, 1864 гг.) и др. Заметную роль в формировании источниковой базы историко-правовой науки, а также для всех любителей истории России сыграло, образованное в 1804 г. при Московском университете Общество истории и древностей Российских, которое «на страницах своих изданий давало и дает богатые исторические материалы». Например, «Труды и летописи» в 8 томах (1815-1837 гг.), «Чтения в Московском обществе истории и древностей Российских», в последующем переименованные во «Временник», выходившие с 1846 по 1859 гг. (более 25 томов) и др.»⁶⁹ Трибуной обсуждения научных и популярных материалов по отечественной истории права стали журналы «Вестник Европы», издававшийся с 1802 по 1830 гг. сначала Н. В. Карамзиным, затем М. Т. Каченовским; журнал «Отечественные записки» (1818-1830 гг., издатель Свиньин); «Московский телеграф» (1825-1834, издатель Полевой); «Московский вестник» (1827-1830, издатель Погодин) и др.⁷⁰

Одним словом, к середине XIX столетия была создана достаточно широкая издательская база, с ее помощью научное сообщество заявляло о себе, своих достижениях, сомнениях и переживаниях, выражало отношение к власти и обществу, консолидировало научные силы на решение важных научных и политических задач.

Определяющим событием, отгранивающим стадию генезиса науки истории русского права от стадии развития, как нам представляется, является принятие нового Университетского устава в 1863 г. В структуру университетов вводилось три самостоятельные кафедры историко-правовой направленности: кафедра истории

---

⁶⁷ Загоскин Н. П. История права русского народа. С. 34.

⁶⁸ Там же С. 35.

⁶⁹ Там же. С. 36-37.

⁷⁰ Там же. С. 37.

русского права, кафедра славянских законодательств и кафедра истории важнейших иностранных законодательств древних и новых. Этот факт следует расценивать не только как признание обязательного исторического обучения и просвещения на государственном и публичном уровне, но и как факт того, что история русского права сложилась в самостоятельную область знаний, а значит, накопила достаточный потенциал для дальнейшего развития как наука.

Заключая, отметим, что современная историко-правовая наука, начиная с конца прошлого столетия, в познании права и государства России наметила новые тенденции и входит в русло активного научного поиска. В этой связи опыт историко-правовой науки на первоначальном этапе становления приобретает большую ценность, глубокая аналитика этого времени позволяет определить лакуны и противоречия в выборе научных подходов, определении предмета познания, в выстраивании фактологии, а самое главное раскрыть междисциплинарный потенциал научных традиций в адаптации к реалиям сегодняшнего дня, в формировании феномена российского правоведения, отличающегося своей национальной самобытностью.

Список литературы

1. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1802–1903). Юрьев, 1902–1903. Т. 1–2.
2. Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 4-е изд., с доп. Санкт-Петербург, Киев, 1905.
4. Загоскин Н. П. История права русского народа: Лекции и исследования по истории русского права. Казань, 1899. Т. 1.
5. Коркунов Н. М. История философии права: Пособие к лекциям Санкт-Петербург, 1908.
6. Морошкин Ф. Л. Ученые труды по части истории русского законодательства // Учен. зап. имп. Московского ун-та. 1835. Ч. 10.
7. Морошкин Ф. Л. О владении по началам российского законодательства. М., 1837.

8. Неволин К. А. Энциклопедия законовeдения // Полное собрание сочинений К. А. Неволина. Спб., 1857. Т. 1-2
9. Огурцов А. П. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. (А. П. Огурцов. Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование. М., Наука, 1988, 256 с.): автореферат дис. ... доктора философских наук: 09.00.01 / АН СССР. Ин-т философии. М., 1990.
10. Рейц А. М. Ф. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / пер. с нем. Ф. Л. Морошкина. М., 1836.
11. Сухомлинов М. И. Материалы для истории просвещения в России в царствование императора Александра I. СПб., 1866. Т. 1.
12. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. СПб., 1902. Т. 1.
13. Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. М., 2010.
14. Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003.
15. Эверс И. Ф. Г. Предварительные критические исследования Густава Еверса для Российской истории. М., 1825–1826.
16. Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / пер. с нем. И. Платонова. СПб., 1835.

Михайлова Наталья Владимировна

Методологические критерии периодизации истории государства и права

Проблема периодизации истории государства и права всегда была в центре внимания историко-правовой науки и нуждалась в уточнении ее методологических критериев (оснований). Очевидно, что важнейшим критерием периодизации истории государства и права является исторический тип государства и права, который определяется на основании целого ряда методологических принципов.

Один из таких принципов заключается в самом определении термина «периодизация», который представляет собой систематизацию государственно-правовых явлений, заключающуюся в делении истории государства и права на хронологические периоды, т. е. эта-

пы во времени. Причем само понимание времени далеко не однозначно, известны различные типы времени. Чаще всего выделяются два типа времени, один из которых можно назвать физическим временем, характеризующимся природными циклами, выражающимися в климатических проявлениях на планете Земля и обусловленными астрономическими явлениями. Второй тип времени – это исторический, включающий в себя политические, государственные, правовые, экономические, социальные, культурные, духовные, ментальные и другие сферы жизнедеятельности людей, творцов истории.

Интересна точка зрения на типы времени ученого юриста Р.А. Ромашова, который пишет, что «с определенной долей условности эти типы можно назвать астрономическим (календарным) и социально-историческим (эволюционным) временем»⁷¹. Это воззрение по своей сути не противоречит вышеприведенным рассуждениям на этот счет, вполне с ними сопоставимо.

Таким образом, одним из важнейших методологических критериев периодизации истории государства и права является учет этих двух типов времени. Причем необходимо обратить внимание на один важнейший момент, связанный с этим критерием: это проблемно-хронологический принцип его применения, суть которого состоит в том, что одни и те же государственно-правовые явления, проявляющиеся в социумах различных регионов мира, могут быть удалены друг от друга на хронологической шкале. Например, античные Средиземноморские государства, существовавшие с рубежа 3-2 тыс. до н.э. по V в. н.э., в основе своей были полисами (греч. «город», в лат. – «цивитас», «гражданская община») и представляли собой особую форму государственного устройства. Фундаментальные черты города-полиса с определенными особенностями были свойственны и античной Древней Руси существовавшей в другом месте хронологической шкалы, в VIII-X вв. и в нарративных источ-

---

⁷¹ Ромашов Р. А. Политогенез: Храм – Полис – государство – State: монография. СПб., 2020. С. 28.

никах Древняя Русь этого периода называется гардарика - страна городов⁷².

Физический тип времени, широко представленный в научно-естественных теориях, является одним из оснований периодизации истории государства и права, потому что тесно связан с жизнедеятельностью людей, историческим типом времени. Величайший вклад в рассмотрение эволюции общества в тесном взаимодействии с развитием других реалий нашей планеты внес В.И. Вернадский, создавший учения о биосфере и ноосфере⁷³. Эти учения составили философскую базу, на основе которой стало возможным комплексное использование построений Л.Н. Гумилева, Н.Д. Кондратьева, А.Л. Чижевского для осмысления системной ритмики общественной эволюции, в том числе и развития государственно-правовых явлений. Идеи В.И. Вернадского позволяют использовать эти знания для выяснения природы воздействия планетарных явлений на общество, то есть связь физического и исторического времени.

Велико значение в осмыслении периодизации истории государства и права теории И.Р. Пригожина, которая внесла неоценимый вклад в преодоление дихотомии (раздвоенность) общественных и естественных наук⁷⁴. Ученый ввел в научный оборот такие термины как синергетика (междисциплинарное направление в науке), бифуркация (качественные перестройки), стела времени (от прошлого к будущему), без которых невозможно понимание периодизации истории и, в частности, истории государства и права.

Связь физического и исторического типов времени порой называют клиометрия, что означает измерение исторического времени посредством физических единиц. Пытаясь систематизи-

---

⁷² Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие / М. Б. Бибииков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон и др. Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 464-465.

⁷³ Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения – поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке: Монография / под науч. ред. А. И. Субетто. СПб., 2003.

⁷⁴ Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. – М., 2003. С. 11.

ровать историю государственно-правовых явлений, полезно обратиться к идеям Л.Н. Гумилева, изложенным в работе «Этногенез и биосфера Земли». Исследуя историю этносов, он установил, что народ, а также цивилизация, общество, государство, развиваются не более 1500 лет. Идеи ученого позволяют выявить пять фаз эволюции: подъем, акматическая фаза, надлом, инерция, обскурация/регенерация. Импульсом, лежащим в основе возникновения и развития этноса, Гумилев считал пассионарность. Это такое состояние общества, в котором интересы коллектива превышают уровень жажды жизни и заботы о собственном потомстве, ломают устоявшиеся традиции. Заметим, что выявленные Л.Н. Гумилевым 300-летние ритмы внутри 1500-летнего срока развития этноса тесно связаны с таким астрономическим явлением, как совместное влияние Юпитера, Венеры и Сатурна на атмосферу Солнца. «...Говоря о возможных источниках пассионарных толчков – отмечает ученый - мы не отбросили только одну гипотезу – космическое излучение. Правда, при нынешнем уровне знаний о ближнем космосе, эта гипотеза не может быть строго доказана, но зато она не встречает фактов, ей противоречащих. Если эта гипотеза и в дальнейшем не встретит противоречащих ей фактов, то этнология даст возможность получить данные о состояниях ближнего космоса и его контактах с поверхностью Земли в эпохи, строго фиксируемые абсолютной хронологией»⁷⁵.

Для периодизации истории государства и права неоценимое значение имеют разработки экономиста Н.Д. Кондратьева, который выявил 60-летние ритмы развития экономических процессов в ряде стран мира⁷⁶. В своих научных рассуждениях он затрагивает и другие сферы жизнедеятельности общества. Современная наука позволяет утверждать, что изученные ученым 60-летние ритмы развития общественно-экономических процессов обусловлены действием планетарного явления, заключающегося в одновременном влиянии Юпитера и Сатурна на Солнце.

---

⁷⁵ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. С. 496.

⁷⁶ Кондратьев Н. Д. Большие циклы экономической конъюнктуры и теория предвидения. М., 2002. С. 361, 399.

Создателем космобиологии и гелиобиологии, влияния циклически солнечно-биосферных связей на пульсацию живого вещества биосферы Земли является А.Л. Чижевский - отечественный математик, астроном, историк. Ученый занимался изучением влияния 12-летних ритмов солнечной активности на ход истории. Он проанализировал развитие человечества за 500 лет с XV по XX вв. и убедительно доказал наличие тесной связи между ритмикой Солнца и поведением людей. В каждом 12-летнем ритме ученый выявил несколько фаз⁷⁷. Причем, на разные фазы приходится, по его мнению, различное число значительных событий. Максимального «возбуждения» активность человечества, в том числе существенные изменения в государственно-правовой сфере, достигает в третьей фазе.

При выделении периодов истории государства и права не последнее место занимает обращение к наработкам западных ученых. Например, А.Дж. Тойнби механизмом развития социума считал взаимодействие «вызова», который поступает от окружающей среды, и «ответа», который дает общество. В качестве «вызова» могут выступать всевозможные природные катаклизмы, а также войны и т.п.⁷⁸. Изыскания ученого легли в основу теории энвайронментального детерминизма, т.е. причинно-следственной обусловленности процессов развития различных сфер человеческой жизни природно-климатическими факторами.

Клиометрия предлагает осмыслить и более глобальные по длительности ритмы, порядка 25-и с лишним тысяч лет. Астрономической основой ритмов таких хронологических параметров выступает явление прецессии во вращении Земли. Оно заключается в том, что условная ось вращения Земли не находится в строго перпендикулярном отношении к плоскости обращения Земли вокруг Солнца. Земная ось располагается под наклоном к означенной плоскости. При этом земная ось на протяжении 25-и с лишним тысяч лет совершает конусообразное вращательное движение. В связи с этим меняется

---

⁷⁷ Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924. С. 12, 29, 35-40, 48.

⁷⁸ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 156.

характер взаимодействия геомагнитной сферы с магнитосферой Солнца, что отражается на эволюции человечества⁷⁹.

Важно заметить, что методологические основания периодизации истории государства и права опираются или на формационный, или на цивилизационный подходы систематизации государственно-правовых явлений в контексте их эволюции. Заметим, что оба подхода возникли в одно и то же время, в XIX в.

Формационный подход был детально разработан и стал основополагающим принципом марксистско-ленинской методологии. В отечественной историографии XX столетия этот подход был доминирующим. Его сущность заключается в познании исторических реалий на основе приоритета экономической и политической сфер жизни общества, в рассмотрении исторических явлений в рамках пяти последовательно сменяющихся путем революций общественно-экономических формаций (первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая), в постижении поступательного развития мирового сообщества в целом. Несомненно, положительной стороной этого подхода является четкость, конкретность, в том числе и в определении основных этапов эволюции государственно-правовых систем. В качестве отрицательных черт надо отметить выделение двух, выше названных приоритетов, хотя в действительности, государственно-правовые явления испытывают на себе влияние всей совокупности факторов общественного развития, таких как политический, социальный, экономический, культурный, духовный, ментальный и т.п. Классическими примерами использования формационного подхода при периодизации истории государства и права являются учебники выдающихся историков права С.В. Юшкова «История государства и права СССР» и О.И. Чистякова «История отечественного государства и права». Последователи ученых ни одно десятилетие успешно использовали их наработки в своей научной и педагогической деятельности.

---

⁷⁹ Михайлова Н. В. Познание истории: ключ к прошлому, настоящему, будущему. М., 1999. С. 12-13, 29-35.

В настоящее время очевидна несостоятельность некоторых аспектов формационной теории. Например, не выдерживает критики выделение капитализма и социализма как последовательно достигаемых ступеней в развитии общества. Реалии жизни доказали, что это две параллельные тенденции общественного развития. Одна из которых - капиталистическая, заключается в реализации механизма создания материальных благ на основе свободной конкуренции различных форм собственности. А другая - социалистическая - в механизме распределения созданных материальных благ на основе социальной справедливости⁸⁰. И только их сбалансированное действие может сохранить жизнеспособность государств. В отличие от формационного подхода цивилизационный не выделяет вышеназванных приоритетов, а опирается на совокупность всех сфер общественной жизни, рассматривает анализируемые явления от момента возникновения цивилизаций до их заката, что позволяет постичь историю мирового сообщества в целом через историю отдельных цивилизаций. Причем цивилизационный подход неопределенен, вариативен, что, с одной стороны, затрудняет работу исследователя при его использовании, а с другой, открывает новые возможности постижения предмета изучения.

Русский ученый Н.Я. Данилевский в своем труде «Россия и Европа» применил цивилизационный метод изучения прошлого, согласно которому всемирная история складывается из смены замкнутых цивилизаций (культурно-исторических типов). Им было выделено двенадцать исторически сложившихся типов цивилизаций, причем каждая из этих цивилизаций имеет четыре разряда самопроявления: религиозный, культурный, политический и социально-экономический⁸¹.

В рамках цивилизационного подхода творил О. Шпенглер, рассмотревший семь цивилизаций. В книге «Закат Европы» он определяет примерно тысячелетний срок жизни каждой цивилизации, подчеркивая, что развитию цивилизации характерна линей-

---

⁸⁰ Михайлова Н. В. История государства и права России (XIX- начала XXI в.) : учебное пособие. М., 2014. С. 14.

⁸¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 470-472.

ность, аналогичная стадиям жизни человека: рождение, детство, юность, зрелость, старость, смерть⁸².

Среди сторонников цивилизационного подхода в анализе общественных явлений особое место занимает А. Дж. Тойнби, посвятивший исследованию цивилизаций двадцать томов под общим названием «Постижение истории». Начал ученый с рассмотрения ста цивилизаций, затем сократил их число до двадцати одной, а завершил исследованием тринадцати цивилизаций⁸³.

Цивилизационный подход, по мнению ряда ученых, «оперирует категориями весьма далекими от собственно государственных», и цивилизация по своей сущности «не столько политико-государственное, сколько социокультурное образование»⁸⁴. В этом они видят существенный недостаток цивилизационного подхода при анализе государственно-правовых явлений. Однако цивилизационный подход при всей своей вариативности позволяет видеть в государственно-правовых реалиях фактор духовно-культурного развития общества, а не только механизм политического господства. И в этом весьма значимая положительная сторона данного подхода.

На основе этих и ряда других подходов к постижению эволюции государственных институтов и правовых систем современная наука осуществляет построение новых методологических подходов, в том числе и к периодизации истории государства и права. Учитывая положительные стороны известных научных разработок, на основании представленных методологических критериев возможно определить один из инновационных подходов как стадийный метод периодизации истории государства и права.

Одним из примеров использования стадийного подхода может быть периодизация Средневековья. Внутри этой эпохи, используя наработки Л.Н. Гумелева, можно выделить 300-летние фазы развития государственно-правовых институтов, в основу которых положить эволюцию типологии государства: 1. Семейная

---

⁸² Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 36.

⁸³ Тойнби А. Постижение истории. М., 1991. С. 731.

⁸⁴ Ромашов Р. А. Политогенез: Храм – Полис – государство – State: монография. СПб., 2020. С. 134.

монархия, 2. Клерикальная монархия, 3. Сословно-представительная монархия, 4. Абсолютная монархия, 5. Военно-бюрократическая монархия⁸⁵. Замечу, что эти периоды характерны для большинства государств мира как Востока, как и Запада. Необходимо только учитывать проблемно-хронологический принцип, о котором было сказано выше.

Еще пример, который касается эпохи революционных событий начала XX века в России. Предлагаю называть этот период истории государства и права: «Великая Российская революция 1905-1922 гг.» и выделить в нем три этапа: 1. Становление конституционной монархии (1905 - февраль 1917 гг.); 2. Формирование республиканской формы правления (март - октябрь 1917 г.); 3. Утверждение советской республики (октябрь 1917 - декабрь 1922 гг.)⁸⁶.

Рассмотренные методологические критерии дают возможность представить периодизацию истории государства и права в целом:

1. Становление первоначальных форм управления палеолитическим обществом Древнейшей истории (около 80 - 8 тыс. лет назад);
2. Зарождение и развитие различных форм государственности и систем права в рамках ранних земледельческо-скотоводческих обществ Древнего мира (около 8 тыс. лет назад – середина 1 тыс. н.э.);
3. Эволюция форм государственного правления и норм права в рамках поздних земледельческо-скотоводческих обществах Средневековья (около середины 1 тыс. н.э. – XVI в.);
4. Утверждение и трансформации государственно-правовых институтов индустриальных, современных обществ Нового времени (XVII–XXXII вв.)⁸⁷.

---

⁸⁵ Михайлова Н. В. Познание истории: ключ к прошлому, настоящему, будущему. М., 1999. С. 73-81.

⁸⁶ Михайлова Н. В. История государства и права России (XIX- начала XXI в.) : учебное пособие. М., 2014. С. 17.

⁸⁷ История государства и права зарубежных стран: учебник / коллектив авторов; пол ред. Н. В. Михайловой. М., 2018. С. 15.

Использование этой периодизации истории государства и права предполагает учет означенного ранее проблемно-хронологического принципа, т. е. аналогичные государственные институты и правовые системы различных стран могут располагаться на разных этажах хронологической шкалы.

Таким образом, выявленные методологические критерии периодизации истории государства и права предоставляют историкам права механизм успешного исследования эволюции государственно-правовых явлений как отдельных стран, так и мирового сообщества в целом.

Список литературы

1. Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения – поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке: Монография / под науч. ред. А. И. Субетто. СПб., 2003.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие / М. Б. Бибиков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон и др. Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999.
5. История государства и права зарубежных стран: учебник / коллектив авторов; под ред. Н. В. Михайловой. М., 2018.
6. Кондратьев Н. Д. Большие циклы экономической конъюнктуры и теория предвидения. М., 2002.
7. Михайлова Н. В. Познание истории: ключ к прошлому, настоящему, будущему. М., 1999.
8. Михайлова Н. В. История государства и права России (XIX- начала XXI в.) : учебное пособие. М., 2014.
9. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М., 2003.
10. Ромашов Р. А. Политогенез: Храм – Полис – государство – State: монография. СПб., 2020.
11. Тойнби А. Постижение истории. М., 1991.
12. Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924.
13. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993.

Ящук Татьяна Федоровна

**Этапы развития истории государства
и права России как науки
и учебной дисциплины в советский и постсоветский периоды**

Начало институционализации науки и учебной дисциплины, за которой закрепилось название «История русского права», началось в так называемый дореволюционный период. Во многом этому способствовало учреждение университетов, организация в их структуре юридических факультетов и создание кафедр, на которых сосредоточивалось преподавание историко-правовых дисциплин. Во второй половине XIX – начале XX вв. появляются учебные издания по истории русского права (учебники, хрестоматии), складываются методические приемы изучения дисциплины. Одновременно разворачиваются научные исследования «юридических древностей», формируется круг ученых, намечаются различия в методологической инструментарии и в понимании предмета новой отрасли научного знания, что свидетельствовало о потенциальной возможности формирования научных школ. Поэтому вряд ли можно согласиться с оценкой, высказанной в период оформления советской модели организации историко-правовой науки, что «дореволюционная Россия не знала истории государства и права как самостоятельной науки»⁸⁸. Возможно, такое запелляционное и, надо признать, необъективное заявление было связано с особенностью интерпретации предмета науки дореволюционными авторами, которые интегрировали вопросы государства в правовой материал, то есть не выделяли самостоятельный тематический блок «государство», как это утвердилось в советской науке, а рассматривали институты государства (государственный аппарат, форму правления, территориальное устройство и прочее) через призму государственного права. Важной чертой, истории русского права, проявлявшейся и в научных трудах, и в учебной деятельно-

---

⁸⁸ Ушаков А. А. К вопросу о предмете, задачах и структуре курса истории государства и права// Ученые записки Пермского университета. 1961. Т. 19. Вып. 5. С. 210.

сти, стало особое внимание к историческим источникам, отражающим зарождение и эволюцию русского права. Эта черта демонстрировала устойчивую преемственность в работах научного и учебного содержания, издаваемых после 1917 г.

В советский и последующие периоды историко-правовые науки претерпели серьезную трансформацию. В рамках советского периода, используя принцип хронологии, можно выделить несколько отдельных подпериодов: с 1918 по середину 1930-х гг.; вторую половину 1930-х – начало 1950-х гг.; вторую половину 1950-х – первую половину 1980-х гг.; конец 1980-х – 1990-е гг.; с 2000-х гг. по настоящее время.

Для того чтобы обосновать предложенную хронологию и дополнить ее качественными характеристиками, что в совокупности позволит не просто обозначить границы периодов, но дать самим периодам наименования, предложим некоторые критерии периодизации.

1) Политические решения, которые влияют на широкий спектр общественных отношений, в котором собственно история государства и права представляет небольшую локальность. Такие решения имеют объективные предпосылки, являются исторически обусловленными, выражают социальную динамику, которая далеко не всегда носит линейный характер. Считать такие решения волюнтаристскими, лишенными связи с реальностью, по меньшей мере, ненаучно.

2) Государственная научная и образовательная политика, которая является производной от стратегических политических решений, обеспечивает их адаптацию, формы и способы реализации применительно к конкретной сфере. Следует оценивать приемы артикуляции (кем, о чем и как говорится), нормативное обеспечение (важно обращать внимание на количество принимаемых актов, учитывать их статус, взаимосвязь и взаимообусловленность). В публичных заявлениях, в издаваемых документах декларируются и с разной степенью конкретности предусматриваются различные меры организационного, финансового и кадрового характера.

3) Институциональные параметры, под которыми понимаются внешние организационные изменения. К ним относятся наличие,

отсутствие или создание специализированных научных или научно-образовательных структурных подразделений (институтов, отделов, секторов, кафедр и др.). Дается оценка количественных показателей: числа научных учреждений, вузов, указанных ранее специализированных подразделений внутри их; численности научных сотрудников, преподавателей, аспирантов, студентов. Анализируются учебные планы с целью выявления в них дисциплин историко-правовой направленности, а также их объема и трудоемкости. Устанавливается состояние регламентированных процедур научных карьер, воспроизводства научных кадров (научные стажировки, номенклатура научных специальностей, обучение в аспирантуре, защита диссертаций и др.). Выявляются иные институциональные формы обеспечения научной деятельности (журналы, издательства, редколлегии, общества, советы, конференции, семинары и др.). Наряду с формализованными, непосредственно обеспечиваемыми и поддерживаемыми государством институциями рассматриваются не формализованные, относительно автономные сообщества и научные коммуникации.

4) Обеспеченные политической и институциональной поддержкой качественные изменения, которые отражают понимание предмета и методологии науки (возможны различные варианты монизма и плюрализма), актуальную тематику, показатели научности и др.

Таким образом, подпериод с 1918 по середину 1930-х гг. показывает дискретность в развитии истории государства и права России. В политической риторике прошлое российской государственности ассоциируется с царским режимом, отрицается ценность законодательства «свергнутых правительств» и, соответственно, актуальность его изучения. Институциональные изменения выразились в резком сужении возможностей для самого факта существования юридической науки и образования внутри университетов. С целью обеспечения политического контроля последовательно организуются специализированные научные учреждения (Социалистическая академия, Коммунистическая академия, Институт советского строительства и права Коммунистической академии). «Институтскую» научную структуру пытается воспроизвести

юридическая общественность, по инициативе которой в МГУ создается Институт советского права. Оригинальным научно-образовательным проектом является Институт Красной профессуры, как единое учреждение, так и разделившийся позднее на самостоятельные специализированные институты, в числе которых был Институт красной профессуры советского строительства и права (ИКП ССиП).

В учебных программах прежние полноценные курсы истории русского права заменили, как выразился в 1940 г. известный историк права Б. И. Сыромятников, «суррогаты, которые соединяют историю права с другими дисциплинами»⁸⁹.

Изучение истории права поддерживалось усилиями отдельных подвижников и энтузиастов, среди которых высокой научной активностью отличался С. В. Юшков. Политическая неактуальность дисциплины и невозможность объективной научной разработки тем, касающихся относительно недавних периодов российского самодержавия, подталкивала исследователей к «уходу в древность». Поэтому наиболее продуктивно изучается древнерусское государство и право. Параллельно разными учеными готовятся к изданию сборники документов. Относительная «аполитичность» тематики способствовала поддержанию дореволюционных исследовательских традиций.

Вторым, в отличие от первого, новаторским направлением стало изучение истории советского государства и права, которое зарождалось внутри отдельных дисциплин, объединенных в рамках специальности «советское строительство». Наиболее заметно это проявлялось в учебных программах ИКП ССиП, поскольку предполагалось, что будущие «красные профессора» в области юриспруденции должны обладать солидной фундаментальной подготовкой. Традиционно в российском юридическом образовании такая роль отводилась теоретико-историческим дисциплинам.

Попытки определения предмета науки предпринимаются представителями старой школы, которые пытались предложить

---

⁸⁹ АРАН (Архив РАН). Ф. 1934. Оп. 1. Д. 186. Л. 3. (Из доклада Б. Н. Сыромятникова 20 июня 1940 г.).

формулировки, исходя из утвердившегося в советском правоведении социологического понимания права. Интерпретируя право как отношения, С. В. Юшков предложил «следующую схему для изучения правовых институтов: 1) производственные отношения, 2) политическая надстройка, 3) правовые отношения, 4) правовая идеология, 5) норма»⁹⁰. Признается и осваивается новая методология. С. В. Юшков писал: «Применение метода диалектического материализма и понятий, выработанных марксистской теорией права, в значительной степени изменяет характер, объем, содержание и хронологический охват существовавшей до сих пор истории права»⁹¹.

Вторая половина 1930-х – начало 1950-х гг. характеризуется резким политическим поворотом к исторической науке и преподаванию истории. Осознается ее идеологический, культурологический и воспитательный потенциал, а в послевоенный период – на волне борьбы с космополитизмом – патриотический эффект. Принимаемые партийные и правительственные решения императивно требовали наладить изучение и преподавание исторических дисциплин на всех уровнях образования. От политического руководства страны поступали указания, как правильно писать учебники по истории.

Смена идеологической парадигмы накладывалась на другую политическую установку – приспособить науку и высшую школу к решению практических задач социалистической реконструкции. В процессе ее реализации обнаружились существенные «перегибы»: не оправдало себя выведение юридического образования из университетов с передачей его в юридические вузы, подведомственные наркомату юстиции. Постановление ЦК ВКП (б) 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране»⁹² зафиксировало серьезные упущения и недостатки в юридическом образовании и науке, в том числе в истории госу-

---

⁹⁰ Юшков С. В. К вопросу о методологии истории права // Записки научного общества марксистов. 1928. №1. С. 122.

⁹¹ АРАН. Ф. 360. Оп.4. Д.42. Л.13. (Из доклада С. В. Юшкова 20 декабря 1927 г.).

⁹² В ЦК ВКП (б) «О расширении и улучшении юридического образования в стране»// Советское государство и право. 1946. № 11-12. С. 50-53.

дарства и права, и наметило вполне эффективные способы их преодоления.

В указанный период выстраивается организационная модель управления наукой и образованием, в которой воспроизводятся многие дореволюционные элементы академической и университетской традиции. В системе Академии наук СССР создается Институт права, а в его составе – секция истории государства и права. Во вновь открытом Всесоюзном институте юридических наук (ВИЮН) формируется группа по истории государства и права. В Свердловском юридическом институте и МГУ создаются кафедры истории государства и права. Пересматриваются учебные планы, в качестве обязательных в них включаются несколько дисциплин историко-правового содержания, среди которых значится «История государства и права СССР». Такое название закрепилось по итогам апробации иных альтернатив («История права», «История государственных форм и правовой системы», «История государства и права народов СССР»).

Ключевыми вехами в институционализации дисциплины стало издание вузовских учебников. Автором первой части, которая ограничилась дореволюционным периодом, единолично выступил С. В. Юшков. Первое издание вышло в 1940 г. Вторая часть готовилась коллективом под руководством А. И. Денисова, где большинство авторов представляло отраслевые юридические науки, что повлияло на содержание учебника. На концептуальные различия первой и второй частей (вторая часть опубликована в 1948 г.) обращали внимание уже его современники. В качестве примера можно привести мнения, прозвучавшие во время обсуждения учебника в ВИЮН (февраль 1948 г.). К. А. Софроненко сказала, что в учебнике нет истории. «Почему, когда мы читаем курс государства и права, начиная от Киевской Руси, то даем характеристику экономического, общественного строя, касаемся военной и внешней политики государства, правового положения классов, переходим к источникам права, затем подходим к изложению самих отраслей права, а когда речь идет о советском государстве, то эту схему ломают? Этот учебник представляет лишь краткие

очерки по отдельным отраслям права»⁹³. Учебник был назван комментарием к законодательству, для веского доказательства было подсчитано: «на 220 страницах книги упоминается 240 законодательных актов»⁹⁴.

Необходимо отметить, что ранее еще большей критике был подвергнут учебник С.В. Юшкова, что получило подробное освещение в современных публикациях⁹⁵.

Дискуссию вызвала и публикация первой за советские годы монографии по историко-правовой тематике – книги Б.И. Сыромятникова «"Регулярное" государство Петра Первого и его идеология. Ч. 1»⁹⁶.

Если не учитывать личностный момент, хотя, несомненно, шла борьба за научное лидерство, дискуссии в среде историков права отражают поиск ответов на вопрос о предмете науки истории государства и права СССР; признаках историко-правового исследования; соотношении общего и частного, юридического ракурса подачи материала. Придерживаясь юридического ракурса, надлежало корректно использовать принятый в юриспруденции понятийный аппарат, юридическую лексику, рассматривать историю отраслей права через призму действующих норм и институтов. В рамках исторического ракурса развитие государства и права помещалось в широкий социально-политический контекст, всесторонне анализировались памятники права, выявлялись и описывались исторические факты, устанавливались причинно-следственные связи изменений в государстве и праве.

---

⁹³ Обсуждение учебника по истории государства и права СССР во Всесоюзном институте юридических наук // Социалистическая законность. 1948. № 5. С. 52–53.

⁹⁴ Там же. С. 51.

⁹⁵ Киселев М. А. Конфликты советских историков права из-за плагиата в середине 1930-х - начале 1940-х гг. // Уральский исторический вестник. 2020. №3. С. 124-133; Ящук Т. Ф. Дискуссии историков права в конце 1930-х – 1940-е гг. // Российский юридический журнал. 2021 №2 (9137). С. 194-203.

⁹⁶ Киселев М. А. «"Регулярное" государство Петра I в сталинской России: судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени. СПб., 2020.

В целом состояние науки и учебной дисциплины «История государства и права» в данный период характеризуется следующими признаками:

1) Избегание четкого определения предмета науки и учебной дисциплины.

2) Расширение хронологических и территориальных рамок предмета, хотя оно скорее обозначено в качестве постановочной проблемы, поскольку историко-правовые исследования, посвященные генезису и развитию государственности у народов СССР, начались позднее.

3) Построение периодизации на четком обособлении двух периодов: дореволюционного и советского.

4) Этатизация в содержании науки, когда на первое выдвигается познание государства, а право рассматривается как его признак.

5) Декларирование следования методу диалектического материализма, хотя реально, используемый учеными методологический инструментарий был шире, распространенным методом оставался позитивизм.

6) Чрезмерная, не всегда оправданная дискуссионность в рамках обычной научной коммуникации (обсуждения, рецензии, защиты диссертаций). В целом, обязательность критики, саморазоблачений являлись обязательным атрибутом в публичном пространстве этого периода, провоцировались и поддерживались властью.

С середины 1950-х гг. начинается последний подпериод советской историко-правовой науки. Важнейшие политические установки были озвучены на XX съезде КПСС и закреплены решениями XXII съезда КПСС. Демократизация общественной жизни затронула научную и образовательную сферу. Существенно улучшились организационные условия для занятия историко-правовой наукой, что подтверждается, например, облегчением доступа в архивы и открывшимися возможностями использования и публикации ранее засекреченных документов.

В эти годы продолжилась реализация Постановления 1946 г. о юридическом образовании. Выполнялись заложенные в нем коли-

чественные параметры: открывались новые университеты с юридическими факультетами (в Красноярске, Омске, Барнауле). Соответственно рос контингент студентов-юристов, для обучения которых требовались преподавательские кадры. Хотя в большинстве вузов действовали объединенные кафедры теории и истории государства и права, но численность преподавателей, занимающихся историко-правовыми исследованиями, неуклонно возрастала. Сформировалась и стабилизировалась номенклатура научных специальностей, в которой нашлось место истории государства и права. Аспирантура по специальности концентрировалась преимущественно в Москве, Ленинграде, Свердловске. Здесь же постоянно действовали диссертационные советы.

Существенно расширилась тематика историко-правовых исследований, хотя продолжали доминировать работы, посвященные советскому государству и праву. Более разнообразной становится учебная литература. Основными центрами написания учебников являются МГУ и Всесоюзный юридический заочный институт. С целью лучшего методического обеспечения учебного процесса крупные региональные вузы приступают к изданию хрестоматий и сборников документов. Такая практика стала складываться в Свердловске⁹⁷, Иркутске⁹⁸, Саратове⁹⁹. Закладываются долговременные издательские проекты: «История советского государства и права» и «Российское законодательство X-XX вв.». Над первым проектом работа продолжалась более 20 лет, но в итоге выпустили только 3 тома, издание осталось хронологически незавершенным. Второй проект ожидала более удачная научная судьба, а его основные составители были удостоены Государственной премии СССР. Издание вышло в девяти томах, его можно считать законченным, несмотря на то что последние опубликованные документы относились к периоду Временного правительства, то есть

---

⁹⁷ История государства и права СССР. Учебное пособие. Ч. I. / сост. доц. Н. Н. Дедов, М. С. Сапаргалиев. Свердловск, 1971.

⁹⁸ Хачатуров Р. Л. Сборник документов к изучению истории государства и права СССР. Иркутск, 1973.

⁹⁹ Виленский Б. В. История государства и права СССР. Саратов, 1985.

советский период государства и права, продолжавшийся большую часть XX в., оставался не охваченным.

В 1950-х гг. открывается вторая дискуссия по ключевым вопросам истории государства и права СССР: периодизации, предмету и, в меньшей степени, методологии. Показательно, что ее начало инициирует слабо формализованная институция, а именно редакция журнала «Советское государство и право», где в сентябре 1955 г. собирается совещание авторского актива историков государства и права. На обсуждение были вынесены два вопроса: о предмете науки истории государства и права СССР и о периодизации истории советского государства и права. Поводом и основой для обсуждения стали поступившие в редакцию рукописи трех статей, среди которой ключевой являлась статья «К вопросу о предмете и методе истории государства и права СССР» (авторы – работники кафедры истории государства и права юридического факультета МГУ доктор юридических наук К.А. Софроненко и кандидаты юридических наук И.Д. Мартысевич, О.И. Чистяков, С.И. Штамм, Е.Г. Баскакова). В Совещании принял участие достаточно широкий круг историков права¹⁰⁰.

Если в предыдущий период ученые избегали давать четкое определение предмета науки истории государства и права СССР, то теперь появляются специальные публикации, посвященные этому вопросу¹⁰¹. В 1950-е гг. предмет формулировался, исходя из противопоставления дореволюционного и советского государства и права. Например, ленинградские ученые Г.Б. Гальперин и А.И. Королев считали, что «история государства и права СССР изучает возникновение, развитие и падение эксплуататорских типов и форм государства, а также правовых систем у народов СССР, возникновение, развитие и укрепление Советского государства и права»¹⁰². В дальнейшем удалось предложить более

---

¹⁰⁰ О совещании авторского актива историков государства и права при редакции журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1956. №1. С. 131.

¹⁰¹ Ящук Т. Ф. Определение предмета истории государства и права России в юридической науке второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2020. № 11.

¹⁰² Гальперин Г. Б., Королев А. И. О предмете науки истории государства и права

универсальные определения, базируясь на научной категории исторического типа государства и права. О. И. Чистяков писал: «Предметом историко-правовых наук является историческая смена типов и форм государства и правовых систем»¹⁰³. В содержании предмета наблюдается более гармоничное соотношение истории государства и истории права, что особенно заметно проявлялось в структуре и представлении материала в вузовских учебниках.

Обращаясь к предмету истории государства и права СССР, ученые сталкивались с необходимостью его отграничения от смежных исторических и юридических наук. В целом можно говорить о наличии двух позиций. Так, В.М. Курицын и С.Л. Ронин считали, что задача науки истории государства и права СССР не ограничивается изложением фактов. Она должна выявлять закономерности государственно-правового развития¹⁰⁴. В увлечении фактами при недостатке должных обобщений, критиковался учебник С.В. Юшкова¹⁰⁵.

Г.Б. Гальперин и А.И. Королев, напротив, доказывали, что предмет науки состоит в изучении конкретных государственно-правовых явлений и институтов¹⁰⁶.

Расходились мнения ученых и по поводу того, кто должен предметно заниматься историей отдельных отраслей права: историки права или представители отраслевой науки.

В актуальном исследовательском поле оставались вопросы периодизации. Впоследствии А.И. Королев отмечал: «Все хорошо помнят споры, развернувшиеся по вопросу о периодизации социалистического государства и права вообще, советского в том числе,

---

СССР // Правоведение. 1960. №4. С. 107.

¹⁰³ Чистяков О. И. Введение в историко-правовые науки // Чистяков О. И. Избранные труды. М., 2008. С. 86.

¹⁰⁴ Курицын В. М., Ронин С. Л. О предмете и системе курса истории Советского государства и права // Советское государство и право. 1961. № 12. С. 49.

¹⁰⁵ Всесоюзное совещание о мерах по улучшению подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, 18-21 декабря 1962 г. М., 1964. С. 383.

¹⁰⁶ Гальперин Г. Б., Королев А. И. История советского государства и права как наука, ее предмет и задачи // Советское государство и право. 1962. № 10. С. 38-39.

которые так и остались незавершенными»¹⁰⁷. Представляется, что в советской историко-правовой науке преувеличивали значение вопроса о периодизации, в итоге предлагались схоластические схемы, которые оказывались слабо применимыми или совсем ненужными при исследовании конкретных институтов и явлений.

К безусловным достоинствам относилось расширение методологического арсенала. Произошел отход от жесткого монизма, публично декларировалась необходимость обогащения научного инструментария за счет использования сравнительно-правового метода¹⁰⁸, сочетания логических и исторических подходов в познании права¹⁰⁹.

Переходя к постсоветскому периоду, необходимо определиться с хронологическими рамками. Как правило, основываясь на формально-юридических фактах, переход к постсоветскому периоду связывают с Беловежскими соглашениями, подписанными в декабре 1991 г., в результате которых прекратилось существование СССР как суверенного государства.

Однако изменения в историко-правовой науке начались раньше, уже в конце 1980-х гг. В отличие от других периодов, когда сначала проводились организационные трансформации, и они задавали параметры качественным изменениям в историко-правовой науке и образовании, в постсоветский период процессы развивались в обратной последовательности. Заявленная политика перестройки и гласности дала мощный толчок к обновлению исторического знания, обращения к ранее «закрытым» темам. При этом институциональные формы оставались прежними.

Возвращаясь к хронологическим рамкам постсоветского периода, отметим, что даты верхней границы, констатирующей его завершение, требуют отдельной аргументации. Возможны два варианта: признать постсоветский период продолжающимся до

---

¹⁰⁷ Королев А. И. Повышать уровень исследований в области истории государства и права // Актуальные проблемы истории государства и права. М., 1976. С. 54.

¹⁰⁸ Тилле А. А., Швеков Г. В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах. М., 1973.

¹⁰⁹ Историческое и логическое в познании государства и права / Под ред. А. И. Королева. Л., 1988.

настоящего времени или считать, что он сменился современным периодом, время перехода к которому конкретизировать непросто. Выявлению и анализу особенностей функционирования науки «Истории государства и права России» (под таким названием она известна сейчас) способствует изучение предшествующих периодов ее развития.

Список литературы

1. В ЦК ВКП (б) «О расширении и улучшении юридического образования в стране» // Советское государство и право. 1946. № 11-12.
2. Виленский Б. В. История государства и права СССР. Саратов, 1985.
3. Всесоюзное совещание о мерах по улучшению подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, 18-21 декабря 1962 г. М., 1964.
4. Гальперин Г. Б., Королев А. И. История советского государства и права как наука, ее предмет и задачи // Советское государство и право. 1962. № 10.
5. Гальперин Г. Б., Королев А. И. О предмете науки истории государства и права СССР // Правоведение. 1960. №4.
6. История государства и права СССР. Учебное пособие. Ч. I. / сост. доц. Н. Н. Дедов, М. С. Сапаргалиев. Свердловск, 1971.
7. Историческое и логическое в познании государства и права / Под ред. А. И. Королева. Л., 1988.
8. Киселев М. А. Конфликты советских историков права из-за плагиата в середине 1930-х - начале 1940-х гг. // Уральский исторический вестник. 2020. №3.
9. Киселев М. А. «"Регулярное" государство Петра I в сталинской России: судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени. СПб., 2020.
10. Королев А. И. Повышать уровень исследований в области истории государства и права // Актуальные проблемы истории государства и права. М., 1976.
11. Курицын В. М., Ронин С. Л. О предмете и системе курса истории Советского государства и права // Советское государство и право. М., 1961. № 12.
12. О совещании авторского актива историков государства и права при редакции журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1956. №1.

13. Обсуждение учебника по истории государства и права СССР во Всесоюзном институте юридических наук // Социалистическая законность. 1948. №5
14. Тилле А. А., Швеков Г. В. Сравнительный метод в юридических дисциплинах М., 1973.
15. Ушаков А. А. К вопросу о предмете, задачах и структуре курса истории государства и права // Ученые записки Пермского университета. 1961. Т. 19. Вып. 5.
16. Хачатуров Р. Л. Сборник документов к изучению истории государства и права СССР. Иркутск, 1973.
17. Чистяков О. И. Введение в историко-правовые науки // Чистяков О. И. Избранные труды. М., 2008.
18. Юшков С. В. К вопросу о методологии истории права// Записки научного общества марксистов. 1928. №1.
19. Ящук Т. Ф. Дискуссии историков права в конце 1930-х – 1940-е гг. // Российский юридический журнал. 1921. №2.
20. Ящук Т. Ф. Определение предмета истории государства и права России в юридической науке второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2020. № 11.

Скоробогатов Андрей Валерьевич

Телеологическая парадигма историко-правового познания

Современный этап социального развития характеризуется обновлением всех сторон жизни, обусловленных транзитивным состоянием общества и переходом к четвертому экономическому укладу. Это обновление затрагивает и юридическую науку, которая призвана не только адекватно объяснить закономерности и особенности развития национальной и глобальной правовой реальности, но и сформировать научно обоснованный прогноз ее дальнейшего развития. Речь при этом идет о том, что эволюция правовой реальности должна предполагать учет не только онтологического аспекта, но и аксиологического. Все это актуализирует смещение акцентов исследовательского интереса с формально-догматических исследований к антропологическим и феноменологическим. Однако в большей степени эта закономерность харак-

терна для исследований современной правовой реальности и в меньшей степени затрагивает ее исторические аспекты.

Историко-правовая наука, несмотря на появление отдельных работ, основанных на постклассической методологии, в целом остается на позициях методологии позитивизма. Нам представляется, что обновление историко-правовых исследований, как и юридической науки в целом, должно осуществляться на основе характерной для постклассической науки полипарадигмальности и интегративности, которые позволяют максимально широко охватить все аспекты формирования, развития и функционирования правовой реальности в широком историческом и социокультурном контексте. При этом речь должна идти не только о хронологических исследованиях прошлого, но и о темпоральных, что позволит синтезировать объективные и субъективные аспекты историко-правового процесса.

Однако это не означает разработку принципиально новой методологии исследования¹¹⁰, но и переосмысление теоретических возможностей классических идей. Одним из таких незаслуженно забытых учений является телеологическая теория, разработанная в конце XIX в. крупнейшим немецким юристом Рудольфом фон Иерингом¹¹¹.

Идея о телеологической направленности правового развития, сформулированная Р. Иерингом в оставшемся незавершенным двухтомном сочинении «Цель в праве», явилась логическим завершением разработки им социологической доктрины правопонимания¹¹² и стала своеобразным подведением итогов детерминистских изысканий причинно-следственных связей в правовом развитии, которые велись в немецкой юриспруденции во второй поло-

---

¹¹⁰ См. напр.: Честнов И. Л. Историко-правовая наука в ситуации постпостмодерна // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5 (81). С. 91-96.

¹¹¹ Seagle W. Rudolf von Jhering: Or Law as a Means to an End // University of Chicago Law Review. 1945. Vol. 13. Iss. 1. Art. 4. P. 83.

¹¹² Горбань В. С. Диалектика понятия против диалектики цели: о проблеме преемственности и новизны с позиции сравнения философии Гегеля и философии Иеринга // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 3. С. 141-142.

вине XIX в.¹¹³ Несмотря на некоторую методологическую устарелость этих идей, в целом они коррелируют с позициями социологической феноменологии права, активно развиваемой в настоящее время в России. Прежде всего, речь идет о коммуникативной теории и доктрине социального конструктивизма, отдельные элементы которых проникают и в историко-правовые исследования¹¹⁴.

Исходя из идеи целевого закона как высшего закона мироздания, Р. Иеринг считал, что этот закон выражается в разной форме для живой и неживой природы. Для «неживых предметов» действует закон причинности («потому что»), в то время как для живых существ – закон цели («для того, чтобы»). Это позволяет утверждать, что в отличие от причины, которая относится к прошедшему времени, цель направлена в будущее¹¹⁵. Тем самым телеологическая теория Р. Иеринга предвосхитила современные исследования права прогностической направленности и артикулировала временной вектор исследования историко-правовой реальности не только в хронологическом, но и темпоральном контексте. Как явление цель существует в настоящем времени (сущее) в то время как преследуемая ею цель относится к будущему (должное)¹¹⁶. Цель при этом выступает как представление о будущем, которое пытается реализовать воля¹¹⁷, т. е. связана с социальными представлениями о направленности правового развития на удовлетворение не только реальных, но и потенциальных интересов общества¹¹⁸. С одной стороны, перспективная формулировка закона (нормативного правового акта) предполагает конструирование «воображаемой» правовой реальности, достижение которой возможно в будущем при осуществлении правоприменителем тех

---

¹¹³ Беляева О. М. Цель права и цель в праве: взгляд через призму учения Р. фон Иеринга // История государства и права. 2015. № 7. С. 24.

¹¹⁴ См. напр.: Разуваев Н. В. История юридической науки в контексте эволюции правового мышления // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 41-51. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.81.5.041-051.

¹¹⁵ Иеринг Р. Цель в праве / пер. В. Р. Луцкого, Н. В. Муравьева, Н. Ф. Дерюженского; под ред. В. Р. Лицкого. СПб., Т. 1. II. С. VI, 2.

¹¹⁶ Там же. С. 3.

¹¹⁷ Там же. С. 6-7.

¹¹⁸ Rapone V. Der Zweckbegriff im Werk Rudolf von Iherings // Journal der Juristischen Zeitgeschichte. Bd. 13. H. 1. S. 147.

средств и в той форме, как это предусмотрено правотворцем. С другой стороны, ретроспективная ориентация законодателя не только на легальность источников права, но и их легитимность, предполагает учет социального правового опыта, сформированного не только в настоящем, но и в прошлом. Это обуславливает необходимость исследования не только нормативного массива, но и социально-культурных и психологических особенностей его конструирования и применения. Особенно актуальным это становится для историко-правовых исследований, поскольку именно здесь в наибольшей степени возможно рассмотреть не только нормативно сформулированную цель и средства, определенные для ее достижения, но и проанализировать полученные результаты в контексте их онтологического и аксиологического соответствия цели. Т.е. историко-правовая наука в отличие от иных юридических наук изначально акцентирована на телеологический аспект изучения развития и функционирования правовой реальности.

Однако для исследователя становится значимым не только рассмотрение особенностей историко-правового процесса, но и его рефлексия как в сознании акторов, так и в сознании исследователей. Это позволяет интерпретировать государственно-правовое развитие не только в контексте историзма, но и с учетом ретроспекции, возможности использования национальной правовой традиции, в т. ч. институционального характера для совершенствования национальной правовой системы на современном этапе¹¹⁹.

Историко-правовое познание правовой реальности предполагает анализ не только на онтологическом, но и аксиологическом уровне. Обращение к последнему аспекту означает исследование ценностного компонента не столько в форме абстрактных норм и принципов, но и их рефлексии в сознании и поведении индивида, социальных групп и общества в целом. Правовая цель при этом выступает как идеально предполагаемая и гарантированная государством, обществом или локальным сообществом модель какого-

---

¹¹⁹ Азми Д. М. Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938-1946 годы). М., 2009. 285 с.

либо социального процесса, к достижению которого при помощи правовых средств стремятся субъекты правовой деятельности. Выявление глобальной или локальной цели правового развития в рамках определенного социокультурного хронотопа позволяет вывести историко-правовые исследования на философский уровень и рассмотреть в контексте синтеза уникального, например, в рамках интеллектуальной истории или истории понятий, и общецивилизационных работ историсофского характера.

Как правило, в качестве формы выражения правовой цели того или иного общества в рамках определенного хронотопа выступают ценности, сконструированные на уровне правовой ментальности и закрепленные в формальных источниках права высшей юридической силы. Восприятие этих положений не только в качестве ценности, но и правовой цели детерминировано особенностями социальной идентификации человека. Стремясь к отождествлению себя с определенной социальной группой, индивид не только признает ее ценности, но и, воспринимая их в качестве эталона, воспроизводит в своем поведении. Тем самым эти ценности выступают для него правовой целью, а собственное правовое поведение – средством достижения этой цели. При этом целенаправленность действий гарантирует, что человек становится субъектом правовой коммуникации внутригрупповой направленности. Поскольку ретроспективный историко-правовой анализ позволяет рассмотреть не только нормативную постановку цели, но и результаты, связанные с развитием и функционированием правовой реальности, использование телеологического подхода дает возможность исследовать как закономерности правового развития, так и отдельные факты, имеющие ситуативный характер, но оказывающие воздействие на трансформацию реальности в силу их осуществления адресантом коммуникации, пользующимся легитимным авторитетом и имеющим основания для влияния на сознание и поведение адресатов. Однако это предполагает смещение акцента исследовательского внимания с изучения исключительно юридического развития государства на рассмотрение правовой эволюции отдельных социальных групп и даже индивидов, которые выступают в качестве акторов. При этом должно быть уделе-

но большее внимание анализу в качестве источника документов личного происхождения, что позволит изучить рефлексии правовой реальности адресантами коммуникации и соответствие индивидуальных правовых целей социальным и официальным.

Разделяя позицию Р. Иеринга о том, что право является целесообразным понятием¹²⁰, мы рассматриваем целенаправленность как свойство социального развития, а целесообразность выступает субъективным стремлением лица достигнуть определенной цели, связанной с удовлетворением индивидуальных и социальных интересов. Однако речь при этом идет не просто о признании человека в качестве актора правового развития, субъекта, определяющего его целенаправленность, но и о смещении акцента с исключительно онтологических исследований на аксиологические, позволяющие рассмотреть ценностную составляющую правовой цели. Этот аспект особенно важен в историко-правовом познании, поскольку позволяет изучить качественные характеристики правовой жизни общества в ретроспективе. При этом выявление взаимосвязи между правопорядком как реализованной целью и законом как сконструированной целью «воображаемого» правопорядка должно осуществляться не только в форме сравнения цели и результата, но и исследования средств, использованных для достижения цели в контексте их корреляции социальным и индивидуальным потребностям, которые существуют в рамках данного хронотопа. Выполнение этой задачи возможно при условии не только смещения методологических акцентов в сторону усиления телеологического подхода, но и расширения источниковой базы историко-правовых исследований, включения в нее, наряду с официальными юридическими документами, их проектов, а также источников личного происхождения. Применительно к истории государства и права Новейшего времени речь может идти также об изучении аудиовизуальных материалов. Применительно к последним большую помощь историкам права может оказать антропологическая методология.

---

¹²⁰ Иеринг Р. Указ. соч. С. II.

Будучи ценностно ориентированной категорией, цель определяет не только общее направление правового развития, но и содержание правовой системы¹²¹ как в рамках определенного хронотопа, так и в глобально диахронном аспекте. При этом обеспечение жизненных условий общества является не только общей целью правовой системы, но и составляет цель ее отдельных элементов (отраслей), хотя реализация этой цели в различных отраслях осуществляется по-разному¹²².

Это позволяет подойти к интерпретации правовой цели инструментально. Правовое деяние (как элемент правового поведения) само по себе никогда не является целью, оно выступает лишь средством, направленным на достижение цели. Лежащая в основе деяния причина может быть трансформирована в цель, тем самым придавая первому телеологический характер. Не существует бесцельных деяний. Наличие целеполагания даже в деяниях, в т. ч. правовых, совершенных под принуждением или бессознательно, свидетельствует об их ценностной детерминации. Однако речь идет не о линейной детерминации, а о фрактальной, при которой отдельные факты или деяния не порождают последствий, к которым ведет их сумма. Даже реализация государством противоречащей на первый взгляд интересам общества цели в праве в конечном итоге приводит к удовлетворению социальных интересов, хотя зачастую внешне это выражается в удовлетворении интересов политической элиты. Историко-правовое исследование целеполагания акторов правовой коммуникации позволяет не только изучить особенности правового развития определенного общества или региона, но и выявить факторы, влияющие на эффективность правового воздействия на сознание и поведение субъектов права. Применение этого подхода позволяет вывести историко-правовые исследования на историософский уровень и рассмотреть историко-правовую реальность не только в контексте прошлого, но и бу-

---

¹²¹ Чулюкин Л. Д. Природа и значение цели в советском праве. Казань, 1984. С. 15.

¹²² Севостьянов А. А. Соотношение цели в праве и иных правовых категорий // Вестник ТИСБИ. 2012. № 4. С. 228-233.

дущего, с учетом прогностической составляющей как позитивно-го, так и социального права.

Рассмотрение цели объективно-субъективно, с учетом взаимосвязи каузальности внешнего мира и телеологии человеческой воли, предложенное еще Р. Иерингом¹²³, позволяет усилить антропологичность историко-правовых исследований. Обращение к изучению имеющей целесообразный характер воли человека и (или) общества как первопричины изменений во внешнем мире, придает цели трансцендентальную интенцию¹²⁴. Однако целесообразность права является субъективной категорией и зависит от социокультурных факторов. Изучение факторов, в т. ч. психологических, влияющих на конструирование цели, определение средств и ее реализации в правовых действиях человека и общества можно связать с антропологическим поворотом гуманитарного знания и необходимостью расширения исследовательского интереса к правовому человеку в контексте его социокультурного развития и взаимодействия. В определенной степени антропологизация исследования целенаправленности правового развития в историко-правовой науке может способствовать ее популяризации.

Субъектом целеполагания при этом, носителем и выразителем практических потребностей и целей, обеспечиваемых посредством права, выступают не только государство и общество, но также различные общественные объединения и отдельный индивид, на что обратил внимание еще Р. Иеринг¹²⁵. Благодаря целеполаганию, именно в правовой сфере наиболее ярко прослеживается солидарность между интересами индивида и интересами общества и прослеживается конвенциональный характер правового развития.

Однако признание приоритетности воли в конструировании правовой цели не означает полного отказа от присутствия в развитии и функционировании правовой реальности объективных элементов. Если внутренним гарантом реализации цели выступает правосознание, то внешним – система правосудия. Исследование этой взаимосвязи предполагает обращение к постклассическому

---

¹²³ Иеринг Р. Указ. соч. С. 13-14.

¹²⁴ Там же. С. 16.

¹²⁵ Там же. С. 323-326.

варианту интегративного правопонимания и рассмотрение содержания и результатов конвенциональных процессов социального конструирования правовой реальности¹²⁶.

Таким образом, правовая цель выступает важнейшим элементом развития и функционирования правовой реальности. Будучи объективно-субъективной категорией, правовая цель определяет взаимосвязь и взаимообусловленность правового и социального развития. Правовая цель как сконструированная «воображаемая» правовая реальность отражает движение человека от прошлого через настоящее в будущее. Эвристический и интерпретационный потенциал телеологической теории может служить методологическим базисом для современных интегративных историко-правовых исследований правовой реальности и роли в ней человека.

Список литературы

1. Азми Д. М. Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938-1946 годы). М., 2009.
2. Бабаева Ю. Г., Пашенцев Д. А., Ситдикова Л. Б. Особенности конструирования преступности в первый период Советского государства (к 100-летию принятия Руководящих начал по уголовному праву РСФСР) // Образование и право. 2019. № 9.
3. Беляева О. М. Цель права и цель в праве: взгляд через призму учения Р. фон Иеринга // История государства и права. 2015. № 7.
4. Горбань В. С. Диалектика понятия против диалектики цели: о проблеме преемственности и новизны с позиции сравнения философии Гегеля и философии Иеринга // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 3.
5. Иеринг Р. Цель в праве / пер. В. Р. Луцкого, Н. В. Муравьева, Н. Ф. Дерюженского; под ред. В. Р. Лицкого. СПб., Т. 1. II, VIII,
6. Разуваев Н. В. История юридической науки в контексте эволюции правового мышления // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5.

---

¹²⁶ Бабаева Ю. Г., Пашенцев Д. А., Ситдикова Л. Б. Особенности конструирования преступности в первый период Советского государства (к 100-летию принятия Руководящих начал по уголовному праву РСФСР) // Образование и право. 2019. № 9. С. 261-265.

7. Севостьянов А. А. Соотношение цели в праве и иных правовых категорий // Вестник ТИСБИ. 2012. № 4.
8. Честнов И. Л. Историко-правовая наука в ситуации постпостмодерна // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5 (81).
9. Чулюкин Л. Д. Природа и значение цели в советском праве. Казань, 1984.
10. Rapone V. Der Zweckbegriff im Werk Rudolf von Jherings // Journal der Juristischen Zeitgeschichte. Bd. 13. H. 1.
11. Seagle W. Rudolf von Jhering: Or Law as a Means to an End // University of Chicago Law Review. 1945. Vol. 13. Iss. 1. Art. 4.

Шатковская Татьяна Владимировна

Применение исторического метода как неперенное условие действительности современного законотворчества

Проблема слабой востребованности историко-правового знания в современной российской юриспруденции дихотомична. С одной стороны, она обусловлена господством утилитарно-позитивистского подхода в отечественном правоведении, отношением к юриспруденции как инженерному воплощению государственных запросов в юридические формы. Функционально-поведенческий подход игнорирует и даже исключает такие понятия как внутренний мир юриста, его понимание картины мира, в том числе и своего места в ней, осознание духовно-нравственной и моральной составляющей юридических действий и др.

В практике отечественного законотворчества с советских времен прочно закрепилось представление о том, что закон лишь средство для реализации главной функции государства – управлять обществом. С этого времени задачей законодателей, в роли которых в основном выступали должностные лица исполнительно-распорядительных органов, становилось оперативное юридическое оформление политических решений, связанных с текущим социально-экономическим моментом.

При этом нередко забывали о том, что любая юридическая норма складывается в ходе человеческой коммуникации, и ее внешняя поведенческая составляющая зиждется на глубокой идейно-нравственной основе, без которой она теряет жизненную силу. Выстраивание длительных общественных отношений, создание устойчивой социальной системы и развитие государства невозможно без понимания того, что каждый элемент юридической деятельности должен юристом не только практически отрабатываться, но и осознаваться и соизмеряться с культурными ценностями, то есть с прошлым.

С другой стороны, описательный подход отечественного юридического опыта, широко распространенный в современной истории права, дает научные результаты, обладающие низкой практикоориентированностью. Интерпретация многочисленных историко-юридических фактов должна осуществляться конгениальным экспертом, владеющим соответствующим научным инструментарием. Это важно, прежде всего, для юридической практики. Поскольку, говоря о справедливости права и честности правоприменителя, зачастую упускают более социально значимые характеристики права, а именно его определенность, стабильность и целостность. Так, решение судьи будет признано правильным, если он опирается на прошлый опыт как наилучший путь к будущему, интерпретируя его, исходя из общих принципов, выражающих наше единство в сообществе, несмотря на различие взглядов, проектов, интересов и убеждений.

Тем самым, прошлое не проходит, а, напротив, по меткому выражению Х. Арендт подталкивает нас вперед¹²⁷. И одним из правовых средств на этом пути становится закон. Его предназначение состоит в прояснении направлений этого движения для придания людям уверенности при решении конкретных проблем. Любой закон является частью правовой традиции, в том смысле, что он всегда имеет отношение к прошлому, фиксируя сложившиеся

---

¹²⁷ Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М., 2014. С. 20.

еся, и перебрасывает мост в будущее, программируя определенные контуры будущей правовой реальности.

В отличие от законов природы, которые объективны, но подвластны человеческому познанию, ведущему борьбу за существование, юридические законы представляют собой определенные правила правового долженствования, сконструированные человеческим разумом для совместной жизни людей. Такие законы состоят из норм, то есть определенных устойчивых суждений о правильном поведении в обществе для формирования лучшего порядка совместного человеческого общежития. Данные нормы имеют общий характер, но относятся к каждому человеку и поддерживаются исторической памятью.

Историческая память непосредственно связана с идеей общественного воспитания, нацеленная на подготовку граждан жить в согласии с государством и для этого важно подобрать подходящий воспитательный материал. Как писал Б.Н. Чичерин, «нация состоит не в личных свойствах каждого, а в принадлежности к общей духовной сущности, связывающей отдельные лица не только между собой, но и с отдаленными предками» даже при отсутствии личной физиологической связи¹²⁸. Эта связь является необходимым связующим элементом национальной правовой идентичности людей, объединяющих их общими правовыми представлениями наряду с единым языком, историей и Отечеством.

Таким образом, свободное правовое развитие предполагает наличие культурной традиции, объединяющей отдельных личностей в единое политическое целое. Духовная связь между поколениями достигается усвоением и переосмыслением достигнутого в различных сферах жизнедеятельности. Ее осуществление активизирует духовный и научный потенциал общества в направлении поиска новых юридических идей.

В XX веке россияне дважды бунтовали против собственной правовой традиции, что привело к тому, что переброшенные в XXI в. правовые оболочки уже нельзя было осмысливать и систематизировать посредством традиционных понятий и идеалов. До

---

¹²⁸ Чичерин Б. Н. *Философия права*. М., 1900. С. 69.

их действительных истоков не было возможности докапываться при набранных и все возрастающих темпах законотворчества. Поэтому все чаще в отечественную регуляторную практику вводились созданные в других системах юридические формы, в которые пытались втиснуть собственный опыт.

Еще раз напомним о том, что нельзя начинать новое, не переосмыслив прошлого. Именно авторитет прошлого позволяет нам формировать нить исторической преемственности, и постигать действительный смысл общих правовых понятий в их становлении и движении.

В законотворчестве прошлое актуализируется двумя способами: опорой или опровержением авторитета традиции и применением исторического метода как одним из приемов рационализации права.

В отечественном законотворчестве масса примеров использования первого и более скромные попытки осмысления посредством исторического метода того, что было сделано в этой области для целенаправленного создания нового или сотворения своей будущей юридической истории.

Первый прием не относится к собственно юридическим, а является социокультурным феноменом. Он используется на этапе общественного развития, когда право синкретично вплетено в ткань социального регулирования и неотделимо от морали, религии, нравственности. Поскольку единственным источником выживания в этот период являлось сохранение общественного целого, то закрепление традиции способом консервации общественно-го строя придавало ему черты стабильности, цикличности и устойчивости, свойственные природе.

Рукотворный мир права полностью включался в природу, что обеспечивало максимальную вовлеченность человека в природные процессы. В правовой области это выражалось в тщательном сохранении и закреплении правил и способов поведения, завещанных предками и освещенных их авторитетом. Относительно постоянная сущность правовых конструкций русского средневековья подтверждается длительностью действия первых Судебников,

начиная с Русской Правды, действовавшей в качестве источника права с XI по XV вв.

Кроме того, широкое использование традиции для обеспечения легитимности права приводило к восполняющему, а не вытесняющему характеру правотворчества. Новые правовые нормы появлялись в большей части для восполнения пробелов в действующем праве. Примером тому служат Судебники XV-XVI вв., большинство норм которых считается новыми. Однако они не вытесняли предыдущие правила, а восполняли их пробелы. Для этого также использовалось прошлое, в виде опыта и сложившейся практики княжеских и церковных судов.

Тем самым, письменному закреплению нормы в общеобязательных актах предшествовала практическая деятельность по отработке лучшего опыта, его последующей фиксации и трансляции. В этой связи следует вспомнить Соборное Уложение 1649 г. Оно стало первым примером использования западноевропейских юридических форм. Однако эти формы наполнялись отечественным опытом, накопленным приказами и закрепленным в их указных книгах. Это была систематизация права без обновления.

Конечно, сама по себе письменная фиксация общеобязательного права в обществе с господствующей устной культурой создавала определенный социальный разрыв и новые иерархии. Она требовала новых способов обнародования и сменяемости правил, так как в традиционной системе сменяемость осуществлялась через право общества на забвение несостоятельных обычаев. Однако в целом модель восполняющего правотворчества, допускающая плюрализм источников права, с широкой опорой на традицию обеспечивала баланс легальности и легитимности в отечественном праве.

Новое время изменило человеческий мир, и полагаться исключительно на традицию стало недопустимо. В России западноевропейская тенденция на рационализацию права получила широкое распространение с начала XVIII в. Однако даже сознательное намерение отказа от традиции не снижало ее влияния на правовое развитие. Традиция утрачивала свою живую силу, но не власть над людьми. Характерным примером из отечественной истории

стала неудачная попытка Петра I отказаться от миноратной системы наследования в России.

И сегодня представители традиционных обществ зачастую не понимают смысла и истоков правовых ритуалов и обрядов, которые они продолжают совершать. В этом отношении вызывает научный интерес тот факт, что, перестав быть обязательной, традиция оказывает еще больше влияния и властвует над умами людей.

Что касается примеров применения исторического метода в законотворчестве, то первым стал Петр Великий, который считается антитрадиционалистом. Именно в петровский период введена практика широкого заимствования юридических конструкций, выработанных догмой западного публичного права, и упорядочения с их помощью российских общественно-политических отношений¹²⁹. Однако, испытав серьезные проблемы с адаптацией иностранных актов на российской почве, Петр I инициирует сбор и систематизацию памятников российского права. С 1720 г. по его инициативе начали формировать хронологическое собрание российских законов. Хотя качество полученного результата не соответствовало ожиданиям правоприменителей (подборка была неполная и бессистемная).

Петровский опыт по сбору и систематической обработке российских памятников права не был продолжен во второй половине XVIII в., и кодификация пошла по пути разработки фундаментальных законов в духе западноевропейской рационализации права. Рассуждения Екатерины II о соответствии законоположений исторически сложившему «духу народа» не означали возврата к традиции систематизации правовых норм. К примеру, Устав благочиния 1782 г. на две трети состоял из положений, созданных императрицей на основе новейшей европейской литературы по полицейскому управлению прежде всего «Трактата о полиции»

---

¹²⁹ Шатковская Т. В. Становление публично-правовых оснований Российского государства: к юбилею юридического оформления Российской империи // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2021. № 3 (43). С. 40–48.

Де ла Мара¹³⁰. Такой подход увеличивал социальный разрыв между нормами позитивного права и обычно-правовыми нормами отдельных сословных и локальных правовых систем, действовавших в Российской империи.

Впервые практический подход к использованию исторического метода в отечественном законодательстве продемонстрировал М. М. Сперанский. В 1802 г. он писал, «каким образом будете вы составлять законы, не зная тех, кои уже существуют, вы подвергаетесь на каждом шагу ошибке. ... несколько веков действовавшие и теперь еще действующие, были отвергнуты и презрены единственно потому, что вы не удостоили о них вспомнить»¹³¹. «Уложение ... должно быть составлено так, как будто бы сие постановление уже существовало, ибо, быв частью его, оно должно быть сообразно духу целого»¹³².

Под духом народа он понимает не умозрительное понятие, а общее мнение или «внутреннее убеждение большей части людей о каком-либо политическом или гражданском предмете происходящее, или от долговременной привычки, или от предрассудка, или от постоянного действия климата, правительства и законов»¹³³. Общее мнение, пишет он на заре своей карьеры законодателя, «утверждая понятия общественные о пороке и добродетели, составляет одно из главных орудий закона»¹³⁴.

Составление истории законов в рамках законодательского процесса М. М. Сперанский считал творением необходимым, проливающим «свет на тьму, нас облажающую». Технология применения исторического метода в первой половине XIX в. может быть реконструирована на основании работ, дневников М. М. Сперан-

---

¹³⁰ Омельченко О. А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII в.). М., 1989. С. 99, 100.

¹³¹ Сперанский М. М. Проекты и записки / Под редакцией С. Н. Валка. Москва-Ленинград, 1961. С. 18.

¹³² Там же. С. 21.

¹³³ Сперанский М. М. Указ. соч. С. 77.

¹³⁴ Там же. С. 82.

ского и иных опубликованных и неопубликованных данных о работе кодификационной комиссии¹³⁵.

Для иллюстрации того, что такая методика не утратила своей актуальности, приведем несколько суждений М. М. Сперанского, которые по прошествии 220 лет характеризуют законотворческий процесс России.

«Нетерпеливость, людям столь естественная, обольщения разума видами народного счастья и скорейшего улучшения, чаяние, того, что поправив одну часть, дела пойдут лучше, ... вводит нередко самые благоразумнейшие правительства в частные организации и не дает ... созреть общему плану. Вскоре открываются неудобства сих частных соображений: но характер постоянства, столь необходимый правительству, привычка к установленному вещей порядку, и, наконец, род некоторого отчаяния, которое обыкновенно объемлет правительства, когда, сделав много разных превращений, не видят они в них успеха, некоторое пресыщение и усталость делать непрестанные перемены, все сие заставляя оставить вещи в том порядке, в каком частные организации их поставили. ... все установления государственные при подробном их рассмотрении не представляют ... творческого единства, которое в прочих произведениях разума мы примечаем». «Единство плана управления не должно ... препятствовать местным различиям, кои во всяком государстве по необходимости существуют».

«Всякое правительство по необходимости обязано составить себе ... образец, дабы знать, куда ему должно склонять свои движения, что иметь ... неподвижную точку направления; без сего все его планы могут быть подвержены великим ошибкам». «...приступая к ...важной перемене, должно со всей зрелостью размыслить и определить разум сего преобразования как вообще, так и особенно в частях его»¹³⁶.

Исторический метод как объективный метод научного познания нацелен на согласование текущего законотворчества с теми устойчивыми тенденциями, общими положениями и принципами,

---

¹³⁵ Шатковская Т. В. Техника кодификации М. М. Сперанского: реформа или компиляция? // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5. С. 19–30.

¹³⁶ Сперанский М. М. Указ. соч. С. 164.

сохраняющими свою жизнеспособность на протяжении длительного периода в развитии национального права. Применение исторического метода обеспечивает связь и согласованность положительного накопленного правового опыта с текущими потребностями общественного развития.

Таким образом, использованием исторического метода обеспечивается статическая составляющая в национальном праве, придающая ему необходимую устойчивость в виде преемственной трансляции постулатов должного. Речь идет о накопленных социальным коллективом (нация, народ, иная общность) общих правовых знаний, правил и принципов, соединяющих людей в единое целое и порождающих плодотворные следствия.

Исторический метод приземляет законодателя, обращая его внимание на прошлые и существующие факты юридической действительности. Их реконструкция, научное обобщение и критическое переосмысление позволяет выстраивать не умозрительные теоретические абстракции, а реальные жизнеспособные юридические конструкции и системы.

На первый взгляд применение исторического метода выглядит как эмпирическая деятельность. Однако простое описание исторических фактов невозможно считать научным, поскольку из данных описаний можно выводить различные теоретические построения. Поэтому задачей исторического метода следует считать выявление наиболее общих явлений, руководящих идей, общих закономерностей развития права, а также конкретных результатов практики для выявления лучших образцов юридического моделирования и конструирования.

Уникальность данного метода состоит в том, что, только используя его, можно выявить влияние юридических идей и теорий на реальные жизненные отношения, а также установить взаимовлияние между правовыми концепциями различного происхождения, точки их сближения, возможность синтеза. Переживая прошедшее, историк права стремится направить будущее на примерах лучших образцов юридического опыта. Применением исторического метода решается извечный конфликт между юридической

теорией и практикой, так как право предстает в целостности объекта изучения и объекта применения.

Таким образом, интерпретативно-конструктивный характер правотворчества и его особая социальная значимость, связанная с его воздействием на порядок общественных отношений не только в настоящем, но и в будущем, требует от законодателя ответственного отношения к прошлому. В практике законотворчества это должно найти выражение в проведении исторической экспертизы проектов законов на предварительном этапе работы и составлении исторической справки. Как представляется, историческая обоснованность сократит человеческий произвол при создании законопроекта, предотвратит возможный конфликт социальных интересов и отрыв права от его собственных корней.

Список литературы

1. Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М., 2014.
2. Омельченко О. А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIIIв.). М., 1989.
3. Сперанский М. М. Проекты и записки. Подготовили к печати А. И. Копанев, М. В. Кукушкина. Под редакцией С. Н. Валка. Москва-Ленинград, 1961.
4. Шатковская Т. В. Становление публично-правовых оснований Российского государства: к юбилею юридического оформления Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2021. № 3 (43).
5. Шатковская Т. В. Теоретические построения советских правоведов 20-30-х годов XX века как попытка юридизации неправовой реальности // Вестник юридического факультета Южного Федерального университета. 2021. № 4.
6. Шатковская Т. В. Техника кодификации М. М. Сперанского: реформа или компиляция? // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5.
7. Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1900.

Дорская Александра Андреевна

**Тенденции развития историко-правовой науки в России
на современном этапе
(анализ диссертационных исследований 2012-2022 гг.)**

Диссертационные исследования являются одним из индикаторов тех направлений, которые развиваются в той или иной науке на определённом историческом этапе. Данный показатель является очень важным, поскольку защищаемые диссертации должны отражать новые научные достижения, обладать теоретической и практической значимостью. Однако ориентироваться только на диссертационные исследования нельзя, т. к. к диссертациям предъявляется большое количество формальных требований, которых может не быть в отношении монографий, статей, обзоров и т. д.

В новой номенклатуре научных специальностей, утверждённой 24 февраля 2021 г., чётко прослеживается тенденция на придание большей теоретико-правовой направленности историко-правовым исследованиям и уделение большого внимания «историчности» работ в области теории государства и права, поскольку вместо специальности 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, утверждена специальность 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки¹³⁷.

Историко-правовая наука, естественно, изменяется под воздействием новых вызовов, с которыми сталкивается государство и общество, появляющихся научных течений, поэтому полезным является анализ тематики диссертационных исследований в области истории государства и права, позволяющий выявить некото-

---

¹³⁷ Приказ Минобрнауки России от 24.02.2021 г. № 118 (ред. от 11.05.2022 г.) «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru>, 06.04.2021.

рые тенденции и сделать выводы о том, какие темы в настоящее время являются наиболее актуальными и востребованными.

Во-первых, необходимо отметить, что всё меньше становится историко-правовых исследований, основанных на сугубо позитивистском подходе. Так, если в 2012 г. ещё можно встретить такие названия диссертаций, как «Правонарушения и юридическая ответственность по Судебнику 1497 г.»¹³⁸, то в 2021-2022 гг. их практически нет.

Также следует выделить тенденцию всё большего использования терминологии, не свойственной позитивистской традиции. В частности, широко применяется такое понятие, как «правовая политика»¹³⁹.

Однако, естественно, что позитивистская традиция в историко-правовых работах сохраняется: изучаются вопросы структуры законодательства¹⁴⁰, развития институтов права¹⁴¹, правового статуса¹⁴² и т. д.

Во-вторых, за последние десять лет стало меньше работ с охватом огромных хронологических периодов. Если, например, в 2012 г. защищались диссертации, посвящённые развитию отдельных институтов государства и права с X по начало XX вв.¹⁴³, то в последние годы, как правило, исследуются менее длительные периоды.

---

¹³⁸ Попрядухина И. В. Правонарушения и юридическая ответственность по Судебнику 1497 г. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012.

¹³⁹ Гаранжа С. А. Исправительно-трудовая политика Советского государства (на примере общих мест заключения РСФСР) в 1917-1934 гг. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012; Колотков М. Б. Антитеррористическая политика Российского государства во второй половине XIX – начале XX веков: историко-правовой аспект. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2022.

¹⁴⁰ Момотова Е. П. Законодательство Павла I: структура, специфика, значение. Дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021.

¹⁴¹ Смирнов С. А. Развитие института наследования по завещанию в Российской Империи в 1835 - 1917 гг. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

¹⁴² Тиганов А. И. Правовой статус судей в России в XVII - начале XX века: историко-правовое исследование. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Курск, 2012.

¹⁴³ Агафонов С. Ю. Суды с народным представительством в России в X - начале XX веков: историко-правовое исследование. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011.

В-третьих, история государства и права служит материалом для построения новых теоретических конструкций. Сюда можно отнести попытки определения формы государства в различные исторические периоды¹⁴⁴, а также проведение сравнительно-правовых исследований одних и тех же характеристик и органов государства в разные эпохи¹⁴⁵.

В-четвёртых, безусловно, ощущается влияние работ по антропологии права на тематику диссертационных работ по истории государства и права, которое находит своё выражение в том, что:

- активно изучаются различные источники права, а не только нормативные правовые акты. Но если в 2000-е гг., в основном, изучались правовые обычаи, то в последние годы – судебный прецедент¹⁴⁶;

- многие исследования посвящены партикулярной истории права, хотя их доля снижается. Если в 2012 г. на изучении местных материалов было защищено четыре диссертации¹⁴⁷, то в 2021 г. – только одна¹⁴⁸;

---

¹⁴⁴ Логинов В. В. Форма российского государства во второй половине XVI-XVII вв.: историко-правовое исследование. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012; Гуляков А. Д. Становление и развитие федерализма: сравнительное историко-правовое исследование основных федеративных моделей (конец XVIII – начало XXI века). Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2022.

¹⁴⁵ Леонов А. П. Сравнительно-правовое исследование института Государственной Думы в России в начале XX и в конце XX- начале XXI веков. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021.

¹⁴⁶ Сергеева С. Л. Развитие конституционного судебного правотворчества в США: конец XIX - начало XXI вв. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Курск, 2012.

¹⁴⁷ Пашенко А. П. Организационно-правовые основы деятельности полицейских органов, действовавших на территории Самарской губернии в 1865 - 1905 г.г. Дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012; Кириллов М. М. Прокуратура Нижегородской губернии: региональные особенности устройства, функционирования и практической деятельности в 1864-1917 гг. (историко-правовой анализ). Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012; Четвертакова И. В. Реформа органов исполнения наказания в России в конце XIX-начале XX века (по материалам Калужской губернии). Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012; Баландин С. Б. Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

¹⁴⁸ Степанова Е. Е. Правовой статус северо-западной территории Северной Америки в государственно-правовой системе России (1719-1867 гг.). Дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021.

- предметом исследования становятся правовые аспекты развития местного самоуправления в России¹⁴⁹;
- изучаются механизмы реализации правовых норм¹⁵⁰;
- исследуется правовая реальность, правовой быт отдельных категорий российского населения на различных этапах истории¹⁵¹;
- процесс становления правовых систем изучается с точки зрения цивилизационного подхода¹⁵².

В-пятых, большое внимание стало уделяться вопросам развития профессионального правосознания и правовой культуры¹⁵³. Данная тематика является очень сложной, потому что возникает проблема источниковой базы, однако на современном этапе исследователи достаточно успешно справляются с ней.

Сюда же можно отнести вопросы, связанные с практическими аспектами функционирования права. Всё больше встречается исследований, где в названии используется словосочетание «законодательство и практика».

В-шестых, в историко-правовых исследованиях особое внимание уделяется различным аспектам взаимодействия государственных органов. Это очень важное направление, т. к. правовые инструменты преодоления противоречий между различными вет-

---

¹⁴⁹ Савичев А. А. Городское самоуправление Москвы и Санкт-Петербурга в середине XIX – начале XX века: историко-правовое исследование. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

¹⁵⁰ Левшук М. В. Организационно-правовой механизм пенсионного обеспечения в России в XIX - середине XX вв.: историко-правовое исследование. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Курск, 2012.

¹⁵¹ Мун В. А. Государственно-правовая охрана материнства и детства в России в середине XIX - начале XX вв. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020; Дынько А. П. Юридическая ответственность несовершеннолетних и деятельность детских пенитенциарных учреждений по ее реализации в советском государстве послевоенного времени: 1945 - 1956 гг. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.

¹⁵² Калинина Е. Ю. Становление государственно-правовой системы средневековой Испании: цивилизационный подход. Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. Калининград, 2021.

¹⁵³ Смирнов А. И. Влияние профессионального правосознания на формирование позитивного права в Византийской империи. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2021; Пономарев П. А. Внутренняя и конвойная стража Российской империи в Восточной Сибири (1811-1917 гг.) (историко-правовое исследование). Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

виями власти требуют специального изучения в силу того, что ситуации разнонаправленного развития, прежде всего, органов законодательной и исполнительной власти могут периодически случаться. Кроме того, как показывает история, необходим диалог различных органов власти с общественными организациями, институтами гражданского общества¹⁵⁴.

В-седьмых, ещё одной тенденцией развития историко-правовой науки является рост числа диссертационных исследований, посвящённых междисциплинарной тематике. Прежде всего, междисциплинарность затрагивает три основных направления. Первое – совмещение внутригосударственного и международного подхода в оценке историко-правовых явлений¹⁵⁵. Второе – изучение институтов права, затрагивающих развитие нескольких отраслей права¹⁵⁶. Третье – соотношение позитивного и канонического права¹⁵⁷.

Таким образом, в последние десять лет историко-правовая наука активно развивается. К позитивным тенденциям можно отнести то, что правовые явления и институты рассматриваются с точки зрения разных правовых концепций и школ. Безусловное влияние позитивистского подхода на сегодняшний день преодолено, что позволяет предлагать новую тематику исследований и использовать методологию других гуманитарных и даже есте-

---

¹⁵⁴ Янченко И. Л. Взаимодействие Министерства внутренних дел Российской империи с государственными учреждениями и общественными организациями по вопросам общественного призрения: историко-правовой аспект. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

¹⁵⁵ Цуканова О. В. Деятельность СБСЕ/ОБСЕ и России по урегулированию молдово-приднестровского конфликта: историко-правовое исследование. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012; Хоршева Ю. О. Защита населения Российской империи, пострадавшего в годы Первой мировой войны: историко-правовое исследование. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2022; Третьякова Е. С. Государственно-правовой механизм обеспечения внешнеполитической деятельности Российской империи в XIX-начале XX вв. Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2022.

¹⁵⁶ Петрова Н. Д. Институт алиментных обязательств в советской системе прав и обязанностей граждан: историко-правовое исследование. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2022.

¹⁵⁷ Воронина Г. А. Преступное плодизгнание и ответственность за него в Российской империи XVIII — начала XX века. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2022.

ственных наук. Обращение к местным источникам расширяет наши представления о реализации правовых норм, что очень важно в стране с такой обширной территорией и многонациональным и многоконфессиональным населением как Россия. Наметившееся более тесное взаимодействие теории и истории государства и права также способствует более глубоким исследованиям, на базе которых могут конструироваться как новые институты права, так и пути преодоления проблем, возникающих в правовой сфере. Однако есть и тревожные тенденции. Непросто пробивает себе дорогу междисциплинарная тематика диссертационных исследований, потому что зачастую возникает вопрос об их соответствии паспорту научных специальностей, а защита по двум специальностям является достаточно сложной в организационном смысле, а иногда и невозможной. Многое зависит от толкования положений паспорта научных специальностей. Если теории и государства и права в рамках специальности 5.1.1 отведено 33 позиции, то истории государства и права России – 14. История развития институтов снова отнесена не к историко-правовой науке, а к специальностям 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» и 5.1.3. «Частноправовые (цивилистические) науки», хотя неоднократно поднимался вопрос, что историко-правовая часть отраслевых исследований очень часто страдает фрагментарностью и не вписывается в общий исторический контекст развития права в целом. Однако несомненные успехи в изучении истории государства и права России последних лет, достаточно широкие формулировки положений паспорта научной специальности 5.1.1 дают основания полагать, что данные трудности будут успешно преодолены.

Список литературы

1. Агафонов С. Ю. Суды с народным представительством в России в X - начале XX веков: историко-правовое исследование. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011.
2. Баландин С. Б. Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

3. Воронина Г. А. Преступное плодоизгнание и ответственность за него в Российской империи XVIII — начала XX века. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2022.
4. Гаранжа С. А. Исправительно-трудовая политика Советского государства (на примере общих мест заключения РСФСР) в 1917-1934 гг. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
5. Гуляков А. Д. Становление и развитие федерализма: сравнительное историко-правовое исследование основных федеративных моделей (конец XVIII – начало XXI века). Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2022.
6. Дынько А. П. Юридическая ответственность несовершеннолетних и деятельность детских пенитенциарных учреждений по ее реализации в советском государстве послевоенного времени: 1945 - 1956 гг. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.
7. Калинина Е. Ю. Становление государственно-правовой системы средневековой Испании: цивилизационный подход. Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. Калининград, 2021.
8. Кириллов М. М. Прокуратура Нижегородской губернии: региональные особенности устройства, функционирования и практической деятельности в 1864-1917 гг. (историко-правовой анализ). Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012.
9. Колотков М. Б. Антитеррористическая политика Российского государства во второй половине XIX – начале XX веков: историко-правовой аспект. Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2022.
10. Левшук М. В. Организационно-правовой механизм пенсионного обеспечения в России в XIX - середине XX вв.: историко-правовое исследование. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Курск, 2012.
11. Леонов А. П. Сравнительно-правовое исследование института Государственной Думы в России в начале XX и в конце XX- начале XXI веков. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021.
12. Логинов В. В. Форма российского государства во второй половине XVI-XVII вв.: историко-правовое исследование. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
13. Момотова Е. П. Законодательство Павла I: структура, специфика, значение. Дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021.
14. Мун В. А. Государственно-правовая охрана материнства и детства в России в середине XIX - начале XX вв. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020.
15. Пащенко А. П. Организационно-правовые основы деятельности полицейских органов, действовавших на территории Самарской губернии в 1865 - 1905 г.г. Дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012.

16. Петрова Н. Д. Институт алиментных обязательств в советской системе прав и обязанностей граждан: историко-правовое исследование. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2022.
17. Пономарев П. А. Внутренняя и конвойная стража Российской империи в Восточной Сибири (1811-1917 гг.) (историко-правовое исследование). Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022.
18. Попрядухина И. В. Правонарушения и юридическая ответственность по Судебнику 1497 г. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012.
19. Савичев А. А. Городское самоуправление Москвы и Санкт-Петербурга в середине XIX – начале XX века: историко-правовое исследование. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
20. Сергеева С. Л. Развитие конституционного судебного правотворчества в США: конец XIX - начало XXI вв. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Курск, 2012.
21. Смирнов А. И. Влияние профессионального правосознания на формирование позитивного права в Византийской империи. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
22. Смирнов С. А. Развитие института наследования по завещанию в Российской Империи в 1835 - 1917 гг. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
23. Степанова Е. Е. Правовой статус северо-западной территории Северной Америки в государственно-правовой системе России (1719-1867 гг.). Дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021.
24. Тиганов А. И. Правовой статус судей в России в XVII - начале XX века: историко-правовое исследование. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Курск, 2012.
25. Третьякова Е. С. Государственно-правовой механизм обеспечения внешнеполитической деятельности Российской империи в XIX-начале XX вв. Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2022.
26. Хоршева Ю. О. Защита населения Российской империи, пострадавшего в годы Первой мировой войны: историко-правовое исследование. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2022.
27. Цуканова О. В. Деятельность СБСЕ/ОБСЕ и России по урегулированию молдово-приднестровского конфликта: историко-правовое исследование. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
28. Четвертакова И. В. Реформа органов исполнения наказания в России в конце XIX-начале XX века (по материалам Калужской губернии). Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
29. Янченко И. Л. Взаимодействие Министерства внутренних дел Российской империи с государственными учреждениями и общественными организациями по вопросам общественного призрения: историко-правовой аспект. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

Архивный документ в историко-правовых исследованиях

Восстановление объективной исторической картины, характеризующей эволюцию государства и права в нашей стране, установление исторических фактов и событий, описание которых, по тем или иным причинам, были не полными, или не точными, невозможно без использования в создании историко-правового исследования документов, хранящихся в фондах Российских архивов. Повышается значение использования архивных документов, в том числе, в связи с актуализацией проблемы источниковедения в юриспруденции, или «историко-юридического источниковедения»¹⁵⁸. Вместе с тем, время от времени возникает полемика о значимости использования архивных документов в историко-правовых исследованиях и о возможности неиспользования данного эмпирического материала. Этому способствует, в том числе, утрата наследия отечественной историко-правовой школы в области источниковедения, в лице таких исследователей, как И.Д. Беляев, М.Ф. Владимирский-Буданов, С.В. Юшков, Б.В. Виленский и др.

Представляется, что основными причинами подобных суждений являются трудности, с которыми сталкиваются исследователи в процессе обнаружения и анализа архивных первоисточников. К сожалению, ушли в далекое прошлое ученые-юристы, обладавшие необходимыми навыками, а главное, терпением и желанием заниматься трудоемкой и долгой работой с первоисточниками, как например И.Д. Беляев, разработавший авторскую систему анализа архивных документов и собственную методику восстановления чернил в древних рукописях¹⁵⁹.

---

¹⁵⁸ Кодан С.В. Историко-юридическое источниковедение в структуре современного Российского правоведения // Российский юридический журнал. 2018. № 4(121). С. 31-36.

¹⁵⁹ Беляев И.Д. О способах восстановления чернил в древних рукописях пергаментных и бумажных // Временник Московского общества истории и древностей Российских. Кн. IV М.: Унив. тип., 1849. 278 с.

Действительно, данная работа требует специальной профессиональной подготовки и оказывается, подчас, достаточно сложной для юриста. Затрудняют работу с архивными документами и многочисленные ограничения и запреты, относительно доступа к отдельным документам, количества дел, мест в читальных залах, условий копирования текста. Стоит отметить, что исследователей, владеющих методикой источниковедческого анализа документов, имеющих опыт работы в архивах, не так много даже среди историков несмотря на то, что программа исторических факультетов содержит обязательные курсы «историография» и «источниковедение». Современные стандарты юридического образования подобных дисциплин в качестве обязательных не предусматривают.

Согласно Федеральному закону об архивном деле в Российской Федерации *«документ Архивного фонда Российской Федерации – это архивный документ, прошедший экспертизу ценности документов, поставленный на государственный учет и подлежащий постоянному хранению»*¹⁶⁰. Из этого следует, что всякий документ в составе АФ РФ по определению – потенциальный исторический источник в руках грамотного исследователя. Вместе с тем, в отечественной историографии существует полемика о содержании понятия «документ» и его соотношении с понятием «исторический источник», активно обсуждается значение таких понятий, как «юридический документ»¹⁶¹, «делопроизводственный документ»¹⁶², «официальный документ»¹⁶³, «электронный документ»¹⁶⁴ и даже «3D – документ»¹⁶⁵.

---

¹⁶⁰ Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» (с изменениями от 4 декабря 2006 г., 1 декабря 2007 г., 13 мая 2008 г., 8 мая, 27 июля 2010 г.). Ст. 3, п. 4.

¹⁶¹ Иващенко Д.В. Понятие «юридический документ» // Вестник Волгоградского государственного университета. 2015. № 13. С. 132-138.

¹⁶² Пестова О.А. Понятие «делопроизводственный документ» в органах государственной власти и его особенности в переходный период (на примере органов милиции в 1917-1918 гг.) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2(22). С. 70-74.

¹⁶³ Бугера Н.Н., Штаб О.Н. Понятие и признаки официального документа как предмета преступления // Алтайский юридический вестник. 2017. № 1(17). С. 94-101.

Во второй половине XIX века отечественная юриспруденция начинает разрабатывать теоретические основы понятия «документ», выделяя его узкий и широкий смысл. Следует отметить, что юридическое сообщество рассматривало документ исключительно сквозь призму системы доказательств. Так, в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, приводится определение документа в широком смысле, сформулированное М. Брун, как «всякий материальный знак, служащий доказательством юридических отношений и событий»¹⁶⁶. Вместе с тем, профессор А.А. Жижиленко в своем историко-догматическом исследовании, определяет документ только в узком смысле, как «акт, который свидетельствует, напоминает или указывает на какое-либо событие», отмечая, что в отечественной юриспруденции документ непременно является письменным актом, в отличие от немецкого понятия «Urkunde», под которым понимается любой материальный предмет, свидетельствующий о чем-либо¹⁶⁷.

С созданием Советского государства появляется специальная научная дисциплина – документоведение, сформировавшая представление о документе, как носителе информации, а в 70-х гг. XX века происходит нормативное закрепление самого понятия «документ» в Государственных стандартах¹⁶⁸. В данный период в архивоведении и документоведении под документом стали понимать, по сути, все материальные объекты, несущие сознательно закрепленную информацию. Большая советская энциклопедия определяет документ, как «материальный объект, содержащий информа-

---

¹⁶⁴ Новиков С.С. Электронный документ: понятие и сущность // Modern Science. 2020. № 9-1. С. 153-156.

¹⁶⁵ Батурич Ю.М., Леонов А.В. К вопросу о правовом режиме 3D – документа // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 32. С. 1138-1155.

¹⁶⁶ Энциклопедический словарь: В 86 т. / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. ХА. СПб., 1893. С. 898.

¹⁶⁷ Жижиленко А.А. Подлог документов: Историко-догматическое исследование. СПб., 1900, С. 539.

¹⁶⁸ ГОСТ 16487-70 Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. М.: Изд-во стандартов, 1970. 20 с.

цию в зафиксированном виде и специально предназначенный для ее передачи во времени и пространстве»¹⁶⁹.

Стоит отметить, что и сегодня исследователи спорят о том, что же следует вкладывать в понятие «документ». Можно согласиться с утверждением М.В. Ларина¹⁷⁰, о том, что «до настоящего времени в документоведении и архивоведении не выработано четкого, однозначного и обобщающего определения термина «документ», и если К.Б. Гельман-Виноградов, определяет документ как материальный объект, содержащий запись семантической информации, то С.М. Каштанов, точка зрения которого представляется наиболее убедительной, призывает вернуться к «старому представлению» о том, что документом является источник правового характера¹⁷¹.

Не менее актуальными проблемами в современной историографии являются необходимость разграничения понятий «документ» и «архивный документ» и соотношение понятий «архивный документ» и «исторический источник». Как справедливо отмечает В.А. Савин, «не каждый архивный документ выступает в роли исторического источника» и после утраты документом оперативных свойств, он «проявляет неотъемлемое свойство ретроспективности, заложенное в нем с момента возникновения, и становится архивным документом, т.е. документом, сохраняемым или подлежащим сохранению в силу значимости для общества, а равно имеющим ценность для собственника»¹⁷².

В отечественной историографии можно выделить несколько подходов к соотношению понятий «документ» и «исторический источник». П.В. Чеченков выделяет шесть основных подходов к

---

¹⁶⁹ Большая советская энциклопедия: <https://bse.slovaronline.com/12296-DOKUMENT>

¹⁷⁰ Ларин М.В. Управление документацией в организациях. М., 2002. С. 72.

¹⁷¹ Гельман-Виноградов К.Б. Трудности научной трактовки понятия «документ» и пути их преодоления // Отечественные архивы. 2005. № 6. С. 39-50;

¹⁷² Савин В.А. Документ – архивный документ – исторический источник – памятник истории и культуры: проблемы проявления сущностных характеристик // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Доклады и тезисы выступлений 12-13 мая 1996 г. М., 1997. Вып. 1. С. 182-183.

соотношению данных понятий¹⁷³. Если такие исследователи, как К.Г. Митяев признают любой архивный документ историческим источником, на основании того, что в нем содержится историческая информация, полезная для познания прошлого¹⁷⁴, то О.М. Медушевская и В.А. Савин признают источником «продукт целенаправленной человеческой деятельности, как исторического (социального) явления»¹⁷⁵. Данная точка зрения представляется более убедительной, поскольку архивный документ может рассматриваться как категория «исторический источник», в большей степени после того, как введен исследователем, путем опубликования, в научный оборот и востребован обществом в сфере науки, культуры, или искусства. Данной позиции придерживаются С.О. Шмидт и В.П. Козлов, отмечавшие, что архивный документ становится историческим источником только тогда, когда он становится публичным, т.е. «известным и равнодоступным»¹⁷⁶. В.Н. Автократов, разделяя эту позицию, называл архивный документ «предысточником», отмечая, что до источниковедческого анализа документ является «мертвым реликтом»¹⁷⁷. По мнению С.Г. Кулешова архивный документ «имеет лишь свойства исторического источника» и до использования его исследователями таковым не является¹⁷⁸. А.М. Белявский и С.А. Захаркевич сформулировали концепцию признания комплексным историческим ис-

---

¹⁷³ Чеченков П.В. Документ и исторический источник: на перекрестке социально-гуманитарных наук // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2012. № 4. С. 36-45.

¹⁷⁴ Митяев К.Г. О методологии классификации и экспертизы документов // Труды МГИАИ. Т. 25. М., 1967. С. 118-138.

¹⁷⁵ См.: Медушевская О.М. История источниковедения в XIX-XX вв. М., 1988. С. 69; Савин В.А. Указ. соч. С. 183.

¹⁷⁶ Документальные памятники: выявление, учет, использование. Под ред. С.О. Шмидта. М., 1988. С. 12; Козлов В.П. О некоторых современных теоретико-методологических проблемах архивоведения и источниковедения // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 5-9.

¹⁷⁷ Автократов В.Н. Некоторые аспекты исследования объекта и предмета архивоведения // Труды ВНИИДАД. Т. 6. Ч.1. М. 1976. С.17-73.

¹⁷⁸ Кулешов С.Г. Документ как исторический источник: свойство, состояние, статус // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Доклады и тезисы выступлений на третьей Всероссийской конференции 25-26 февраля 1998 г. М., 1999. С. 98.

точником самого архива, как социального института, создающего и контролирующего документы, оказывающие влияние на исследовательскую деятельность ученых¹⁷⁹.

Использование архивного документа в историко-правовом исследовании играет важную роль в достижении новизны. Новизна полученных данных является решающим признаком научного исследования, что, в частности, находит выражение в требованиях, предъявляемых к диссертациям, представленным на соискание ученой степени доктора или кандидата наук. Бесспорно, научная новизна является результатом деятельности индивидуального сознания. По мнению В.М. Сырых «факты, полученные исследователем из общедоступных источников (прессы, действующих нормативных правовых актов, архивных материалов), научной новизной не обладают. Новизна может быть присуща лишь авторским интерпретациям общеизвестных фактов, событий»¹⁸⁰. Представляется, что это утверждение справедливо лишь частично. Действительно, использование архивного документа еще не гарантирует научную новизну, поскольку может лишь подтверждать давно известные истины. Вместе с тем, введение в научный оборот новых документов и материалов, хранящихся в архивных фондах, позволяющих иначе представить определенные правовые явления, определяет новизну историко-правового исследования.

Особенностью архивного документа является то, что он не создавался для широкого круга читателей, а стал результатом деятельности государственного учреждения, должностного, или частного лица, в связи с чем необходим всесторонний анализ его достоверности, путем сопоставления с другими историческими источниками. Исследователь не должен слепо верить информации, содержащейся в отдельно взятом документе. Используя методологию историко-правовой науки, следует установить время и место создания данного документа, его авторство, причины и условия происхождения. Критически анализируя архивный источ-

---

¹⁷⁹ Белявский А.М., Захаркевич С.А. Архив как источник – еще раз об архивном источнике // Актуальные проблемы источниковедения. Материалы III Международной научно-практической конференции. Витебск, 2015. С. 104.

¹⁸⁰ Сырых В.М. История и методологии юридической науки. М., 2012. С. 212.

ник, руководствуясь критериями объективности и достоверности, исследователь может приблизиться к истине. Историко-юридический анализ текста позволит сопоставить содержание документа с теми нормативными правовыми актами, которые действовали в данную историческую эпоху, выявив особенности правоприменения, или толкования той, или иной правовой нормы.

Степень достоверности информации, содержащейся в архивном документе, требует тщательной проверки с использованием научных методов и критериев источниковедческого анализа исторического источника. Архивы обеспечивают аутентичность документа, что не освобождает исследователей от обязанности проверять ее с помощью критического анализа. Критика и интерпретация исторического источника предполагает особый методологический подход, описанный более ста лет назад А.С. Лаппо-Данилевским в его пособии к лекциям в Санкт-Петербургском университете в 1910 г. «Методология истории»¹⁸¹.

В 1998 г. О.М. Медушевская определила и подробно охарактеризовала восемь основных стадий источниковедческого исследования: 1) изучение условий возникновения источника; 2) установление автора; 3) выяснение обстоятельств создания источника; 4) рассмотрение функционирования исторического источника в социокультурной общности; 5) определение функционирования произведения в культуре; 6) интерпретация источника; 7) анализ содержания; 8) источниковедческий синтез¹⁸². Все эти стадии необходимо использовать для получения объективного анализа архивного источника, что предполагает не только изучение содержания каждого документа, но и всех его реквизитов, включая исправления, зачеркивания, резолюции, подписи и т.п. Все это позволяет установить авторство, причину создания, время и место происхождения документа, возможные изъяты и другие важные для исследователя детали, необходимые для установления достоверности фактов. В результате этой кропотливой и долгой работы

---

¹⁸¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2006. 621 с.

¹⁸² Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники Российской истории: Учебное пособие. М., 1998. С. 127 – 143.

решается важная познавательная задача, связанная с установлением подлинности исторического источника.

Можно согласиться с мнением В.М. Сырых о том, что критический анализ документов в ходе историко-правового исследования имеет свою специфику, которая заключается в необходимости установления объективной взаимосвязи правовых и иных явлений в определенный период, рассмотрении правовых норм с учетом действовавшей в изучаемый период системы социальных ценностей и непосредственной обусловленности с «другими компонентами социума»¹⁸³. Действительно, знание особенностей функционирования государственных органов, содержания правовых институтов, механизма реализации норм права, развития общественных отношений, уровня экономического, политического и культурного развития в тот, или иной исторический период, позволяет оценивать изучаемые правовые явления в совокупности с другими социальными институтами. В помощь решения данных задач выступают работы отечественных правоведов, современников исследуемых явлений.

Методологической ошибкой некоторых исследователей является также и то, что архивный документ, содержащий правовые понятия, рассматривается вне исторического контекста. Историковедческий подход предполагает исследование исторического явления в контексте времени и места совершения события. Необходимо учитывать особенности понятийного аппарата той, или иной исторической эпохи. Эволюция содержания правовых понятий, юридических институтов создает ситуацию, при которой исследователь, работая с архивным документом, сталкивается с проблемой, заключающейся в невозможности использования понятийного аппарата современной юриспруденции для изучения правовых явлений и процессов предшествующих исторических периодов.

Применение одного и того же термина для обозначения понятия или правового института, претерпевшего изменение, создает иллюзию устойчивости, что чревато определенными недоразуме-

---

¹⁸³ Сырых В.М. История и методологии юридической науки. М., 2012. С. 324.

ниями в процессе критики исторических источников. Еще более опрометчиво поступит правоведа, если станет оценивать позитивные и негативные стороны дореволюционного или советского законодательства с позиции требований действующего права.

Зная способность к длительному сохранению юридических терминов, даже при совершенном исчезновении или перемене содержания соответствующих правовых институтов, М.М. Ковалевский призывал историков-юристов к осторожному обращению с такими терминами. В процессе критики источников, полагал он, необходимо достоверно устанавливать реальное наличие юридических явлений, «буквально отвечающих употребляемым актами выражениям»¹⁸⁴.

При этом грамматический и логический анализ текста необходимо сочетать с анализом конкретно-исторического бытия исследуемых явлений. «Любой важный термин, любой характерный оборот становятся подлинными элементами нашего познания лишь тогда, когда они сопоставлены с их окружением, снова помещены в обиход своей эпохи, среды или автора, а главное, ограждены — если они долго просуществовали — от всегда имеющейся опасности неправильного, анахронического толкования»¹⁸⁵.

Работа в архивах в современной действительности, осложнена карантинными мероприятиями, связанными с периодом пандемии. Но вместе с тем, эпоха цифровизации позволяет значительно ускорить исследовательский процесс. С 2001 г. введен в действие сайт «Архивы России», содержащий список федеральных и региональных архивов. Подробное описание фондов ГАРФ, РГАДА и РГИА представлено на сайте «Центр генеалогии и истории». Электронный заказ архивных дел, путем предоставления в сети интернет описей фондов, позволяет исследователю понять объем содержащегося в архивном хранилище материала (количество дел их объем, хронологический период и т.д.). Путем электронной записи теперь можно гарантированно обеспечить себе место в чи-

---

¹⁸⁴ Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М., 1880. С. 66.

¹⁸⁵ Там же.

тальном зале. Кроме того, центральными архивами активно осуществляется программа цифровизации части документов и предоставления их в свободном доступе, что значительно облегчает работу ученого.

Таким образом, архивный документ в историко-правовом исследовании позволяет установить реальное состояние изучаемых политико-правовых явлений и процессов; 2) получить дополнительные доказательства достоверности имеющихся теоретические знаний; 3) выявить новые явления и нуждаются в дальнейшем изучении и объяснении; 4) описать историю становления и развития государства и права, ее отдельные фрагменты.

Сегодня Архивный фонд РФ, насчитывающий около 600 млн. дел, является важнейшим подспорьем в научной деятельности историка права. Архивный документ, являясь историко-юридическим источником, помогает выяснить деятельность, связанную с подготовкой и принятием законов и подзаконных актов; формы и методы участия населения в правотворческой деятельности (обсуждение проектов законов); практику реализации норм права в конкретных правоотношениях; правоприменительную деятельность судов и правоохранительных органов; связь государства и права с экономическими, социальными, политическими и иными процессами в обществе.

Список литературы

1. Автократов В.Н. Некоторые аспекты исследования объекта и предмета архивоведения // Труды ВНИИДАД. Т. 6. Ч.1. М., б.м. 1976.
2. Батурич Ю.М., Леонов А.В. К вопросу о правовом режиме 3D – документа // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 32. С. 1138-1155.
3. Белявский А.М., Захаркевич С.А. Архив как источник – еще раз об архивном источнике // Актуальные проблемы источниковедения. Материалы III Международной научно-практической конференции. Витебск, 2015. С. 104-107.
4. Беляев И.Д. О способах восстановления чернил в древних рукописях пергаментных и бумажных // Временник Московского общества истории и древностей Российских. Кн. IV М.: Унив.тип., 1849. 278 с.
5. Бугера Н.Н., Штаб О.Н. Понятие и признаки официального документа как предмета преступления // Алтайский юридический вестник. 2017. № 1(17). С. 94-101.

6. Гельман-Виноградов К.Б. Трудности научной трактовки понятия «документ» и пути их преодоления // Отечественные архивы. 2005. № 6. С. 39-50.
7. Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники Российской истории: Учебное пособие. М.: РГГУ, 1998. 701 с.
8. Документальные памятники: выявление, учет, использование / Под ред. С.О. Шмидта. М.: Высш. школа, 1988. 253 с.
9. Жижиленко А.А. Подлог документов: Историко-догматическое исследование. СПб.: Невская тип., 1900. 746 с.
10. Иващенко Д.В. Понятие «юридический документ» // Вестник Волгоградского государственного университета. 2015. № 13. С. 132-138.
11. Ковалевский М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. М.: тип. Миллера, 1880. 73 с.
12. Кодан С.В. Историко-юридическое источниковедение в структуре современного Российского правоведения // Российский юридический журнал. 2018. № 4(121). С. 31-36.
13. Козлов В.П. О некоторых современных теоретико-методологических проблемах архивоведения и источниковедения // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 5-9.
14. Кулешов С.Г. Документ как исторический источник: свойство, состояние, статус // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Доклады и тезисы выступлений на третьей Всероссийской конференции 25-26 февраля 1998 г. М., 1999. С. 95-99.
15. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.: Территория будущего, 2006. 621 с.
16. Ларин М.В. Управление документацией в организациях. М.: Научная книга, 2002. 288 с.
17. Медушевская О.М. История источниковедения в XIX-XX вв. М.: МГИАИ, 1988. 70 с.
18. Митяев К.Г. О методологии классификации и экспертизы документов // Труды МГИАИ. Т. 25. М., 1967. С. 118-138.
19. Новиков С.С. Электронный документ: понятие и сущность // Modern Science. 2020. № 9-1. С. 153-156.
20. Пестова О.А. Понятие «делопроизводственный документ» в органах государственной власти и его особенности в переходный период (на примере органов милиции в 1917-1918 гг.) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2(22). С. 70-74.
21. Савин В.А. Документ – архивный документ – исторический источник – памятник истории и культуры: проблемы проявления сущностных

характеристик // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Доклады и тезисы выступлений 12-13 мая 1996 г. М., 1997. Вып. 1. С. 181-186.

22. Сырых В.М. История и методологии юридической науки. М.: Норма, 2012. 463 с.

23. Чеченков П.В. Документ и исторический источник: на перекрестке социально-гуманитарных наук // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2012. № 4. С. 36-45.

24. Энциклопедический словарь: В 86 т. / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. ХА. СПб.: типо-литогр. Ефрона, 1893. 938 с.

Карева Алла Викторовна

Традиции и новации в становлении и развитии отечественной юриспруденции и юридической науки

Наука в XXI в., став реальной экономической силой, превратилась в один из важнейших государственных институтов, определяя динамику и тенденции развития общества и государства, его роль и место в мировом сообществе. Перспективы общественного и государственного развития во многом будут зависеть от характера отношения к науке, выступающей одним из приоритетных направлений деятельности, функционирование которой требует выделения значительных средств¹⁸⁶. Расходы на научные исследования, в том числе и в области права, возрастают, поскольку именно юридическая наука призвана обеспечивать прогресс в различных сферах общественной жизни и развитие личности.

Однако в последнее время российская наука столкнулась с новыми рисками и вызовами, связанными с санкционной политикой Запада. Санкции направлены на отстранение нашей страны от передовых научных исследований и разработок, на отказ научных институтов стран Европы, США, Канады, Австралии и Японии от

---

¹⁸⁶ Арутюнов В. С. Наука – важнейший институт современного государства // Наукоеведческие исследования. 2009. Научная электронная библиотека elibrary.ru. URL:https://elibrary.ru/download/elibrary_16858160_41774880.pdf . (дата обращения: 05.06.2022)

кооперации с российскими научными центрами. Все это ставит перед Россией задачу противодействия санкциям и снижения зависимости отечественной науки, поскольку в условиях международных санкций интернационализация науки обернулась троянским конем, который необходимо ликвидировать или взять под жесткий контроль. А это, в свою очередь, требует проведения полномасштабной реформы научного сектора страны на основе новых целей, задач и критериев¹⁸⁷. Между тем политизация научных исследований, разрушение научного сотрудничества между Европой и Россией по политическим соображениям наносит вред не только российской, но и мировой научной сфере. Россия, как ключевой участник многих международных научных проектов, «отлучается» от них, а это негативно отражается на перспективах международной научно-исследовательской деятельности. Несмотря на неблагоприятные факторы, российская наука не утратила связи со странами, не разделяющими масштабные антироссийские санкции, а главное – сохранила свой внутренний потенциал, позволяющий развиваться и давать высочайшие результаты¹⁸⁸. Поскольку высокий уровень развития российской науки, в том числе юридической, является важнейшим фактором выживания нашей страны в современном мире, характеризующемся жестким противостоянием России и коллективного Запада.

Обострившиеся взаимоотношения России и Запада заставляют обратиться к истории отечественной юриспруденции и юридической науки, в момент зарождения и становления которых встретились традиции, представленные истоками правовых знаний и всем предшествующим отечественным правовым наследием и новации, воплощенные в зарубежных, европейских заимствованиях. Учитывая это, необходимо найти оптимальный баланс между тради-

---

¹⁸⁷ Балацкий Е. В., Екимова Н. А., Юревич М. А. Давление санкций: накануне новой реформы науки // Капитал страны: Федеральное интернет-издание. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/davlenie_sankcii_nakanune_novoi_reformy_nauki/ (дата обращения: 05.06.2022).

¹⁸⁸ Алексеева Н., Лобанов М. «Страна переживала и более тяжёлые времена»: руководители российских вузов — о разрыве научных связей с Евросоюзом // RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/science/article/971635-sankcii-nauka-es-vuzy> (дата обращения: 05.06.2022).

цией и новацией, особенно с учетом последних событий, стараясь не прерывать связь времен, сохранить преемственность. Все это требует определенной ретроспекции, позволяющей проанализировать прошлое, чтобы увидеть достижения и извлечь уроки. Обращение к историческому опыту отечественной юридической науки тем более оправданно, поскольку эта наука, в отличие от других социально-гуманитарных наук в своем развитии наиболее приближена к современности. И юридическая наука, находясь в эпицентре трансформаций всех сфер общественной жизни, призвана своевременно и адекватно реагировать на происходящие изменения¹⁸⁹.

Столкновение традиций и новаций в полной мере нашло отражение в правление Петра I. Но основы российской юриспруденции зародились гораздо раньше и формировались, как и в других странах, на этапе символической юриспруденции, когда в качестве символов фигурировали различные предметы (дерн, солома, рука, перчатка, обувь, ключ, оружие)¹⁹⁰. После чего пришел этап словесной юриспруденции, и только потом право стало писанным, опирающимся на юридические термины. При этом широко использовались понятные народу пословицы, как формы выражения правовых норм.

На данном этапе отечественная юриспруденция начала испытывать влияние Византии, на что указывают договоры 911 и 944 гг. Руси с этим государством. В текстах договоров встречаются разнообразные юридические термины, что свидетельствовало о способности русских выразить в письменном виде на своем родном языке все основные юридические понятия, что, в свою очередь, доказывало наличие у зарождающейся русской юриспруденции крепкого фундамента для развития.

Положительно сказалось на становлении отечественной юриспруденции то, что ее языком изначально был язык народный. Правовые тексты во многом были похожи на фольклорные. Рус-

---

¹⁸⁹ Кожевина М. А. Инновационное и традиционное в отечественной юридической науке: к истории вопроса // Юридическая техника. 2021. №1. С. 192.

¹⁹⁰ Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси (X-XIII вв.) // Законодательство. 2003. №7. С. 85.

ская юриспруденция тем самым изначально формировалась в единстве с русской народной культурой, поскольку влияние византийской юриспруденции на русскую было не таким очевидным и масштабным по сравнению со значительным воздействием на западноевропейскую юриспруденцию древнеримского права¹⁹¹.

В XI-XII вв. общий духовный расцвет Древней Руси положительно отразился на развитии отечественной юриспруденции. И на Руси, и в Европе осуществлялась активная разработка литературных и правовых памятников. При этом сохранялась прежняя тенденция: правовое наследие Византии было воспринято в древнерусском обществе не так глубоко, как в западноевропейском. В Западной Европе система образования, в том числе правовая, основывалась на использовании латинской письменности, следовательно, образованная часть общества, правоведы свободно владели латинским языком. Латынь западноевропейской юриспруденции символизировала преемственность правовой культуры Запада с правовым наследием Древнего Рима. В древнерусском обществе образованные люди предпочитали писать и говорить на русском и церковнославянском языках. Правовые тексты убедительно подтверждают, что русский язык адекватно передавал сущность юридических понятий.

С XII в. на Западе наступило время университетской юриспруденции, когда древнеримское право изучалось на юридических факультетах, т.е. исключительно в светской интерпретации. Соответственно римское право стало противопоставляться как гражданское право праву каноническому. На Руси же византийское правовое наследие не делилось на светское и церковное, оно рассматривалось как единая духовная традиция. Это придавало византийскому правовому наследию больше идеологическую направленность, нежели регулятивную. Юридические тексты, составленные на Руси и закреплявшие традиционное русское право, излагались на русском языке. Тем самым, традиционная русская правовая культура была защищена от византийского правового наследия языковым барьером. Византийские юридические источники, про-

---

¹⁹¹ Томсинов В. А. Указ. соч. С. 87.

шедшие обработку древнерусских переводчиков, переставали быть византийскими по своему смыслу, им придавали новый смысл, присваивали новые названия, добавляли чуждые элементы. Все это позволяло адаптировать византийскую правовую культуру к условиям Руси, к отечественному правосознанию.

Юриспруденция в Московском государстве в XIV-XVI вв. успешно развивалась, продолжая традиции предыдущих этапов и вместе с тем создавая новую знаковую систему, Все это создавало важнейшие предпосылки для ее дальнейшей эволюции. Совершенствовались письменные источники права, среди которых выделялись уставные грамоты наместничьего управления, первый общерусский Судебник 1497 г., а затем новый, более обширный Судебник 1550 г. Эти документы свидетельствовали об улучшении навыков формулирования и толкования правовых норм, способов организации правового материала. В данный период знатоками и толкователями права были дьяки, выступающие в качестве государственных служащих, они мастерски готовили тексты княжеских грамот, составляли судебники, используя московский деловой язык. Этот язык формировался в приказах и заметно отличался от летописного языка Древней Руси специфической терминологией, отсутствием славянизмов и выразительных литературных средств¹⁹².

XVII в. и, прежде всего, события Смутного времени перевернули представления о государстве, власти, праве и особенно правотворчестве, которым отныне призваны были заниматься не только государь и его окружение, но и представители земли, городов. Ярким подтверждением этого стало Соборное уложение – первый напечатанный сборник, который был подписан участниками Земского собора - представителями разных сословий.

Соборное уложение, включившее в свой текст устойчивые нормы русского права, было основано на всем предыдущем опыте отечественной юриспруденции. Нормы, заимствованные создателями из зарубежных источников, были успешно адаптированы и были способны выражать правовые воззрения русского общества.

---

¹⁹² Улуханов И. С. О языке Древней Руси. М., 2002. С. 143.

Соборное уложение, по мнению В. А. Томсинова, утвердилось в качестве самого значительного памятника отечественной правовой культуры средневековой Руси благодаря оптимальному сочетанию содержания правовых норм, приемов юридической техники и сущности воплощенных в тексте правовых положений, а также ясности и доступности языка¹⁹³. Соборное уложение способствовало активизации правотворческой деятельности монархов, появлению новых разновидностей форм права. В результате было издано множество «новоуказных статей», направленных на решение конкретных судебных вопросов.

Таким образом, на рубеже XVII-XVIII вв. сложилась прикладная юриспруденция. Однако для дальнейшего развития права, совершенствования законодательства этого было недостаточно. Ощущалась общая нехватка юридически образованных лиц, а дьяки, обладающие правовыми знаниями и практическими навыками, уже не соответствовали новым государственным задачам. Прикладная юриспруденция уже не отвечала потребностям времени. Для России в этот период, с точки зрения Е. А. Юртаева, было характерно или практическое осмысление права и законодательства, которое преобладало, или философское осмысление. Знания в области законодательства формировались исключительно в рамках правоприменительной практики¹⁹⁴. В юридическое познание, законоведение были вовлечены монархи, судьи, лица, ответственные за делопроизводство.

Тем не менее, прикладная юриспруденция в определенной мере способствовала формированию магистрального начала в развитии русского права, а именно эволюции права с опорой на правовые традиции и менталитет. Теоретические наработки юристами практиками (законоискусниками) приспособлялись под отечественные условия и мировосприятие¹⁹⁵. Однако время неумолимо

---

¹⁹³ Томсинов В. А. Развитие русской юриспруденции в XVII столетии // Законодательство. 2005. №11. С. 87.

¹⁹⁴ Юртаева Е. А. Законоведение и законоведы: о юриспруденции и ее деятелях в дореволюционной России // Журнал российского права. 2012. №2. С. 86.

¹⁹⁵ Васильев А. А., Землюков С. В. Развитие юридической науки в России в XIX в. // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2017. №1 (5). С. 13.

требовало теоретической, научной юриспруденции, широкого юридического образования, совершенствования отечественного законодательства и преодоления правового партикуляризма¹⁹⁶.

Дальнейшее развитие российской правовой культуры было связано с правлением Петра I. Именно в этот период складываются предпосылки зарождения отечественной юридической науки. Среди факторов, способствующих появлению научной, теоретической юриспруденции в Российском государстве, по мнению М. А. Кожевиной, можно назвать петровские реформы, позволившие осуществить колоссальный рывок в развитии страны, а также процесс законотворчества, складывающееся юридическое образование, деятельность юридического профессионального сообщества¹⁹⁷.

Преобразовательная деятельность Петра была подготовлена всем предшествующим развитием страны, предопределена государственной необходимостью и сложным социально-экономическим состоянием России с учетом ее прошлого, она стала адекватным ответом на вызовы времени и запросы прогрессивной части российского общества¹⁹⁸. Преобразования Петра I, нацеленные главным образом на модернизацию государственного устройства, затронули разные сферы жизни общества. Перемены вызвали потребность в реформировании законодательства, в создании сообщества юристов-профессионалов, увеличении числа юридически образованных лиц, способных обеспечить научное обоснование и реализацию этих преобразований¹⁹⁹. Реформы сопровождались активной законодательной деятельностью. В среднем на протяжении первой четверти XVIII в. принималось 160

---

¹⁹⁶ Кожевина М. А. Инновационное и традиционное в отечественной юридической науке: к истории вопроса // Юридическая техника. 2021. №1. С. 193.

¹⁹⁷ Кожевина М. А. Предпосылки зарождения отечественной юридической науки как социального института // Genesis: исторические исследования. 2015. №3. С. 430-459. Электронный журналы. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_14610.html (дата обращения: 05.06.2022).

¹⁹⁸ Коновалов А. А., Атабиева А. Р. Российская империя первой четверти XIX века как актор процесса европеизации // Гуманитарный профиль: Научный сборник Совета молодых ученых. Нальчик, 2015. С. 119.

¹⁹⁹ Кожевина М. А. Указ. соч.

царских указов в год²⁰⁰. Значительная их часть составлялась при непосредственном участии царя, а иногда им самим. Роль законодательства в политике государственной власти существенно повысилась. Закон выступал в качестве инструмента государственных преобразований, формирования и укрепления новых общественных порядков²⁰¹.

Однако широкомасштабная законодательная деятельность привела к хаосу в российской правовой системе, новые законы противоречили предыдущим. Все это, по мнению Петра I, требовало создания свода законов, где новые правовые нормы были бы соотнесены и согласованы со статьями Соборного уложения. Однако все попытки подготовить новый свод законов не приводили к успеху. Тем не менее, деятельность комиссий, работающих над новым сводом, не была бесполезной, хотя бы потому что она вскрыла проблемы отечественной юриспруденции²⁰². Систематизация российского законодательства требовала наличия не только научных критериев классификации правовых институтов, но и теоретических принципов расположения правового материала. А это могла осуществить только теоретическая, научная юриспруденция и ее представители – ученые, которых в России не было. Кроме того, более остро ощущалась нехватка знатоков законов и судебного дела.

Таким образом, активное законотворчество начала XVIII в. нуждалось не только в серьезной юридической практике, но и в основательных знаниях, как отечественных правовых традиций, так и зарубежного опыта. Первоначально Петр I планировал решить кадровую проблему при помощи иностранцев, обладавших юридическими знаниями и опытом работы в бюрократических учреждениях, но осознавал, что этого недостаточно. По мнению М. А. Кожевиной, стремление привлечь в качестве консультантов

---

²⁰⁰ Павленко И. И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. М., 1964. С. 416.

²⁰¹ Томсинов В. А. Развитие русской юриспруденции в первой четверти XVIII в. // Законодательство. 2006. №2. С. 82.

²⁰² Томсинов В. А. Указ. соч. С. 85, 87.

иностранных юристов следует рассматривать в качестве предпосылок развития российской юридической науки²⁰³.

Приглашая иностранных ученых-юристов в Россию, Петр отправлял русских юношей обучаться юриспруденции за границу. А после учреждения коллегий государь повелел изучать юриспруденцию при них. Согласно Табели о рангах от 24 января 1722 г., для производства низших чиновников в более высокий ранг, они должны были обладать определенными юридическими знаниями²⁰⁴. Тем самым обучение юриспруденции осуществлялось при коллегиях, также создавались «краткие школы» при Сенате. Но все это было недостаточно эффективным из-за нежелания молодых дворян обучаться. Петр I осознавал, что России необходимо юридическое образование, основанное на научной юриспруденции.

Петр I в стремлении превратить Россию в европейскую державу активно насаждал идею о рецепции европейского правового наследия, интегрировал европейское право в российское правовое пространство, был заинтересован в постижении европейского государственно-правового опыта, что еще более укрепляло фактор правового воздействия на общественную жизнь. Действенность правового регулирования Петр связывал с установлением и поддержанием режима законности²⁰⁵. Однако, создавая новое законодательство на основе положений европейского права, организуя обучение молодых людей юриспруденции на основе естественно-правовой концепции, устраивая научную организацию на европейский манер, Петр и его сподвижники в силу отсутствия собственного опыта, все-таки не смогли адекватно оценить последствия для России этих нововведений. Образцы западноевропейского права, далекие от российской действительности и перене-

---

²⁰³ Кожевина М. А. Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII–XIX вв.: Монография. Омск, 2013. С. 36, 37.

²⁰⁴ Табель о рангах от 24 января 1722. Текст. // Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Исторический факультет. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/tabel.htm> (дата обращения: 05.06.2022).

²⁰⁵ Кожевина М. А. Предпосылки зарождения отечественной юридической науки как социального института // Genesis: исторические исследования. 2015. №3. С. 430-459.

сенные на российскую почву были практически бесполезны. Это негативно отражалось на темпах развития научной юриспруденции. Тенденция отчужденности научного знания от реальной жизни была характерна до начала XIX в., институционализация науки в этот период отсутствовала. Тем не менее, начало XVIII в. наметило пути данного процесса, сделав его необратимым. Заложенные традиции были продолжены в дальнейшем²⁰⁶.

Таким образом, Петру I в силу объективных условий не удалось создать в стране систему юридического образования и соответствующую времени модель российской теоретической юриспруденции. И все же благодаря преобразовательной деятельности царя были созданы условия и предпосылки для их появления в будущем. Первая четверть XVIII в. – это время формирования идей о теоретической юриспруденции, о юридическом образовании, время осознания потребности в систематической обработке отечественного законодательства и преодоления правового партикуляризма²⁰⁷.

Юридическая наука как самостоятельная сфера деятельности в России ярко проявила себя во второй половине XVIII и особенно в XIX вв. Серьезным стимулом развития юридической науки стало открытие новых университетов и специальных учебных заведений, где преподавались правовые дисциплины. В начале XIX в. руководство страны значительное внимание уделяло развитию юриспруденции, юридической науки посредством внедрения юридических образовательных стандартов в учебные заведения²⁰⁸. Примечательно, что для России, как и для Западной Европы, была характерна связь юридической теории с университетской системой образования. Наука формировалась в процессе преподавательской деятельности, подготовки профессоров к занятиям, разработки лекционных курсов. По мнению А. А. Васильева и С. В.

---

²⁰⁶ Кожевина М. А. Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII–XIX вв.: Монография. Омск, 2013. С. 42, 43.

²⁰⁷ Кожевина М. А. Инновационное и традиционное в отечественной юридической науке: к истории вопроса // Юридическая техника. 2021. №1. С. 193.

²⁰⁸ Славова Н. А. Юридическая наука: понятие, возникновения, развитие, функции и содержание // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева №2. Том 1. 2019. С. 29.

Землюкова, юридическая наука в России в XVIII–XIX вв. напоминала европейскую модель средневекового периода: Все это обеспечивало доминирование европейской системы образования в российских юридических университетах. Тем самым, отечественная юриспруденция изначально отличалась двойственным характером, сохраняющимся и в настоящее время. С одной стороны, юридическая наука и писаное право ориентировались на западно-европейские правовые институты, и высшие слои общества стремились обустроить жизнь по чуждым, заимствованным принципам. С другой стороны, большая часть населения Российской империи следовала неписаному праву, опирающемуся на русскую духовную культуру и самобытные правовые традиции. И, даже когда в отечественной юриспруденции XIX в. утвердилось историческое направление, юридическая наука не смогла до конца освободиться от компилятивно-подражательного подхода в преподавании и проведении научных исследований. Это было связано с укрепившимся в мировоззрении европоцентризмом, постоянными контактами с европейской юриспруденцией через стажировки, европейской моделью университетского устройства науки и образования²⁰⁹.

Таким образом, новации и традиции присущи науке. Они проявляются, с одной стороны, в процессе формирования нового знания и внедрения его в практику, а с другой, в приверженности установившимся образцам и принципам познания, в признании преемственности эволюционирующего знания. Гармоничное соотношение новаций и традиций способствует не только сохранению творческого потенциала и своей автономии, но и обеспечивает отечественной юридической науке устойчивое прогрессивное социально значимое развитие, помогает определить стратегию и перспективы дальнейшего совершенствования²¹⁰.

Сегодня современная юридическая наука в ответ на новые вызовы и риски, связанные с изменившимися условиями, обязана

---

²⁰⁹ Васильев А. А., Землюков С. В. Развитие юридической науки в России в XIX в. // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2017. №1 (5). С. 12, 13, 26.

²¹⁰ Кожевина М.А. Инновационное и традиционное в отечественной юридической науке: к истории вопроса // Юридическая техника. 2021. №1. С. 191.

утвердить необходимость изменений юридического знания. Достижение научной новизны невозможно добиться прежними методами, новизна предполагает выход за рамки наличного знания, умение разглядеть объект «новым взглядом». А это способна сделать только междисциплинарность, которая, в свою очередь, требует от юридической науки конструирования новых понятий, использование терминологии других научных дисциплин, наполнение всех терминов новым содержанием. Тем самым теоретические изменения, научная новизна требует выйти за рамки юриспруденции²¹¹. Однако успешное развитие науки невозможно в отрыве от тех отношений, которые образуют государство и право, в которых они проявляют себя, которые они регулируют²¹².

Список литературы

1. Васильев А. А., Землюков С. В. Развитие юридической науки в России в XIX в. // Правовая мысль в образовании, науке и практике. 2017. №1 (5).
2. Кожевина М. А. Инновационное и традиционное в отечественной юридической науке: к истории вопроса // Юридическая техника. 2021. №1.
3. Кожевина М. А. Предпосылки зарождения отечественной юридической науки как социального института // Genesis: исторические исследования. 2015. №3.
4. Кожевина М. А. Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII–XIX вв.: Монография. Омск, 2013.
5. Коновалов А. А., Атабиева А. Р. Российская империя первой четверти XIX века как актор процесса европеизации // Гуманитарный профиль: Научный сборник Совета молодых ученых. Нальчик, 2015.
6. Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // «Lex Russica». 2013. № 2.
7. Павленко И. И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. М., 1964.
8. Славова Н. А. Юридическая наука: понятие, возникновение, развитие, функции и содержание // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева 2019. №2. Т. 1.

---

²¹¹ Честнов И.Л. Юридическая наука в ожидании перемен // Правоведение. 2017. №5 (334). С.13, 14.

²¹² Лазарев В.В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // «Lex Russica». 2013. №2.

9. Томсинов В. А. Развитие русской юриспруденции в первой четверти XVIII в. // Законодательство. 2006. №2.
10. Томсинов В. А. Развитие русской юриспруденции в XVII столетии // Законодательство. 2005. №11.
11. Томсинов В. А. Юриспруденция Древней Руси (X-XIII вв.) // Законодательство. 2003. №7.
12. Улуханов И. С. О языке Древней Руси. М., 2002.
13. Честнов И. Л. Юридическая наука в ожидании перемен // Правоведение. 2017. №5 (334).
14. Юртаева Е. А. Законоведение и законоведы: о юриспруденции и ее деятелях в дореволюционной России // Журнал российского права. 2012. №2.

Крупеня Елена Михайловна

Междисциплинарный синтез теории и истории государства и права: к вопросу об актуализации субъектно-личностного направления в исследованиях

Прежде чем обратиться к примерам, которые, как представляется, убедительно иллюстрируют использование в разработках историко-правовых тем категориального аппарата общеправовой теории²¹³, будет уместно акцентировать внимание на том, что все они реализуются на основе принципа междисциплинарности, в логике междисциплинарного синтеза.

---

²¹³ Показательно, что аналогичные темы в большом количестве представлены в Программе Всероссийского форума историков права: См., например: Кодан С. В. «Империя: понимание и общая характеристика конструкции государственно-правовой системы (историко-юридический контекст)»; Жолобов Я. Б. «Значение историко-правовой тематики для изучения вопросов судебной деятельности в России»; Нижник Н. С. «Полицейско-правовая теория как средство трансляции правовых традиций в сфере государственного управления»; Дорская А. А. «Тенденции развития историко-правовой науки в России на современном этапе (анализ диссертационных исследований 2012-2022 гг.)»; Харитонов Л. А. «История права сквозь призму современной теоретической юриспруденции»; Шатковская Т. В. «Применение исторического метода как неперемное условие действительности современного законотворчества» и др. [сайт] // gjur.ru. URL: Programma_foruma_10-11.06.pdf (дата обращения: 09.06.2022).

Есть достаточные основания полагать, что данный принцип, свойственный постклассической методологии²¹⁴, вовсе не «размывает» предмет юридической науки²¹⁵. Напротив, такой подход в исследованиях открывает перспективы для того, чтобы выявить всю глубину тех социальных феноменов, которые осмеливаются исследовать представители науки. Стоит признать правоту тех коллег, которые утверждают, что последовательно используемый в процессе научной разработки междисциплинарный синтез: 1) способствует развивающейся парадигме сложности; 2) позволяет внести ясность в фундаментальный вопрос о том, почему природа социально-правовых явлений не проста и именно поэтому не может быть объяснена законами физики; 3) открывает возможности сочетать на фундаменте «доминантной методологии» элементы других, способствуя повышению потенциала той или иной из избранных. В связи с этим отмечу важность и принципиальное значение для данной работы позиции академика В. С. Степина²¹⁶, который обратил внимание на то, что междисциплинарность предполагает не только определение состава возможных междисциплинарных проблем и средств их решения, совмещение предметных образов одной и той же реальности и выработку интегральных представлений, синтезирующих эти образы, но и «перенос» концептуальных средств и методов из одной науки в другую. Это тем более важно, когда речь идет об «исторически развивающихся системах, в том числе и таком их варианте, как человекоразмерные системы (с включенным в них Человеком)»²¹⁷.

---

²¹⁴ См.: Пашенцев Д. А. Историко-правовая наука в условиях современной научной рациональности // rgur.ru. URL: [Programma_foruma_10-11.06.pdf](http://rgur.ru/Programma_foruma_10-11.06.pdf) (дата обращения: 09.06.2022).

²¹⁵ В этом легко убедиться, см., например: Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений / под ред. А. А. Дорской. СПб., 2012.

²¹⁶ Хабриева Т. Я. Вячеслав Семёнович Стёпин и рациональная картина права // Академик В. С. Стёпин. Тайна долгого пути: Национальная академия наук Беларуси, Институт философии. Минск, 2019. С. 180–190; см., также: Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. М., 2020.

²¹⁷ Там же.

1. *Категориальный аппарат общей теории государства и права в историко-правовых разработках: на основе опыта анализа некоторых диссертационных исследований.*

Переходя к конкретным примерам²¹⁸, иллюстрирующим использование категориального аппарата общеправовой теории – т. е. к тому, что принято называть теоретико-юридический контекст в исследованиях, отмечу: эти примеры различны, поскольку имеют отношение как непосредственно к объекту общеправовой теории, точнее – одному из объектов – государству, так и к объекту, который обуславливает всю государственно-правовую реальность в границах социокультурной среды – правосознанию.

1.1. В связи с традиционным для общеправовой теории объектом – государством, обращает на себя внимание диссертация, в которой акцентировано внимание автора на смежное с абстрактным понятием «государство» понятие – «государственность». «Государственность» оказалось востребованным наряду с др. сферами современного социогуманитарного знания и в теоретической юриспруденции для обозначения многоаспектного комплексного социокультурного образования. Элементный состав понятия «государственность» определяется компонентами, необходимыми для функционирования общества не только как целостного социального, экономического и информационного, но и политико-правового образования, а системное взаимодействие всех компонентов позволяет государственности в процессе эволюционной динамики выступать в качестве саморазвивающегося организма²¹⁹. Содержание понятия «государственность», которое может уточняться в зависимости от научной традиции и типа доктринального мышления, используется в качестве «строительного материала» при конструировании нового знания, расширяющего горизонты

---

²¹⁸ Анализ лишь некоторых диссертационных исследований за последние 3 года на основе сведений, размещенных на сайте Высшей аттестационной комиссии (далее – ВАК) убеждает в том, что авторы историко-правовых исследований активно используют в своём научном поиске общетеоретические категории, задействуют их эвристический потенциал: См.: официальный сайт ВАК. URL: minobrnauki.gov.ru (дата обращения: 01.06.2022).

²¹⁹ Об этом подробнее см.: Морозова Л. А. Проблемы современной Российской государственности. М., 1999. 254 с.

понимания государства - явления социокультурного и исторически изменчивого.

Так под «давлением» системы разнообразных фактов, которые среди прочих²²⁰ включают в себя идейный конфликт, вызванный утверждением конституционной модели государства в современной России с известными идеологемами, сформированными исторически, на уровне докторской диссертации была разработана тема «Восточно-христианская концепция теократической государственности»²²¹. Диссертация привлекает внимание, в том числе и потому, что ее автор концептуализирует свое видение государственно-конфессиональных взаимоотношений на основе системы маркеров распознавания феноменов политико-правовой жизни, основывающихся на исторической традиции в доктрине интерпретации политико-правовых феноменов в рамках восточно-христианского светско-конфессионального континуума.

При внимательном знакомстве с текстом фундаментального (и по форме, и по содержанию) исследования Алонцевой Д. В., тем не менее, трудно игнорировать историко-правовой характер темы на том основании, что автор концептуализирует восточно-христианскую государственность на основе большого количества достоверных источников, которые объединены в семь блоков, в которых выделены и исторические памятники:

1. действующие и утратившие силу нормативные правовые акты Российской Федерации и Российской империи;
2. правовые памятники Византийской империи (Институции и Дигесты Юстиниана, Эклога, Эпанагога и др.), отражавшие модель «симфонических» отношений церкви и государства;
3. источники русского канонического (церковного) права, церковно-канонические акты Византийской империи, акты экклезиологии, библейские тексты;
4. богословские труды раннехристианского периода;
5. переписка знаменитых византийских историков, государственных и общественных деятелей;

---

²²⁰ Алонцева Д. В. Восточно-христианская концепция теократической государственности. Автореф. дисс... д.ю.н. Белгород. 2021. С. 3-4.

²²¹ См.: Алонцева Д. В. Указ. соч.

6. труды представителей российской религиозной политико-правовой доктрины конца XIX-начала XX вв.;

7. архивные материалы из фондов Архива Президента Российской Федерации (далее – АПРФ), Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), Центрального архива ФСБ России (далее – ЦА ФСБ), Российского Центра хранения и изучения документов новейшей истории (далее – ЦХИДНИ)²²². Такой подход в исследовании государственности и для конструирования абстрактной модели теократической государственности, без сомнения, полезен, поскольку способствует уточнению существующего знания о типах государства на основе именно эмпирических данных и тем самым обогащают теорию государства.

Одновременно, в полемическом плане стоит обратить внимание на то, что для плодотворного междисциплинарного синтеза теории и истории государства и права в плане детализации смысловых горизонтов понятия «государственность» применительно к Российскому социокультурному контексту, полагаю, будет полезным уточнение ряда исследовательских позиций автора:

– научные идеи и концепты, которые в теоретическом плане позволили автору обосновать вывод о том, что «идеал восточно-христианской теократической государственности – религиозно-политическая целостность, в которой государственная власть призвана, используя средства социального управления, реализовать на практике идеалы христианства, а духовная власть – преобразовывать (преображать) мир путем евхаристического служения»²²³;

– особенности государственно-конфессионального взаимодействия государства в России: при исследовании феноменологической сущности восточно-христианской традиции, которая «питается» комплексом идей в рамках византийской концепции «симфонии властей»²²⁴, без ответа остается вопрос о том, какие именно были выявлены тренды, и какие тенденции они позволяют фиксировать?

---

²²² Алонцева Д. В. Указ. соч. С. 10-11.

²²³ Алонцева Д. В. Указ. Соч. С. 12.

²²⁴ Алонцева Д. В. Указ. Соч. С. 18-19.

– в научном плане необходимо аргументировать эмпирически, т. е. с использованием данных качественной социологии утверждение о том, что начало XXI века в Российской Федерации характеризуется «процессами нарастания влияния религиозных институтов в общественной жизни», «рост религиозности массового сознания»²²⁵;

– с теоретико-правовых позиций едва ли можно признать в необходимой степени аргументированной позицию автора диссертации в части того, что итогом «осознания властью своей социальной ответственности должно стать повседневное соблюдение ею прямо или косвенно религиозных норм»²²⁶. Такой подход представляется некорректным по ряду оснований: во-первых, с позиции и социальной философии, и общеправовой теории власть – это система отношений в обществе, субъектами которых являются властвующий и подвластный в масштабе общества. Поэтому осознание как сложный процесс свойственно не самой власти, а лишь тем, кто персонифицирует субъекта власть-отношений, в частности, властвующего субъекта, поскольку только он является обладателем сознания, что и делает его «способным к осознанию»; во-вторых, конституционная модель российской государственности основана на принципе светскости и других связанных с ним, которые определяют функциональную достаточность государства как правового, социального и демократического вне зависимости от религиозных предпочтений тех, кто персонифицирует государственную власть.

1.2. Два других примера избранных для анализа диссертаций показательны в том смысле, что их объединяет одна общая черта: в процессе разработки объекта и конструирования предметов своих диссертационных исследований авторы используют общетеоретический конструкт «правосознание», а также отдельных его форм. В контексте темы настоящей работы этот факт имеет принципиальное значение постольку, постольку оказывает дополнительное «давление» в процессе актуализации проблемы субъек-

---

²²⁵ Алонцева Д. В. Указ. Соч. С. 4.

²²⁶ Алонцева Д. В. Указ. Соч. С. 22

та права²²⁷. Хорошо известно, что правосознание бессубъектным бывает только в отчужденных формах в масштабе правовой культуры общества - итога эволюционной динамики социума. Активное правосознание, которое к тому же онтологически первично по отношению к актам юридически значимого поведения в масштабах правовой системы общества, бессубъектным не бывает!

Более раннее с точки зрения защиты диссертационное исследование С. В. Бурмистрова подготовлено с использованием не столько общего в теоретической юриспруденции понятия «правосознание», сколько с использованием понятий и категорий, которые описывают его формы, а именно негативную форму правосознание – правовой нигилизм²²⁸. Наряду с тем, что тема содержательно адекватна специфике учений о праве и государстве, она имеет явный исторический характер: так исследование объекта диссертации с метатеоретического уровня анализа показывает, что многие проблемные вопросы социально-правового свойства унаследованы из прошлого и существуют не одно столетие; позволяет обосновать необходимость обращения к отечественному опыту изучения феномена правового нигилизма, а на основе анализа значимых научных достижений в этой области на протяжении пяти периодов развития общества, государства²²⁹ выявить пробелы, препятствующие концептуализации правового нигилизма, формированию целостного образа данного феномена. Это позволило бы разрабатывать эффективные меры профилактики в отношении не только массового, но и элитарного правового нигилизма на уровне политического и государственного руководства страной.

Несомненный интерес в рамках концептуализации правового нигилизма в России представляет предлагаемая автором периодизация, разработанная на основе такого критерия, как правовая идеология – в его основе, как хорошо известно, располагается

---

²²⁷ См.: Субъект права: стабильность и динамика в условиях цифровизации: сборник научных трудов / Под общей редакцией Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М., 2021. 460 с.

²²⁸ Бурмистров С. В. Учение о правовом нигилизме в российской правовой мысли второй половины XIX века – начала XXI века: Дисс... канд. юрид. наук. Грозный, 2020.

²²⁹ Бурмистров С. В. Указ. соч. С. 5-6

юридическое мышление²³⁰. Именно поэтому солидарный подход С. В. Бурмистрова заслуживает всяческой поддержки, поскольку он позволяет переосмыслить имеющийся в доктрине опыт изучения правового нигилизма, и представить результаты с необходимыми элементами новизны. В этой связи заслуживает положительной оценки стремление С. В. Бурмистрова внести свой сильный вклад в процесс юридического познания нигилизма и формирование теории, позволяющей описать данный социально-психологический феномен полно и всесторонне, что довольно сложно, учитывая природу этого явления.

Теоретическую значимость диссертации придают предложенные соискателем направления исследования в процессе концептуализации правового нигилизма. С. В. Бурмистров акцентирует внимание на том, что в досоветской юридической науке сложилось три направления анализа данного явления [1]: либеральное - оно персонифицировано в трудах К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина и др.), [2]: евразийское (Н. Н. Алексеев), [3]: консервативное (И. А. Ильин и др.). Предложенное в диссертации С. В. Бурмистрова решение вопроса о направлениях в рамках концептуализации правового нигилизма помогает установить общее между ними, выявить особенное, описать отличительные черты различных дореволюционных исследований правового нигилизма - все это, как представляется, способствует формированию не только нюансированного знания об истории развития представлений о правовом нигилизме, но и самом явлении - оно неразрывно связано и с правосознанием, и с его обладателем – индивидуальным субъектом.

Еще один пример, убедительно иллюстрирующий инструментальную ценность общеправовой категории «правосознание» в

---

²³⁰ Об этом автор настоящей работы ранее высказывался в ряде своих публикаций, в том числе и тех, которые посвящены значимым историческим событиям в истории отечественного права России. См., подробнее: Крупеня Е. М. Кодификация: некоторые проблемы общеправовой теории в контексте осмысления опыта Соборного Уложения 1649 // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): Сборник научных трудов / Под общей редакцией Д. А. Пашенцева, М.В. Заило. М., 2020. С. 69-79.

процессе разработки темы диссертации находим в работе А.И. Смирнова – «Влияние профессионального правосознания на формирование позитивного права в Византийской империи»²³¹.

В контексте темы настоящей работы интерес к диссертации, хронологически ограниченной периодом существования Византийской империи, поддерживается тем, что основные результаты проведенного исследования способствуют развитию общеправовой теории. Такое утверждение поддерживается тем, что:

– в диссертационном исследовании выявлены детерминанты между профессиональным правосознанием и состоянием позитивного права Византии, что обогащает не только общеправовую теорию источников (форм) права, но и теорию такого источника права, как правовая доктрина, причем за счет привлечения историко-правового материала. Всяческой поддержки заслуживает стремление автора «определить степень применимости исследуемых взглядов»²³² на современном - постклассическом этапе развития науки;

– историко-правовые сюжеты темы актуализируют факторы, которые имеют и практическую направленность, поскольку связаны с предпосылками формирования профессионального правосознания – источника формирования позитивного права: система факторов, детерминирующая профессиональное правосознание (правовые и неправовые)²³³, содержание правосознания и его аксиологическое наполнение²³⁴, которое способствует минимизации формализованного подхода к законотворчеству и выступает надежным средством профилактики теоретического и практического правового нигилизма и др. Очевидно, что указанные и др. теоретико-правовые аспекты диссертации остаются востребованы как в современном российском, так и в зарубежном правовом контексте;

---

²³¹ Смирнов А. И. Влияние профессионального правосознания на формирование позитивного права в Византийской империи. Автореферат дисс...канд. юрид. наук. Москва, 2021.

²³² Смирнов А. И. Указ. соч. С. 6.

²³³ Там же. С. 17.

²³⁴ Там же. С. 18.

– в фокусе внимания автора диссертации расположен комплекс правовых ценностей юристов Византии, которые выявляются на основе формально догматического анализа юридических документов данного государства, о чем свидетельствует источниковая база исследования²³⁵. При внимательном знакомстве с работой становится понятно, что ее автор провел серьезное исследование, в центре которого стоит понимание тех основополагающих принципов, которые существовали в правовом сознании византийских юристов;

– без внимания автора не остаётся и эволюционная динамика профессионального правосознания в Византии, а также обусловленные состоянием правосознания изменения, которые происходили со временем в правовой культуре государства. В познавательном плане привлекателен сравнительный анализ содержания правосознания юристов Византии и носителей европейского правосознания периода Нового времени. На основании результатов такого сравнения диссертант делает в достаточной степени обоснованный вывод о значимости принципов права в их византийском понимании, их важности для современной правовой культуры в пространстве Континентального европейского права.

Проведенное Смирновым А.И. научное исследование на уровне диссертации - к такого рода научному продукту предъявляются повышенные формальные требования со стороны государства и экспертного сообщества - не лишено положений, которые, оставляют перспективу для продолжения научной полемики: 1) так остаются не проясненными современные подходы к пониманию правосознания, которое традиционно остается объектом не только для общеправовой теории, но и философии права; 2) не очевидно, какое именно определение понятия «правосознание», предлагаемое современной наукой, избрано автором в качестве рабочего в диссертационном исследовании. И все же замечу, что о важности проведённого исследования для теоретической юриспруденции можно судить на основании того, что в диссертации предлагается сконструированное автором определение «сверх-

---

²³⁵ Там же. С. 13.

принцип»²³⁶, которое обладает таким свойством, как инструментальность, поскольку позволяет объяснить жизнеспособность византийского права, его воспроизводимость в новых исторических условиях и различных национальных правовых системах.

Вместо заключения. Даже немногочисленные приведенные примеры убедительно с научной точки зрения показывают: в процессе разработки историко-правовой тематики их авторами достаточно внимание уделяется не только формальной стороне права (источникам, институтам и др.), но и др. аспектам сложной правовой реальности, в том числе и той, которая поддерживается, благодаря правовой деятельности субъектов на разных уровнях, и той, что предшествует правовой деятельности - правосознанию.

2. *Субъектно-личностное направление в исследованиях как интеллектуальный проект.*

Для последующего изложения принципиально обратить внимание и постоянно иметь в виду то, что и в правовой теории и философии права аттестуется как «общее место» - это следующий тезис: и акты поведения, благодаря которым поддерживается государственно-правовая жизнь общества на всех этапах ее эволюционной динамики, и то, что им предшествует – правосознание – не могут существовать в отрыве от субъекта. Поэтому обосновано с точки зрения логики внимание к субъекту права и правовой жизни общества²³⁷, которое в «границах» научной рациональности постнеклассики оформилось в самостоятельное направление – субъектно-личностное, хотя при этом опирается на опыт социолого-антропологической исследовательской традиции. Именно поэтому было бы преувеличением утверждать, что внимание к индивидуальному субъекту правовой жизни общества - это отличительный признак исключительно потнеклассической рациональности. Науке известны исследовательские позиции, авторы которых в своих разработках уделяли субъекту должное внимание и оставляли соответствующее его значению место. И в отечественной (Н. Н. Алексеев «Основы философии права»), и в зарубежной науке

---

²³⁶ Там же. С. 11.

²³⁷ Архипов С. И. Субъект права в центре правовой системы // Государство и право. 2005. № 7. С. 13-23.

(Р. Иеринг. «Борьба за право») более раннего периода субъект, например, позиционировался как правовой деятель, который «утверждает свое собственное существование» в правовой реальности.

Тем не менее, стоит обратить внимание на то, что характеристика индивидуального субъекта правовой жизни как правового деятеля не исчерпывает другие его характерные черты: индивидуальный субъект права как носитель правового сознания, как правовая воля, как совокупность всех общественных личностей - личность, как совокупность юридических связей (ее интересы, потребности, целеполагание – все это объективируется во вне в момент совершения акта поведения) и др. Добавим также, что все эти маркеры субъективной реальности ее не исчерпывают, поскольку сохраняются сугубо индивидуальные свойства жизненной траектории субъекта, они накладывают свой отпечаток на все остальное.

Эти и др. свойства субъекта права обусловлены признанием индивидуального субъекта права ценностью для правовой системы и правовой жизни общества. Сконструированные правотворцом и выраженные в нормах-предписаниях правила поведения «адресуются» абстрактным субъектам, которые располагают соответствующими витальными (жизненными) ресурсами для трансформации идеального образа права в реальный. Таким субъектами являются люди, поскольку никто кроме них витальными ресурсами материализации права не располагает. Витальные (физические) ресурсы индивидуального субъекта права, его свойство конгенитальности²³⁸, возможности правосознания как основы субъективной реальности (ментальные), психической энергии – воли позволяют «перевести» содержание нормы из области должного в область сущего. Массовое правомерное поведение – это основной инструмент установления в обществе правопорядка, поэтому на стадии конструирования правопорядка индивидуальный субъект

---

²³⁸ Крупеня Е. М. Толкование права, юридическая герменевтика в контексте субъектного подхода // Парадигмы юридической герменевтики: коллективная монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб., 2017. С. 219-234.

права - тот, кто в состоянии продуцировать акты правомерного поведения - признаются сотворцами правопорядка в обществе.

Детализируем изложенное выше и подчеркнём: в процессе социального проектирования творец идеального правопорядка конструирует стандарты и правила, которые адресованы не столько субъекту как абстракции, сколько и прежде всего, к сознанию индивидуального субъекта – доминантной основе субъективной реальности человека (гражданина). Едва ли стоит специально доказывать, что именно правосознание первично по отношению и к отдельным актам правомерного поведения, и к юридически значимому поведению субъекта права в целом. Поэтому и актуализируются эвристические ресурсы такого общеправового конструкта, как «правосознание»²³⁹. Но не только его. Вместе с ним актуализируются и смежные с ним, те, которые используются преимущественно при описании внутренней стороны актов правомерного поведения: мотивы - личностные побуждения к совершению поведенческого акта, целеполагание, субъективное отношение к акту поведения и его результатов, установки и др.

Принимая во внимание изложенное выше, отметим: для разработки теории индивидуального субъекта права востребованы ресурсы смежных областей не только теоретического, но и историко-правового знания, которое развивается в логике междисциплинарного синтеза, открывающего перспективы для продуктивного «диалога».

Список литературы

1. Алонцева Д. В. Восточно-христианская концепция теократической государственности. Автореф. дисс...д.ю.н. Белгород. 2021.
2. Архипов С. И. Субъект права в центре правовой системы // Государство и право. 2005. №7.
3. Бурмистров С. В. Учение о правовом нигилизме в российской правовой мысли второй половины XIX века – начала XXI века: Дисс... канд. юрид. наук. Грозный, 2020.
4. Крупеня Е. М. Толкование права, юридическая герменевтика в контексте субъектного подхода // Парадигмы юридической герменевтики:

---

²³⁹ См.: Малахов В. П. Теория правосознания. Опыт формирования: монография. М., 2020.

коллективная монография / под общ. Ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Сер. Толкование источников права СПб., 2017.

5. Малахов В. П. Теория правосознания. Опыт формирования: монография. М., 2020.

6. Морозова Л. А. Проблемы современной Российской государственности. М., 1999.

7. Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений» / под ред. А. А. Дорской. СПб., 2012.

8. Смирнов. А. И. Влияние профессионального правосознания на формирование позитивного права в Византийской империи. Автореф. дисс...канд. юрид. наук. Москва, 2021.

9. Субъект права: стабильность и динамика в условиях цифровизации: Субъект права: Сборник научных трудов / Под общей редакцией Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М., 2021.

10. Хабриева Т. Я. Вячеслав Семёнович Стёпин и рациональная картина права. Академик В. С. Стёпин. Тайна долгого пути: Национальная академия наук Беларуси, Институт философии; сост., отв. ред. А. Н. Данилов; редкол.: А. . Данилов и др. Минск, 2019.

11. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор. М., 2020.

РАЗДЕЛ 2 АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Минникес Ирина Викторовна

Эволюция процессуального права в контексте предметно-отраслевого метода преподавания Истории государства и права России

Изучение истории формирования и развития процессуального права России возможно как с помощью хронологического, так и посредством предметно-отраслевого подхода.

Хронологический способ изложения является ныне господствующим в историко-правовой науке. Можно взглянуть на оглавление любого учебника и учебного пособия, как станет понятно, что имеется в виду: историко-правовой материал «разложен» по периодам по более или менее определенной схеме, включающей обзор государственного строя и системы местного управления, характеристику социальной структуры общества и права на каждом историческом этапе. Последний раздел, как правило, не касается государственного права, а некоторые вопросы, например, административное, финансовое право и др., если и представлены, то в весьма ограниченных временных и содержательных рамках. Традиционно в этом разделе рассматривается гражданское, уголовное и семейное право, а также процесс и источники права в целом.

Преимуществом данного способа изложения материала является то, что создается полная картина состояния государства и права на конкретном историческом этапе, с очевидностью выявляются горизонтальные связи различных государственно-правовых явлений. Но следует задать вопрос — не теми же целями руководствуются в общей, неюридической истории России? В итоге История государства и права России превращается в дубликат Истории России, только с более углубленным изучением правовых явлений.

Правильный ли это подход или движение по пути наименьшего сопротивления?

В учебниках по Истории государства и права в качестве важнейшей задачи ставится познание закономерностей развития государственно-правовых институтов. Но изучение горизонтальных связей не способствует выполнению этой задачи.

Для того чтобы хоть как-то связать предшествующие процессуальные правила с исследуемым периодом, самые добросовестные авторы не просто описывают новую стадию развития, а снабжают ее отсылками к прошлому, например, «Судебный процесс в Новгороде и Пскове в целом сохраняет состязательный характер»²⁴⁰; «Как и прежде оно (*процессуальное право — И. М.*) не разделяется на гражданский и уголовный процесс. Усиливается, однако, роль розыскного производства в ущерб состязательному»²⁴¹ и т. д.

Но такие фразы мало помогают созданию монолитной картины — студенты, за исключением самых добросовестных и обремененных лишним временем, не станут перечитывать предыдущую главу учебника, чтобы вспомнить течение процесса и состояние системы доказательств. Так что данные отсылки, к сожалению, создают лишь видимость связки процессуальных норм разного времени. Поскольку акцент сделан на установлении горизонтальных связей, закономерности становления и развития самого процесса остаются неустановленными.

Второй вариант — это предметное изучение отраслей и институтов в их историческом развитии на основании общепринятой периодизации.

В этом случае сравнительное диахронное исследование позволяет на базе имеющихся исторических фактов создать цельную картину развития института или целой отрасли, т. е. способствует установлению вертикальных связей, от зарождения первых норм,

---

²⁴⁰ Лаптева Л. Е., Медведев В. В., Пахалов М. Ю. История отечественного государства и права: учебник. М., 2011. С. 88.

²⁴¹ История отечественного государства и права. В 2 ч. Ч. 1: учебник / под ред. О. И. Чистякова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 265.

регулирующих определенную сферу отношений, до оформления целого массива норм в отрасль (подотрасль, институт).

Поскольку данный подход к преподаванию Истории государства и права неоднократно рассматривался в публикациях²⁴², подробно останавливаться на его достоинствах и недостатках нет смысла. В данной работе изложены лишь некоторые выводы, сделанные на основе вертикального предметно-отраслевого исследования процессуального права России.

Важно отметить, что в результате глубокого целевого научного исследования их можно расширить и дополнить. Данные выводы являются результатом лишь общего, недетализированного обзора развития российского процессуального права, но преподавание данной темы в рамках учебной дисциплины следовало бы обогатить приведенными ниже моментами.

1. Правовое оформление процессуальных отношений проходит несколько этапов от разрозненных норм и точечной регламентации к кодифицированному акту.

На первом этапе (X–XV вв.) оно представляет собой децентрализованные, точечные нормы, которые дополняются издревле сложившимися обычаями. При этом правовые нормы княжеских актов не имеют приоритета по отношению к иным источникам права – обычаю, договору и др.

Второй этап (XVI–XVII вв.) можно назвать этапом поляризованного процессуального права.

Формирование единого центра и укрепление власти правителя не могли не сказаться на характере правового регулирования. Процессуальные отношения подпадают под особую охрану государства как одна из важных сфер воздействия власти на общество. Если на первом этапе трудно обозначить приоритет какого-то конкретного вида актов, то с XVI в. акты государя уже выделяют-

---

²⁴² См. Минникес И. В. История отечественного государства и права: практико-ориентированный подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 3. С. 43-56; Минникес И. В. Структура курса Истории отечественного государства и права: проблемы преподавания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 6 (293). С. 228-237 и др.

ся среди иных источников и приобретают значение ориентиров для иных правовых форм.

Поляризованность права подразумевает существование определенных актов, которые являются не единственными, но господствующими в конкретной сфере. В контексте процессуальных отношений таковыми полюсами были Судебники, а позднее — Соборное Уложение 1649 г. По замечанию В.К. Случевского, «законодательство того времени создало судебники 1497 и 1550 гг. с содержанием, если не исключительно, то преимущественно процессуальным»²⁴³.

Важно отметить, что на данном этапе ни принятие Судебников, ни статьи Соборного Уложения не исключали существования множества иных актов и источников права, так или иначе дополняющих содержание основных, «полюсов» законодательного воздействия, например, Приговор о лжесвидетельстве и ложных исках 1582 г., Указ о том, в какие часы дня приводить к крестному целованию 1620-22 г. и др.

Третий этап — XVIII в. — это период систематизированного процессуального права и официального ограничения неправовых форм процесса.

На данном этапе основная роль в правовом регулировании процессуальных отношений отводится конкретному закону. Важнейшими из них можно считать именной указ от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» и, в особенности, «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1715 г.

Заключительным, четвертым этапом развития правовой регламентации процессуальных отношений являлось принятие кодифицированных актов. Первоначально, в первой половине XIX в., данные акты были составной частью сложного материально-процессуального комплекса (в частности, том X Свода Законов включал «Законы гражданские» (материальное право) и «Законы о

---

²⁴³ Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. С. 2

судопроизводстве и взысканиях гражданских» (процессуальные нормы), том XV – «Уложение о Наказаниях уголовных и исправительных» и «Законы о Судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках»), и лишь с 1864 г. стали самостоятельными законами — Уставом уголовного судопроизводства и Уставом гражданского судопроизводства.

2. Российское процессуальное право гораздо многозначнее, нежели то, что представлено в учебном курсе.

Даже если исключить судоговорения, не регламентированные нормативными правовыми актами, их виды не исчерпываются диадами состязательный-розыскной; гражданский-уголовный процессы. Так, во все времена особые формы рассмотрения дел были приняты в третейских судах, к XIX веку было обособлено межевое производство; исследователи XIX столетия писали о наличии полицейского процесса и т. п.

Без изучения этих форм сложно определить происхождение и тенденции развития современных административного и арбитражного процессов.

3. Изучение истории российского процессуального права свидетельствует о том, что в напряженные периоды развития государства и права создаются альтернативные процессы как способ обойти принципы законности и демократии, в большей или меньшей степени заложенные в основные урегулированные законодательством процессы.

Так, альтернативным, «обходным» процессом можно считать «скорострельную юстицию» 1906 г., предусмотренную «Положением о военно-полевых судах». В отличие от правил основного уголовного процесса, в военно-полевых судах для производства по делу отводилось всего 48 часов (вместо месяца по Уставу уголовного судопроизводства), дело рассматривалось без участия сторон, а приговор сразу же вступал в законную силу и в течение 24 часов подлежал приведению в исполнение. Просьбы о помиловании и обжаловании не запрещены, но технически нереальны из-за ограниченного времени; да и военным министерством их рекомендовано «оставлять без движения».

Таким же образом, как альтернативные, можно оценивать и процессы сталинских квази-судебных органов – Особого совещания при НКВД, сталинских «троек» и др. а также упрощенный процесс по делам о подготовке или совершении террористических актов, предусмотренный Постановлением ЦИК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» от 1 декабря 1934 г.

4. Вместе с судоговорением эволюционирует и система доказательств.

Этот процесс выражается, во-первых, в постепенной формализации доказательств, в детализации признаков, источников доказательств, а также связанности доказательств с определенным родом правонарушений.

Но эта тенденция, иногда обозначенная в учебной литературе, не является единственным направлением эволюции доказательств в процессе. Можно выделить еще несколько важных направлений развития правовых положений, посвященных доказательствам.

Во-вторых, эволюция идет в направлении от разрозненных доказательств к системе и постепенному созданию строгой иерархии, отраженной в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» 1715 г. В ней на первом месте стоит собственное признание перед судом: «Когда кто признает, чем он виновен есть, тогда дальняго доказу не требует, понеже собственное признание есть лутчее свидетельство всего света» (ст. 1 гл. 2) , на последнем — присяга.

Но это лишь часть системы. Внутри каждого вида доказательств существовала собственная иерархия. Например, мало указать, что свидетельские показания стоят на втором месте, нужно учитывать еще и внутреннюю иерархию свидетелей. Гл. 3 ст. 13 указывает, что «Сие слово лутчие свидетели, разумеется, что свидетель мужеска полу паче женска, и знатный паче худаго, ученый неученаго и духовный светскаго человека почтен бывает».

Таким образом, законодатель установил четкую схему «ценности» доказательств, которая первоначально, скорее всего, играла роль опорных точек, ориентиров, по которым должен двигаться судейский ум. Однако чрезмерное поклонение этой иерархии вы-

лилось, в конце концов, в формальном делении доказательств на три группы — совершенные, несовершенные и улики.

Разница между ними была огромна: одного совершенного доказательства было достаточно, чтобы признать обвинение несомненным, несовершенные же давали обвинение только вкупе. На уликах же, сколь бы много их ни было, нельзя было выстроить обвинение. Оценку данной системе дал Дмитрий Николаевич Блудов, министр юстиции, а затем член Государственного совета, председатель Департамента законов и главноуправляющий II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Он считал, что признание совершенного доказательства как факта, полностью исключающего сомнения в вине обвиняемого неоправданно, а совокупность несовершенных доказательств — слишком неопределенное понятие, и судья не может гарантировать, что этот набор доказательств исключит сомнения в виновности²⁴⁴.

В-третьих, несмотря на высокую значимость религии в общественной жизни, законодатель всегда отдавал предпочтение доказательствам рациональным, тем, которые можно ощутить — увидеть, услышать, осязать.

Поэтому на ранних этапах, в период становления процесса, наиболее предпочтительны были показания свидетелей, поличное и знамения: «Аже придет кровавь мужь на дворь или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажу 3 гривны; аще ли не будеть на немь знамения, то привести ему видокъ...» — указывает Русская Правда. Доказательства из нерационального источника — высших сил, как-то: присяга и ордалии — привлекаются тогда, когда рациональные отсутствуют или неоднозначны, например, поровну противоречащих свидетельских показаний. Возможно, это связано с внедрением нового религиозного порядка в стране.

Но и тогда, когда православие стало господствующей идеологией российского общества, рациональные источники доказа-

---

²⁴⁴ Мещеряков Ю. В. Уголовное судопроизводство Российской империи первой половины XIX в. Дисс. канд. юрид. наук. Ленинград, 1984. С. 124.

тельств превалировали над присягой. По поводу нерациональных доказательств опять-таки законодатель указал, что это допускается тогда, когда «опричь веры крестного целованья тех дел вершити будет нечем» (ст. 8 Гл. XIV Соборного Уложения 1649 г.).

В-четвертых, на любой стадии развития процессуального права оценка доказательств сочетала в себе как убеждение судьи, так и заданные законом параметры.

Формальная оценка доказательств зародилась в недрах древнерусского процесса и приняла окончательную форму в законодательстве XIX столетия. Однако даже полный законодательный переход к оценке доказательств по внутреннему убеждению судьи, предусмотренный, в частности, ст. 119 Устава уголовного судопроизводства²⁴⁵, не исключил разделения доказательств по их значимости, т. е. весу в судебном процессе.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что обозначенные в статье тенденции и закономерности становления и развития русского процессуального права представляют собой важный элемент обучения по предмету и способствуют осознанию студентом теоретической и практической ценности дисциплины История государства и права России.

Список литературы

1. Мещеряков Ю. В. Уголовное судопроизводство Российской империи первой половины XIX в. Дисс. канд. юрид. наук. Ленинград, 1984.
2. Минникес И. В. История отечественного государства и права: практико-ориентированный подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 3.
3. Минникес И. В. Структура курса Истории отечественного государства и права: проблемы преподавания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 6 (293).
4. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913.

---

²⁴⁵ «По выслушании сторон и по соображении всех доказательств, имеющихся в деле, мировой судья решает вопрос о вине или невинности подсудимого по внутреннему своему убеждению».

Историко-правовые аспекты трансформации понятийных характеристик источников права и правотворчества

В данной статье обозначим некоторые моменты историко-правовых трансформаций понятийных характеристик права и правотворчества в контексте связанности этого с современными общетеоретическими правовыми проблемами.

В юриспруденции, иных гуманитарных науках исключительно важным представляется именно комплексное осмысление проблем права и правотворчества, как в контексте современных тенденций, так и историко-правовых предпосылок. Это вызвано задачей повышения качества и эффективности правотворческого процесса, строительства социального и правового государства, оптимизации правового регулирования общественных отношений, обоснованного подхода к решению проблем глобализации. Так, например, Д.А. Пашенцев отмечает, что «в современных условиях мир стремительно меняется, и вместе с ним меняются модели правового регулирования...»²⁴⁶.

Особо следует сказать об актуальности данной темы в современных условиях. Еще раз необходимо подчеркнуть, что осмысление этой проблематики важно в контексте решения множества современных социально-государственных проблем, реальной реализации принципов правовой и социальной государственности в России. Обеспечение именно достойного уровня жизни граждан России - ключевая задача государства. Так, например, конституционное закрепление России как социального государства требует осмысления проблем его построения в контексте механизмов российского правотворчества, его истории развития и совершенствования. Государственно-организованное российское общество в настоящее время испытывает серьезную разрозненность его членов, социальное расслоение населения, размытые ценностные

---

²⁴⁶ См.: Пашенцев Д. А. Российская правовая традиция перед вызовом глобализации // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 29.

ориентации в духовно-нравственной сфере, что существенно осложняет проведение эффективной государственной политики. В этой связи, очевидно, что полноценная социальная политика государства, реализация социальных прав российского населения и принципов социального государства может обеспечить стабильность государственной жизни. Успешная государственная политика невозможна без обеспечения достойного уровня жизни населения, в отношении которого она осуществляется Российским государством. При этом социальные гражданские права выступают как определенные требования к власти и являются обязанностями государства, прежде всего в том, что касается обеспечения достойной жизни личности. Что касается принципов социального государства, то в Конституции России 1993 г., в частности, провозглашено, что Российская Федерация - социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Совершенно очевидно, что эффективная социальная политика невозможна без эффективного механизма правового регулирования, без задач оптимизации правотворческой деятельности и источников права, которые формируются при ее осуществлении. Качество законодательных решений становится, во многом, решающим фактором развития рыночных отношений, политического, социального и духовного развития России. По результатам правотворческой работы судят о государстве в целом, степени его демократичности, цивилизованности, культурности, социальной направленности. Несовершенство правовой регламентации способно ослабить государство, «свести на нет» стремление встать на путь правовой и социальной государственности.

На фоне правотворческих усилий Российского государства после принятия Конституции РФ 1993 г., в современный период ярко проявляются серьезные недостатки правотворчества, которые снижают эффективность правового регулирования общественных отношений в любых сферах государственной жизни. Нередко акты, содержащие нормы права принимаются без процедуры полноценного согласования соответствующих интересов, не выражают согласованную волю, заранее не учитывают послед-

ствия их реализации на практике, принимаются в угоду узкогрупповым интересам, что порождает социальные противоречия и конфликты, формирует недоверие населения к институтам государственной власти. Это подрывает и социальную сущность права и правотворчества, обеспечивая смещение в сторону так называемой классовой сущности. Представляется, что решение проблем правотворчества (в том числе, теоретико-правовых) позволит повысить эффективность действий государственной власти, механизма разделения властей, будет способствовать недопущению либо сглаживанию социальных конфликтов.

В контексте вышесказанного, нам представляется, что многие проблемы права и правотворчества кроются в их противоречивых терминологических характеристиках, которые прослеживаются на протяжении всего исторического периода осмысления этих явлений.

Говоря об этом, сразу отметим, что до сих пор в юридической литературе нет однозначного понимания ни системы нормативного регулирования России, ни источников права, ни правотворчества. Эта противоречивость воззрений негативным образом отражается как на восприятии феноменов российской правовой системы, так и на правоприменительной деятельности, порождает неоднозначное отношение к данной проблематике. Исходя из этого, представляется чрезвычайно важным анализ исторических предпосылок формирования терминологии в области правовой сферы.

Как отмечал М. Н. Марченко, рассматривая историко-правовую проблематику, еще в конце XVIII столетия основоположник немецкой классической философии И. Кант в своей работе «Метафизика нравов» (1797 г.) не без оснований констатировал, что вопрос о том, что такое право может «смутить правоведа - если только он не хочет впасть в тавтологию или вместо общего решения сослаться на то, что утверждали когда-либо законы какой-нибудь страны»²⁴⁷.

---

²⁴⁷ Цит. по: Марченко М. Н. Источники права. Учебное пособие. М., 2005. С. 10.

В юридической литературе отмечается, что в научный терминологический оборот понятие «источник права» ввели представители римской юриспруденции. Так, Цицерон (106 г. до н. э. - 43 г. до н. э.) в своей работе «Об ораторе» пишет: «Для всякого, кто ищет основ и источников права, одна книжица XII таблиц весом своего авторитета и обилием пользы воистину превосходит все библиотеки всех философов»²⁴⁸.

Понятие «источник права» уже в античное время активно использовалось многими исследователями в качестве основы, на базе которой получает развитие право определенной страны.

Источник права как феномен и отражающее его понятие необходимо исследовать с разных направлений. Это залог более верного его понимания.

Анализируя историко-правовые и современные воззрения на источник права, необходимо сказать, что смысл, вкладываемый в это понятие различный. Очевидно, это связано с тем, что такое явление как «источник права» исключительно сложное, разнообразное как по форме, так и сущности, порой противоречивое. По сути нельзя ограничивать его понимание только в одном смысле, это всегда будет ущербно для понимания его сути и понятийных характеристик.

Обозначим некоторые варианты понимания. Как указывает М. Н. Марченко, прежде всего, данное понятие следует характеризовать с этимологической стороны²⁴⁹. Учитывая терминологическое указание словарей, можно сказать, что в этом варианте понимания «источник» – это то, из чего берется, черпается что-либо; это «письменный памятник, документ, на основе которого строится научное исследование»²⁵⁰. В этом значении ученые говорят о соответствующих правовых памятниках (Законы царя Хаммурапи, Русская Правда и др.).

---

²⁴⁸ Цит. по: Иванов С. А. Соотношение закона и подзаконного правового акта Российской Федерации. М., 2002. С. 2.

²⁴⁹ Марченко М. Н. Источники права. Учебное пособие. М., 2005. С. 10.

²⁵⁰ Ожегов С. И. Словарь русского языка. / Около 57 тыс. слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М., 1988. С. 222.

Кроме того, можно рассматривать понятийные характеристики источника права и в контексте возможности влияния на право, источники права и правотворчество географического, климатического, биологического и иных факторов. В зарубежной и отечественной историко-правовой литературе неоднократно подчеркивалась важность данного момента.

Как отмечается, указание на влияние природы на политику и законодательство имеет длительную историю. Например, Жан Боден (16 в.) считал, что климатические условия должны учитываться при выработке законодательства²⁵¹.

Данный аспект понимания смысла источников права обозначался в историко-правовой литературе регулярно. Так, в XVIII в. Ш. Монтескьё, писал в своем труде «О духе законов»: «Если справедливо, что характер ума и страсти сердца чрезвычайно различны в различных климатах, то законы должны соответствовать и различию этих страстей, и различию этих характеров»²⁵².

Похожие представления сохранялись и в 19 в., когда начала формироваться политическая география²⁵³, а также позже.

Следует сказать и о понимании источника права как продукта влияния социальных, культурных и других подобных факторов.

Данный подход в историко-правовой мысли периодически подвергался критике за возвеличивание влияния именно данных факторов, но как справедливо указывается в юридической литературе, «фактом остается, в частности, то, что подобное определение источника права существует и то, что оно возникает не на пустом месте и не без основания, а отражает степень определенного влияния культуры как одного из социальных факторов на процесс правообразования»²⁵⁴.

Кроме того, нельзя не сказать, о понимании источника права в материальном смысле. Так называемые материальные источники права. То есть те материальные условия жизни общества, которые

---

²⁵¹ Туровский Р. Ф. Политическая география. Учебное пособие. Москва-Смоленск, 1999. С. 10.

²⁵² Цит. по: Марченко М. Н. Указ. соч. С. 46.

²⁵³ Туровский Р. Ф. Там же.

²⁵⁴ Марченко М. Н. Указ. Соч. С. 47.

объективно вызывают потребность издания либо изменения и дополнения тех или иных правовых актов, а также правовой системы в целом. В рамках данного подхода, прежде всего, говорят о влиянии на право, источники права и правотворчество экономических факторов. В отечественных и зарубежных историко-правовых трудах влиянию экономических условий на правовое регулирование уделялось повышенное внимание. Особая роль здесь связана с марксистской литературой.

Выразительно К. Маркс писал, что «Поистине нужно не иметь никаких исторических познаний, чтобы не знать того факта, что во все времена государи вынуждены были подчиняться экономическим условиям и никогда не могли предписывать им законы. Как политическое, так и гражданское законодательство всегда только выражает, протоколирует требования экономических отношений»²⁵⁵.

Понятийные характеристики источника права даются и в иных смыслах. Когда говорят про формально-юридический смысл понимания источников права, то акцент делается на средствах и способах выражения вовне правового материала. Важным здесь представляется то, что правовые нормы как формально-определенные правила поведения, должны быть выражены вовне и закреплены, прежде всего, в правовых документах (нормативных правовых актах, нормативных правовых договорах и др.).

Как указывается в юридической литературе, одним из объективных свойств права как социального регулятора является его формальная определенность, т. е. определенность по форме. Без этого нормы права нельзя признать наличными, существующими, не говоря уже о том, что они без внешнего объективирования не смогут регулировать поведение²⁵⁶.

Еще раз подчеркнем, что понятие «источник права» является одним из самых дискуссионных в юридической науке. В отечественной и зарубежной юридической литературе «внешнее выражение права» в одних случаях называют формой или формами

---

²⁵⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 112.

²⁵⁶ Протасов В. Н. Теория права и государства. М., 2004. С. 73.

права, в других - источниками, а в третьих, их именуют одновременно и формами, и источниками права. В настоящее время форма права чаще всего рассматривается как источник права.

В контексте данной статьи обозначим и некоторые моменты историко-правового развития понятийных характеристик правотворчества как деятельности, связанной с формированием источников права. В рамках данной работы, заострим внимание на трансформации соответствующей правовой терминологии, динамично меняющейся в советский и постсоветский периоды.

Прежде всего, скажем, что определяя правотворчество как социальное явление невозможно сузить его понимание лишь в виде деятельности, связанной с принятием актов, содержащих нормы права. Правотворчество предполагает огромный по содержанию круг процессов: выявление потребности в правовом регулировании общественных отношений; подготовка концепции и проекта нормативного акта, осмысление и обозначение направления и характера правового регулирования и др.

В специальной литературе подчёркивается необходимость принципиального различения терминов «формирование права» («правообразование») и «правотворчество»²⁵⁷.

В 70-е годы прошлого столетия под правотворчеством в советской правовой науке обычно понималась «форма государственного руководства обществом, завершающая процесс формирования права и отражающая социальные факторы этого процесса в виде возведения воли классов, стоящих у власти, в общеобязательные правила поведения - правовые нормы»²⁵⁸. В этих определениях ярко себя проявляет материалистическая теория государства и права.

Постепенно понимание правотворчества трансформировалось, и в 80-е годы уже охватывало более широкий круг процессов. Так, правотворчество характеризовалось с точки зрения «...направленной на достижение целей общества, организационно

---

²⁵⁷ См., напр.: Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 5-9.

²⁵⁸ Марксистско-ленинская общая теория права и государства: основные институты и понятия. М., 1970. С. 576.

оформленной деятельности государства по выявлению потребности в нормативном правовом регулировании общественных отношений, о создании в соответствии с выявленными потребностями новых правовых норм, замене и отмене действующих»²⁵⁹. Здесь необходимо отметить, что трансформация коснулась не только формальных проявлений данной деятельности, но и содержания. Классовая тональность в определениях правотворчества постепенно стала вытесняться общесоциальной тональностью.

С 90-х годов под правотворчеством стали понимать «процесс познания и оценки правовых потребностей общества и государства, формирования и принятия правовых актов уполномоченными субъектами в рамках соответствующих процедур»²⁶⁰.

В современных условиях понятия источников права и правотворчества призваны охватить более широкий круг явлений, выразить необходимость достижения согласованной воли субъектов, затрагиваемых нормативными предписаниями.

В качестве итогового вывода статьи отметим, что исследование и осмысление историко-правовых предпосылок понятийных характеристик права, источников права и правотворчества играют чрезвычайно важную роль в юриспруденции, способствуют взвешенному, оптимальному отношению к данным явлениям государственно-организованного общества.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2.
2. Иванов С. А. Соотношение закона и подзаконного правового акта Российской Федерации М., 2002.
3. Марксистко-ленинская общая теория права и государства: основные институты и понятия. М., 1970.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4.
5. Марченко М. Н. Источники права. Учебное пособие. М., 2005.
6. Научные основы советского правотворчества, роль авторов. М., 1981.

---

²⁵⁹ Научные основы советского правотворчества, роль авторов. М., 1981. С. 16-22.

²⁶⁰ Правовые акты. Учебно-практическое и справочное пособие / Ю. А. Тихомиров, И. В. Котелевская. М., 1999. С. 33.

7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. / Около 57 тыс. слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М., 1988.
8. Пашенцев Д. А. Российская правовая традиция перед вызовом глобализации // Юридическая наука. 2016. № 1.
9. Правовые акты. Учебно-практическое и справочное пособие / Ю. А. Тихомиров, И. В. Котелевская. М., 1999.
10. Протасов В. Н. Теория права и государства. М., 2004.
11. Туровский Р. Ф. Политическая география. Учебное пособие. Москва-Смоленск, 1999.

Шалапин Сергей Олегович

Сравнительно-исторические правовые исследования конфессионально-правовых систем

Традиция изучения религиозного или, точнее, – конфессионального права юридической наукой с одной стороны существует так же давно, как и само правоведение, с другой, появление в XVIII в. светской юриспруденции постепенно отдаляло ученых юристов от подобной проблематики, превращая её в юридическую экзотику. И почти немислимо было изучение феноменов конфессионального права в советском правоведении, отказывавшем религиозным деноминациям в возможности формировать и поддерживать собственную систему правовых предписаний. Религиозное право в тот момент могло иллюстративно упоминаться лишь в историческом контексте, либо в качестве нежелательного пережитка прошлого. Постсоветская юриспруденция закономерно изменила свое отношение к проблеме, не изменив её преимущественно исторического контекста. Так, в современные энциклопедические издания вошло представление о том, что «религиозное право» является одной из исторических форм права, наряду с обычным, статутным и прецедентным²⁶¹. Оставив в стороне проблему изучения современного конфессионального права, достойную отдельного рассмотрения, попытаемся обосновать возможность и необ-

---

²⁶¹ Всемирная история государства и права. Энциклопедический словарь М., 2001. С. 290.

ходимость сравнительно-исторических исследований различных конфессионально-правовых систем и важность подобных исследований для теоретической и прикладной юриспруденции.

Представление о наличии вполне сформированных, самодостаточных в регулятивном смысле конфессионально-правовых систем в отечественной науке было впервые оформлено, очевидно, М.Н. Капустиным – создателем первой в стране кафедры всеобщей истории права (Ярославль, 1872 г.). Работая над курсом всеобщей истории права М.Н. Капустин самым непосредственным образом погрузился в историко-правовую компаративистику. Личнейное описание поступательной эволюции правовой системы того или иного государства его решительно не удовлетворяло. Декларируя своё почти восторженное отношение к достижениям немецкой исторической школы права, подчеркивая, что «кроме своего национального права, немецкие ученые объяснили историю классического права, англо-саксонского..., французского..., русского...; они положили основание богатой историко-юридической литературе и утвердили надолго научный прием, оказавшийся в высшей степени плодотворным», Капустин провозгласил необходимость перехода к сравнительно-историческим изысканиям в области права: «Только при изучении права в его всемирно-историческом развитии возможно понимание права как постоянной нормы человеческой деятельности, объяснение различных моментов его бытия и тех причин, которыми определяется образование и судьба юридических институтов»²⁶². При подготовке лекционного курса всеобщей истории права Капустиным была предложена схема периодизации правовой эволюции человечества, которая обобщала сведения о различных формах и типах права в связи с их историческими особенностями. Он полагал возможным выделить «донациональный» (скорее – догосударственный) период, «национальный» (или государственный) период, включавший в себя две разновидности права – «теократическую» и «человеческую», и «национально-общий» период, понимаемый как эпоха господства универсального наднационального

---

²⁶² Капустин М. Н. История права. Ч. I. Ярославль, 1872. С. 6-7.

права «народов европейской цивилизации»²⁶³. К сожалению, задуманный Капустиным курс не был завершен. Вышедший первый том включает в себя лишь весьма серьезное теоретическое введение и главы, посвященные «донациональному» и «национально-теократическому» периодам эволюции права. Именно последний убеждает нас в первенстве Капустина в деле сравнительно-исторического исследования конфессионально-правовых систем в отечественной юриспруденции. М.Н. Капустин констатирует тот факт, что на ранних ступенях эволюции права «мы замечаем, прежде всего, преобладающее значение религии, которая подчиняет себе право»²⁶⁴. Религия в данном контексте понимается им как цивилизационный фактор, без учета которого право не может ни возникнуть, ни функционировать. При этом Капустин признает теократическую ступень эволюции права органически свойственной лишь цивилизациям Востока, но не Запада, выделяя такие её разновидности как сабеизм, зендо-индийское, буддистское, еврейское и магометанское право²⁶⁵. Стоя на евроцентристских позициях западного правоведения, Капустин, тем не менее, не призывал к принудительной правовой модернизации «отсталого Востока». Взвешенный подход компаративиста подсказал М.Н. Капустину идею осторожной гармонизации права Запада с системами права Востока: «в объективном характере восточного права, в стойкости юридических институтов европейская цивилизация почерпает силы против крайнего проявления индивидуального начала. Сближение двух несходных систем и их взаимодействие всегда оказывались плодотворными для обеих»²⁶⁶. Развивая концепцию сравнительного изучения религиозно-правовых систем, Капустин допускал наличие точек соприкосновения «теократического» права и современных системам западного права, на которые, по его мнению, огромное цивилизационное влияние оказало христианство²⁶⁷. Примечательно, что та же идея более столетия спустя была повто-

---

²⁶³ Там же. С. 31-32.

²⁶⁴ Там же. С. 26.

²⁶⁵ Там же. С. 96, 100.

²⁶⁶ Там же. С. 97.

²⁶⁷ Там же. С. 29.

рена американским правоведом Гарольдом Дж. Берманом, полагавшим, что «правовые системы стран Запада и всех других стран, подпавших под влияние западного права, являются светским осадком религиозных воззрений и представлений»²⁶⁸. К сожалению, слабое развитие компаративистики в отечественном правоведении XIX в., тем более в историческом правоведении, традиционно находящемся в теснейшей связи с национальной правовой системой, не позволили концепции Капустина найти широкий научный отклик и быть продолженной в трудах учеников. Лишь значительно более поздние исследования М.М. Ковалевского и П.Г. Виноградова вновь поставили перед отечественным научным сообществом задачу сравнительно-исторического познания различных форм бытия права, в том числе - конфессионального права.

Общеизвестно, что понятия национальных правовых систем, групп систем и правовых семей были сформулированы не в историко-юридической, а в сравнительно-правовой науке XX в. Но не вызывает сомнения, что при определении критериев группирования национальных правовых систем в крупные общности огромное значение имели исторические факторы их развития. Поэтому для обоснования возможности сравнительно-исторического исследования систем конфессионального права не лишне обратиться к тем подходам, которые оформились внутри современной компаративистики. Классический труд Рене Давида, обобщивший достижения юридической компаративистики первой половины XX в., достаточно полно раскрывал сущность и своеобразие лишь двух конфессионально-правовых систем - мусульманского и индусского права, обращая внимание на то, что западный образ юридического мышления не является ни господствующим, ни бесспорным в современном мире²⁶⁹. Р. Давид и К. Жоффре-Спинози предупреждали также, что описанные ими системы религиозного права «не составляют единой семьи... они чужды друг другу», поводом же для их объединения в одной части исследования «послужило лишь то,

---

²⁶⁸ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М., 1998, С. 166.

²⁶⁹ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: «Международные отношения», 1996. С. 308.

что все они основываются на концепциях, отличающихся от тех, которые доминируют в западных странах»²⁷⁰. Однако, несмотря на упомянутое предупреждение, в юридической литературе бытует искаженное представление о некоей семье религиозного или даже религиозно-традиционного права, объединяющей уже упомянутые Р. Давидом системы с не описанной им системой иудейского права и правовыми системами Африки, Китая и Юго-Восточной Азии. Подобное объединение представляется научно несостоятельным уже в силу того, что объединяемые в эту «семью» правовые системы не имеют ни единых источников права, ни общих исторических корней. Для демонстрации несостоятельности этого концепта были бы значимы как раз сравнительно-исторические исследования.

В современной российской науке получила распространение компаративистская классификация, выделяющая в отдельную группу «канонические правовые системы»²⁷¹. При этом делается оговорка, что их «следует отличать от собственно религиозного (канонического) права. Охарактеризовать правовую систему как каноническую мы можем лишь в том случае, если все государственно-правовое устройство страны строится на религиозных основах. В противном случае, если каноническое право выступает лишь как регулятор внутрицерковной жизни, мы можем говорить о каноническом праве, но не о канонической правовой системе»²⁷². Приведенная оговорка, по сути, повторяет ошибку Р. Давида, который не ввел в рамки своего исследования иудейское право лишь на том основании, что сфера влияния этого права «значительно уже», чем сфера влияния других правовых систем и семей²⁷³. Весьма узкая сфера современного применения иудейского права в государстве Израиль существенно дополняется степенью его влияния на правовую культуру еврейского народа на протяжении многих столетий и широкой практикой применения этого

---

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ Барциц И. Н. Типология современных правовых систем. М., 2000. С. 5-8.

²⁷² Там же. С. 7.

²⁷³ Давид Р. Основные правовые системы современности: сравнительное право. М., 1967. С. 46

права еврейскими общинами за пределами Израиля сегодня. Подобная позиция с точки зрения истории права представляется спорной. Конечно, вопрос о религиозных основах Израиля или Индии как современных государств вовсе не очевиден. Очевидна лишь роль религиозного права как значимого регулятора жизни общества в этих странах на протяжении длительного исторического периода, влияние которого сильно и в наше время. Само познание места и роли конфессионального права внутри правовой системы названных государств не может ограничиться лишь констатацией его современного, формально – довольно скромного, положения. Только сравнительно-исторический подход способен показать истинную роль той или иной конфессионально-правовой системы в оформлении правосознания, правовой культуры, правовой доктрины, юридической техники, терминологии и правовых символов многих современных национальных правовых систем.

Наиболее корректной, на наш взгляд, классификацией, бытующей в компаративистике, представляется предложенное К. Осаке объединение мусульманского, индусского, иудейского и канонического (христианского) права в группу религиозных правовых систем²⁷⁴ или, если использовать предложенный нами термин, - конфессионально-правовых систем. При этом нельзя не согласиться с мнением, что данная группа все-таки остается «достаточно эклектичной»²⁷⁵, ибо группировка столь разнородных по происхождению и иным юридическим критериям систем может быть оправдана только их недостаточной изученностью современным правоведением.

Наиболее яркий пример сравнительно-исторического подхода к описанию и классификации конфессионально-правовых систем демонстрируется в труде В.И. Лафитского «Сравнительное правоведение в образах права». Основываясь на справедливом замечании об изначальной культурно-религиозной детерминированности права (вспомним на этот счет идею М.Н. Капустина!), исследователь относит все существующие правовые системы, за исключе-

---

²⁷⁴ Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах: общая и особенная части. М., 2000. С. 27

²⁷⁵ Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000. С. 245.

нием господствующих в тоталитарных и технократических обществах, к одной из религиозных традиций, определивших «духовную суть, отличительные черты и, в конечном счете, судьбы основных правовых систем современного мира»²⁷⁶. Подобный подход, открывающий новые горизонты в исследовании национальных правовых культур, традиций и стереотипов права, все-таки не может быть признан универсальным для сравнительного правоведения в целом, но весьма плодотворен при осуществлении сравнительно-исторического изучения правовых систем. Тем более что он снимает с исследователя обязанность вопреки исторической правде представлять западное право как изначально светское в противовес «отсталому» религиозному праву Востока.

Современная юридическая компаративистика весьма проигрывает от того, что не активно вовлекает постоянно увеличивающиеся знания о конфессионально-правовых системах в сравнительный анализ их между собой, и с иными (по К. Осакве – нерелигиозными) правовыми системами. Понятно, что прямолинейное сопоставление современных норм и институтов права в таком анализе почти обречено на провал. Предмет для сравнения необходимо искать в исторических формах изменяющегося права, в его глубинных принципах и закономерностях. Войдя, таким образом, во вчерашний и позавчерашний день права мы сможем постепенно выстроить корректные сравнительные траектории к его нынешним формам. Компаративному анализу хорошо поддаются классификации источников права в различных конфессионально-правовых системах, комплексы императивных запретов и предписаний, лежащих как в основе систем религиозного права, как и права, являющегося «светским осадком религиозных воззрений и представлений прошлого», структура и содержание религиозно-правовой и социальной доктрин различных деноминаций, доктринальные представления о правомерном и противоправном поведении, их природе и условиях и т. д.

---

²⁷⁶ Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права. Т.1. М., 2010. С. 11.

Расширение сравнительно-исторических правовых исследований конфессионально-правовых систем в наше время актуально как никогда. Право может выступать как умиротворяющей, гармонизирующей силой по отношению к обществу, в котором нарастает конфликтогенность, так и продуцировать дополнительную напряженность в нем. Исследование права не должно ограничиваться познанием лишь той системы, которую на данном историческом этапе государство формально признает действующей. Право многослойно и многомерно, как в сегодняшней реальности, так, еще в большей степени, в ретроспективе. Как справедливо писал Жан-Луи Бержель, «в рамках одного и того же государства применяются и конкурируют различные правовые системы и, наоборот, сообщества негосударственного типа также имеют свое право. Каноническое (церковное) право, право, основанное на Коране, иудейское право или правовая система индусов - наиболее яркие тому примеры»²⁷⁷. Взаимопроникновение цивилизаций, культур, религиозных традиций, ставшее повседневной реальностью современного мира, может быть менее конфликтным при условии более глубокого понимания внутреннего содержания, исторических особенностей, доктринальной логики иных правовых систем. Все это, в числе прочего, может быть выявлено, структурировано и осознано при помощи сравнительно-исторической правовой компаративистики.

Список литературы

1. Барциц И. Н. Типология современных правовых систем. М., 2000.
2. Бержель Ж-Л. Общая теория права. М., 2000.
3. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М., 1998,
4. Всемирная история государства и права. Энциклопедический словарь М., 2001.
5. Давид Р. Основные правовые системы современности: сравнительное право. М., 1967.
6. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1996.
7. Капустин М. Н. История права. Ч. I. Ярославль, 1872.

---

²⁷⁷ Бержель Ж-Л. Указ.соч. С.244.

8. Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права. Т.1. М., 2010.

9. Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах: общая и особенная части. М., 2000.

Марченя Павел Петрович

**Мифология правового нигилизма в России и проблема
переосмысления реальной роли массового правосознания
в русских смутах и революциях**

История государства и права России не единожды проходила через болезненные периоды системных кризисов, смут и революций²⁷⁸, в которых именно массовое правосознание выступало решающим фактором как формирования, так и преодоления расстройств во взаимодействии власти и общества²⁷⁹, служило важнейшим критерием фактической жизнеспособности так называемых «исторических альтернатив»²⁸⁰ и на время («смутное время») обращало сами массы из относительно пассивного объекта политики и права (в «нормальное» историческое время) – в их актив-

---

²⁷⁸ См., напр.: Аверьянов В.В. Феноменология Смутного времени: откуда ждать Минина и Пожарского? // *Общественные науки и современность*. 1996. № 3. С. 95–103; Дворниченко А. Ю. Смута как фактор российской истории // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 677–701; *Кризисные явления в праве: теория, история, пути преодоления* / сост. и ред. А.А. Дорская, В.А. Косовская, Н.И. Алексеева. СПб., 2021; Марченя П. П. Смутные поиски России: Смута в контексте россиеведения // *Вестник Московского университета МВД России*. 2014. № 9. С. 213–215; и мн. др.

²⁷⁹ Марченя П.П., Стрелкова Н.В. Право и смута: массовое правосознание в контексте формирования и преодоления системных кризисов в России // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2022. № 1. С. 251–253.

²⁸⁰ Марченя П. П. Массовое правосознание как фактор русской революции 1917 г. // *История государства и права*. 2010. № 19. С. 20; Буховец О. Г. Кумулятивный эффект в науке: «высокая теория» и опыт П. Марчени в изучении массового сознания // *Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология*. 2021. Т. 13. № 1. С. 136–146.

ного субъекта, фактически восстанавливающего прерванную цивилизационную идентичность России²⁸¹.

Подобные кризисные явления выступают объектом исследования юристов на протяжении, по крайней мере, уже более двух веков²⁸², и многие из историков и философов права (не говоря уже о публицистах и прочих) уделяют при этом особое внимание проблеме так называемого *правового нигилизма*, якобы свойственного нашему народу в большей степени, чем другим европейским народам. Более того, несмотря на то, что специалисты до сих пор не могут договориться даже о том, какой же, собственно, феномен считать «правом» (насчитывается свыше двухсот определений этого понятия)²⁸³, у значительной их части наблюдается наличие удивительного консенсуса по поводу того, что уж к этому-то феномену российская цивилизация имманентно склонна относиться сугубо «нигилистически». Парадоксальным образом, именно в этом зачастую сходятся эксперты самых разных, несовместимых во всем прочем взглядов, – юснатуралистов и юспозитивистов, этатистов и анархистов, «красных» и «белых», консерваторов и либералов, славянофилов и западников, русских патриотов и ярых русофобов и т. д. и т. п.²⁸⁴

Многие отечественные (тем более, западные) авторы усматривают глубинную, изначально укорененную «правонигилистичность» сознания (в лучшем случае, в смягченной, утонченно академической форме – «оксюморонность» и «проблематичность национально специфического способа философского обоснования

---

²⁸¹ См., напр.: Материалы круглого стола «Крестьянское сознание как фактор системных кризисов в России (XVII–XX вв.)» // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2020. Т. 1. № 10. С. 133–146.

²⁸² Дорская А. А., Дорский А. Ю. Кризисные явления в истории российской государственности и пути их преодоления: правовое измерение // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2022. № 1. С. 8.

²⁸³ Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2022. № 1. С. 17.

²⁸⁴ Марченя П. П. Парадоксы мифологии «правового нигилизма» в России // Закон и право. 2006. № 2. С. 20–22.

права», «от митрополита Илариона до Н.А. Бердяева»²⁸⁵ и далее) не только «темных» народных масс России, но и ее «образованного общества», традиционной русской мысли в целом, начиная со «Слова о Законе и Благодати» или даже еще ранее.

Так, на протяжении почти всего дореволюционного «золотого века русской культуры», создавшего, в числе прочего, академическую отечественную философию права, расколотив на два непримиримых лагеря славянофилов и западников российская интеллигенция сходилась, пожалуй, в одном – в признании отрицательного отношения русского народа к феномену права в его западноевропейском понимании.

Но если славянофилы исходили из идеала религиозно-этического приоритета правды «внутренней», нравственно-духовной, над правдой «внешней», нормативно-позитивной, апеллируя к идее исторической самобытности российской цивилизации, ее альтернативности по отношению к Западу, то западники строили мифологему «русского правового нигилизма» на методологической основе другого, внеисторического – «аксиоматического» для европоцентристской историософии мифа о том, что существует некое образцовое, эталонное право и соответствующее ему «нормальное», «здоровое», «правильное» правовое сознание. И то, и другое, разумеется, имеет место быть лишь на Западе, в «цивилизованных странах» и среди «цивилизованных народов», к которым Россия и русские (и всякие прочие «варвары») априори не относятся, – в российской истории и право, и правосознание с позиций западоцентристской мифологии могут оцениваться не иначе как «ненормальные», «отсталые», «деформированные» и т.п.²⁸⁶

Например, в соответствующей литературе часто цитируются слова А. И. Герцена, что *русские нарушают закон всюду, где можно сделать это безнаказанно*. Причем цитируются, как правило, в усеченном варианте. Поскольку, в контексте поставленной

---

²⁸⁵ Синченко Г. Ч. От митрополита Илариона до Н. А. Бердяева. Тысячелетний оксюморон русской философии права // Философия права. 2000. № 2. С. 14–21, 20.

²⁸⁶ Марченя П. П. Правовой нигилизм в России: мифы и реалии // Вестник Московского университета МВД России. 016. № 2. С. 28–31.

проблемы, такая безапелляционная и откровенно русофобская декларация (опубликованная, кстати, первоначально на английском языке), исходящая от одного из основоположников известной традиции «русских либералов» определенного сорта призывать, будучи в Лондоне, к революции в России (которую они еще с тех времен взяли за правило именовать «этой страной»), имеет принципиальное значение, позволю себе процитировать ее более пространно: «Русский народ жил только общинной жизнью, свои права и обязанности он понимает лишь по отношению к общине. Вне ее он не признает обязанностей и видит только насилие. Подчиняясь ему, он подчиняется лишь силе; вопиющая несправедливость одной части законов вызвала в нем презрение к другой. Полное неравенство перед судом убило в нем в самом зародыше уважение к законности. *Русский, к какому бы классу он ни принадлежал, нарушает закон всюду, где он может сделать это безнаказанно; точно так же поступает правительство (Здесь и далее курсив мой. – П. М.).* Это тяжело и печально для настоящего времени, но для будущего тут огромное преимущество. В России за государством видимым нет государства невидимого, которое было бы апофеозом, преображением существующего порядка вещей, нет того недостижимого идеала, который никогда не совпадает с действительностью, хоть и всегда обещает стать ею. *Ничего нет за этими заборами, где нас держит в осаде сила, превосходящая нашу. Вопрос о возможности революции в России сводится к вопросу о материальной силе.* Вот почему, не считая иных причин, помимо упомянутых нами, *эта страна становится почвой, наилучшим образом подготовленной для социального возрождения»*²⁸⁷. Из этих строк отчетливо видно, что этот автор, в отличие от большей части своих многочисленных эпигонов, о правовом нигилизме всех русских и своей убежденности в неправомерности государства и всей государственной действительности в России, признаваемых им чужими, пишет без всякого сожаления, видя в них лишь преимущество и залог будущего силового успеха рево-

---

²⁸⁷ Герцен А. И. О развитии революционных идей в России (перевод) // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1954. С. 251.

люции, которая утвердит *цивилизационно иные* ценности в «этой стране»...

Победа большевизма в ходе революции и гражданской войны, главной социокультурной основой которой была именно созвучность «почве», массовому правосознанию и традиционным правовым ценностям российской цивилизации²⁸⁸, временно, на семь десятилетий, в известном смысле приостановила и подытожила споры славянофилов и западников о метафизических и физических основаниях недоверия русского правосознания к позитивному праву. Правовому нигилизму не было места в обществе, утвердившем самое «передовое» право для своих граждан и уверенно строившем дальнейшее «светлое будущее» для всех, – он, как и прочие социальные девиации, был «оставлен» в «далеком» дореволюционном прошлом, а в настоящем – мог существовать только в продолжающем «загнивать», но уже обреченном историей на неминуемую и скорую гибель капиталистическом обществе.

Кроме того, в специальной литературе советского времени, методологически базирующейся на марксистской диалектике, было принято различать отрицание нигилистическое и отрицание диалектическое, как по широте охвата (диалектическое «шире» нигилистического)²⁸⁹, так и по характеру отрицаемого («диалектическое отрицание призвано устранить устаревшее, отжившее, сохранив и развив все положительное в общественной жизни, а нигилистическое отрицание не признает, “ставит в ничто” объективно и абсолютно необходимые в данных условиях социальные ценности»)²⁹⁰. Это важное диалектическое различие не только не позволяло огульно обвинять целые народы в «нигилизме», но и также напоминало, что отрицание есть не признак «отсталости», а естественный и неременный этап восхождения от низшего к высшему.

---

²⁸⁸ Подробнее см.: Марченя П. П. Массы и массовое сознание: фактор социальной стабильности или угроза национальной безопасности? Уроки истории русских революций. М., 2017.

²⁸⁹ Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2. С. 4.

²⁹⁰ Бондарев А. С. Правовой нигилизм – форма правовой антикультуры личности // Вестник Пермского университета. Юридические науки, 2001. № 2. С. 22.

Хотя и в советское время, особенно на закате СССР, можно было поразмышлять, если не о правосознательных недостатках масс в целом (массам при социализме было положено доверять), то, например, о «дефиците правопонимания» в русской философии. Так, отечественный философ Э. Ю. Соловьев пришел к парадоксальному выводу, который, несмотря на свою вызывающую противоречивость (или благодаря ей), до сих пор пользуется широкой популярностью и цитируемостью в работах на подобную тематику: «Нынешнее обостренное внимание к отечественному философскому наследию – это, конечно же, не просто мемориальный интерес. Мы стремимся к возрождению прошлого, которое бы обновило и обогатило наш собственный способ мысли. Я полагаю, что активное внедрение в нашу сегодняшнюю культуру основополагающей этической ориентации на безусловное, характерной для В. Г. Белинского, как и для К. С. Аксакова, для А. И. Герцена, как и для В. С. Соловьева, для Ф. М. Достоевского, как и для Л. Н. Толстого, *одно из лучших лекарств против новейших форм цинизма и нигилизма (курсив мой. – П. М.)*. Вместе с тем я отваживаюсь утверждать, что *русская философия – сомнительный и ненадежный союзник в нашей сегодняшней борьбе за право и правовую культуру...*»²⁹¹.

Развал СССР и отказ пришедших к власти прозападных элит от дальнейших «устаревших» попыток строить альтернативное евроатлантической цивилизации справедливое общество «светлого будущего», согласованное с массовыми традиционными политико-правовыми ценностями, фактическое возвращение в «новый дивный мир» старого дикого капитализма и идеологическая капитуляция перед Западом в ведущейся ранее «холодной войне» привели к тому, что многие советские – а теперь уже постсоветские и даже отчасти антисоветские – юристы, ранее избегавшие темы

---

²⁹¹ Соловьев Э. Ю. Дефицит правопонимания в русской моральной философии // Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас: Очерки по истории философии и культуры. М., 1991. С. 234. Впервые опубликовано как выступление по теме «Дефицит правопонимания как примета русской философии» на круглом столе «Проблемы изучения истории русской философии и культуры» (Вопросы философии. 1988. № 9. С. 137–140.

«правового нигилизма» внутри страны и относившие его к неизбывным спутникам буржуазного общества, теперь во всеуслышание вновь заговорили о якобы присущем нашему народу отсталом, деформированном и нигилистичном правовом сознании, которое, разумеется, мешает строить «новую Россию», обязанную отречься от собственных цивилизационных начал и принять вместо них за основу рецепты «бескорыстных» западных «партнеров».

Например, известный и влиятельный юрист (будущий депутат Государственной Думы, судья и затем Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, а позднее ставший еще и судьей Европейского суда по правам человека в Страсбурге) В. А. Туманов, в свое время (в 1969 г.) защитивший диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по знаковой теме «Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве»²⁹², теперь (в 1993 г.) провозглашает: «Как только страна отказалась от тоталитарных методов правления и попыталась встать на путь правового государства, как только люди получили реальную возможность пользоваться правами и свободами, так сразу же дали о себе знать низкий уровень правовой культуры общества, десятилетия царившее в нем пренебрежительное отношение к праву, его недооценка. Юридический нигилизм при востребованном праве оказался куда более заметным, чем при праве невостребованном»²⁹³.

Пожалуй, при рассмотрении таких «перевернутых», вслед за сменой курса, оценок «элитарных экспертов» – негативных по отношению к истории собственного государства (не убоившись банальности, напомним: самого большого в мире государства, веками успешно поддерживавшего и защищавшего от многочисленных врагов свой собственный цивилизационный правопорядок на колоссальнейшей территории) – как «тоталитарного», «нецивилизованного», «неправового» – и собственного народа (это государство строившего и оборонявшего) – как извечно низкокультурно-

---

²⁹² Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве: дис. ... доктора юридических наук. М., 1969. 612 с.

²⁹³ Туманов В. А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 52.

го, несознательного, правонигилистичного, в сочетании с готовностью подражать государствам и народам чужим, «цивилизованным» и «правовым», уместнее было бы говорить не о *нигилизме народа*, а о *нигилизме по отношению к народу*.

Однако, увы, подобных примеров расценивания массового негативизма по отношению к неожиданно навязанным сверху цивилизационно чуждым ценностям не как выражения оскорбленного правового чувства масс и естественной реакции на несправедливость и противоправность поведения элит, а как проявлений «дефектов» народного правосознания, можно привести великое множество. Так на рубеже тысячелетий в России наступает своеобразный «ренессанс» мифологических представлений о «русском правовом нигилизме» (хотя в специальной литературе можно встретить даже такие мнения, что сам «правовой нигилизм» только и появился в это время – например: «90-е гг. XX века наложили своеобразный отпечаток на правовую культуру личности: появился правовой нигилизм...»²⁹⁴).

Отдельные юристы «Новой России» в своих «теоретических» обобщениях доходили до таких, например, категоричных «россиеведческих» выводов: «К известным двум традиционным бедам России сегодня смело можно прибавить третью – тотальный правовой нигилизм, который имеет столь же глубокие корни, как и первые две напасти. Давно было сказано: на Руси всегда правили люди, а не законы. Отсюда наплевательское отношение к закону как свойство натуры, ментальности русского обывателя. А ведь еще римские юристы провозгласили: государством должен править закон, закон выше любой должности. Это хорошо понимали и отечественные правоведаы: “Государство является нравственным настолько, насколько оно управляется законом”»²⁹⁵. Здесь ссылка на мнение дореволюционного теоретика «русского либерализма» и большого сторонника «европейских правовых ценностей»

---

²⁹⁴ Зайцев С. Ю., Ильин В. Г. Проблемы становления правовой культуры личности в сфере защиты прав потребителей // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. С. 240.

²⁹⁵ Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. № 12. С. 2080.

Б. Н. Чичерина о полной прямо пропорциональной зависимости степени нравственности государства от его управляемости законами в сочетании с однозначным утверждением видного советско-постсоветского юриста Н. И. Матузова о глубокой укорененности «тотального правового нигилизма», всероссийском «наплевательском отношении к закону» как, ни много ни мало, «свойстве русской природы» и полном отсутствии в истории российского государства на всем ее протяжении «правления законов», очевидно, призваны привести читателя к единственно возможному, на таких посылах, выводу. Выводу, который так мил сердцу любого русофоба – и так «актуально» выглядит в контексте сегодняшней информационной войны Запада против России: российское государство, как и создавший его русский народ, по самой своей природе, якобы являются – и всегда были – не только неправовыми, но еще и глубоко безнравственными...

Еще пример, и достаточно. Один из многочисленных «либеральных» обличителей нашего «тоталитаризма» и «правового нигилизма» В. Н. Пристенский, заклеив советологическими ярлыками времен холодной войны «идейное наследие отечественной философии в постсоветском контексте», резюмировал, что «данный подход к личности и “проложил дорогу” для установления в нашей стране тоталитаризма с его практикой отрицания права». А повторив полностью уже процитированный нами выше относительно осторожный вывод Э. Ю. Соловьева о том, что «русская философия – сомнительный и ненадежный союзник в нашей сегодняшней борьбе за право и правовую культуру», решил пойти дальше и добавил: «за переход к цивилизованным формам человеческого общежития» (*Sic! То есть до этого и вовсе не было у нашей цивилизации никаких своих «цивилизованных форм человеческого общежития»! Вероятно, монополия на них, равно как и на право, и на «правильное» правосознание, – принадлежит Западу...* – Прим. П. М.). А далее и вовсе императивно подтвердил, что «...только на основе либерального правопонимания (*курсив мой.* – П. М.) ... может быть эффективным движение к правовому государству». Следовательно, чтобы это движение было действительно реальным, а не оставалось декларативным, нам (на уровне как

индивидуального, так и общественного сознания, менталитета) необходимо осуществить своего рода концептуальный переворот – сменить традиционный тип правопонимания, перестроить систему ценностей и принципов социального устройства...²⁹⁶.

Полагаю, любому внимательному читателю заметно, что подобные оценки, выводы и тем более «практические рекомендации» выходят за пределы истории и философии права и переходят в сферу цивилизационной идентичности и цивилизационного суверенитета: правовые ценности одной цивилизации расцениваются фактическими агентами цивилизации иной как общенародная девиация, негативизм по отношению к их ценностям – как «нигилизм», оглашается призыв к «перевороту», к безоговорочному отказу от традиционного типа правопонимания *своей* цивилизации, ее системы ценностей и принципов социального устройства – в пользу объявляемой единственно правильной и безальтернативной цивилизации вполне определенно *другой*...

Список литературы

1. Аверьянов В. В. Феноменология Смутного времени: откуда ждать Минина и Пожарского? // *Общественные науки и современность*. 1996. № 3.
2. Бондарев А. С. Правовой нигилизм – форма правовой антикультуры личности // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 2001. № 2.
3. Буховец О. Г. Кумулятивный эффект в науке: «высокая теория» и опыт П. Марчени в изучении массового сознания // *Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология*. 2021. Т. 13. № 1.
4. Герцен А. И. О развитии революционных идей в России (перевод) // *Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1954*.
5. Дворниченко А. Ю. Смута как фактор российской истории // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 3.

---

²⁹⁶ Пристенский В. Н. Русская антропология права: идейное наследие отечественной философии в постсоветском контексте // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 2008. № 5. С. 41, 42.

6. Дорская А. А., Дорский А. Ю. Кризисные явления в истории российской государственности и пути их преодоления: правовое измерение // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2022. № 1.
7. Зайцев С. Ю., Ильин В. Г. Проблемы становления правовой культуры личности в сфере защиты прав потребителей // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3.
8. Кризисные явления в праве: теория, история, пути преодоления: коллективная монография / сост. и ред. А. А. Дорская, В. А. Косовская, Н. И. Алексеева. СПб., 2021.
9. Марченя П. П. Массовое правосознание как фактор русской революции 1917 г. // История государства и права. 2010. № 19.
10. Марченя П. П. Массы и массовое сознание: фактор социальной стабильности или угроза национальной безопасности? Уроки истории русских революций. М., 2017.
11. Марченя П. П. Парадоксы мифологии «правового нигилизма» в России // Закон и право. 2006. № 2.
12. Марченя П. П. Правовой нигилизм в России: мифы и реалии // Вестник Московского университета МВД России. 016. № 2.
13. Марченя П. П. Смутные поиски России: Смута в контексте россиеведения // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9.
14. Марченя П. П., Стрелкова Н. В. Право и смута: массовое правосознание в контексте формирования и преодоления системных кризисов в России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1.
15. Материалы круглого стола «Крестьянское сознание как фактор системных кризисов в России (XVII–XX вв.)» // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2020. Т. 1. № 10.
16. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2.
17. Матузов Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. 2012. № 12.
18. Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2022. № 1.
19. Пристенский В. Н. Русская антропология права: идейное наследие отечественной философии в постсоветском контексте // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 5.
20. Проблемы изучения истории русской философии и культуры. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1988. № 9.

21. Синченко Г. Ч. От митрополита Илариона до Н. А. Бердяева. Тысячелетний оксюморон русской философии права // Философия права. 2000. № 2.

22. Соловьев Э. Ю. Дефицит правопонимания в русской моральной философии // Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас: Очерки по истории философии и культуры. М., 1991.

23. Туманов В. А. Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве. Дис. ... доктора юридических наук. М., 1969.

24. Туманов В. А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8.

Израелян Валентин Борисович

Историко-правовой анализ развития юридической техники

*«Право существует для того, чтобы оно осуществлялось.
Осуществление есть жизнь и истина права, есть само право».*

Рудольф фон Иеринг

Значению качества законодательства и эффективности нормативных предписаний всегда уделяется особое внимание, как представителями публичной власти, так и обществом.

Еще в 2005 году в рамках ежегодного Послания Федеральному Собранию Российской Федерации Президент Российской Федерации В. В. Путин в качестве первоочередной задачи определил дальнейшее повышение роли закона. В контексте данной задачи можно проследить ряд структурных положений, определяющих, во-первых, указание на необходимость совершенствования законотворческой деятельности, а во-вторых, применение юридикотехнического инструментария при подготовке законопроектов, обеспечивающего стремящееся к абсолютному восприятию обществом содержащихся в них предписаний, принятия их к исполнению и следующее из этого развитие правовой культуры общества.

Как справедливо отмечал С.С. Алексеев, «уровень юридической техники представляет собой один из показателей уровня юридиче-

ской культуры в стране»²⁹⁷. Автор совершенно четко проследил очевидную зависимость между логикой, доступностью и качественной ясностью содержания нормативного массива и восприятием обществом тех норм, которые на него распространяются.

С учетом очевидного значения юридической техники для обеспечения эффективного правового регулирования в любой отрасли государственного управления, представляется актуальным историко-правовой анализ ее развития с позиции определения наиболее актуальных на сегодняшний день идей и постулатов, которые также влияют на совершенствование знаний в этой области. При этом автор осознает, что обобщенный историко-правовой анализ развития юридической техники уже неоднократно был представлен в научной литературе²⁹⁸, вследствие чего предлагает проанализировать актуальные тенденции развития юридической техники, неизменность которых определяет значение этой области знаний для правотворческой деятельности.

Любой, кто знаком с содержанием юридической техники, к примеру, в части подготовки нормативных правовых актов, может уверенно утверждать о системности и, в некоторой степени, неодушевленности специфических правил и приемов, обеспечивающих, посредством применения юридико-технического инструментария, точность и ясность изложения нормативного материала, исключающего наличие логических или содержательных ошибок и пробелов. Но в подобном подходе, на наш взгляд, заложено ошибочное мнение, поскольку именно следование требованиям юридической техники, способно сохранить в содержании правовой нормы то человеческое начало, которое характеризуется морально-этической и нравственной стороной права.

---

²⁹⁷ Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 томах. Том 2. М., 1981. С. 270.

²⁹⁸ К примеру: Болдырев С. Н. Юридическая техника: история и современность // Юрист - Правоведь. 2010. №4; Сорокун П. В. История развития юридической техники // Право и государство: теория и практика. 2019. №9. С. 26-27; Овчинникова О. Д., Шаганян А. М. К вопросу об истории становления феномена юридической техники // Философия права. 2020. С. 34-39. Селютина Е. Н., Холодов В. А. Развитие представлений о юридической технике в отечественной правовой доктрине XIX - начала XX века // Философия права. 2019. №2 (89). С. 103-110.

На данный аспект, в разные периоды развития юридической техники, делали акценты ведущие ученые в области права.

Так, в своей вступительной лекции по правовому творчеству заслуженный профессор Л. Е. Владимиров отмечал, что «все право, т. е. все нормы законодательства и правовых обычаев, определяющие как устройство целого государства и его учреждений, так и отношения частной жизни людей в семейном и общественных союзах, направлено к одной цели: создать наиболее целесообразные условия для материальной и духовной жизни разумного существа, каковым сознает себя человек»²⁹⁹.

Отдельно профессор Л. Е. Владимиров выделял два условия законодательного правотворения. Так, по его мнению, право должно отвечать не только материальным потребностям жизни народа, но и его нравственным чувствам и идеалам. Право, идущее против нравственного чувства народа, не может рассчитывать на прочное существование и не может привиться к быту народа. В качестве исторического примера ученый приводит эпизод введения указами царя Петра Великого 1714 и 1716 годов единонаследия, т.е. наследования после отца старшим сыном, или сыном, избранными между прочими сыновьями наследником. Автор отмечает, что Петр Великий таким образом хотел устроить право наследования по соображениям государственным, а не сообразно чувствам и нравственным идеям русского народа, всегда делившего наследство поровну между сыновьями не только без преимущества старшему или избранному сыну, но даже с преимуществом для младшего, получавшего усадьбу, так как она всегда предполагается еще не устроившимся отдельно³⁰⁰.

Русский историк права Неволин К. А., так описывает последствия введения единонаследия: «Родители, по равной любви ко всем своим детям, употребляли все средства для того, чтобы разделить между ними свое имение по равным частям, прибегали для того к ложным продажам и закладам, обязывали детей великими

---

²⁹⁹ Владимиров Л. Е. Правовое творчество: Вступительная лекция / Заслуженного Профессора Л. Е. Владимирова. М., (Курсы журналистов. Первый семестр: февраль – июнь 1905 г.) 1905. С. 3.

³⁰⁰ Владимиров Л. Е. Там же. С. 11-12.

клятвами, чтобы получивший после них все их имение передал его часть своим братьям. Из-за наследства рождались между детьми и родственниками ссоры, ненависть и смертоубийства»³⁰¹.

Вторым условием правотворения профессор Л.Е. Владимиров определял введение учреждений, требующих больше умственных и нравственных сил, чем может дать общество, а это влечет за собой последствие, что новое учреждение спускается постепенно к уровню окружающей жизни. Автор отмечал, что данное правило совершенно понятно, так как учреждения состоят из людей и людьми приводятся в движение. Но этим правилом часто пользуются обскуранты для того, чтобы обрекать общество на неподвижность, а между тем это правило для законодателя имеет один только смысл, а именно: введя необходимое учреждение, его нужно, по возможности, приспособлять к окружающим условиям и не бросаться в реакцию, когда новое учреждение на первых порах являет недостатки.

В своей публичной лекции «О чувстве законности» профессор Казанского Университета Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «юридические нормы имеют своей задачей укрепить общественные связи, от которых зависит благополучие отдельных лиц. Как бы ни были суровы законы, но одно то обстоятельство, что они устанавливают правила поведения, вносят правильность во взаимные отношения людей – создает бóльшую обеспеченность в жизни каждого гражданина. Обеспеченность создается возможностью предусмотреть заранее образ действий других лиц и согласовать с ними свое собственное поведение. Лица, в руках которых находится законодательная власть, создавая нормы, всегда имеют в виду укрепить общественные связи, обеспечить условия общежития, руководствуясь при этом или высокими мотивами общего блага или своими собственными интересами, неразрывно соединенными с существованием общества»³⁰².

---

³⁰¹ Неволин К. А. История российских гражданских законов. Часть вторая. Книга вторая. Об имуществах. М., 2006. С. 309.

³⁰² Шершеневич Г. Ф. О чувстве законности: Публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. / профессором Казанского Университета Г. Ф. Шершеневичем. Казань, 1897. С. 4-5.

В этой связи необходимо отметить слова основателя юридической техники Рудольфа фон Иеринга, отметившего, что «решающим моментом при оценке права является не абстрактное содержание законов, не справедливость на бумаге и нравственность на словах, а то, как это право объективируется в жизни, энергия, с которой все признанное необходимым, исполняется и проводится в действительности»³⁰³.

Как пишет Р. Иеринг, «вся деятельность юридической техники сводится к двум главным целям. Кто хочет вполне уверенно применять право, должен, прежде всего, усвоить его, овладев им умственно. Это усвоение может быть ему лично облегчено, либо затруднено, смотря по характеру самого права. Облегчение этой работы путем возможно большего количественного и качественного упрощения права составляет одну из двух главных задач техники. Вторая задача техники вызвана целью применения права к конкретному случаю. Искусство в применении есть, правда, главным образом, для субъекта, это – искусство, которое может быть усвоено только упражнением, но и в этом отношении может само право соответственным построением правоположений значительно облегчить задачу, а превратным очень затруднить ее».

Одной из задач, благодаря решению которой юристу дается духовное владычество над правом, Р. Иеринг определял в количественном и качественном упрощении права. Так, под количественным упрощением автор понимал уменьшение массы материала без вреда для получаемого из него результата. Идея заключается в том, что необходимо наименьшими средствами достичь наибольшего; чем меньше материал, тем легче и вернее пользоваться им. Р. Иеринг называл это законом бережливости, который, по его мнению, является одним из жизненно важных для юриспруденции. Юриспруденция, не понявшая этого закона, т.е. не умеющая экономно обходиться с материалом, будет задавлена все увеличивающейся массой последнего и погибнет от собственного богатства.

---

³⁰³ Иеринг Р. Юридическая техника (перевод с немецкого Шендорфа Ф. С.). С.-Петербург. 1905. С.19.

Достижение качественного упрощения права Р. Иеринг рассматривал в контексте следующих технических операций:

- 1) разложение всего материала или сведение его к простым составным частям;
- 2) логическая концентрация (сгущение) материала;
- 3) систематическое расположение материала;
- 4) применение в содержании материала специальной юридической терминологии;
- 5) искусство умелого пользования наличным материалом (юридическая экономия).

Под качественным упрощением права Р. Иеринг рассматривал легкость или трудность (сложность), с какой дается понимание и усвоение какого-нибудь предмета, определяется не только количественным моментом, растяжением и размерами материала, но также и качественным, внутренним порядком, симметрией, единством предмета. Автор отмечал, что в качественном отношении право является простым, если оно как бы вылито из одного целого, если отдельные части его резко отграничены и отделены друг от друга и, тем не менее, гармонично соединяются в одно целое, если глазу, следовательно, так же легко охватить какую-нибудь часть, как и все в совокупности³⁰⁴.

Анализируя генезис юридической техники в контексте историко-правового анализа, на наш взгляд было бы несправедливо оставить без внимания современные тенденции развития качественно нового и значимого подхода к специфике правотворческой деятельности, эффективность которой во многом зависит от умения правильно применять юридико-технический инструментарий.

Так, в частности, в целях совершенствования знаний юристов в области правотворчества, доктором юридических наук, профессором Ю.Г. Арзамасовым предлагалось «на всех юридических факультетах высших учебных заведений и на курсах повышения квалификации государственных и муниципальных служащих следует ввести учебный курс под названием «Нормография: теория и

---

³⁰⁴ Иеринг Р. Там же. С. 25-33.

методология нормотворчества». Следует согласиться с позицией Ю.Г. Арзамасова, отметившего, что студенты, успешно освоившие данный курс, в дальнейшем в своей нормотворческой деятельности станут опираться на общие принципы нормотворчества, они профессионально, а не по наитию, будут владеть знаниями методик подготовки и принятия различных видов нормативных правовых документов (актов и договоров), станут соблюдать требования, предъявляемые к содержанию и форме проектов нормативных документов. Автор также отмечает, что большинство юристов, даже те, которые с отличием заканчивают юридические вузы, поверхностно владеют знаниями нормотворческой техники, не располагают информацией о существующих особенностях применения юридической техники в различных видах нормотворчества»³⁰⁵.

По сути, речь идет о системном и последовательном выделении ключевого субъекта правотворческой деятельности, получившего название «норморайтер». Указанный термин предложен одним из наиболее авторитетных ученых в области правотворчества и юридической техники в Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором В.М. Барановым, чей вклад в развитие отечественной школы правотворчества неоспорим.

Само понятие «норморайтер» В.М. Баранов предлагает, основывая свою позицию на том, что правотворчеством должны заниматься профессионалы, по аналогии со спичрайтерами, которые также занимаются разработкой текстов, но совершенно особого рода. Говоря о норморайтерах, В.М. Баранов говорит о специалистах, которые не принимают акты, а именно пишут их, разрабатывают структуру и архитектуру документа. При этом автор отдельно определяет структуру компетенций норморайтера, которая включает в себя следующие элементы:

- определенный объем базовых юридических знаний;

---

³⁰⁵ Арзамасов Ю. Г. Организационные и дидактические проблемы преподавания курса «Нормография: теория и методология нормотворчества». Юридическая техника. Специальный выпуск «Юридическая техника в системе вузовской подготовки правоведов: научно-методическое обеспечение и дидактические пути его совершенствования». 2009. № 3. С. 64.

- система специальных правотворческих знаний;
- комплекс нормосозидательных умений и навыков;
- устойчивые идеологические и ценностные правотворческие установки, согласующиеся с национальными интересами³⁰⁶.

Очевидно, что в контексте системы специальных правотворческих знаний, как и в комплексе нормосозидательных умений и навыков, автор предусматривает особый уровень владения юри-дико-техническим инструментарием.

Указанная тенденция обусловлена не только необходимостью переосмысления места юридической техники в структуре профессиональной подготовки юристов, но и необходимостью существенно пересмотреть основы правового регулирования правотворческого процесса в Российской Федерации.

Историко-правовой анализ развития юридической техники неминуемо свидетельствует о существенной роли системы знаний подготовки нормативного материала с позиции техники и логики его изложения, что в последующем отражается на качестве правоприменительной деятельности, а, следовательно, и на благополучии общества, поддержании его нравственных начал и правовой культуры.

Очередным историческим этапом развития юридической техники, неминуемо, становится современность, отягощённая бременем цифровизации различных управленческих процессов. Затронула цифровизация, в том числе, и правотворческую деятельность, в рамках которой отдельное испытание выпадает на специфику применения языковых правил, определяющих содержательные начала правовых норм.

Как справедливо отмечает доктор юридических наук, профессор Д. А. Пашенцев, именно в правотворчестве закладывается исходный момент конструирования правовой реальности, придает особое значение языковой форме, в которую законодатель облакает принимаемые правовые нормы. Язык и право в своем неразрывном взаимодействии формируют источники права в их формальном понимании, то есть формы выражения правовых норм и

---

³⁰⁶ Баранов В. М. Норморайтер как профессия. Норморайтер как профессия: материалы дискуссии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021. С. 12-13.

их доведения до адресатов. Эти формы в современных условиях подвергаются воздействию со стороны цифровых технологий, в результате чего претерпевают определенные трансформации³⁰⁷.

Цифровизация правотворческой деятельности в значительной степени снижает степень участия человека в процессе создания правовой нормы, внедряя автоматизм в использование юридико-технического инструментария. Однако сохранность морально-этических и нравственных начал в содержании права, это неотъемлемая роль человека в правотворческой деятельности.

Как справедливо отмечает Абдиева Д.А., «цифровая эпоха проявляется как мощнейший вызов по отношению к праву в целом, трансформируя процессы правотворчества и правоприменения. В данных условиях главной целью правотворческой деятельности является сохранение связи с моральными основами личности человека как носителя нравственности. Возникающие изменения в вопросах законотворчества, в том числе, трансформация привычной формы закона, может в перспективе позволить обществу принимать более активное участие в этом процессе, используя для этого цифровые технологии»³⁰⁸.

Таким образом, общие тенденции современного состояния юридической техники, основываясь на проведенном выше историко-правовом анализе, могут быть сформулированы в контексте трех положений:

1) во-первых, юридическая техника, как комплекс знаний по подготовке и изложению нормативного материала, представляет собой условие профессиональной подготовки юриста, не только задействованного в правотворческой деятельности, но и участвующего в правоприменении;

2) во-вторых, юридическая техника, не смотря на формальность ее технического инструментария, остается залогом

---

³⁰⁷ Пашенцев Д. А. Лексико-семантические особенности языка правотворчества в условиях цифровизации. Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М., 2019. С. 146.

³⁰⁸ Абдиева Д. А. Некоторые аспекты влияния цифровизации на правотворчество. Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М., 2019. С. 120.

обеспечения нравственности в содержании нормативного материала;

3) в-третьих, именно юридическая техника и специфика ее применения обеспечит возможность использования цифровизации в правотворческой деятельности без потери качества содержания нормативного материала.

Таким образом, несмотря на трансформацию сферы применения юридико-технического инструментария в контексте влияния цифровизации, мы можем утверждать, что обеспечение духовных и нравственных начал в содержании права, как регулятора общественных отношений, по-прежнему остается одной из приоритетных задач юридической техники.

Список литературы

1. Абдиева Д. А. Некоторые аспекты влияния цифровизации на правотворчество // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М.В. Залоило. М., 2019.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 томах. Том 2. М., 1981.
3. Арзамасов Ю. Г. Организационные и дидактические проблемы преподавания курса «Нормография: теория и методология нормотворчества» // Юридическая техника. Специальный выпуск «Юридическая техника в системе вузовской подготовки правоведов: научно-методическое обеспечение и дидактические пути его совершенствования». 2009. № 3.
4. Баранов В. М. Норморайтер как профессия // Норморайтер как профессия: материалы дискуссии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021.
5. Владимиров Л. Е. Правовое творчество: Вступительная лекция / Заслуженного Профессора Л. Е. Владимирова. М., 1905.
6. Иеринг Р. Юридическая техника (перевод с немецкого Шендорфа Ф. С.). СПб., 1905.
7. Неволин К. А. История российских гражданских законов. Часть вторая. Книга вторая. Об имуществах. М., 2006.
8. Пашенцев Д. А. Лексико-семантические особенности языка правотворчества в условиях цифровизации // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М., 2019.
9. Шершеневич Г. Ф. О чувстве законности: Публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. профессором Казанского Университета Г. Ф. Шершеневичем. Казань, 1897.

Каузальность норм уголовного права и правовых форм досудебного производства в России в XIV-XV вв.

Каузальность, или причинно-следственная связь, универсальна, непрерывна в пространстве и времени и необратима. Как отмечал М.Д. Шаргородский: «... существует единое философское учение о причинности как объективной закономерности природы и общества. На основе которого и в соответствии с которым может и должна решаться проблема причинности в конкретных науках»³⁰⁹. Категории «причина» и «следствие», как философские, отражают конкретные взаимодействия явлений материального мира, при которых одно явление – причина обуславливает другое – следствие. Каузальность находит свое выражение в каждой научной отрасли.

В юридической теории внимание на обусловленность норм материального уголовного права и форм уголовного процесса было обращено еще в XIX веке, причем, как представителями континентальной, так и англосаксонской правовой традиции (Д.Ф. Стифен, Ф. Эли, Р. Гарро)³¹⁰. Идеи о тесной взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права, в которой «процесс есть средство обеспечить материальному закону его полное выявление»³¹¹, повторялись в XX в., а в российском правоведении и сегодня³¹².

---

³⁰⁹ Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы причинной связи в теории права // Советское государство и право. 1956. № 7. С. 42.

³¹⁰ Подробнее см.: Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 593-610.

³¹¹ Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального... С. 584.

³¹² Александрова И. А., Ляпунова А. В. Уголовный процесс как форма образования «уголовного права» на наказание преступника // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 414-418; Власова С. В. О соотношении уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений // Юристы-Правоведь. 2019. № 2(89). С. 114-120 и др.

В историко-правовом дискурсе каузальность уголовно-правовых норм и форм уголовного процесса прослеживается на всех этапах эволюции права. Однако выявление этой закономерности представляется наиболее продуктивным на материале русского права в XIV-XV вв., когда доктрина «частной обиды», последовательно и ярко выраженная в Русской Правде, постепенно сменялась пониманием преступного как деяния, наносящего вред государственным интересам и социальному благу (устоям общества), в том числе интересам личности. В источниках права рассматриваемого периода (в особенности в Новгородской (середина XV в.) и Псковской (конец XIV – середина XV вв.) судных грамотах, Двинской уставной грамоте (1397–1398 гг.), Записи о душегубстве (1456–1462 гг.)) измена, разбой, грабеж, убийство и кража рассматриваются как деяния, наносящие вред не только отдельным частным лицам, но и обществу, и государству в целом. Эти противоправные деяния не только были отнесены к княжеской юрисдикции (в том числе в Псковской республике, тяготевшей на всем протяжении своей истории к союзу с великокняжеской властью³¹³, и Новгородской республике, имевшей прямо противоположную внешнеполитическую линию), но и суммы от высоких штрафных платежей за их совершения поступали уже не потерпевшему, а распределялись между князем, посадником и государственной казной. Более того, вводится новый вид наказания – смертная казнь за преступления, представлявшие тогда особо опасными. Например, в Псковской судной грамоте к ним были отнесены измена, поджог, кримская кража и конокрадство (ст. 7); в Двинской уставной грамоте, имеющей в своей основе как нормы Русской Правды, так и близкой к нормативным актам Новгородской республики, – рецидивная (третья) кража (смертная казнь через повешение); в Белозерской уставной 1488 г. – убийство и разбой (ст. 10); наконец, в Судебнике 1497 г. – разбой, грабеж и убийство в разбое (ст. ст. 8, 9, 39). Материальная ответственность постепенно уступает место личной, и наказание при-

---

³¹³ Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. Т. 1. С. 324.

обретает цели возмездия и устрашения, законодатель в понятии преступного отходит от понятия «обида» и приближается к понятию «лихое дело».

По меткому замечанию историка права Н.П. Загоскина, правовым рубежом между частным воззрением на преступление как «обиду» и государственным воззрением на преступление и наказание является Псковская судная грамота³¹⁴. В Псковской судной грамоте уже в первой статье однозначно определено, что разбой, «наход» и грабеж подлежат компетенции княжеского суда. Разбой и грабеж в ней четко не разделены, но под ними в целом понимается злостное избиение, сопряженное с насильственным отнятием имущества³¹⁵. Наход – это вооруженная борьба между феодальными собственниками за владения. Аналогичное преступление было указано в Новгородской судной грамоте, но называлось «наезд»³¹⁶, также отнесенный к княжеской юрисдикции. Формирование в законодательстве феодальных республик понятия преступления как деяния общественно опасного и запрещенного нормой права выступило непосредственной правовой предпосылкой роста роли государства в преследовании преступников. Ряд статей Псковской и Новгородской судных грамот и восполняющие их содержание берестяные грамоты демонстрируют возрастание значения досудебного следствия силами государства, несмотря на сохранение состязательного процесса.

В Новгородской и Псковской республиках судебные функции разделяли князь и представитель новгородской общины – посадник, осуществлявшие «сместной» (т. е. совместный) суд. Отсюда и более сложный состав состоявшего при суде аппарата служащих. В него входили княжеские представители – «дворяне» и представители от новгородской общины – «приставы». Судебный процесс начинался с подачи искового заявления, однако суд должен был провести расследование («обыскати»)³¹⁷, которое заключалось в

---

³¹⁴ Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892. С. 30.

³¹⁵ Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 48–49.

³¹⁶ Алексеев Ю. Г. Псковская судная... С. 51.

³¹⁷ См.: Псковская судная грамота (1397–1424), ст. ст. 20, 57, 60, 64, 65, 98 // Российское законодательство... Т. 1. С. 333, 337–338, 340.

установлении факта преступления, исследовании его следов, допросе обвиняемого, опросе свидетелей – «послухов», обнаружении и сохранении доказательств.

В Псковской судной грамоте устанавливалось, что по делам об убийстве, поджоге и «перевете» (государственная измена) суд начинается без предъявления иска. Это означало, что истцом по таким делам выступало само государство в лице судебных органов. Для обеспечения деятельности суда и производства этого примитивного расследования при судах учреждались специальные должностные лица. В Новгороде это были шестники, подвойские, софьяны, биричи, изветники, в Пскове – подвойские (при торговых судах), дворяне и приставы (при совместном суде князя и посадника). Их роль в судопроизводстве постепенно возрастала. Они вызывали в суд тяжущихся, объявляли им приговоры, исполняли судебные решения, охраняли тюрьмы.

Самое раннее упоминание о дворянине как судебном должностном лице содержит Русская Правда: «Аже утяжнуть в муке, а поседить у дорянина 8 ногат за ту муку»³¹⁸. О дворянах, как лицах, занимающих должности княжеских посадников и тиунов и участвующих в важнейших совещаниях при князе, упоминают летописи, относящиеся к первой трети XIII в. (владимирское летописание)³¹⁹. В новгородских договорных грамотах с тверским князем Ярославом Ярославичем 1264 г., 1266 г. и 1270 г. дворяне выступают как должностные лица с судебными обязанностями³²⁰. В договорной грамоте 1270 г. также упоминается пристав: «<...> приставов не приставляти»³²¹. По Новгородской судной грамоте (ст. 41) обязанностью дворянина был вызов сторон в суд: «А кто позовет в селе позовкою или дворянином, ино дать срок на сто верст две недели...»³²². В Псковской судной грамоте дворянин и при-

---

³¹⁸ Российское законодательство... Т. 1. С. 341.

³¹⁹ Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным Новгородского и Северо-Восточного летописания (XII–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 119.

³²⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.–Л., 1949. С. 10–12.

³²¹ Грамоты Великого Новгорода и... С. 13.

³²² Российское законодательство... Т. 1. С. 308.

став упоминаются в одной статье, определявшей порядок выемки приставом имущества (ст. 66): «А который пристав или дворянин возьмет своему узду (истцу) конь...»³²³. Пристав – это служащий при суде. Эти судебные должностные лица могли действовать совместно, о чем красноречиво свидетельствует берестяная грамота № 19, датируемая XV в. В ней сказано: «Надо бы дворянина, а пристав-то здесь»³²⁴.

Новгородские биричи и псковские приставы разыскивали и задерживали преступников и доставляли их в суд³²⁵. По данным берестяных грамот, бирич – это судебный исполнитель. Он доставлял и рассылал повестки в суд (бирици), приводил в суд ответчиков, вызывал в суд свидетелей, объявлял решения суда и приводил их в исполнение (совершал наказания железом, взимал денежные штрафы). Ему также поручалось объявлять народу распоряжения властей. Есть данные, доказывающие, что биричи (как и детские, ябедники, дворяне) принадлежали к одному суду – княжескому.

Псковские приставы (а также подвойские, позовники, ограмо-чи) вызывали тяжущихся в суд и участвовали в мировой сделке, если спорящие стороны отказывались от судебного поединка – «поля». Псковские приставы имели полномочия арестовать обвиняемого, с применением силы: «а поедет человека позвать на суд, или росковати, или сковати»³²⁶. Они также проводили следственное мероприятие – обыск в современном его понимании как действие, заключающееся в принудительном обследовании помещения с целью обнаружения и изъятия предметов и ценностей, добытых преступным путем и имеющих значение для расследуемого дела: «и найдут в дому его (вора) что полишное, и он тот же тать, а не найдут в дому его, и он свободен»³²⁷.

---

³²³ Российское законодательство... С. 341.

³²⁴ Арциховский А. В. Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958. С. 20.

³²⁵ См.: Новгородская судная грамота, ст. ст. 23, 39; Псковская судная грамота, ст. ст. 60, 64, 98 // Российское законодательство... Т. 1. С. 306, 308, 337, 338, 340.

³²⁶ Российское законодательство... Т. 1. С. 338.

³²⁷ Псковская судная грамота (1397–1424), ст. ст. 60, 98; Российское законодательство... Т. 1. С. 337, 340.

Замещали должности судебных приставов и служащих средние и мелкие феодалы. Судебным приставом в Пскове мог быть как «княжий человек», так и «псковитин» (ст. 64): «А которые пристави княжей человек или подвойской или псковитин, а поедет человека позвать на суд...». Эта должность приносила им доход, иногда даже значительный, так как все их услуги оплачивались либо лицами, обращающимися в суд, либо, по исходу дела, лицом, признанным виновным. В случае уличения пристава «в неправде» он лишался своей должности³²⁸.

Об активном участии в досудебном производстве должностных лиц, состоящих при судах, сообщают новгородские берестяные грамоты (№ 96, 466, 496, 521, 724). Например, берестяная грамота № 466, датированная первой половиной XV в., содержит сообщение об убийстве: «[у такого-то] Софонтий во дворе человека убил, а остальные пропали без вести, а имущество он взял. Как, господин, распорядишься?»³²⁹. Эта грамота, как и многие другие, обнаружена на месте бывшей усадьбы новгородского посадника. Учитывая это обстоятельство, напрашивается предположение, что это отрывок из доклада должностного судебного лица, возможно, пристава о расследовании убийства.

Московское право в направлении формирования публично-правовой уголовной доктрины шагнуло дальше, чем право русских феодальных республик. В исключительно материальное понятие преступления Русской Правды, наследуемое от обычного права, постепенно под влиянием уголовно-церковного права привносились формально-юридические признаки противоправности («богомерзкое дело», «преступление Закона Божьего», «законопреступление», «злое дело»)³³⁰. Однако именно в московском Великокняжеском судебнике 1497 г. в обозначении преступления стал употребляться термин «лихое дело» и рельефно выступать его субъ-

³²⁸ См.: Новгородская судная грамота, ст. ст. 10, 23; Псковская судная грамота, ст. ст. 64, 67; Российское законодательство... Т. 1. С. 305, 308, 338.

³²⁹ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 552. С. 451.

³³⁰ Подробнее см.: Георгиевский Э. В. Церковно-уголовное право Древней Руси (общая характеристика подсистемы) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 64-67.

ект – «лихой человек», т. е. преступник, промышляющий разбоем, грабежом и убийством³³¹. Власть начинает делать крупные шаги к установлению уголовно-правового порядка, который, как определяет В. П. Малахов, «становится противовесом (антиподом) криминальному правопорядку»³³².

Московские князья в XIV-XV вв. постепенно расширяли свои судебные функции в отношениях с соседними государствами-княжествами, и первым общерусским Судебником 1497 г. Великий московский князь, «государь всея Руси» утверждается носителем высших судебных прерогатив (ст. 2) и верховным носителем права (ст. 34). Правовой формой укрепления суверенитета и судебных прерогатив московских князей в период объединения русских земель являлись договорные грамоты³³³, некоторые из которых доносят практику досудебного производства и ее регламентацию. Например, из текста договора князей московского Дмитрия Ивановича и серпуховского Владимира Андреевича 1389 г., договора Москвы с Тверью 1399 г. можно заключить об активном розыске и поимке «татя и душегубца, и розбоиника, и грабежника»³³⁴ и производстве дознания приставами Великого московского князя на территории удельных княжеств, а также соседних пока еще самостоятельных княжеств, однако с той оговоркой, что «где имут, туть судят»³³⁵. Она недвусмысленно намекает на наличие таких же служащих при судах в соседних с Москвой и других княжествах.

В Московском княжестве специальным должностным лицом с полномочиями досудебного производства от розыска и поимки преступника до его допроса под пыткой и содержания под стражей до передачи суду был недельщик, впервые упомянутый в жа-

---

³³¹ Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995. С. 29; Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892. С. 34.

³³² Малахов В. П. Методологическое мышление в познании и понимании права. М., 2018. С. 163.

³³³ Подробнее см.: Кучкин В.А. Судебник 1497 г. и договорные грамоты московских князей XIV-XV вв.// Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв.: Сб. статей. М., 2000. С. 107-120.

³³⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л. 1950. С. 42.

³³⁵ Духовные и договорные грамоты... С. 42.

лованной оброчной грамоте удельного верейского князя Михаила Андреевича Троице-Сергиеву монастырю, выданной будущим московским князем в 1467 году³³⁶. Правовой статус недельщика, как субъекта досудебного производства по уголовным делам, подлежащим юрисдикции центральной власти, впервые был раскрыт в «Указе о недельщиках» (между 1462–1497 гг.) Великого князя Ивана III (1462–1505 гг.)³³⁷. В обязанности недельщика входили вызов ответчиков в суд, расследование уголовных дел, в основном о краже, на всей территории государства. Кроме разъездных судебных поручений, ему вверялся розыск преступников (татей (воров), «лихих людей», разбойников), их поимка, допрос, пытка и содержание у себя под стражей до передачи дела в суд. О результатах допроса преступника, в том числе и под пыткой, недельщик обязан был доносить Великому князю или судье, по поручению которого вел расследование. Свои обязанности недельщик выполнял лично или поручал их своим подвластным холопам и людям, за действия которых нес личную ответственность.

Функции и объем полномочий недельщика, имеющие своим содержанием следственно-розыскную деятельность, раскрывают сущность особой формы судебного процесса, складывающейся в конце XIV–XV вв. во всех русских землях, но только в московском праве получившей номинацию «сыск». В Пскове судопроизводство по делам об убийстве, поджоге и «перевете» (государственная измена) начиналось не с предъявления иска потерпевшим, а по инициативе самого государства в лице судебных органов. Государственная инициатива служила импульсом уголовно-судебного преследования разбоя, грабежа, душегубства и татьбы и в Москве по Судебнику 1497 г., выступая тем самым как главный признак сыскного производства, прямо противоположный состязательному суду по всем остальным правонарушениям. Кроме того, Судебником 1497 г. фиксируется специальная процессуальная процедура «облихования» (ст. 12), являющаяся промежуточной

---

³³⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в.: в 3-х т. М., 1952–1964. Т. 1. М., 1952. С. 252.

³³⁷ Этот указ полностью вошел в первую кодификацию права централизованного русского государства – Судебник 1497 г. и составил его 31–36 статьи.

стадией правовой трансформации суда общины эпохи Русской Правды в центральный институт русского следственно-разыскного процесса – повальный обыск.

Генеральная тенденция материального уголовного права – формирование формальных признаков понятия преступления и дальнейшая эволюция института наказания от материальной (гражданско-правовой) к личной (уголовной) ответственности – сопровождалась утверждением публично-правовых форм досудебного производства, зарождением предварительного расследования и уголовно-процессуальных процедур и средств. Эта общая тенденция, вызванная усилением регуливающей роли государства и права, в русских землях в XIV-XV вв. была катализирована процессами их объединения в единое государство, борьбой князей за власть и суверенитет между собой и Золотой Ордой. Отсюда, смена уголовно-правовой доктрины и изменения в характере и целях судопроизводства от праввосстановительного к карательному, защите уже не частного, а социального интереса, представленного государством, возрастание значения публично-правовой формы досудебного следствия, сопровождавшееся формированием уголовно-процессуальных правовых норм, имела не партикулярный, а общерусский и рельефный государственно-волевой характер. Но и в таких конкретно-исторических условиях из-под кальки каузальности уголовно-правовых норм и государственно-публичных форм досудебного производства, простирающейся в их одномоментном и обусловленном генезисе из частноправовых установлений эпохи Русской Правды, проявляется свойство системности права.

Список литературы

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV-начала XVI в.: в 3-х т. М., 1952-1964. Т. 1. М., 1952.
2. Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980.
3. Арциховский А. В. Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958.
4. Георгиевский Э.В. Церковно-уголовное право Древней Руси (общая характеристика подсистемы) // Исторические, философские, политиче-

ские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II.

5. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.–Л., 1949.

6. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л. 1950.

7. Загоскин Н. П. Очерк истории смертной казни в России. Казань, 1892.

8. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

9. Кучкин В.А. Судебник 1497 г. и договорные грамоты московских князей XIV–XV вв. // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв.: Сб. статей. М., 2000.

10. Малахов В. П. Методологическое мышление в познании и понимании права. М., 2018.

11. Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным Новгородского и Северо-Восточного летописания (XII–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.

12. Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М., 1995.

13. Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. Т. 1.

14. Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995.

15. Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы причинной связи в теории права // Советское государство и право. 1956. № 7.

Гордова Татьяна Викторовна

История становления и развития института заключения брака в России

Интерес к браку не ослабевает с момента его возникновения. К тому же брак является объектом изучения различных наук: психологии, философии, социологии, права и др. Но все эти науки изучают брак со своих позиций, под разным углом. В данной статье будет рассмотрена история становления правового регулирования брака в России.

До принятия христианства на Руси не было четко урегулированного порядка заключения брачных отношений между мужчиной и женщиной. К тому же источников, сохранившихся до настоящего времени и содержащих подобную информацию, довольно мало. В Средневековых источниках говорится о частых случаях многоженства, иногда и многомужестве у славян. В некоторых местах часто применялся пробный брак, когда невеста начинала жить с женихом без проведения брачного обряда до появления детей. Если же совместная жизнь не складывалась, невеста за вознаграждение возвращалась к родителям. Тех, кто не хотел вступать в брак, осмеивали. Исключением были молодые люди, давшие обед безбрачия. Источником семейного права, дошедшим до нашего времени, является «Русская правда». В этом документе были закреплены обычаи. В летописях же говорится о том, что у полян была моногамная семья, а у таких славянских племен как вятичи, кривичи, радимичи встречались полигамные семьи.

В то время типичными способами заключения брака были:

- похищение невесты женихом, причем, без ее согласия на это (в более позднее время появился предварительный сговор между женихом и невестой);

- покупка невесты у ее родителей;

- заключение брака по соглашению родственников невесты и жениха (согласно данному способу у невесты должно было быть приданое)³³⁸.

Личные отношения между супругами напрямую зависели от того, каким именно способом брак был заключен. Например, если невесту похищали, то она становилась личной вещью мужа. Если же невеста была куплена (иногда у невесты было приданное), то отношения возникали между женихом и родственниками, что являлось неким ограничителем власти мужа.

После принятия христианства в России закрепилось византийское брачно-семейное законодательство, которое в своей основе имело канонические представления о браке. Основным законом

---

³³⁸ Андреева Н. И. История развития брачно-семейных отношений Древней Руси. // История государства и права. №1 2015. С. 45-48

стало собрание канонических правил и светских постановлений византийского семейного права – Номоканон. Данное собрание в последующем было дополнено постановлениями русских князей. В России Номоканон после перевода и дополнений получил название Кормчей книги.

Из-за того, что распространение христианства шло медленными темпами, на некоторых территориях заключение брака происходило старыми методами.

В XI веке было введено церковное венчание, которое практиковалось лишь у высших слоев общества. Остальное население, несмотря на протест церкви, как и прежде, заключало браки традиционным для них способом.

Обряду венчания предшествовало обручение – сговор между родителями невесты и жениха. Данный акт оформлялся специальной сговорной подписью. Возрастом, позволявшим молодым людям вступать в брак, был 15 лет для жениха и 13 лет для невесты. Ограничениями для заключения брака могло явиться близкое или духовное родство, либо наличие не расторгнутого брака. Несмотря на то, что по церковным правилам было необходимо взаимное согласие на вступление в брак, согласие невесты не учитывалось. Расторжение брака в то время было сложной процедурой. Возможные поводы к расторжению брака были заимствованы из византийского права. Основным же было прелюбодеяние одного из супругов. Но законодательно прелюбодеяние жены и мужа расценивались по-разному. Например, по византийским законам после прелюбодеяния жены муж был обязан с ней развестись. Но в России такая обязанность была только у священнослужителей, хотя право развестись имели все. Если муж находился в связи с незамужней женщиной, то этот факт не признавался прелюбодеянием. Так как в тот период у мужа не было ответственности перед женой за прелюбодеяние, она возникала только перед мужем любовницы. Также поводами к разводу могли быть:

- неспособность к брачному сожитию;
- бесплодие жены;
- безвестное отсутствие одного из супругов;
- неизлечимая болезнь;

- принятие одним из супругов монашества³³⁹.

Принятие христианства также повлияло и на личные отношения между супругами. Замужняя женщина перестала восприниматься как имущество и признавалась относительно самостоятельным лицом. Но данная свобода женщины имелась лишь на первоначальных этапах после принятия христианства. Со временем права и свободы жены были ограничены волей мужа.

Также с принятием христианства стало приобретать значимость родство по закону. Уложением 1648 года было запрещено узаконение внебрачных детей, даже несмотря на вступление в брак родителей.

Нельзя не упомянуть и о таком ярком источнике семейного права как «Домострой», который регулировал отношения между супругами и родителями и детьми. Власть родителей над детьми была довольно сильной, этому свидетельствует тот факт, что за убийство ребенка, например, отец приговаривался к году тюрьмы, а вот дети, за убийство родителей, подвергались смертной казни³⁴⁰.

Новый рывок в развитии семейного права связан с реформами Петра I. В это время произошло повышение значимости законодательства, особенно императорских указов. Важное значение имело добровольное вступление в брак.

Петром I был издан указ, согласно которому родственники жениха и невесты приносили присягу о непринуждении их к вступлению в брак. Данное положение в дальнейшем было отражено в Своде Законов Российской Империи.

В 1810 году Синод запретил браки восходящих, нисходящих родственников, а также боковых родственников до седьмого колена включительно. Лицам старше 80 лет также запрещалось вступать в брак.

С 1830 года устанавливается минимальный возраст для вступления в брак: для мужчин – 18 лет, а для женщин – 16 лет. Для заключения брака требовалось согласие родителей, если его не бы-

---

³³⁹ Андреева Н. И. История развития брачно-семейных отношений Древней Руси. // История государства и права. №1 2015. С. 35-38.

³⁴⁰ Цатурова М. К. Русское семейное право XVI-XVIII вв. М., 2012. С. 112.

ло, то дети теряли право на получение наследства при отсутствии прощения.

Заключение брака должно было проводиться в приходской церкви при обязательном присутствии и жениха, и невесты. Исключение делалось лишь для членов императорской семьи, вступающих в брак с иностранцами.

Место жительства жены соответствовало месту жительства мужа. Жена была обязана носить имя мужа, за исключением случаев, когда женщина, вышедшая замуж за мужчину из низшего сословия, была дворянкой и сохранила этот титул.

С петровских времен женщина могла свободно распоряжаться своим приданым: продавать, закладывать. При этом согласие мужа не требовалось³⁴¹.

Также произошло ослабление власти родителей. Было запрещено венчать своих детей под насилием, отдавать их в монастырь.

Признание брака недействительным было возможно в случаях:

- заключение брака под насильственным влиянием;
- сумасшествие одного или обоих супругов;
- наличие запрещенного родства;
- наличие нерасторгнутого брака;
- одна из сторон в возрасте старше 80 лет;
- одна из сторон – лицо духовного сословия, которое не должно вступать в брак;
- одна сторона православная, а другая нет.

Процедура развода в период империи приобретает довольно сложные формы. Был запрещен развод по взаимному согласию обоих супругов. А причинами развода могло стать:

- прелюбодеяние;
- двоебрачие;
- неспособность к брачному сожитию;
- безвестное отсутствие супруга в течение 5 лет;
- покушение на жизнь супруга;
- принятие монашества;

---

³⁴¹ Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2012. С. 100.

- ссылка на каторгу с лишением всех прав состояния.

В целом дореволюционная Россия характеризовалась отсутствием единого законодательства, регулирующего брачные отношения. Существовало и светское, и каноническое, которое строилось на религиозных правилах. Из-за чего лица, относящиеся к различным вероисповеданиям и конфессиям, пользовались разными законами, подходящими к их религиям³⁴².

Октябрьская революция 1917 года стала причиной проведения двух реформ в системе семейного законодательства.

Во-первых, 18 декабря 1917 года был утвержден декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния».

Во-вторых, 19 декабря 1917 года был издан декрет «О расторжении брака»³⁴³.

Единственной формой брака, которая не зависела от религии, стало заключение его в государственных органах. Единственным и достаточным условием для вступления в брак было достижение брачного возраста: для мужчин 18 лет и 16 лет для женщин.

Препятствиями на пути заключения брака могли быть:

- душевное заболевание одной из сторон;
- наличие родства (нисходящее и восходящее родство);
- нерасторгнутый брак.

Развод осуществлялся в местных судах.

Значимым событием явилось принятие 22 октября 1918 г. первого кодифицированного акта – Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Данный кодекс просуществовал восемь лет, и в 1926 г. был принят Кодекс законов о браке, семье и опеке (КЗоБСО).

Важным новшеством в этом кодексе было уравнивание фактических брачных отношений и зарегистрированного брака. Для этого требовалось доказать в судебном порядке:

---

³⁴² Ярмонова Е. Н. Краткая характеристика отдельных условий заключения брака в истории брачно-семейного права дореволюционной России // *Фундаментальные исследования*. №2 (16) 2015. С. 663-666.

³⁴³ Андреева Н. И. Развитие семейного законодательства в советский период // *Вектор науки*. 2014. С. 55-57.

- совместное жительство фактических супругов;
- ведение совместного хозяйства;
- взаимную материальную поддержку;
- совместное воспитание детей.

Для введения данного новшества существовали объективные обстоятельства. Во-первых, к 1926 г. по данным Народного комиссариата юстиции количество фактических браков составляло 7% от общего числа браков и шло на увеличение. Во-вторых, непризнание таких браков законными ущемляло в дальнейшем интересы женщины, являющейся материально зависимой от мужчин. Но были и те, кто категорически отказывался принимать во внимание данные аргументы. Такие республики как Азербайджан, Туркмения, Таджикистан, Узбекистан отказались включить в свое семейное законодательство новые правила³⁴⁴.

Узаконение такого вида брака не давало право сожителям носить общую фамилию, претендовать на изменение гражданства в упрощенном порядке. Но суды уравнивали их в наследственных правах, также за незарегистрированным супругом признавалось право на пенсии и пособия.

Данное изменение в законодательство создало проблемы, которые пытались решить суды. Судебная практика сталкивалась с семейными и наследственными спорами, когда без юридического прекращения зарегистрированного брака один из супругов длительное время состоял в фактических брачных отношениях с другим лицом или лицами. Таким образом, государством были убраны критерии для определения тех семейных союзов, которые могли получать правовую защиту, поскольку и незарегистрированное сожительство по закону тоже было вправе на нее рассчитывать. А те разъяснения, которые давались по этому поводу Верховным судом, были противоречивы и еще больше создавали путаницу³⁴⁵.

---

³⁴⁴ Митрофанова Е. С. Семья и брак, матримониальное, репродуктивное и сексуальное поведение в крестьянской, советской и современной России // Демоскоп Weekly. 2015. №. 2-3. С. 24.

³⁴⁵ Романова Н. А. Фактический брак: юридическая сторона вопроса // Мир науки. №. 2. 2014. С. 13.

Также был установлен единый 18-летний брачный возраст и для мужчин, и для женщин. Супруги имели право сохранять добрачную фамилию или взять общую.

Институт недействительности брака в этом кодексе отсутствовал, а развод осуществлялся в органах ЗАГС.

8 июля 1944 были отменены фактические брачные отношения. Причем лица, вступившие в фактические брачные отношения до этого времени, обязывались зарегистрировать брак. В противном случае их брак терял юридическое значение.

С 1947 года заключение брака между гражданами СССР и иностранцами запрещалось.

Развод был возможен только в случае признания брака этой необходимости.

Новый этап развития семейного законодательства связано с принятием 30 июля 1969 года Кодекса о браке и семье РСФСР. Этот кодекс также признавал только зарегистрированный брак. А причиной развода мог стать лишь непоправимый распад семьи.

Имущественные отношения относились к режиму общей совместной собственности супругов. Заключение брачного договора не допускалось.

Также данным кодексом было уделено внимание вопросам признания отцовства и установления алиментов.

Отцовство могло установиться двумя способами:

- добровольный способ, когда отец и мать подают письменное заявление;

- судебный порядок, когда требовались конкретные доказательства (например, совместное проживание ответчика с матерью ребенка и ведение ими совместного хозяйства до рождения ребенка или совместное воспитание либо содержание ими ребенка).

Алименты были прямо урегулированы законом. Но, несмотря на это, их размер мог быть уменьшен судом³⁴⁶.

С 1990 года имущественные отношения между супругами были изменены в сторону исключения из состава общего имущества

---

³⁴⁶ Тарусина Н. Н. Российское семейное законодательство: основные тенденции развития // Lex russica. №3 2014. С. 314-323.

супругов имущества, нажитого ими после фактического прекращения брачных отношений. К тому же в это время законодательством было установлено, что, лицо, добровольно признавшее отцовство, заведомо зная, что оно не является отцом данного ребенка, лишалось права в дальнейшем оспаривать свое отцовство на этом основании.

Экономические и социальные изменения, произошедшие в стране, стали толчком к серьезному реформированию семейного законодательства. Именно поэтому Государственная Дума в 1994 году создала рабочую группу по разработке нового Семейного кодекса, который был принят 08 декабря 1995 г., а вступление в силу было 1 марта 1996 года.

Как уже было отмечено выше, в основу семейного законодательства современной России лег Семейный кодекс, который вступил в силу 1 марта 1996 года.

Структура Семейного кодекса представляет собой следующее: восемь разделов, двадцать две статьи и сто семьдесят статей. Третья глава посвящена условиям и порядку заключения брака. Но к этим отношениям можно применить нормы Гражданского кодекса РФ.

В действующем законодательстве нет четкого определения понятия «брак».

Первоначально для российского правоведения понятие «брак» несет в себе правовое начало. Вспомним определение брака у Г. Ф. Шершеневича: «брак есть союз мужчины и женщины с целью сожителства, основанный на взаимном соглашении и заключенный в установленной форме»³⁴⁷.

Описанный подход был сохранен и в дальнейшем развит советскими правоведами. И даже принятие нового Семейного кодекса не изменило традиционных взглядов на брак.

Но отсутствие законно оформленного определения понятия «брак» порождает проблемы на практике. Из-за чего многими ис-

---

³⁴⁷ Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2012. С. 112

следователями предлагается внесение в 1 статью Семейного кодекса определения данного понятия.

Для того чтобы отношения между мужчиной и женщиной квалифицировались как брак, необходимо наличие определенных признаков (рис.1).

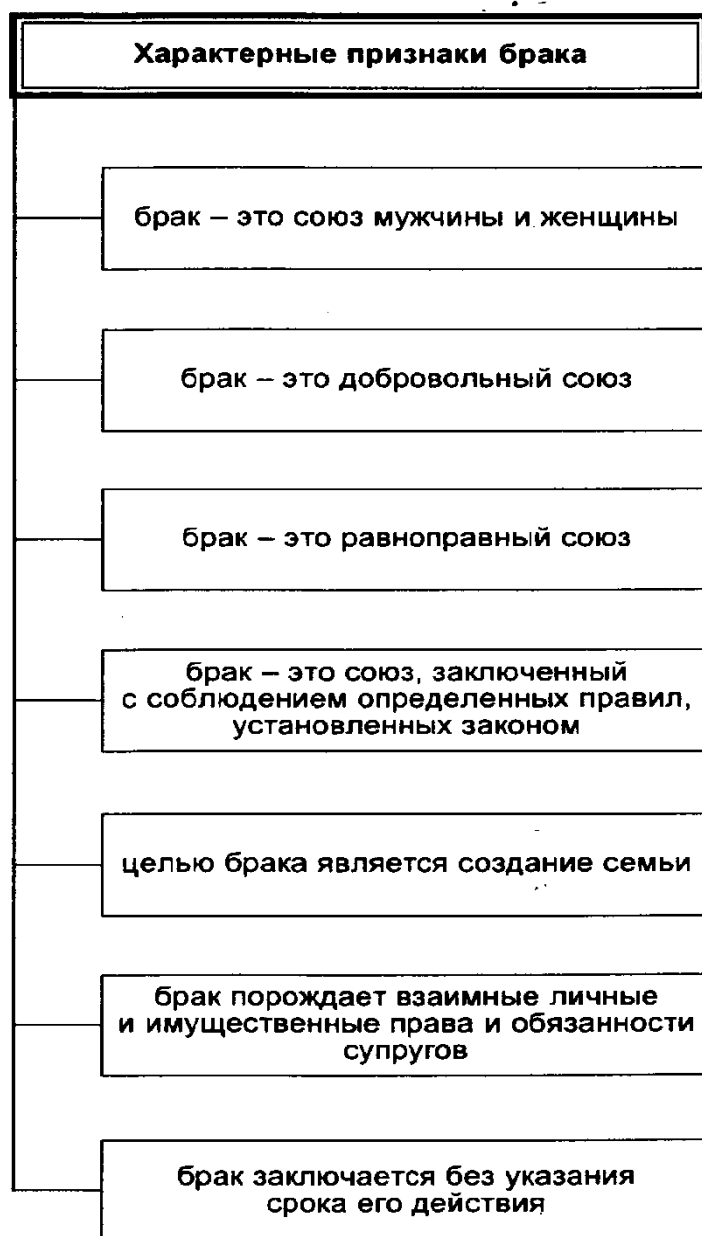

Рисунок 1 – Признаки брака

В настоящее время признаются браки, зарегистрированные в государственных органах, это связано с тем, что только подобный брак способен породить права и обязанности супругов, а также имущественные отношения. Так как государственная регистрация актов гражданского состояния является институтом семейного

права, то на нее распространяются общие (конституционные) принципы:

а) равенство перед законом. Это означает, что сотрудники органов ЗАГС не должны оказывать привилегии вне зависимости от социального статуса заявителя;

б) отделение церкви от государства;

в) государственная регистрация должна производиться только в том порядке, который установлен законом;

г) принцип материальной истины, т. е. истинность указанных в записи акта сведений презюмируется и не требует дальнейшего доказательства;

д) делопроизводство ведется на русском языке;

е) сохранность семейной тайны. Это означает, что сотрудники органов ЗАГС не имеют право распространять информацию, ставшую им известной из-за осуществления профессиональных обязанностей;

ж) охрана интересов детей;

з) взаимосогласие при разрешении внутрисемейных споров, разногласий и конфликтов;

и) беспрепятственное осуществление семейных прав, право на их восстановление и защита нарушенных прав в судебном порядке.

Но имеются и специальные принципы, наличие которых зависит от регистрации конкретного акта. Например, принципами государственной регистрации брака являются:

а) единобрачие;

б) бессрочность;

в) автономность семейной жизни;

г) добровольность.

К тому же государственная регистрация брака призвана выполнять следующие задачи:

- контроль за соблюдением установленных законом порядка и условий вступления в брак;

- официальное оформление возникновения брачных отношений между мужчиной и женщиной;

- получение сведений о брачном статусе граждан, а также проведение учета каждого факта заключения брака;

- возможность осуществления контроля за законным расторжением брака.

Государственная регистрация брака производится в органах записи гражданского состояния (ЗАГС) при личном присутствии жениха и невесты с последующей выдачей свидетельства об оформлении брака и постановки в паспортах молодоженов соответствующей отметки, свидетельствующей о факте законно оформленного союза.

Для того чтобы оформить брак, необходимо соблюдение следующих условий:

- взаимное согласие брачующихся;
- достижение брачного возраста каждого из молодоженов;
- отсутствие препятствующих заключению брака обстоятельств.

Регистрация брака невозможна, если:

- у одной из сторон есть наличие другого заключенного брака;
- судом признана недееспособность одного из вступающих в брак;
- брачующиеся находятся в родственной связи, а именно: по прямой восходящей и нисходящей линии, полнородные и не полнородные братья и сестры, усыновители и усыновленные.

Порядок регистрации брака является четким и уже несколько лет не изменяется.

Действующий Семейный кодекс Российской Федерации ввел право супругов по желанию пройти медицинское обследование для выявления возможных наследственных заболеваний, которые могут быть переданы будущим детям, и заболеваний самих супругов. Но результаты обследования составляют медицинскую тайну, и только по желанию обследуемого лица эта информация может стать известна его партнеру или третьим лицам³⁴⁸.

---

³⁴⁸ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.01.1996 г. № 1. Ст. 16.

Необходимо учитывать, что венчание в церкви без государственной регистрации не является источником возникновения прав и обязанностей супругов. На территории другого государства брак следует заключать в консульствах, при этом применяются законы Российской Федерации.

Для того чтобы в последствии брак не был признан недействительным, нужно выполнять все условия, указанные в Семейном кодексе, при заключении брака.

Таким образом, семейное законодательство претерпевало крупные изменения на протяжении всего развития государства. Первоначально брак регулировался обычаями. В дальнейшем стало придаваться особое значение религиозным правилам. Именно религия диктовала правила при формировании семейного законодательства в Российской империи. Переход от религиозных правил к законодательно закрепленным произошел после Октябрьской революции. Семейное законодательство СССР было достаточно жестким, ограничивающим порядок заключения и расторжения брака. Но некоторые наработки, сделанные в период Советского союза, взяты в Семейный кодекс Российской Федерации, действующий в настоящее время.

Список литературы

1. Андреева Н. И. История развития брачно-семейных отношений Древней Руси. // История государства и права. №1. 2015.
2. Андреева Н. И. Развитие семейного законодательства в советский период // Вектор науки. 2014.
3. Антонова О. Г., Погосян О. С. Из истории развития семейно-брачных отношений в России // Материалы научно-практической конференции Дыльновские чтения «Российская идентичность: состояние и перспективы». Саратов. 2015.
4. Митрофанова Е. С. Семья и брак, матримониальное, репродуктивное и сексуальное поведение в крестьянской, советской и современной России // Демоскоп Weekly. 2015. №. 2-3.
5. Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2012.
6. Романова Н. А. Фактический брак: юридическая сторона вопроса // Мир науки. №. 2. 2014.

7. Тарусина Н. Н. Российское семейное законодательство: основные тенденции развития // Lex russica. №3. 2014.
8. Цатурова М. К. Русское семейное право XVI-XVIII вв. М., 2012.
9. Ярмонова Е. Н. Краткая характеристика отдельных условий заключения брака в истории брачно-семейного права дореволюционной России // Фундаментальные исследования. №2 (16). 2015.

Еремина Татьяна Ивановна

«Учебная служба» как особый вид государственной службы Российской империи

У истоков научной разработки государственной службы в Российской империи стоял М.М. Сперанский. Уже с 1832 года в Российской империи оформилось уникальное кодифицированное право государственной службы как система правовых норм, закрепленных в законодательстве, окончательно сложившемся к концу XIX века в виде уставов о гражданской службе³⁴⁹. Как справедливо отмечает в своих исследованиях С.В. Кодан, уже с первой половины XIX столетия в юридической политике российского государства государственная служба выделилась как одно из приоритетных ее направлений³⁵⁰.

Среди различных видов государственной гражданской службы, получивших свое законодательное оформление в XIX веке, была и учебная служба. Понятие «служба» в своем историческом значении в российском государстве употреблялось несколько в ином значении, чем только профессиональная деятельность. Как считают некоторые исследователи, под службой подразумевалась, прежде всего, обязанность долга, верности, преданности, готовность исполнить дело, оказать услугу, защитить интересы. Служба заключалась «в духовной (идейной, ценностной) общности того, кому служат, и того, кто служит», «в их совместной принадлежно-

---

³⁴⁹ Черепанова И. В. Государственная служба Российской империи XIX века (теоретическое исследование). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001. С. 21.

³⁵⁰ Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства в 1800-1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург, 2005. С. 237.

сти к какому-либо большому и важному для них идеалу, интересу, делу»³⁵¹.

Отмечая такую характерную особенность профессиональной преподавательской деятельности в университетах как совмещение служения науке и карьеры чиновника, исследователь О.В. Сердюцкая в своей работе предлагает определять служебную деятельность профессуры в университетах одним из видов государственной службы – преподавательской службой³⁵². Взаимопроникновение основных родов (гражданской, военной, духовной) государственной службы основательно проанализировано в теоретическом исследовании И.В. Черепановой³⁵³, на основании чего автор определяет учебную и ученую службу духовной службой по гражданскому ведомству, подразумевая, что основным объектом этой службы является человек, как духовная сущность. Современный исследователь Н.Н. Зипунникова в одной из своих работ³⁵⁴ выделяет «особый род профессиональной деятельности – научно-педагогической», «профессию ученого (профессора)». На наш взгляд, точнее было бы говорить об одном из видов государственной гражданской службы при наличии трех основных родов службы (гражданской, военной, духовной). Автор в своем исследовании обращается к таким понятиям как «учено-учебная служба», «служба по ведомству министерства народного просвещения», что представляется более точным определением служебной деятельности университетских преподавателей Российского государства и отражением законодательных конструкций XIX века в этой сфере.

В Полном собрании законов Российской империи в ряде официальных документов присутствует термин «учебная служба»

---

³⁵¹ Атаманчук Г. В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика. М., 2003. С. 93.

³⁵² Сердюцкая О. В. Преподавательская служба в Российской империи второй половины XVIII века // Вопросы истории. 2008. №10. С. 105.

³⁵³ Черепанова И. В. Государственная служба Российской империи XIX века (теоретическое исследование). Дис...канд. юр. наук. Омск. 2001. С. 97-99.

³⁵⁴ Зипунникова Н. Н. Правовой статус ученого в Российской империи (особенности формирования ключевых компонентов) // Ученые записки Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. №2(14). URL: <http://sciente-notes.ru> (дата обращения: 09.06.2022).

применительно к профессиональной деятельности лиц, служащих в российских учебных заведениях. Так, в Высочайше утвержденном мнении Государственного Совета 1864 года «О сокращении пенсионных сроков для лиц учебной службы, выходящих в отставку по болезни» указано, что на лиц учебной службы, выходящих в отставку по болезни, распространяются сокращенные сроки назначения пенсий, что ранее было привилегией гражданских чиновников других ведомств (Полное собрание законов Российской империи, Собрание II, Т. 39, Ч.1, № 41047. СПб, 1867). В Высочайше утвержденном Положении Главного правления училищ 1860 года «О предоставлении по пенсиям прав учебной службы библиотекарям университетов, их помощникам и хранителю минц-кабинета университета Св. Владимира» законодатель отсылает к соответствующим нормам статей 466-529 Устава о пенсиях и единовременных пособий по учебной части Министерства народного просвещения (Свод законов Российской империи, Т. III), в которых детально представлены «права и преимущества учебной службы» по пенсиям.

В Уставе о службе по определению от правительства (Свод законов Российской империи, Т. III) понятие «учебная служба» присутствует в целом ряде статей (ст. 67, 78, 371, 381, 383 и др.). Наряду с этим законодатель использует более развернутое понятие – «учебная служба ведомства министерства народного просвещения», придавая им равнозначное смысловое значение. В Уставе о службе по определению от правительства законодателем используется и иная юридическая конструкция – «служба по учебной части в ведомстве министерства народного просвещения». Специфика и особенности учебной службы обусловили зачисление ее законодателем в раздел «особенных ведомств гражданской службы», в частности, по правилам чиновничества (глава III Устава о службе по определению от правительства).

Потребность выделения особого статуса государственных служащих на законодательном уровне относительно других соци-

альных групп российского государства возникает в XIX веке³⁵⁵. В это же время получает свое законодательное оформление особый статус преподавателей российских учебных заведений как государственных гражданских служащих и оформляются нормативные положения об учебной службе. В университетском законодательстве, Положениях учебных заведений, а затем и в общем законодательстве о государственной гражданской службе оформляются соответствующие нормы об учебной службе. Были регламентированы условия поступления на учебную службу, определена взаимосвязь чина и ученого звания в университетах, должности в учебных заведениях, привилегии и преимущества учебной службы, условия получения пенсий преподавателями учебных заведений по выслуге лет и их семьям в случае утраты кормильца, наличие особой форменной служебной одежды по ведомству Министерства народного просвещения.

Правовое оформление статуса преподавателей учебных заведений как государственных гражданских служащих способствовало возникновению и развитию на законодательном уровне особого вида гражданской службы – учебной. Особенностью учебной службы как особого вида государственной гражданской службы было ее оформление законодательно в виде двух взаимосвязанных элементов – научном и чиновничьем. В университетском законодательстве значимыми и определяющими карьеру преподавателей понятиями помимо чина и должности была ученая степень и звание. Учебная служба по ведомству Министерства народного просвещения имела как общие черты, характерные для государственной гражданской службы Российской империи в целом, так и ряд особенностей (исключений, по сути, из общих правил), которые были обусловлены, прежде всего, важностью и значением государственной функции по народному просвещению и законодательно оформлены в отношении служащих учебных заведений, которые эту государственную функцию реализовывали.

---

³⁵⁵ Шободоева А. В. Государственная гражданская служба России: историко-правовые и морально-нравственные аспекты. Иркутск, 2014. С. 41.

По мнению известного правоведа XIX века Н.К. Нелидова, некоторые профессии изначально по своей природе относятся к числу частных занятий для удовлетворения потребностей отдельной личности, но государство в определенные периоды своего развития возводит эти профессии в государственную службу. К таким профессиям, считал Н.К. Нелидов, относятся и «преподаватели наук»³⁵⁶. Законодательное оформление учебной службы как особого вида государственной гражданской службы педагогических работников в государственных учебных заведениях (от приходских училищ до университетов) в XIX – начале XX вв. было объективной необходимостью того времени. Властные круги России были заинтересованы в том, чтобы обучение и воспитание молодого поколения осуществлялось не в оппозиции существующему государственному строю. От преподавателя, находящегося на учебной службе, принесшего присягу о службе на пользу Отечества, было проще потребовать исполнения государственных целей и задач в сфере просвещения. Законодатель, учитывая специфику и значение учебной службы, предоставлял на законодательном уровне преподавателям особые преимущества этого вида службы, отличительные правила чиновничества и пенсионного обеспечения.

Список литературы

1. Атаманчук Г. В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика. М., 2008.
2. Зипунникова Н. Н. Правовой статус ученого в Российской империи (особенности формирования ключевых компонентов) // Ученые записки Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010.-№2(14). URL: <http://sciente-notes.ru> (дата обращения: 09.06.2022).
3. Сердюцкая О. В. Преподавательская служба в Российской империи второй половины XVIII века // Вопросы истории. 2008. №10.
4. Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства в 1800-1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург, 2005.
5. Нелидов Н. Юридические и политические основания государственной службы. Ярославль, 1874.

---

³⁵⁶ Нелидов Н. Юридические и политические основания государственной службы. Ярославль, 1874. С. 142.

6. Черепанова И. В. Государственная служба Российской империи XIX века (теоретическое исследование). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001.

7. Черепанова И. В. Государственная служба Российской империи XIX века (теоретическое исследование). Дис...канд. юрид. наук. Омск. 2001.

8. Шободоева А. В. Государственная гражданская служба России: историко-правовые и морально-нравственные аспекты. Иркутск, 2014.

Борисов Андрей Андреевич

Законы царской России и Российской империи о законотворчестве и видах правовых актов

Нормативная регламентация законоустановительной деятельности до первой четверти XIX века не выделялась в качестве особой задачи государственного управления. Тем не менее, обращение к истории законотворчества с целью изучения его форм, и методов, постижения способов повышения эффективности законодательного регулирования помогает «высветить многие небезынтесные и весьма поучительные стороны отечественной законодательной практики»³⁵⁷.

Традиции и обычаи правотворчества складывались в течение долгого времени. В отношении всех видов правовых актов определяющее значение для качества правотворения имели элементарная грамотность и исполнительская сообразительность писаря или дьяка (подьячего), образованность и просвещенность приставленного к определенному делу боярина, а также образованность и воля самого государя.

Полнота и достоверность правовых памятников прошлого составляет основную проблему истории права, почему поиск самых первых установлений о правилах их принятия безрезультатен, и единственную возможность дает нам Соборное Уложение 1649 года (далее – Уложение).

---

³⁵⁷ Юртаева Е. А. История законотворчества в России (XVIII — начало XX вв.): монография. М., 2012. С. 4.

Так, при подготовке Уложения нескольким боярам ставилась задача собрать все указы и боярские приговоры по государственным и земским делам, соотнести их со старым Судебником, затем выписанные статьи следовало утвердить выборным людям и закрепить этот акт принятия «руками», занести в книгу дьякам Г. Левонтьеву и Ф. Грибоедову, а с этой книги «напечатать многие книги» во все приказы и города³⁵⁸.

Определенная структура принимаемых актов, в том числе договоров, уже сложилась и предполагала «для большего подтверждения» обязывание для государей давать клятву (Королю Густаву Адольфу Свейскому) или учинить крестоцелование (Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу, всея Руси самодержцу), подтверждение прежних договоров (Тявзинский мирный договор 1595 г.), подписание их и скрепление печатями³⁵⁹.

Многие именные указы принимались с обсуждением дел боярами («указал Государь и Бояре приговорили»), что позволяет предположить наличие этапов принятия царских актов, встречались именные указы без боярских приговоров³⁶⁰.

Обязательным элементом актов признавался титул государя (в грамотах и иных делах «титло писати полное»³⁶¹). Изменения в Уложение вносились по вышеустановленному порядку – «Великий Государь указал и Бояре приговорили»³⁶². Принимаемые акты рассылались по приказам и на места, и этот порядок рассылки

---

³⁵⁸ Уложение 29 января 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ), Собр. 1, Т 1 (1649-1675), № 1. С. 1-3.

³⁵⁹ Договорная запись, учиненная в Стокгольме между Дворами Шведским и Российским от 19/29 октября 1649 г. // ПСЗРИ, Собр. 1, Т 1 (1649-1675), № 19. С. 187-221.

³⁶⁰ Именной указ с Боярским приговором от 17 декабря 1649 г. «О даче оброчных земель, с которых получали оброка не больше трех рублей, беспоместным и малопоместным, у которых меньше трех сот четвертей» // ПСЗРИ, Собр. 1, Т 1 (1649-1675), № 20. С. 221-222.

³⁶¹ Грамота Князю Михаилу Пронскому и другим, правившим в Москве Боярам. – «О внесении в Царский титул наименований Плотского и Мстиславского» от 28 июля 1654 г. // ПСЗРИ, Собр. 1, Т 1 (1649-1675), № 134. С. 349.

³⁶² Новоуказные статьи о поместьях от 10 марта 1676 г. // ПСЗРИ, Собр. 1, Т 2 (1676-1688), № 633. С. 16-26.

узаконений уточнялся в 1677 году³⁶³. В этот период устанавливалось, что жалованные грамоты изготавливались в печатном виде Приказом Книг Печатных дел³⁶⁴.

Указы и боярские приговоры зачастую принимались по челобитным, которые докладывались государю или боярам, что свидетельствует о сложившемся порядке процедурной нормотворческой деятельности, включающей, как следует из содержания одного из актов³⁶⁵, заслушивание доклада о челобитных, обсуждение их, сверку с правилами Уложения или новоуказных статей на предмет наличия или отсутствия соответствующих установлений, доношение челобитных государю («Великий Государь что укажет»), принятие монархом решения («По Указу Великого Государя Бояре приговорили»). Из именных указов 1682³⁶⁶, 1695³⁶⁷ и 1700³⁶⁸ годов следует, что этот процесс с определенного времени стал включать еще один этап – собирание из приказов материалов по разрешенным указами делам с целью дополнения Уложения и новоуказных статей новыми установлениями.

В современном понимании содержание этих актов проявляет наличие процедур законодательного процесса, который предусматривал записи государевых указов в разрядные книги. Техника правотворчества отличалась известной простотой и разнообразием

---

³⁶³ Именной указ «О посылке из Разряда во все приказы, где сидят Думные Дьяки, указов, а не памятей» от 23 февраля 1677 г. // ПСЗРИ, Собр. 1, Т 2 (1676-1688), № 677. С. 89.

³⁶⁴ Именной указ с Боярским приговором от 2 мая 1676 г. «О печатании жалованных грамот на вотчины, и о взятии с оных пошлин» // Там же. № 639. С. 33.

³⁶⁵ Боярский приговор от 17 марта 1679 г. «Об оставлении поместий за отставными Дворянами, по прежнему, если дети состоят в службе, или сами записались в службу» // Там же. № 754. С. 201-202.

³⁶⁶ Именной указ «Об учинении в приказах вновь статей о таких делах, которых в Уложении не напечатано и в новых статьях не написано» от 16 декабря 1682 г. // Там же. № 900. С. 367.

³⁶⁷ Именной указ «О сочинении во всех приказах проектов для пополнения Уложения и новоуказных статей» от 6 июня 1695 г. // ПСЗРИ, Собр. 1, Т 3 (1689-1699), № 1513. С. 204.

³⁶⁸ Именной указ «О заседании в Государственных Палатах Боярам для учинения свода Уложения, и всех указов после того состоявшихся» от 18 февраля 1700 г. // ПСЗРИ, Собр. 1, Т 4 (1700-1712), № 1765. С. 14.

записи текстов. В одних актах текст сплошной, в других выделяются абзацы, в иных актах встречается нумерация пунктов.

Фрагментарные указания государей давались применительно к какому-либо отдельному вопросу, например, о нахождении печати, которой скреплялись «грамоты, указы и прочее»³⁶⁹.

С учреждением Сената этот орган получил определенные нормотворческие полномочия. Одно из правил для учрежденного Сената определяло, что при коллегиальном принятии решения все созванные члены Сената данное решение подписывают, а по важным делам ведутся протоколы³⁷⁰. Определялось, что именные указы подписывает государь собственноручно или подписывается всеми членами Правительствующего Сената, эти акты остаются в Канцелярии Сената, а при отсылке их адресатам они подписываются обер-секретарем и их надлежит «везде исполнять безъ всякой остановки»³⁷¹.

Определяли требования к документальным формам правотворчества акты о титулах монархов. Так, при восшествии на престол Екатерины I титулы Государыни предписывалось писать определенным образом в грамотах внутри государства, в указах из Сената, в приговорах и др. документах³⁷².

В делопроизводстве появилась должность секретарей и обер-секретарей Сената, Синода и коллегий для «сочинения резолюций» по принимаемым решениям Верховного Тайного Совета³⁷³.

Для Государственного Совета, образованного 1 января 1810 г., был установлен особенный порядок рассмотрения законов, уста-

---

³⁶⁹ Высочайшая резолюция на докладные пункты 10 декабря 1718 г. «О казенной печати и о сборе печатных пошлин; о казенном торге; о Китайском караване и о Аптекарском приказе» // ПСЗРИ, Собр. 1, Т 5 (1713-1719), № 3252. С. 600.

³⁷⁰ Именной (декабрь) «О должности Сената» // Там же. № 3264. С. 605-606.

³⁷¹ Именной, объявленный из Сената 10 января 1719 г., «О посылке исполнительных указов из Сената, по именованным повелениям или Сенатским приговорам, за скрепою Обер-Секретаря Щукина и о скрепе по листам, им же Обер-Секретарем, указов и приговоров, следующих к подписанию Сената» // Там же. № 3273. С. 608.

³⁷² Сенатский 3 февраля 1725 г., «О титулах Государыни Императрицы Екатерины I» // ПСЗРИ, Собр. 1, Т 7 (1723-1727), № 4647. С. 412-413.

³⁷³ Указ из Верховного Тайного Совета 26 июля 1727 г., «О бытии Секретарям при докладе с Членами Сената, Синода и Коллегий в Верховном Тайном Совете» // ПСЗРИ, Собр. 1, Т 7 (1723-1727), № 5132.

вов и учреждений, согласно которому проекты (предварительные начертания) вносились в Комиссию составления законов, а из нее – в Департамент Законов, откуда, по рассмотрении и исправлении, – в Общее Собрание Государственного Совета. Затем законы, уставы и учреждения вносились на Высочайшее усмотрение (§§ 67-72)³⁷⁴. Устанавливалась единственная форма издания постановлений (в данном случае слово «постановление» не означает вид правового акта, а имеет значение, аналогичное применяемому в современном языке слову «акт») и дополнений к ним – манифест, структура которого определялась следующим образом (§ 73):

- «Божію милостію Мы и проч. и проч.» (титулы);
- введение с кратким изложением причин;
- «Внявъ мнѣнію Государственнаго Совѣта, постановляемъ или учреждаемъ» (начало нормативной части);
- статьи закона, устава или учреждения;
- место и время издания;
- в заключении «подпись Высочайшаго Имени»;
- «Контросигнирование»³⁷⁵ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта);
- «Съ подлиннымъ вѣрно: Государственный Секретарь» (запись, удостоверяющая текст и реквизиты принятого акта, и подпись Государственного Секретаря).

Кроме манифестов в последующих параграфах устанавливались другие правовые формы.

Разъяснения о порядке исполнения или разъясняющие смысл актов имели форму мнений Государственного Совета, под которыми ставились подпись Председателя Государственного Совета,

---

³⁷⁴ Манифест 1 января 1810 г., «Образование Государственного Совета» (далее – Манифест) // ПСЗРИ, Собр. 1, Т 31 (1810 -1811), № 24064. С. 10.

³⁷⁵ В конституционных государствах обязательная подпись (скрепа) министром акта, исходящего от государя, чем министр принимает на себя ответственность пред парламентом за этот акт. См.: Малый энциклопедический словарь: в 4 т. Т. 3 / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза-Ефрона. М., 1994. 536 с.: ил. С. 125; в данном случае – подпись Председателя Государственного Совета под актом, подписанным государем, означающая принятие Председателем Государственного Совета на себя ответственности за принятый акт перед Государственным Советом.

и Высочайшая Конфирмация³⁷⁶ «Быть по сему». Также проставлялись место и время Конфирмации и удостоверяющая запись Государственного Секретаря с его подписью (§ 75-77).

Еще два вида актов описывались без уточнения того, что это правовые формы – Высочайшее повеление (§ 78; после Высочайшей подписи ставилась заверяющая запись Государственного Секретаря и его подпись) и «особенныя Высочайшія примѣчанія (§ 79; за подписью Председателя Государственного Совета).

Подраздел «Проекты» Манифеста содержал важные установления, имеющие целью предупредить конфликты законов и законотворческие ошибки (не вносятся проекты, заключающие в себе очевидную несовместимость или недоразумение), обеспечивающие согласование актов в министерствах (§§ 111-113).

Рассматриваемые дела включали краткую записку о существе дела с приложениями, заключение министра и проект постановления, учреждения, указа или общего предписания (§119). Решения по назначенному к слушанию делу принимались в Государственном Совете большинством голосов, что отражалось в журналах заседаний (§ 127), которые после подписания представлялись на Высочайшее усмотрение (§§ 129, 130). По Высочайшим решениям готовились окончательные варианты актов, которые подносились государю для Высочайшего утверждения (§ 131). Журналы, подлинники постановлений и записки поступали на хранение в Архив Государственной Канцелярии, а приложения возвращались в министерства (§§ 134-136).

Достаточно подробно изложены вопросы развития нормативной регламентации законотворческой деятельности верховной государственной власти в XIX веке С.В. Коданом и Г.Е. Владимировой³⁷⁷, из работы которых можно установить, что многие узаконения неоднократно повторялись различными государями. Авто-

---

³⁷⁶ Конфирмация – одно из значений (светское) – утверждение главнокомандующим приговора военного суда. См.: Малый энциклопедический словарь: в 4 т. Т. 3. Указ. изд. С. 128; в данном случае – утверждение государем, например, мнения Государственного Совета.

³⁷⁷ Кодан С. В., Владимирова Г. Е. Правовая регламентация в Основных государственных законах Российской империи 1832-1892 гг. законодательной деятельности верховной государственной власти // Социодинамика. 2014. № 4. С. 24-46.

ры отмечают, что нормативные регламентации по вопросам законодательства складывались с двадцатых годов XVIII века и определяли вопросы единоличного права монарха издавать узаконения, запрета на это для иных государственных лиц, обязательного представления проектов актов государям для окончательного решения, обязательного законного исполнения принятых установлений, порядка прохождения предварительных начертаний законов, уставов и учреждений в уполномоченных властных органах, конкретизации полномочий ряда государственных органов и должностных лиц при их участии в законодательной деятельности, качества узаконений (например, соответствия действующим указам), преодоления коллизий и устранения пробелов (например, обязательное уведомление в установленном порядке высших органов власти и государя о противоречиях актов), обязательности издания принимаемых актов в письменном виде, а также вопросы их оформления, распространения и хранения.

Постепенное наполнение правил законодательной деятельности новыми нормами свидетельствовало о растущем значении права как наиболее удобном и эффективном средстве обеспечения законопорядка. Первая четверть XIX века – сложный период развития монархической России, определивший для самодержавной власти задачу укрепления системы государственного управления, умножения авторитета государей и их законоустановлений. Этой цели служило принятие Свода законов Российской империи (далее – СЗ), в котором законотворческие регламентации, проработанные с учетом прежних установлений, получили системно-расширенное изложение.

Например, Раздел I «О правах священных и преимуществах Верховной Самодержавной Власти» содержал подраздел VIII «О законах»³⁷⁸, в котором определялось, что «Импери́я Росси́йская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной Власти исходящихъ»

---

³⁷⁸ Свод законов Российской империи, повелением гос. имп. Николая первого составленный: Изд. 1857 г. СПб., 1857. Т. 1: Ч. 1. Основные государственные законы. С. 11-20.

(ст. 47), из чего следует одно: все узаконения санкционированы государем.

Как из прежних установлений, так и из содержания и смысла статьи 49 можно заключить, что термины «закон» и «постановление» не различались по своему значению, или закон как определенное правило составлял только основную часть (части) постановления, выражающего это правило или несколько правил, признаваемых законами.

Последующие статьи закрепляют прежний порядок принятия законов через Государственный Совет с выражением Высочайшего усмотрения и, в итоге, Высочайшего утверждения (ст.ст. 50, 51). Определялись уточненные коллизионные правила (ст. 52).

Небезынтересно установление о формах законов, нормативно расширяющее перечень видов правовых актов, которыми могли быть уложения, уставы, учреждения, грамоты, положения, указы, инструкции, манифесты, указы, мнения Государственного Совета и доклады, удостоенные Высочайшего утверждения, а также Высочайшие повеления, объявляемые рескриптами и приказами (ст. 53).

Отметим, что анализ ПСЗРИ и СЗ проявляет гораздо более широкий ряд используемых правовых форм. С 1649 года до марта 1917 года для издания около 137 000 актов было использовано 203 формы правовых актов. В процессе правотворчества в Российской империи сложилась сложновидовая система правовых актов, что осознавалось как государственными деятелями, так и отечественными правоведами.

Далее устанавливалось, что новые законы принимаются с собственноручным Высочайшим подписанием (ст. 54), а дополнения и изъяснения к законам – могли объявляться уполномоченными «местами и лицами» в виде указов на основе словесного Высочайшего повеления (ст. 55). Примечание к данной статье содержало перечисление вышеуказанных мест и лиц: Председатели Общего Собрания и Департаментов Государственного Совета, Государственный Канцлер Иностранных дел, Канцлер Орденов, Вице-Канцлер, Министры и Главноуправляющие разными частями государственного управления, Начальники Штабов Его Император-

ского Величества, Сенаторы, Члены и Обер-Прокурор Святейшего Синода, Государственный Секретарь, Статс-Секретари, Дежурные Генерал-Адьютанты и иные особо на то уполномоченные государем лица.

Определялся порядок обнародования законов (ст. 57, 58) и порядок их вступления в силу – не прежде, чем со дня объявления, а для присутственных мест – со дня получения (ст. 59). Законы не имели обратного действия, кроме случаев, когда в них оговаривалось распространение их силы на времена, предшествовавшие обнародованию закона (ст. 60, 61).

Об отсутствии четких представлений о классификации правовых актов и неопределенном соотношении законов и указов (неопределенность в вопросе придания юридико-технического значения правовой форме «закон») свидетельствует положение статьи 70: «Высочайшій указ, по частному дѣлу послѣдовавшій, или особенно на какой либо родъ дѣлъ состоявшійся, по сему именно дѣлу или роду дѣлъ отмѣняетъ дѣйствіе законовъ общихъ».

Монархическая система государственного управления определяла включение в СЗ ряда положений, устанавливающих превосходство над всеми актами волеизъявления государя.

Полагаем, что в Отделении втором «Учреждение Главного Казначейства» Свода законов Российской империи упоминается еще одна правовая форма – «рописание», рассматриваемая как прообраз бюджета государства, форма установления бюджетно-финансовых отношений: «Расписание Департамента Государственнаго Казначейства, в слѣдствіе государственной смѣты ежегодно составляемое, служить Главному Казначейству основаніемъ для приема, храненія и отпуска суммъ» (ст. 482). В этом документе назначаются сроки вступления и отпуска денежных средств, источники доходов и места, которым отпускаются эти средства (ст. 483). Далее говорится о государственной росписи применительно к полномочиям Министра финансов (ст. 903, 904).

Основным ресурсом государства, обеспечивающим правопорядок, признаются законы, создание которых не во все периоды развития Отечества регламентировалось нормами права, ибо изначально эти вопросы в основном определялись волей государей.

Как подчеркивает Е.А. Юртаева, в 1724 году И.Т. Посошков (ок. 1652-1726) писал об «искоренении неправды», что необходимо для подъема уровня нравственности и что им рассматривалось как способ борьбы с нарушениями законов³⁷⁹. Общее требование «делать по закону» постепенно стало распространяться и на законодательную деятельность.

В труде И. Т. Посошкова немногие тезисы относимы к правотворчеству. Его «Книга о скудости и богатстве», на которую было положено три года творческой работы, и которая появилась в 1724 году, содержит совсем немного тезисов, посвященных созданию законов. Так, автором обозначалась необходимость совершенствовать установления на основе изучения «древних указных статей» и статей новосостоящихся по недавним приговорам, решения по которым в Уложении и новоуказных статьях нет, и «учинить пункты новыя»³⁸⁰. Также предлагалось пригодные статьи взять из немецких судебныхников, иноземных уставов и «турецкой судебник перевести на словенский язык»³⁸¹. Для сочинения новых судебных книг надлежало подобрать способных людей из разных слоев населения и новые правила «всем народом освидетельствовати самым вольным голосом» (всенародное одобрение), отвергая «непотребные статьи» «Того бо ради и дана (л. 84) свобода, дабы последи не жаловались на сочинителей тоя новосочиненныя книги»³⁸².

Собственно, эти предложения являлись не более чем повторениями соответствующих установлений Уложения 1649 года для богатого переменами завершающегося периода правления Петра Первого.

В целом данное произведение характеризуется исследователями как прожектерское, что было свойственно тому времени петровских перемен, и, как содержащее много предложений законодательного свойства по вопросам духовенства, воинских дел, пра-

---

³⁷⁹ Юртаева Е.А. Указ. соч. С. 115.

³⁸⁰ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве / Ред., вступ. статьи и прим. Б. Б. Кафенгауза. М., 1937. С. 161.

³⁸¹ Там же.

³⁸² Там же. С. 162-163.

восудия, купечества, художеств, дел о разбойниках, о крестьянах, о земле и государевом интересе, может быть названо «Уложением от И.Т. Посошкова».

С начала XVIII века все чаще появлялись узаконения по отдельным вопросам правотворчества, а с начала XIX века самодержавная власть стала уделять серьезное внимание упорядочению законотворческой деятельности в большинстве ее аспектов, приняв первый «пакет законотворческих норм» (1810 г.). Позднее в Своде законов Российской империи раздел «О законах» содержал уже расширенный ряд положений, а некоторые регламентации оговаривались и в других разделах. Эти узаконения действовали до начала XX века.

Вопрос о периодизации эволюции отечественной юридической мысли о правилах разработки и издания законов дискуSSIONИОНЕН. Например, Е. А. Юртаева выделяет два этапа развития законотворческого процесса. Начальный этап приходится на XVIII век, и его особенностью названы новации в базовых основаниях правотворческой работы. Второй этап – «петербургский», с конца XVIII века до первых десятилетий XX века, характеризующийся накоплением юридического опыта и высокими достижениями в правотворчестве. Итогами такого развития, как пишет автор, названы неопределенность в законодательных приоритетах и «нежелание что-либо изменить вообще»³⁸³.

Однако, как мы показали, элементы законотворческого (условно) процесса обнаруживаются из изучения ПСЗРИ во второй половине XVII века и, как мы полагаем, существовали ранее.

Оговорим содержательную взаимосвязанность законотворческих процесса и техники, что позволяет сопоставить этапы их развития и привести позицию Е.А. Желонкиной, которая в своем исследовании рассуждает о двух этапах развития законотворческой техники. Первый этап охватывает XII-XVII вв. (черты: господство обычного права; постепенное становление отечественного закона; архаическая техника систематизации права, состоящая в придании письменной формы обычаям и объединении в одном акте разно-

---

³⁸³ Юртаева Е. А. Указ. соч. С. 30-31.

отраслевых норм, закона, судебной практики и обычаев), а второй этап приходится на XVIII – середину XIX вв. (черты: расширяется ряд реквизитов актов, в которых указывается год, месяц, число подписания; появляются толкования к статьям; начало кодификационной деятельности)³⁸⁴.

Полагаем, что, к примеру, вечевые традиции русских городов имели определенную процессуальную форму, имеющую истоком обычай. С другой стороны, для второй половины XIX века характерны некоторые изменения в технике законотворчества, а с начала XX в. произошли более серьезные перемены в связи с включением в законотворческий процесс Государственной Думы.

Поэтому представляется, что периодизация эволюции дела законотворения в России будет более точной, если вести отсчет от самых первых установлений. Есть основания говорить о наполнении русского права заимствованиями на рубеже XVI-XVII веков, что составляло заботу практически всех государей. Соответствующие правила есть в Уложении, имеющем долгую историю действия. Петровские преобразования затронули также и сферу права в части, касающейся порядка и способов подготовки и принятия ряда нормативных правовых актов, в том числе актов, тексты которых заимствованы из законодательства других государств. Следующий период связан с Манифестом 1810 года и последующим обобщением правил принятия законов, и их расширением в Своде законов Российской империи, а также включением в российское законодательство иностранных законов, закрепившихся на некоторых присоединяемых к Российской империи землях. Полагаем, что определенные новации, связанные с работой законодателя и обретением Россией опыта парламентской работы в 1905 году, позволяют обособить этот небольшой временной интервал до 1917 года.

Однако данная проблема образует отдельное направление историко-правовых исследований.

---

³⁸⁴ Желонкина Е. А. Законотворческая техника в России XVII-XIX веков. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2012. 38 с.

Список литературы

1. Желонкина Е. А. Законотворческая техника в России XVII-XIX веков. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2012.
2. Кодан С. В., Владимирова Г. Е. Правовая регламентация в Основных государственных законах Российской империи 1832-1892 гг. законодательной деятельности верховной государственной власти // Социодинамика. 2014. № 4.
3. Малый энциклопедический словарь: в 4 т. Т. 3 / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза-Ефрона. М., 1994.
4. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве / Ред., вступ. статьи и прим. Б. Б. Кафенгауза. М., 1937.
5. Юртаева Е. А. История законотворчества в России (XVIII — начало XX вв.): монография. М., 2012.

Михайлов Валентин Иванович

Первый советский уголовный кодекс: общие положения и ситуации правомерного вреда (обстоятельства, исключающие преступность деяния)

1 июня 2022 г. исполнилось 100 лет Уголовному кодексу Р.С.Ф.С.Р. 1922 г. - первому советскому уголовному кодексу.

Действовавшие до этого Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., состоявшие всего из 27 статей, формально не были законом, а являлись инструкцией Народного комиссариата юстиции РСФСР народным судам и представляли собой совокупность положений Общей части уголовного права, закрепляющих основы уголовной политики советского государства. Основой применения к лицу уголовных наказаний, примерный перечень которых был закреплен в ст. 25 Руководящих начал, выступало революционное правосознание судов. Допускалось применение судами аналогии права при отсутствии в законе конкретной нормы, разрешающей данное дело. М.М. Исаев отмечал, что до издания УК РСФСР 1922 г. «почти одно революционное правосознание суда определяло, какое действие или бездействие является общественно-опасным настолько, что заслуживает уголовной ре-

прессии. УК РСФСР 1922 г., включавший особенную часть, тем самым указал суду, какие действия являются общественно-опасными, т. е. преступлением»³⁸⁵.

Окончание гражданской войны, переход страны к новой экономической политике, необходимость обеспечения единообразного применения мер уголовного наказания за схожие преступления на всей территории страны и ряд иных обстоятельств обусловили принятие и «введение в действие Уголовного кодекса на всей территории Р.С.Ф.С.Р. с 1-го июня 1922 года»³⁸⁶, который представляет собой «как бы кристаллизованное правосознание работников, которые сейчас ведут дело правосудия у нас в Советской России. Источники его следует искать в революции и в выявленном и обусловленном ею правосознании тех классов и слоев населения, которые не только совершили революцию, но и сумели удержать в своих руках государственную власть, со всеми ее «функциями», - в том числе и законодательными»³⁸⁷.

УК РСФСР 1922 г. в первоначальной редакции состоял из 227 статей (из которых 56 статей образовывали Общую часть, а 171 – Особенную часть), просуществовал до 1 января 1927 г. – до вступления в действие Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., – и был отменен постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 25.01.1928 «Об утверждении перечня узаконений Правительства РСФСР, утративших силу, но не отмененных до сего времени особыми постановлениями». За четыре с половиной года действия УК РСФСР 1922 г. в него вносились многочисленные изменения, что показывает недостаточную проработку многих его положений и определенную ограниченность знаний об основаниях криминализации. Например, 27 июля 1922 г., то есть через два месяца после вступления закона в силу, Президиум ВЦИК дополнил ст. 33 УК РСФСР 1922 г. о применении высшей меры репрессии Примеча-

---

³⁸⁵ Исаев М. М. Общая часть уголовного права Р.С.Ф.С.Р. Л. 1925. С. 134.

³⁸⁶ Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Консультант-Плюс. (дата обращения: 15.03.2022).

³⁸⁷ Исаев М. М. Уголовный Кодекс 1 июня 1922 года // Советское право. М. 1922. № 2. С. 19.

нием, согласно которому «высшая мера репрессии не могла быть применена к лицам, не достигшим в момент совершения преступления 18-летнего возраста». Причем, в силу важности данного дополнения соответствующее постановление было «введено в действие по телеграфу»³⁸⁸.

В ст. 26 УК РСФСР 1922 г. было сформулировано принципиальное понимание наказания как *меры обороны* основ нового правопорядка, по мнению А.А. Пионтковского, почти в тех же самых выражениях как это было сделано в «Руководящих началах»³⁸⁹. В развитие этого общего положения в ст. 27 УК РСФСР 1922 г. указывалось, что, устанавливая меру наказания, Уголовный кодекс различает две категории преступлений, во-первых, преступления, направленные против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка, или признаваемые ею наиболее опасными, по которым определенным Кодексом низший предел наказания не подлежит понижению судом и, во-вторых, все остальные преступления, по которым установлен высший предел определяемого судом наказания.

Наряду с системой мер наказания (изгнание из пределов РСФСР; лишение свободы; принудительные работы; условное осуждение; конфискация имущества; штраф; поражение прав; увольнение от должности; общественное порицание; возложение обязанности загладить вред и расстрел) УК РСФСР 1922 г. ввел систему и других мер социальной защиты (помещение в учреждения для умственно или морально дефективных; принудительное лечение; воспрещение занимать ту или иную должность; удаление из определенной местности).

УК РСФСР 1922 г. закрепил развернутый перечень *ситуаций, исключающих наказание*. К ним в соответствии со ст. 17 - 21 УК РСФСР 1922 г. относились состояние хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности, малолетство, давность совершения преступления, а также *необходи-*

---

³⁸⁸ Декрет ВЦИК от 27.07.1922 «О дополнении ст. 33 общей части Уголовного Кодекса» // КонсультантПлюс. (дата обращения: 15.03.2022).

³⁸⁹ Пионтковский А. А. Советское уголовное право. Общая часть. М.-Л. 1929. С. 26.

мая оборона, крайняя необходимость и настояние убитого, норма о которых была закреплена в действовавшем до 11 ноября 1922 г.³⁹⁰. примечании к ст. 143 УК РСФСР 1922 г. об ответственности за умышленное убийство без отягчающих обстоятельств.

Вместе с тем, следует отметить, что право на причинение вреда в ситуациях необходимой обороны, крайней необходимости и настояния убитого порождается внешними по отношению к деятелю и к деянию незаконным посягательством, опасностью, неустранимой безвредными способами, правомерным желанием лица, интересам которого причиняется вред, и т.д. Правомерные вредоносные действия, совершение которых вызвано указанными выше обстоятельствами, характеризуется тем, что они социально полезны (желательны, необходимы) или допустимы, совершаются осознанно и под контролем воли и предусмотрены (урегулированы) нормами уголовного закона.

Причинение вреда в ситуации хронической душевной болезни или временного расстройства душевной деятельности либо малолетства не обладает указанными выше признаками и именно по этому основанию не относится нами к ситуациям правомерного вреда. Неприменение уголовного наказания в силу истечения срока давности обусловлено нецелесообразностью этого и также не включается нами в круг ситуаций правомерного вреда.

В разные исторические периоды развития отечественного уголовного законодательства такие обстоятельства как незаконное посягательство, опасность, неустранимая безвредными способами, правомерное желание лица, интересам которого причиняется вред, и др. исключали и исключают уголовное наказание, уголовную ответственность или преступность деяния, причинившего вред.

В УК РСФСР 1922 г. правомерное причинение вреда при отражении незаконного посягательства в необходимой обороне, отражении опасности в крайней необходимости и исполнении желания убитого по его настоянию исключали уголовное наказание, но

---

³⁹⁰ Постановление ВЦИК от 11.11.1922 «Об изменениях и дополнениях Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // КонсультантПлюс. (дата обращения: 15.03.2022).

при этом признавались преступлением (уголовно-наказуемым деянием).

В соответствии со ст. 19 УК РСФСР 1922 г. не подлежало *«наказанию уголовно-наказуемое деяние, совершенное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личность или права обороняющегося либо других лиц, если при этом не допущено превышения пределов необходимой обороны»*.

В свою очередь в ст. 20 УК РСФСР 1922 г. отмечалось, что *«не подлежит наказанию уголовно-наказуемое деяние, совершенное для спасения жизни, здоровья или иного личного либо имущественного блага своего или другого лица от опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с охраненным благом»*.

В примечании к ст. 143 УК РСФСР 1922 г. указывалось, что убийство, совершенное *по настоянию убитого* из чувства сострадания, *не карается*, то есть не наказывается.

Из всех ситуаций правомерного вреда в УК РСФСР 1922 г. наиболее полно отражена необходимая оборона, которая сформулирована более корректно по сравнению с нормой о необходимой обороне в Руководящих началах.

УК РСФСР 1922 г. по сравнению с Руководящими началами более широко трактовал и сами оборонительные действия, относя к ним не только насилие над личностью нападающего, но и совершение любого уголовно наказуемого деяния (например, причинение имущественного ущерба нападающему). Также было исключено указание на то, что применение обороняющимся лицом насилия является правомерным при условии, если это насилие в данных условиях являлось необходимым средством отражения нападения или средством защиты от насилия над его или других личностью. Кроме того, если источником опасности при необходимой обороне в Руководящих началах считались нападение и насилие, то в ст. 19 УК РСФСР 1922 г. указывалось о незаконном посягательстве.

Вместе с тем, ст. 19 УК РСФСР 1922 г. так же, как и ст. 15 Руководящих началах допускала в рамках необходимой обороны

защиту только личности или прав обороняющегося либо других лиц. Защита государственных или общественных интересов в рамках нормы о необходимой обороне УК РСФСР 1922 г. не предусматривалась.

Следует также отметить, что УК РСФСР 1922 г. не давал определения превышения мер необходимой обороны. В то же время в соответствии со ст. 145 УК РСФСР 1922 г. превышение пределов необходимой обороны, повлекшее за собой смерть нападавшего, а также убийство застигнутого на месте преступления преступника с превышением необходимых для его задержания мер каралось лишением свободы на срок до одного года. Превышение пределов необходимой обороны, повлекшее за собой тяжкое телесное повреждение нападавшего, а равно нанесение такого повреждения застигнутому на месте преступления преступнику с превышением необходимых для его задержания мер, влекло на основании ст. 152 УК РСФСР 1922 г. лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года.

По справедливому замечанию А. П. Дмитриенко, такое положение дел указывало на то, что УК РСФСР 1922 г., декларативно предоставляя широкие права гражданам для защиты от преступных посягательств, одновременно ограничивал их установлением уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны, так как решение вопроса о преступности или правомерности действий обороняющегося полностью предоставлялось на усмотрение правоприменительных органов³⁹¹.

Причем, суды, применяя нормы УК РСФСР 1922 г. при рассмотрении дел, имевших признаки необходимой обороны, как правило, в своих решениях не приводили аргументы, в силу которых ими усматривается или не усматривается наличие превышения необходимой обороны. Примером этому может быть следующее уголовное дело. Во время драки В. и К. стали бить А., который, защищаясь перочинным ножом, нанес В. легкую рану, а К. - смертельную рану, от которой тот скончался. Иркутский гу-

---

³⁹¹ Дмитриенко А. П. Пределы правомерности права на необходимую оборону. Ставрополь. 2000. С. 33.

бернский суд квалифицировал деяние А., повлекшее смерть К., по 2 ч. ст. 149 УК (умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть) и приговорил его к 5 годам лишения свободы с поражением в правах на 2 года. Уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР, рассмотрев это дело, определила, что из приговора и обвинительного заключения видно, что А., защищаясь от избивавших его К. и В., нанес перочинным ножом рану К., отчего последовала его смерть. «Поэтому суд неправильно квалифицировал деяние А. по ч. 2 ст. 149 УК РСФСР 1922 г. В данном случае, видимо, со стороны А. было либо превышение пределов необходимой обороны, либо его деяние было вызвано насилием, которое было в отношении его со стороны К. и В. (ст. 145 и 144 УК РСФСР 1922 г.)³⁹², а потому настоящий приговор на основании п. 3 ст. 413 УПК³⁹³ отменить и дело передать на вторичное рассмотрение в тот же суд в ином составе со стадии предания суду»³⁹⁴.

С позиций действующего уголовного закона, в котором определены признаки превышения пределов необходимой обороны, кассационная инстанция указала бы на необходимость установления того, насколько А. действовал умышленно и осознавал ли он явность несоответствия принимаемых им мер для обороны характеру и опасности посягательства.

В силу отсутствия законодательно определенных признаков превышения пределов необходимой обороны суды в каждом конкретном случае применения УК РСФСР 1922 г. на основе своего правосознания решали вопрос о преступности или правомерности причинения обороняющимся вреда посягающему без обоснования со ссылками на закон.

---

³⁹² Ст. 144 УК РСФСР 1922 г. «умышленное убийство, совершенное под влиянием сильного душевного волнения, вызванного противозаконным насилием или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего», ст. 145 УК РСФСР 1922 г. «превышение пределов необходимой обороны, повлекшее за собой смерть нападавшего» // КонсультантПлюс. (дата обращения – 15.03.2022).

³⁹³ Ч. 3 ст. 413 УПК РСФСР 1923 г. «Основаниями к отмене приговоров в кассационном порядке являются - нарушение или неправильное применение закона» // КонсультантПлюс. (дата обращения: 15.03.2022).

³⁹⁴ Определения Уголовной Кассационной Коллегии Верховсуда РСФСР за 1926 год: Часть I (Январь – апрель) / Верховный Суд РСФСР. М., 1926. С. 54

Хотя в УК РСФСР 1922 г. термин «крайняя необходимость» не употреблялся, но сама эта ситуация правомерного вреда была отражена в ст. 20. По господствующему в теории уголовного права анализируемого периода мнению под крайней необходимостью понималась ситуация, «когда виновный для спасения какого-нибудь блага от грозящей и неотвратимой иначе опасности причиняет вред другим благам³⁹⁵»; «состояние наличной опасности для правоохраняемого интереса, устранимой не иначе, как посредством преступного деяния, и при том такого, которое не состоит в отражении неправомерного нападения³⁹⁶».

В крайней необходимости вред причиняется не источнику опасности, как при необходимой обороне, а третьим лицам, непричастным к созданию опасности.

В соответствии со ст. 20 УК РСФСР 1922 г. признание деяния, причинившего вред в ситуации крайней необходимости, ненаказуемым возможно при наличной опасности, которая должна быть неотвратима безвредными средствами, и при условии, что причиненный при устранении такой опасности вред является менее важным по сравнению с тем благом, которое таким путем спасается. Ситуацию крайней необходимости может породить опасность, исходящая от сил природы, животных от людей и создающая угрозу жизни, здоровью, имуществу человека, принадлежащего лицу, устраняющему опасность, и другим лицам.

Опасность должна быть неотвратимой при данных обстоятельствах безвредными средствами, т. е. порождаемая опасностью ситуация должна представляться безвыходной, если только не принять именно те меры, которые были приняты. Но если была возможность устранить опасность безвредным способом, то нельзя ссылаться на крайнюю необходимость. Например, лицо, которое подверглось незаконному посягательству, могло легко убежать, но причинило существенный имущественный вред «третьим лицам», чтобы скрыться от преследования. На ситуацию крайней необходимости можно ссылаться только тогда, когда тот вред, ко-

---

³⁹⁵ Уголовный кодекс. Научно-популярный практический комментарий / Под ред.: Гернет М. Н., Трайнин А. Н. М., 1925. С. 32-33.

³⁹⁶ Немеровский Э. Я. Советское уголовное право. Одесса. 1924. С. 110.

торый причинил виновный потерпевшему, представляется менее важным, чем тот, который ему удалось таким образом предотвратить. Поэтому спасение одного блага за счет равноценного, а тем более спасение блага менее ценного на счет другого более ценного, недопустимо. Вопрос о том, какое благо представляется более ценным, разрешается судом, который должен учесть при этом все особенности рассматриваемого дела.

В ст. 25 УК РСФСР 1922 г. отмечалось, что при определении наказания должно учитываться, совершено ли преступление в состоянии голода и нужды или нет, а также совершение преступления под влиянием угроз и принуждения другого лица. Этим самым указывалось на такие частные проявления ситуации крайней необходимости как состояние нужды и принуждения.

В принятой 26 мая 1922 года на 3-й сессии IX съезда Советов редакции УК РСФСР 1922 г. содержалось примечание к ст. 143 УК РСФСР 1922 г. об ответственности за умышленное убийство без отягчающих обстоятельств, согласно которому *«убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не карается»*.

Данная норма появилась в ходе рассмотрения на сессии ВЦИК ст. 136 проекта УК РСФСР, предусматривавшей лишение жизни по настоянию убитого из сострадания к нему как привилегированный деликт. Сессия согласилась с предложениями Ю. Ларина об исключении из проекта ст. 136 и дополнении нормы, предусматривающей ответственность за «простое» убийство примечанием, согласно которому *«убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не карается»*. Эта поправка была принята «с голоса» фактически без какого-либо анализа и обсуждения.

По мнению Ю. Ларина, предлагаемое им примечание должно применяться к «товарищам, которые дадут яду находящемуся в тюрьме большевику, который не выдержал пыток и просит дать ему яду, чтобы умереть»³⁹⁷. Однако практика применения этой

---

³⁹⁷ III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва (12-17 мая 1922 г. (Стенографический отчет) Бюллетень № 10. М. : издание ВЦИК. 1922. С. 7.

нормы пошла по иному пути. В 1922 г. в журнале Еженедельник Советской юстиции был описан реальный случай, суть которого сводилась к следующему. Большаков пришел к Захарову и стал «убедительно просить пристрелить его, на что Захаров не согласился, говоря: “если я пристрелю тебя, то мне придется отвечать”, а Большаков говорит: “в законе есть примечание такое: «за убийство из сострадания не наказывается»”. Захаров дал согласие застрелить его только в том случае, если он даст подписку, каковую Большаков немедленно написал; подписали и два свидетеля Кошелев и Яковлев (случайно пришедшие к Захарову). После чего все вошли во двор, где Захаров и застрелил Большакова»³⁹⁸.

В ходе рассмотрения изменений УК РСФСР 1922 г. на IV сессии ВЦИК IX созыва в октябре 1922 г. предложение об исключении примечания к ст. 143 УК РСФСР 1922 г. было принято без какого-либо обсуждения³⁹⁹.

В юридической литературе оценка применения ст. 143 УК РСФСР 1922 г., несмотря на весьма непродолжительный период его действия, была отрицательной. В указанной статье журнала Еженедельник Советской юстиции указывалось «если бы не было выступления тов. Ларина, то ст. 136 [проекта УК РСФСР 1922 г., предусматривающая смягчение наказания за убийство из-за сострадания] была бы сохранена, то можно было быть уверенным, что суд в делах подобного рода всегда оказался бы способен учесть житейскую обстановку и широко использовать ст. 28 УК РСФСР 1922 г, по которой суд может, по обстоятельствам дела, сделать отступление от размера указанной в законе меры наказания, вплоть до самой низшей меры, общественного порицания, или обязанности загладить вред (п. «и» и «к» ст. 32 УК РСФСР 1922 г.). Вот к чему приводит иногда коротенькое выступление и “убедительные” примеры»⁴⁰⁰. А. Жижиленко также отмечал, что, отменив примечание к ст. 143 УК РСФСР 1922 г., Уголовный кодекс «впал в противоположную крайность, расценив убийство из

³⁹⁸ Еженедельник Советской юстиции. 1922. № 39-40. С. 19-20.

³⁹⁹ IV сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва: Стенографический отчет. Бюллетень № 8. М., 1922. С. 11

⁴⁰⁰ Еженедельник Советской юстиции. 1922. № 39-40. С. 19-20.

сострадания как обыкновенное убийство, не влекущее за собой обязательного смягчения репрессии. Убийство, совершенное по настоянию потерпевшего из чувства сострадания, следует рассматривать как особый вид «привилегированного убийства»⁴⁰¹.

В Общей части УК РСФСР 1922 г. отсутствовала регламентация причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, но, как уже отмечалось, в ст. 145 и 152 Особенной части УК РСФСР 1922 г. предусматривалось снижение наказания за *убийство застигнутого на месте преступления преступника с превышением необходимых для его задержания мер либо с причинением ему при тех же обстоятельствах тяжкого телесного повреждения*.

Анализ структуры норм УК РСФСР 1922 г. о необходимой обороне и крайней необходимости показывает, что они имеют фрагменты, которые текстуально схожи с соответствующими положениями Уложения 1903 г. В связи с этим нельзя согласиться с Г. В. Шведовым, который утверждал, что УК РСФСР 1922 г. впервые сформулировал понятие крайней необходимости⁴⁰². Ст. 19 УК РСФСР 1922 г. о крайней необходимости во многом текстуально перекликалась со ст. 46 Уложения 1903 г., закрепляющей аналогичную ситуацию.

Хотя влияние Уложения 1903 г. в УК РСФСР 1922 г. было заметным, но по содержанию и юридико-технически институт ситуаций правомерного вреда в УК 1922 г. отражен слабее. Это прослеживается, в частности, в уменьшении этих ситуаций, в сужении перечня благ, защита которых допускалась путем причинения другим интересам.

Вместе с тем, УК РСФСР 1922 г. по сравнению с Руководящими началами был серьезным шагом вперед в развитии советского уголовного законодательства вообще и, в частности, института правомерного вреда. В связи с этим следует согласиться с И. М. Тяжковой в том, что последовавший после событий Октября 1917 г. разрыв легитимности преемственности нового и старого

---

⁴⁰¹ Жижиленко А. А. Преступления против личности. М.-Л., 1927. С. 12.

⁴⁰² Швеков Г. В. Первый советский уголовный кодекс. М., 1970. С. 169-170.

уголовного законодательства вовсе не означал устранение их фактической преэминентности⁴⁰³.

В заключении можно привести очень емкую и в то же время многостороннюю характеристику УК РСФСР 1922 г., которую дал М. М. Исаев. Он писал: Кодекс «носит на себе печать и дух революции вообще. Вы чувствуете в нем дух террора, дух беспощадной расправы, подавление всемогущим государством отдельной, слабой личности. Почти на каждой странице встречается “высшая мера”, “конфискация имущества”. И, вместе с тем, вы не можете не усмотреть в Кодексе веяния новейших течений теоретической мысли, вы убежденно можете себе представить, что, вот, при господстве этого самого Кодекса, кривая репрессии может с такой же молниеносной быстротой, с какой она взлетела вверх - низвергнуться вниз. Наш Кодекс является двуликим символом революции. Разрушение и созидание, в настоящем слито в прошлое и будущее. И это утверждает веру, что социалистическое правосознание будет все более и более вытеснять революционное правосознание»⁴⁰⁴.

УК РСФСР 1922 г. в большей степени отражал интересы государства, а не общества и в этом смысле заложил многие аспекты российской законотворческой традиции⁴⁰⁵. Последовавшие за этим шаги не всегда были последовательными, но в любом случае, вектор движения в направлении законности, заданный авторами Уголовного кодекса РСФСР 1922 года, советским, а затем и российским законодателем выдерживался.

Список литературы

1. Дмитриенко А. П. Пределы правомерности права на необходимую оборону. Ставрополь. 2000.
2. Жижиленко А. А. Преступления против личности. М.-Л., 1927.
3. Исаев М. М. Общая часть уголовного права Р.С.Ф.С.Р. Л., 1925.

---

⁴⁰³ Тяжкова И. М. Вопросы развития системы Общей части уголовного закона // Вестник МГУ. Серия 11 «Право». 1988. № 2. С. 10-16.

⁴⁰⁴ Исаев М.М. Уголовный Кодекс 1 июня 1922 года // Советское право. М. 1922. № 2. С. 28.

⁴⁰⁵ Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 5-13.

4. Исаев М. М. Уголовный Кодекс 1 июня 1922 года // Советское право. М., 1922. № 2.
5. Немеровский Э. Я. Советское уголовное право. Одесса, 1924.
6. Пашенцев Д. А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8.
7. Пионтковский А. А. Советское уголовное право. Общая часть. М.-Л., 1929.
8. Тяжкова И. М. Вопросы развития системы Общей части уголовного закона // Вестник МГУ. Серия 11 «Право». 1988. № 2.
9. Уголовный кодекс. Научно-популярный практический комментарий / Под ред.: Гернет М. Н., Трайнин А. Н. М., 1925.
10. Швеков Г. В. Первый советский уголовный кодекс. М., 1970.

Краснов Алексей Борисович

Государственно-правовое регулирование концессионных отношений в СССР (1920 – 30-е гг.)

Развитие концессионных⁴⁰⁶ отношений в СССР в начале 20-х гг. непосредственно связано с процессом прорыва дипломатической блокады и последующего признания Советского государства на международной арене. С одной стороны, торгово-экономическая и политическая блокада Советской России, установленная ведущими мировыми державами, привела к достаточно тяжелым последствиям в экономике и повлекла поиск инструментов для прорыва этой блокады со стороны Советского государства, с другой стороны, и собственно мировые державы находи-

---

⁴⁰⁶ См.: Концессия – в полицейско-правовом смысле есть дозволение компетентной власти на устройство такого промышленного предприятия, которое по закону требует предварительного разрешения правительства // Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского. СПб., 1890–1907. Т. 16: Конкорд – Коялович. 1895. С. 146. См. также: *Concessio, -onis, f. [concedo]* 1) уступка; 2) дозволение, согласие // Латинско-русский словарь, приспособленный к гимназическому курсу / сост. Г. Шульц. 9-е изд. СПб., 1898. С. 116. Следует отметить, что данный перевод не в полной мере отражает сущность правоотношений, возникающих в результате предоставления концессии, поскольку приставка *con-* в латинском языке обозначает какое-либо совместное, обоюдное действие. Таким образом, термин «*concessio*» этимологически предполагает наличие взаимных уступок как со стороны государства, так и со стороны предпринимателя. (Прим. авт.).

лись в тяжелой финансовой ситуации, которая явилась следствием Первой мировой войны и причиной поиска средств для послевоенного восстановления Европы. В рамках международной экономической конференции, стартовавшей 10 апреля 1922 г. в Генуе, вышеописанные процессы и стали, фактически, центральной темой для обсуждения.

Россия как государство, признанное ведущими западными державами в качестве проигравшей стороны в связи с нарушением ей союзнических обязательств перед Антантой и сепаратным выходом из войны, было привлекательно с точки зрения переложения бремени ответственности, в первую очередь, финансовой, за военные действия в Европе.

В качестве одного из решений «русского вопроса» на Генуэзской, а затем и на Гаагской конференции 1922 г. предлагались варианты об уплате репараций, а также о предоставлении значительной части национализированных большевиками предприятий промышленности в концессию на длительный срок иностранным инвесторам, в т. ч. и бывшим собственникам таких предприятий. Осознавая всю тяжесть социально-экономической ситуации внутри страны, руководство Республики Советов в данном вопросе стремилось найти какой-либо компромисс, например, за счет применения концессионных механизмов. Так, в соответствующих заявлениях представителей РСФСР на Генуэзской конференции от 20 апреля 1922 г. по данному вопросу отмечалось, что после внедрения механизмов НЭП советское законодательство предоставляет достаточные гарантии для действия иностранного капитала внутри страны, однако требования о рассмотрении концессий в качестве инструмента реституции не соответствуют суверенным правам Советского государства⁴⁰⁷.

Подтверждением данной позиции явилась ситуация с концессией Джона Лесли Уркварта, которая в итоге была отклонена по настоянию В. И. Ленина, именно ввиду нежелательности заклю-

---

⁴⁰⁷ См.: Меморандум делегации РСФСР от 20.04.1922 г. // Материалы Генуэзской конференции: (Подготовка, отчеты заседаний, работы комиссии, дипломатическая переписка и пр.) / РСФСР. Нар. комиссариат по иностр. делам; [ред. Г. Б. Сандомирский]. М., 1922. С. 129, 135–136.

чения концессионного договора, содержащего обременительные условия реституционного характера, поскольку вышеуказанный инвестор занимался предпринимательской и концессионной деятельностью еще в Российской империи. Фактически, декрет СНК РСФСР от 6 октября 1922 г. служит точкой отсчета в понимании особенностей развития концессионных отношений в СССР как механизма, который недопустимо отождествлять с механизмами возмещения утраченной собственности в результате событий Великой российской революции.

Активное выдвижение имущественных претензий практиковалось государствами-членами Антанты также и в отношении Германии, признанной по итогам заключения Версальского договора проигравшей стороной, что, как позднее характеризовал Г. Киссинджер, создало: «...the maximum incentive for Germany and the Soviet Union to overcome their ideological hostility and to cooperate in undermining Versailles»⁴⁰⁸. Руководство обеих стран начало дипломатическое сближение, результатом которого стало заключение в г. Рапалло (Италия) 16 апреля 1922 г. договора между РСФСР и Германией, обеспечившего фактическое и юридическое взаимное дипломатическое признание⁴⁰⁹. Как свидетельствуют материалы советской дипломатии, Германия в лице рейхсканцлера Йозефа Вирта, со своей стороны после подписания Рапалльского соглашения была готова предоставлять РСФСР денежные средства в виде кредитов⁴¹⁰, однако «политика выполнения», проводимая правительством Германии, а также иные системные проблемы в экономике к 1923 г. привели к гиперинфляции⁴¹¹, то о предоставлении кредитов Советской России со стороны Германии не могло быть и речи, однако такая серьезная эко-

---

⁴⁰⁸ Kissinger, Henry. *Diplomacy*. New York, 1994. P. 264.

⁴⁰⁹ См.: Договор между РСФСР и Германиею, заключенный в Рапалло 16.04.1922 г. // Известия ВЦИК. № 102 (1541) от 10.05.1922.

⁴¹⁰ Телеграмма члена Советской делегации на Генуэзской конференции в Народный Комиссариат Иностранных Дел РСФСР // Документы внешней политики СССР. Т. 5. 1 января 1922 г. – 19 декабря 1922 г. М., 1961. № 151. С. 360.

⁴¹¹ См.: Винклер Г.А. Веймар, 1918-1933: история первой немецкой демократии / Генрих Август Винклер; [пер. с нем. Е. Земсковой, А. И. Савина под общ. ред. А. И. Савина]; Германский ист. ин-т в Москве. М., 2013. С. 240.

номическая ситуация вынуждала крупный немецкий бизнес искать сферы, наиболее благоприятные для сохранения капитала, за границей.

Одновременно с этим в середине 1923 г. в результате окончательного формирования высших исполнительных органов власти СССР был создан Главный концессионный комитет при Совете Народных Комиссаров СССР, обладавший широчайшими полномочиями по привлечению и сопровождению деятельности концессионного капитала в СССР. Для реализации своих полномочий ГКК имел право создавать свои структурные подразделения в рамках штата других органов государственной власти, находившихся вне его прямого и непосредственного подчинения. Так, например, при торговых представительствах НКВТ СССР за границей создавались концессионные комиссии, которые осуществляли в полном объеме функции головной организации в пределах территории того или иного государства, в котором было открыто торговое представительство⁴¹².

Окончательное формирование правовых основ концессионного дела в СССР завершилось в результате принятия Конституции СССР 1924 г. Докладывая основные положения проекта данного документа на XI Всероссийском съезде Советов, народный комиссар юстиции РСФСР Д.И. Курский отмечал окончательное урегулирование вопросов разграничения концессионных полномочий между центром и «хозяйством отдельных союзных республик»⁴¹³.

Указанный период времени возможно считать окончанием подготовительного этапа в развитии концессионного дела в Советском Союзе еще по нескольким немаловажным причинам. В начале 1923 г. тяжело заболел один из главных апологетов проведения концессионной политики в РСФСР В.И. Ленин, что не могло не отразиться на позиции руководящих органов государства. Так, на одном из заседаний XII съезда РКП(б) Г.Е. Зиновьев, докладывая об успехах в деле восстановления отечественной экономики, отметил, что для Советской республики прошло то время,

---

⁴¹² См., например: ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 19. Д. 79. Л. 5.

⁴¹³ XI Всероссийский съезд Советов: [19-29 января 1924 г.]: стенографический отчет. М., 1924. С. 172–173.

когда нужно было предоставлять любые уступки иностранным инвесторам⁴¹⁴.

Уже после смерти В.И. Ленина здравый скепсис высших политических деятелей относительно перспективности проведения концессионной политики по сравнению с государственной организацией экономических процессов продолжал сохраняться. Подобный подход был основан на анализе небольшого экономического эффекта концессионных предприятий, влиявшего на формирование доходов годового бюджета⁴¹⁵.

При этом характерно, что изначальная задача, решение которой планировалось за счет проведения концессионной политики в Республике Советов – преодоление международной дипломатической и экономической блокады, продолжала ставиться в дальнейших решениях партийного руководства⁴¹⁶. Однако внутривластная повестка представляла собой все более усиливавшуюся дискуссию о пределах проводимой новой экономической политики и, в связи с этим, о целесообразности широкого предоставления концессий. Так, например, в рамках своего выступления в Свердловском университете 9 июня 1925 г. И.В. Сталин критиковал экономическую политику, проводившуюся в Российской империи, «...которая, давая кабальные концессии и беря кабальные займы у западных держав, влезла тем самым в ярмо полуколониального существования...»⁴¹⁷.

Одновременно с развитием национальной правовой базы концессионных отношений в СССР развивалась также и международно-правовая база, основанная на двухсторонних отношениях Советского Союза и отдельных европейских держав.

«Полоса признания» СССР со стороны европейских держав отразилась также и на правовой составляющей деятельности за-

---

⁴¹⁴ Двенадцатый съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1968. С. 213.

⁴¹⁵ См., например: Тринадцатый съезд РКП (б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М., 1963. С. 68–69.

⁴¹⁶ Тринадцатый съезд РКП (б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М., 1963. С. 258.

⁴¹⁷ См.: Сталин И. В. Вопросы и ответы. Речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. М., 1947. С. 196.

граничных органов советского государства по привлечению инвестиций. Так, 17 марта 1925 г. Совет Народных Комиссаров утвердил Положение о концессионной комиссии при торгпредстве СССР во Франции, которое стало базовым для ряда других аналогичных положений о концессионных комиссиях в тех странах, с которыми Советский Союз тем или иным образом устанавливал дипломатические отношения. Для ведения переговоров с иностранными фирмами о предоставлении концессий ГKK при СНК СССР разработал конфиденциальную инструкцию, содержащую указания относительно получения заявления от инвестора по конкретному объекту концессии, возбуждения переговорного процесса, организации переписки с ключевыми ведомствами внутри СССР по концессионному предложению, а также о разграничении полномочий между отдельными уровнями концессионных органов СССР по работе над предложением.⁴¹⁸

Очередной вехой в дальнейшем развитии правового регулирования концессионных отношений в СССР как элемента национальной экономики следует считать решения XIV съезда ВКП (б), который зафиксировал, что: «Внутри народного хозяйства, [...] резко повышается удельный вес социалистической промышленности, государственной и кооперативной торговли, национализированного кредита и других командных высот пролетарского государства»⁴¹⁹. Данное решение съезда было в т. ч. обусловлено представленными в отчете центрального комитета партии статистическими данными о количестве занятых на концессионных предприятиях. По состоянию на конец 1925 г. общее количество работников концессий составляло незначительную цифру – около 50 тыс. человек⁴²⁰.

Дальнейшее нормативно-правовое регулирование концессионного дела в СССР было, безусловно, связано со стремлением государства включить данный правовой инструмент в качестве составной части масштабных проектов по развитию экономики,

---

⁴¹⁸ ГАРФ. Ф.Р8350. Оп. 1. Д. 443. Л. 33 – 36 об.

⁴¹⁹ XIV съезд всесоюзной коммунистической партии (б), 18-31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. М.–Л., 1926. С. 513.

⁴²⁰ Там же. С. 498.

например, таких как план ГОЭЛРО. В 1927 г. заместитель председателя ГКК при СНК СССР А.А. Иоффе подвел некоторые итоги концессионной политики. Согласно его подсчетам, в период с 1922 по 1926 гг. было заключено 144 договора в торговой, обрабатывающей, транспортной, горной, промысловой, строительной, лесной и иных отраслях экономики⁴²¹. Одним из основных выводов А.А. Иоффе по результатам представленного исследования стал тезис о необходимости разработки плана концессионных объектов.

Выступая с докладом о пятилетнем плане народного хозяйства на XV съезде ВКП (б), председатель Госплана СССР Г.М. Кржижановский вспоминал о проектах спонсирования программы ГОЭЛРО за счет привлечения средств концессионеров для покрытия дефицита бюджета этой программы в размере 6 млрд рублей⁴²², в то время как нарком внутренней и внешней торговли А.И. Микоян приводил скромные цифры вклада концессионных предприятий в бюджет страны – в период с 1920 по 1926 гг. около 47 млн рублей⁴²³.

Результатом обсуждения проводимой концессионной политики стало принятие 16 августа 1928 г. разработанного Госпланом «Ориентировочного плана концессионных объектов», предполагавшего к передаче в концессию около 100 крупных объектов в различных отраслях промышленности – энергетике, лесной, горной, химической, обрабатывающей, а также в коммунальной и сельскохозяйственной сферах⁴²⁴, что в свою очередь, побудило задуматься о совершенствовании нормативной базы плановой концессионной политики, которая к концу 20-х гг. XX в. представляла собой неупорядоченный массив из декретов СНК РСФСР и постановлений СНК СССР. Исходя из имеющихся архивных данных, установлено, что первые попытки разработки сводного закона по

---

⁴²¹ Иоффе А. А. Итоги и перспективы концессионной политики и практики СССР // Плановое хозяйство. 1927. № 1. С. 83.

⁴²² XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1928 года. Стенографический отчет. М.–Л., 1928. С. 787.

⁴²³ Там же. С. 980.

⁴²⁴ См.: Курьсь Н. В., Тищенко С. Г. Концессионное право Союза ССР: история, теория, факторы влияния. СПб., 2011. С. 85.

концессионному делу предпринимались еще в 1924 г.⁴²⁵ Однако указанные действия в конечном итоге не привели к принятию единого нормативного акта в данной сфере, по-видимому, вследствие наступления некоторого «концессионного затишья»⁴²⁶.

Новые экономические условия, в которых оказался СССР на рубеже 20-30-х гг. вернули в повестку дня вопрос о разработке единого концессионного закона уже с учетом новых экономических реалий. Постановлением СНК СССР от 27 декабря 1930 г. № 807 «Об организации концессионного дела» было осуществлено реформирование системы органов государственной власти в части нового разграничения полномочий по концессионным вопросам. В соответствии с указанным актом реальные полномочия по ведению переговоров, разработке, подписанию с разрешения СНК СССР концессионных договоров, а также полномочия по наблюдению за их исполнением были переданы хозяйственным комиссариатам СССР, в то время как Главный концессионный комитет при СНК СССР был низведен до уровня представительного органа с функциями рассмотрения проектов документов по концессионным вопросам, вносимым хозяйственными комиссариатами Союза в СНК СССР, ведения разъяснительной работы с иностранцами за границей по вопросам, касающимся концессионной деятельности в Советском государстве.

С принятием вышеуказанного постановления начинается новый этап в государственно-правовом регулировании концессионных отношений в СССР. Данный этап следует назвать инерционным в развитии как самих концессионных отношений в СССР, так и их государственно-правового регулирования, поскольку к концу 20-х – началу 30-х гг. XX в. стали все отчетливее проявляться объективные причины замедления развития отечественного рынка. По оценкам одного из работников Главконцесскома В.П. Бутковского, в результате принимаемых Советским правительством мер по привлечению иностранных инвестиций в экономику, а также нормативному регулированию концессионных отношений в

---

⁴²⁵ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1506 а. Л. 26.

⁴²⁶ См.: Бутковский В. П. Иностранные концессии в народном хозяйстве С.С.С.Р. // Государственное издательство. 1928. С. 37.

период 1922 – 1927 гг. в адрес ГКК при СНК СССР поступило более 2 200 предложений о заключении концессионных договоров⁴²⁷, в то время как заключено было всего около 160 концессионных договоров⁴²⁸. Кроме того, общая доля концессионных предприятий в советской экономике была крайне незначительной. По оценкам экономистов: «В 1925/26 гг. она составляла лишь 0,4 %. Для некоторых отраслей горнодобывающей промышленности этот процент был выше (в свинцоворудной, меднорудной, марганцевой). К началу первой пятилетки, в 1928/29 гг., удельный вес концессий в производстве промышленной продукции равнялся 0,6 %. На 1 октября 1928 г. действовало 68 концессий, в том числе в обрабатывающей промышленности – 24, в горной – 14, в торговле – 7, в лесном хозяйстве – 6 и т. д. Больше всего концессий принадлежало капиталистам Германии – 14, США – 9, Англии и Японии – по 7»⁴²⁹. По состоянию на 4 февраля 1928 г. в СССР действовала 61 концессия общесоюзного значения и 53 концессии республиканского значения⁴³⁰.

Приведенные статистические данные наглядным образом демонстрируют сложности, с которыми столкнулось Советское государство в процессе регулирования концессионных отношений. Одним из наиболее важных факторов ослабления интереса иностранных инвесторов к производству капитальных вложений в экономику СССР стали серьезные финансовые потери бизнеса, вызванные началом затяжного глобального кризиса, т. н. Великой депрессии. Согласно отчетным данным правительства СССР в 1928–1929 гг.⁴³¹ поступило всего 207 концессионных предложений иностранных инвесторов, из которых 54 – из США, 41 – из Германии, по 17 – из Франции и Великобритании и 12 – из Ита-

---

⁴²⁷ Бутковский В. П. Указ. соч. С. 32–33.

⁴²⁸ Там же. С. 42–43.

⁴²⁹ История социалистической экономики СССР в семи томах. Построение фундамента социалистической экономики в СССР, 1926 – 1932 гг. // АН СССР. Ин-т экономики. Под ред. И. А. Гладкова. М., Т. 3. 1977. С. 208.

⁴³⁰ ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 4. Д. 165. Л. 15 – 19.

⁴³¹ СССР. Год работы правительства. Материалы к отчету за 1928/29 бюджетный год. Первый год пятилетки. Под общ. ред. Н. П. Горбунова, А. В. Стоклицкого. 5-й год изд. М., 1930. С. 317.

лии. Всего по состоянию на октябрь 1929 г. в СССР действовало 59 иностранных концессий, из которых 12 были предоставлены немецким инвесторам, 11 – японским, 6 – английским, 4 – американским и т. д.

Учитывая, что значительное число концессионных предложений, а также уже осуществлявших свою деятельность концессионных предприятий по национальной принадлежности относились к Германии, Великобритании и США, то последствия Великой депрессии не могли не сказаться на реализации указанных проектов в СССР. В связи с этим, в качестве одной из причин досрочной ликвидации некоторых концессий Главный концессионный комитет выделял «непредвиденные конъюнктурные условия экспорта производимой продукции»⁴³².

Необходимо также отметить и особенности, связанные с предоставлением концессий японским инвесторам на северной части о. Сахалин. К началу 30-х гг. указанные концессии продолжали действовать в полном соответствии с ранее достигнутыми договоренностями между правительствами СССР и Японии в результате оккупации последней северной части о. Сахалин 21 апреля 1920 г., в рамках интервенции иностранных держав на территорию бывшей Российской империи. Результатом мирных переговоров между СССР и Японией стало подписание 20 января 1925 г. соответствующей конвенции об основных принципах взаимоотношений, отдельные положения которой были посвящены разрешению территориальных претензий путем организации концессионного взаимодействия между СССР и японскими физическими и юридическими лицами в отношении «...минеральных, лесных и других естественных богатств»⁴³³. Поскольку предоставление японских концессий на Дальнем Востоке изначально рассматривалось советской стороной как вынужденная международно-правовая мера, то и последующая деятельность японских концес-

---

⁴³² ГАРФ. Ф. Р8350. Оп. 4. Д. 9. Л. 6.

⁴³³ ст. 6 Конвенции об основных принципах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией от 20.01.1925 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 8. 1 января – 31 декабря 1925 г. М., 1963. № 30. С. 72.

сионеров укладывалась в логику развития советско-японских отношений. Так, несмотря на неудачи в привлечении иностранного инвестиционного капитала в советскую экономику для проведения индустриализации, японские концессионеры продолжали осуществлять свою деятельность вплоть до 30 марта 1944 г., когда соответствующим международным актом японские концессии, расположенные в северной части о. Сахалин передавались СССР в обмен на денежное возмещение советской стороной потерь концессионеров в размере 5 млн рублей, а также обязательства поставки нефти в Японию в размере 50 тыс. тонн в течение 5 лет⁴³⁴.

Как отмечают историки: «Ликвидация японских угольных и нефтяных концессий на территории СССР в действительности явилась несомненным успехом советской дипломатии, которая умело использовала для этого наступление Красной армии против Германии с выходом к западным границам Советского Союза...»⁴³⁵.

Общая тенденция к постепенному свертыванию концессионной деятельности иностранных инвесторов в СССР привела также к постепенному размыванию правовых и организационных основ концессионных отношений. Так, постановлением СНК СССР от 14 декабря 1937 г. Главный концессионный комитет ликвидировался, а контроль за оставшимися концессиями возлагался на Наркомат Внешней Торговли, для чего в структуре наркомата был создан соответствующий отдел⁴³⁶.

Переходя непосредственно к выводам по результатам исследования проблемы государственно-правового регулирования концессионных отношений в СССР в 20-30-е гг. XX в., необходимо отметить, что процесс нормативной регламентации данных отношений в своем развитии прошел несколько этапов.

---

⁴³⁴ ст. 1 – 3 Протокола относительно передачи японских нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы, 1 января – 31 декабря 1944 г. Т. 2. М., 1946. С. 97.

⁴³⁵ Черевко К. Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003. С. 341.

⁴³⁶ ГАРФ Ф. Р5446. Оп. 1. Д. 141а. Л. 307.

Этап 1. Подготовительный (15 марта 1921 г. – 1924 г.). Начало указанного этапа в регулировании концессионных отношений в РСФСР связано с изданием резолюции № 5 X съезда РКП(б), давшей старт проведению концессионной политики с привлечением иностранного инвестиционного капитала в советскую экономику⁴³⁷. Указанный период характеризуется наличием «концессионного ажиотажа» со стороны потенциальных иностранных инвесторов, который был связан, в первую очередь, с имущественными претензиями, которые предъявлялись ведущими западными державами к Советской России и Германии по итогам I Мировой войны, а также в связи с проведенной в РСФСР в 1918 г. национализацией частных промышленных активов, в т. ч. и иностранных.

В период становления концессионного дела в СССР высшее государственное руководство стремилось регулировать данные отношения, используя как традиционные методы, выработанные концессионной практикой Российской империи и Временного правительства, так и подходы, являвшиеся, по сути, новацией в государственном регулировании концессионных отношений.

К традиционным методам регулирования данных отношений, преобладающим в использовании которых прослеживается в политике Совета народных комиссаров, следует отнести: 1) практику предоставления концессий в сфере деятельности отраслей «естественных монополий», привлекательность которой для предпринимателя объясняется значительными денежными оборотами на счетах концессионного предприятия за счет осуществления широкой операционной деятельности, а для государства – социальной направленностью концессии; 2) запрет на предоставление аналогичных концессий с целью исключения конкуренции, могущей привести к нерентабельности предприятия; 3) условие о прогрессирующем минимуме добычи в случае предоставления концессии в горнодобывающей отрасли; 4) условие о предоставлении концессий исключительно высшими органами государственной власти.

---

⁴³⁷ См.: Протоколы X съезда РКП (б) 8-16 марта 1921 г. М., 1933. С. 567–568.

Новациями, примененными руководством РСФСР в рамках организации концессионного дела, стали условия: 1) об использовании концессионером наиболее современных методов и технологий при производстве продукции; 2) об организации концессионером имущественного и продовольственного снабжения концессионного предприятия и занятого на нем персонала; 3) об улучшении условий занятости работников концессионного предприятия среднемирового минимума и т. д.; 4) о предоставлении концессий на достаточно короткий период на действующие предприятия. Необходимо отметить, что применение вышеописанных правовых инструментов в рамках концессионных отношений в Российской империи было нецелесообразно в силу развитости рыночной конкуренции и наличия устойчивых рынков сбыта выпускаемой концессионными предприятиями продукции.

Этап 2. Концессионный (1925 г. – 26 декабря 1930 г.). Как реакция на международное признание СССР, Главконцесскомом разрабатываются и принимаются различные положения, регламентирующие деятельность концессионных комиссий при торговых представительствах Наркомата внешней торговли в странах, с которыми у СССР заключены торгово-экономические соглашения. Так, 17 марта 1925 г. Совет Народных Комиссаров утвердил Положение о концессионной комиссии при торгпредстве СССР во Франции, которое стало базовым для ряда других аналогичных положений о концессионных комиссиях в тех странах, с которыми СССР устанавливал дипломатические отношения.

Вместе с тем, параллельно происходит внутривластьная дискуссия о пределах использований национального «нэпманского» инвестиционного капитала в рамках общей дискуссии о пределах НЭПа. В связи со смертью в начале 1924 г. В.И. Ленина, одного из наиболее активных сторонников развития концессионных отношений на территории СССР, а также крайне незначительным числом действующих в указанный период концессий, государством разрабатывается и принимается ряд нормативных актов, направленных на исключение национального частного инвестиционного капитала из участия в концессионной деятельности в СССР. Одновременно с переходом СССР к плановой экономической поли-

тике создается ряд правовых условий для включения концессионных предприятий в единый хозяйственный план развития страны, что противоречило базовым принципам концессионной деятельности с точки зрения монопольного положения концессионера в соответствующей отрасли хозяйственной деятельности.

Этап 3. Инерционный (27 декабря 1930 г. – 5 января 1968 г.). Новые экономические условия, в которых оказался СССР на рубеже 20-30-х гг. вернули в повестку дня вопрос о разработке единого концессионного закона уже с учетом новых экономических реалий. Постановлением СНК СССР от 27 декабря 1930 г. № 807 «Об организации концессионного дела» было осуществлено реформирование системы органов государственной власти в части нового разграничения полномочий по концессионным вопросам. В соответствии с указанным актом реальные полномочия по ведению переговоров, разработке, подписанию с разрешения СНК СССР концессионных договоров, а также полномочия по наблюдению за их исполнением были переданы хозяйственным комиссариатам СССР, в то время как Главный концессионный комитет при СНК СССР был низведен до уровня представительного органа с функциями рассмотрения проектов документов по концессионным вопросам, вносимым хозяйственными комиссариатами Союза в СНК СССР, ведения разъяснительной работы с иностранцами за границей по вопросам, касающимся концессионной деятельности в Советском государстве.

Одним из наиболее важных факторов ослабления интереса иностранных инвесторов к производству капитальных вложений в экономику СССР стали серьезные финансовые потери бизнеса, вызванные началом затяжного глобального кризиса, т. н. Великой депрессии. Учитывая, что значительное число концессионных предложений, а также уже осуществляющих свою деятельность концессионных предприятий по национальной принадлежности относились к Германии, Великобритании и США, то последствия Великой депрессии не могли не сказаться на реализации указанных проектов в СССР.

Общая тенденция к постепенному свертыванию концессионной деятельности иностранных инвесторов в СССР привела также

к постепенному размыванию правовых и организационных основ концессионных отношений. Так, постановлением СНК СССР от 14 декабря 1937 г. Главный концессионный комитет ликвидировался, а контроль за оставшимися концессиями возлагался на Наркомат Внешней Торговли, для чего в структуре наркомата был создан соответствующий отдел⁴³⁸.

Окончательно вопрос об урегулировании взаимных претензий относительно одной из последних концессий, выданных акционерному обществу «Лена-Голдфилдс» был закрыт 5 января 1968 г. путем подписания соответствующего соглашения между правительствами СССР и Великобритании, в соответствии с требованиями которого английское правительство брало на себя обязательство урегулирования претензий по концессии общества «Лена-Голдфилдс» за счет средств бывших центральных банков, физических и юридических лиц Латвии, Литвы и Эстонии, а также средств физических и юридических лиц западных областей Украинской, Молдавской и Белорусской ССР и РСФСР, от претензий на возвращение которых, в свою очередь, отказывалось правительство СССР.

В целом, советский этап развития концессионных отношений содержал в себе как традиции, так и новации в их государственно-правовом регулировании. Преимущество такого регулирования была обусловлена характерными чертами эволюции концессии как особой юридической конструкции в отечественной правовой практике, в то время как новаторские подходы советского права диктовались общей тяжелой социально-экономической обстановкой РСФСР и СССР в начале 20-х гг. XX в.

Список литературы

1. Бутковский В. П. Иностранные концессии в народном хозяйстве С.С.С.Р. // Государственное издательство. 1928.
2. Винклер Г. А. Веймар, 1918-1933: история первой немецкой демократии / Генрих Август Винклер; [пер. с нем. Е. Земсковой, А. И. Савина под общ. ред. А. И. Савина]; Германский ист. ин-т в Москве. М., 2013.

---

⁴³⁸ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 141а. Л. 307.

3. Иоффе А. А. Итоги и перспективы концессионной политики и практики СССР // Плановое хозяйство. 1927. № 1.
4. Курьсь Н. В., Тищенко С. Г. Концессионное право Союза ССР : история, теория, факторы влияния. Спб., 2011.
5. Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. М., 1947.
6. Черевко К. Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003.
7. Kissinger, Henry. Diplomacy. New York, 1994.

Ладнушкина Нина Михайловна

История развития государственного контроля в сфере образования: советский опыт

Государственный контроль в сфере образования во многом определяется государственной образовательной политикой конкретного исторического периода и страны⁴³⁹. Государственная политика в области просвещения и образования в советский период была неоднозначной и определялась решениями партии, что, соответственно, нашло отражение в процессе формирования и становления государственного контроля и надзора в сфере образования.

Отказавшись в 1917 году от всего старого и дореволюционного, в том числе и от инспектирования как формы государственного контроля, в 1921 году Наркомпрос возвращается к вопросу контроля и надзора в сфере образования и начинает формировать советскую инспекцию. Создавалась она для усиления контроля за выполнением декретов и распоряжений вышестоящих инстанций, партии и молодого правительства в области народного просвещения и образования.

Процесс формирования советской инспекции был долгим, сложным и завершился к концу 1923 года. Наркомпрос неоднократно указывал на значимость процесса создания инспекций на

---

⁴³⁹ См.: Алимов Г. Т., Ладнушкина Н. М., Пашенцев Д. А., Феклин С. И. Контроль и надзор в сфере образования. М., 2020.

местах и решению вопроса по кадрам. Вопрос о кадрах стоял остро, поэтому в циркулярных письмах отмечалось, что некоторые губернские отделы образования относятся к кадрам недостаточно внимательно, назначив на работу в инспекцию «людей с недостаточной общеобразовательной подготовкой, с небольшим стажем просвещенской работы и с очень неопределенной политической линией»⁴⁴⁰.

Положением об инспекции народного просвещения, принятым 20 ноября 1923 года⁴⁴¹, была определена структура, цели и задачи инспекции, также были определены обязанности инспекции: «наблюдение за правильностью административно-организационной работы органов и учреждений по народному просвещению; наблюдение за выполнением декретов, постановлений и распоряжений по народному просвещению, исходящих от ВЦИК и СНК, а также от Народного комиссариата просвещения и его местных органов; ревизия органов и учреждений по народному просвещению в случаях, требующих срочного ее производства; возбуждение в соответствующих инстанциях вопросов об отмене незаконных распоряжений местных органов и учреждений и о прекращении незаконных действий; обращение, в случаях необходимости, к соответствующим органам власти о привлечении к суду должностных лиц, уличенных в бесхозяйственном ведении дела и в других незаконных действиях; методическое инструктирование учреждений по народному просвещению и наблюдение за постановкой методической работы местных органов НКП»⁴⁴².

Принятие Положения об инспекции народного просвещения было первым шагом к формированию советского института государственного контроля и надзора. На данном этапе очень важно было отделить государственный контроль в форме инспектирова-

---

⁴⁴⁰ Циркулярное письмо № 4746 от 21 февраля 1923 года. Бюллетень официальных распоряжений и сообщений Народного комиссариата просвещения. 1923. № 13. С. 1-3.

⁴⁴¹ Положение об инспекции народного просвещения от 20 ноября 1923 года // Еженедельник Народного комиссариата просвещения. 1924. № 1 (22). С. 55–56.

⁴⁴² Положение об инспекции народного просвещения от 20 ноября 1923 года // Еженедельник Народного комиссариата просвещения. 1924. № 1 (22). С. 55–56.

ния дореволюционный от нового формата советского инспектирования в образовании⁴⁴³.

И.А. Перель отмечал, что «институт советской инспекции был учрежден после установления нэпа. В сложной обстановке переходного времени, в условиях мелкобуржуазного окружения Комиссариат Просвещения не мог роль проводника своей политики оставить в руках старого наробразовского инструктора, являвшегося прежде всего агентом связи между вышестоящими и нижестоящими органами народного просвещения. Нэп потребовал от нас создания аппарата, который мог бы не только передавать в низы директивы центра, но который мог бы проконтролировать исполнение этих директив, который мог бы советское просвещение оградить от мелкобуржуазной стихии. Здесь нужен был уже не только рупор, не только агент связи, — здесь нужен был глубоко проникнутый идеологией победившего пролетариата боец нарождавшегося тогда культурного фронта. И перед советской инспекцией в первый же день ее существования была поставлена задача — стать советским строителем, стать основным рычагом, приводящим в движение и регулирующим машину идеологического воздействия на широкие народные массы»⁴⁴⁴.

В декабре 1923 года прошла Первая Всероссийская конференция инспекторов народного образования, где определили отличие советского инспектора от инспектора дореволюционной России, выработали руководящие материалы по инспектированию, которые нашли отражение в Резолюции I Всероссийской Конференции инспекторов народного просвещения «По основным докладам НКП о задачах и методах инспекторской работы»⁴⁴⁵.

В целом конференция имела большое значение для становления советской инспекции как института управления системой

---

⁴⁴³ См.: Ладнушкина Н. М., Пашенцев Д. А., Феклин С. И. Актуальные проблемы образовательного права в контрольно-надзорной деятельности. М., 2021.

⁴⁴⁴ Перель И. А. Советская инспекция в системе строительства народного просвещения // Народное просвещение. 1925. № 3. С.66-69.

⁴⁴⁵ Резолюция I Всероссийской Конференции инспекторов народного просвещения «По основным докладам НКП о задачах и методах инспекторской работы» [декабрь 1924 года] // Еженедельник Народного комиссариата просвещения. 1924. № 1 (22) С. 15–16.

народного просвещения и реализации основных задач нового государства в сфере образования. Конференцией были приняты инструкции центральному инспектору народного просвещения, губернскому (областному) инспектору народного просвещения и уездному инспектору народного просвещения, где строго регламентировалась деятельность инспекторов, в том числе их права и обязанности.

На этапе формирования советской инспекции важно было и мнение учительства об инспекторе. Учительское мнение обобщила «Учительская газета», которая провела «смотр инспекций» в 1925 году. Целью смотра было выявление более «четкого и целостного лица» низового инспектора, основных его недостатков и достижений в его работе, определение путей, по которым должно начаться упорядочение контрольно-надзорной работы.

В ходе объявленного «смотра инспекций» в газету поступило более 150 корреспонденций, изучение которых показало разное отношение учительства к инспекторам, как положительное, так и негативное. Но все это указывало не на мелкие недостатки механизма инспектирования, а на необходимость серьезных организационных и финансовых мероприятий со стороны центра и со стороны местных руководящих органов советской власти по совершенствованию инспекционной деятельности⁴⁴⁶.

Отдельно необходимо отметить создание института общественной инспектуры, который был призван помочь штатным инспекторам осуществлять государственный контроль и надзор за деятельностью отделов образования и учреждений культуры и образования. Это явление было новым и на него возлагались большие надежды. В Положении об организации работы общественной инспектуры⁴⁴⁷ закреплено, что «в своей практической работе институт ставит перед собой следующие задачи: выявление обще-

---

⁴⁴⁶ Перель И. А. Учительство об инспекторе (Итоги смотра) // В помощь организатору народного просвещения / под ред. И.А. Переля и М. Эпштейна. М., 1926. С.104-111.

⁴⁴⁷ Положение об организации и работе общественной инспектуры сентябрь 1930 года // Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР. 1930. № 28. С. 15-16.

ственной инициативы, содействие скорейшему осуществлению основных задач, поставленных партией и соввластью в области культурного строительства, расширение применения самокритики как метода работы, повышение ответственности общественности за дело культурного строительства, выявление культактива и содействие выдвиганию его на работу в органы и учреждения народного образования, организация товарищеской самопомощи»⁴⁴⁸.

Роль инспектора постоянно возрастала в деле продвижения культуры в народные массы. В письме Народного комиссариата просвещения РСФСР «Об организации инспекторской работы в районе» [сентябрь 1930 года] отмечалось, что «исходя из этой основной политической задачи, которой является борьба за культуру, должны строить свою практическую работу органы Наркомпроса и в частности важнейшее звено в системе управленческих органов по народному образованию — районная инспекция просвещения. Ликвидация округов, перенесение центра тяжести управления в район, новые формы и методы управления и руководства, расширение прав низовых советских органов — все это неизмеримо повышает значение района и районной инспектуры»⁴⁴⁹.

Значительным толчком в развитии инспекции и изменении её структуры сыграло постановление ЦК ВКП (б) «О всеобщем обязательном начальном обучении» (25 июня 1930 г.), в котором указывалось на необходимость ввести повсеместно начальный всеобщий для детей 8-11 лет, начиная с 1930/31 учебного года, и признать эту задачу как основную политическую на весь ближайший период. Решение поставленной политической задачи возлагалось на управление образованием и инспекции народного образования. Для этого было принято решение о создании территориальной

---

⁴⁴⁸ Положение об организации и работе общественной инспектуры сентябрь 1930 года // Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР. 1930. №28. С. 15-16.

⁴⁴⁹ Письмо Народного комиссариата просвещения РСФСР «Об организации инспекторской работы в районе», сентябрь 1930 года // Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР. 1930. № 2. С. 33-38.

школьной инспекции при начальнике Управления начальной и средней школой, деятельность которой регулировалась Положением о школьной территориальной инспекции Управления начальной и средней школы Наркомпроса, принятым в 1934 году.

Там, где необходимо было решать важную государственную задачу в области образования, там обязательно привлекали инспекцию и, при необходимости, вводили дополнительные должности инспекторов. В конце 1936 года заместителем Народного комиссара просвещения Н.К. Крупской было утверждено Положение о районном инспекторе по колхозным клубам, избам-читальням и колхозным красным уголкам⁴⁵⁰, введение в действие которого было связано с необходимостью обеспечить проведение работы по борьбе с безграмотностью среди взрослого населения на селе.

Совершенствование института инспектирования проводилось достаточно часто, на протяжении всего срока его существования, которое выражалось в совершенствовании структуры Главной инспекции при наркомпроме, создании различных дополнительных структур и должностей. Так, приказом Народного комиссара просвещения РСФСР от 7 января 1937 года № 70 «О Главной инспекции при Наркомпроме»⁴⁵¹ были введены должности главных инспекторов, которые непосредственно подчинялись Наркомпрому просвещения и по своему положению приравнивались к начальникам управлений Наркомпроса.

С целью улучшения работы Главной инспекции и усиления контроля за работой наркомпросов АССР, краевых, областных и городских отделов образования был издан приказ Народного комиссара просвещения РСФСР от 14 марта 1939 г. № 54 «О работе Главной инспекции», которым главные инспектора были закреп-

---

⁴⁵⁰ Положение о районном инспекторе по колхозным клубам, избам-читальням и колхозным красным уголкам // Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. 1937. № 3 С. 13–14.

⁴⁵¹ Приказ народного комиссара просвещения РСФСР от 7 января 1937 года № 70 «О Главной инспекции при наркомпроме» // Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. 1937. №3. С. 5-6.

лены за определенными административно-территориальными участками.

Значимым шагом в деятельности института государственного инспектирования системы народного образования советской России было введение в 1939 году должности школьного инспектора Наркомпроса РСФСР и районного (городского) школьного инспектора. Цели и задачи деятельности, требования к организации работы инспекторов, а также права и обязанности были установлены Положениями⁴⁵².

В соответствии с Положением о районном (городском) школьном инспекторе инспектор призван осуществлять государственный контроль за работой школ, оказывать практическую помощь заведующим, директорам и учителям школ в их повседневной работе, организовывать изучение и обобщение опыта работы лучших школ и учителей района.

Особо следует обратить внимание на то, что Положениями закреплено, что школьный инспектор осуществляет государственный контроль (такая формулировка впервые появляется в нормативных правовых актах, регулирующих правовой статус инспектора), что подчеркивает значимость инспектуры в вопросах государственного управления.

В целом к началу сороковых годов следует говорить о становлении института государственного контроля и надзора в сфере советского образования. Выстроена структура института инспектирования, которая включала в себя Главную инспекцию при наркомпроме, школьную территориальную инспекцию, районных инспекторов в составе районных отделов образования, имеющих специализацию; утверждены положения и инструкции, регламентирующие деятельность инспекций и инспекторов, определены роли и закреплены санкции.

Вместе с тем ещё очень много предстояло сделать, так как на местах вновь остро стоял вопрос с кадрами, что снижало качество работы инспекции в целом. О необходимости повышения качества

---

⁴⁵² Положение о районном (городском) школьном инспекторе, 25 ноября 1939 года // Сборник приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. 1939. №21–22. С. 21–23.

инспектирования говорилось в приказе Народного Комиссара Просвещения РСФСР № 1235 от 4 сентября 1939 г. «Об улучшении контроля за работой школ и учителей и о борьбе с фактами очковтирательства в оценке знаний учащихся»⁴⁵³.

Великая Отечественная война все изменила и поставила советское учительство в тяжелое положение, обострив и значительно усугубив проблемы, стоящие перед ним в довоенный период.

Война выдвинула ряд требований, изменивших учебно-воспитательную работу, которая отличалась практической направленностью и ориентацией на особенности военного времени. Это нашло отражение в нормативных документах Наркомпроса, ориентирующих образовательные учреждения на решение двух главных задач - обучение и подготовку обучающихся к работе в народном хозяйстве. В приказе Наркома просвещения РСФСР В. П. Потемкина «О сокращении учебных программ школ ввиду отвлечения учащихся на сельскохозяйственные работы»⁴⁵⁴ от 26 декабря 1941 года указывалось на необходимость обеспечения полноценного и качественного образовательного и воспитательного процесса, а с другой стороны, на законность той практики, которая уже фактически сложилась.

В годы войны был усилен контроль за выполнением требований по всеобучу: руководители народным образованием на местах и школьные инспектора обязаны были следить за посещением школы, бороться с отсевом учащихся из школ, а работники домоуправления обязаны подавать в 3-дневный срок сведения о прибывших на жительство детей школьного возраста.

На протяжении 1941-1942 гг. краевые и областные партийные организации РСФСР стремились провести анализ ситуации в системе образования и воспитания по вопросу её приспособления к условиям войны. Бюро ВКП (б) краев и областей РСФСР отмечали, что в учебно-воспитательной работе школ имеются многочис-

---

⁴⁵³ Сборник документов о школе / Молотовский Областной отдел народного образования, Институт усовершенствования учителей. Молотов, 1944. 151 с.

⁴⁵⁴ Потемкин В. П. Статьи и речи по вопросам народного образования / В. П. Потемкин; под ред. И. А. Каирова, А. Г. Калашникова, Н. А. Константинова. М.-Л., 1947 (М.: ф-ка дет. книги Детгиза). 303 с.

ленные недостатки, в частности, районные отделы народного образования не обеспечивали надлежащего контроля за работой школ в условиях военного времени.

А. В. Овчинников в своей работе о роли государства и учительской общественности в обучении и воспитании школьников в годы Великой Отечественной войны, подготовленной на основе архивных документов и материалов периодической печати периода Великой Отечественной войны, писал: «Сосредоточив внимание на выполнении решения СНК СССР от 30 июня 1942 г., в котором были намечены основные мероприятия по дальнейшему развитию всеобуча, учителя стали уделять больше внимания системности, переходя от разовых мероприятий к совместной плановой работе с органами народного образования. В частности, опытные педагоги постоянно следили за уровнем проведения уроков молодых учителей, не без основания считая, что недостаточно интересно подготовленный урок может быть причиной потери интереса учащихся к программному материалу и их дальнейшего ухода из школы»⁴⁵⁵.

Стремясь исправить сложившуюся ситуацию, были изданы Распоряжение СНК СССР от 30 июля 1942 г. «О вовлечении в школы всех детей школьного возраста и использовании школьных зданий по назначению», Постановление СНК СССР от 8 сентября 1942 г. «О приеме детей семилетнего возраста в школы» и др. Принятые документы предписывали Совнаркомам союзных республик принять необходимые меры по недопущению отсева учащихся, для вовлечения в школы всех детей школьного возраста; по выделению дополнительных зданий и оборудования их необходимым для проведения занятий и т. д.

На инспекторов была возложена обязанность при выездах на места проверять соблюдение порядка передачи школьных зданий другим ведомствам и организациям и «докладывать обо всех случаях нарушения установленного порядка в Управление начальных

---

⁴⁵⁵ Овчинников А. В. Московское учительство в годы Великой Отечественной войны. М., 2010. 87 с.

и средних школ Наркомпроса РСФСР для привлечения виновных лиц к ответственности»⁴⁵⁶.

В годы войны были приняты важные документы (приказы, инструкции, Положения), определившие не только стратегию и тактику организации обучения в военное время, но и установившие формы и методы работы школ и школьных инспекций на многие годы вперед. Так, в приказе Народного Комиссара Просвещения РСФСР № 162 от 16 сентября 1943 г. «Об улучшении контроля за работой школ и учителей и постановкой учета знаний учащихся» уделено значительное внимание организации деятельности школьных инспекций по организации контроля за работой школы и учителя путем систематического изучения практики работы учителя и качества знаний учащихся по каждому классу и предмету. Данным приказом школьных инспекторов обязали «обеспечить тщательное наблюдение за применением учителями установленных норм оценки успеваемости по предметам, за правильным выводением ими четвертных отметок и равномерным опросом учащихся на протяжении четверти, не допуская необоснованной характеристики знаний учащихся по случайно полученным отметкам; установить контроль за ведением учителями классных журналов» и закрепили ответственность за представление в отделы народного образования непроверенных данных об успеваемости учащихся⁴⁵⁷.

В послевоенные годы система образования начала меняться, что требовало и изменение правового статуса инспекторов. Постановлением Совет Народных Комиссаров СССР № 923 от 29 апреля 1945 года «Об инспекторах школ» увеличивался количественно инспекторский аппарат, а также было установлено требование к уровню образования и стажу работы для кандидатов на должность инспектора.

---

⁴⁵⁶ Приказ НКП РСФСР от 27.11.1942 «Об освобождении школьных зданий»/ Народное образование в СССР: Общеобразоват. школа: Сборник документов 1917–1973 гг. М., 1974. 559 с.

⁴⁵⁷ Семенов, В. П. В помощь школьному инспектору и директору школы: Сборник постановл., распоряжений и других руководящих материалов о школе / Московский горно / В. П. Семенов, Л. В. Цывин. М., 1940. 475 с.

На основании данного постановления СНК РСФСР утвердил 18 октября 1945 года «Положение об инспекторе школ», а 7 декабря 1946 года Министерство просвещения РСФСР утвердило «Инструкцию о работе инспектора школ областного (краевого) отдела народного образования» и «Инструкцию о работе районного (городского) инспектора школ». Принятые документы определили на данном этапе основную задачу школьного инспектора – осуществлять государственный контроль за качеством обучения, а именно контроль за качеством работы учителя, за качеством знаний учащихся.

В то же время долгое время не решался вопрос о правовом и материальном положении школьного инспектора, оставались неурегулированными вопросы о нагрузке инспектора, его заработной плате, отсутствовали какие-либо льготы. По этой причине аппараты районо в ряде областей в начале пятидесятых годов не были полностью укомплектованы кадрами с высшим педагогическим образованием. А. В. Грачев в своем исследовании отмечал, что «в 1954 году в Чкаловской области 74% инспекторов не имели высшего образования, в Омской области -72%, в Тульской -51%, в Тамбовской -45%»⁴⁵⁸. Все это накладывало свой отпечаток на качество работы инспекторского корпуса.

Вместе с тем в связи с активным продвижением идей политехнизации в школьном обучении перед инспекторами были поставлены новые задачи. Теперь их работа должна была способствовать созданию необходимых условий в школах для введения политехнического обучения, а так же теоретическому и практическому совершенствованию учительства в данных вопросах.

Министерство просвещения РСФСР, давая оценку работе инспекторов в этот период, отмечало, что среди инспекторов немало мастеров педагогического дела, квалифицированных специалистов, творчески выполняющих высокую обязанность «учить учителей» и накопивших положительный опыт проверки школ. Вместе с тем состояние школьного инспектирования не отвечает тре-

---

⁴⁵⁸ Грачев В. А. Становление и развитие инспектирования в системе образования советской России: 1917–1991 гг. Автореф. дис. канд. пед. наук. М., 2002. 20 с.

бованиям, предъявляемым жизнью. Для изменения ситуации необходимо провести тщательный анализ и определить новые задачи инспекторского корпуса. Эту задачу решило Всероссийское совещание инспекторов, созванное Министерством просвещения РСФСР в январе 1954 года.

На совещании обсудили вопрос об улучшении государственного контроля за работой школ и органов народного образования, обменялись опытом инспектирования и определили перспективу организации, содержания и методов государственного контроля и надзора в области образования, уделив особое внимание повышению роли школьного инспектора в деле повышения качества образования. Для этого, по мнению участников совещания, «необходимо покончить с канцелярско-бюрократическими методами работы, с бумаготворчеством, писаниной, перестроить сверху донизу систему работы, сосредоточиться на живом, конкретном деле, глубже изучать живую практику, знать состояние учебно-воспитательной работы не по сводкам и протоколам, а по наблюдениям жизни школ. Повышению авторитета инспектора способствует повышение материального состояния и постоянное повышение его квалификации»⁴⁵⁹.

В период серьёзных преобразований школьного образования конца 50-х - начала 60-х годов вновь большие надежды возлагают на органы государственного контроля в сфере образования - на школьные инспекции. Руководством страны подчеркивалось, что «современный этап развития общеобразовательной школы настоятельно требует повышения научного уровня руководства школами, укрепления инспекторского состава органов народного образования, в особенности районных отделов»⁴⁶⁰. В связи с чем, было поручено «Министерству просвещения СССР, Министерству финансов СССР и Государственному комитету Совета Министров

---

⁴⁵⁹ Каиров И. А. Об основных задачах инспекторов школ // Учительская газета. 1954 -2 марта.

⁴⁶⁰ Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1966 года № 874 «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» // История государственного контроля (надзора) в сфере образования в России: хрестоматия / под общ. ред. А. В. Звонарева, Н. М. Ладнушкиной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2017. 952 с.

СССР по вопросам труда и заработной платы в шестимесячный срок разработать и представить в Совет Министров СССР предложения о численном составе и условиях оплаты инспекторов в органах народного образования в зависимости от количества подлежащих инспектированию учебных заведений и учителей, а также географических особенностей районов»⁴⁶¹.

Также «местным партийным органам было поручено оказывать помощь отделам народного образования в выдвижении на инспекторскую работу авторитетных руководителей школ, учителей, специалистов, хорошо знающих школьное дело, умеющих распространять положительный опыт работы»⁴⁶².

Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1966 года № 874 имело большое значение в процессе совершенствования советской школьной инспекции. В то же время не все решения были приняты своевременно.

Значение инспекторов в деле управления школой было отмечено министром просвещения СССР М. А. Прокофьевым в докладе «О состоянии и мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» на Всероссийском съезде учителей, который состоялся 2-4 июля 1968 г.⁴⁶³ Вместе с тем М. А. Прокофьев акцентировал внимание на необходимости организовать подготовку и переподготовку руководителей школ, инспекторов с отрывом от производства.

Совершенствованию деятельности института школьного инспектирования способствовало принятие и введение в действие квалификационных характеристик должностей руководящих и педагогических работников учреждений просвещения приказом Министерства просвещения СССР от 20 февраля 1978 года № 24. Квалификационные характеристики приняты были во исполнение

---

⁴⁶¹ Постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 10 ноября 1966 года № 874 «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» // История государственного контроля (надзора) в сфере образования в России: хрестоматия/ под общ. ред. А. В. Звонарева, Н. М. Ладнушкиной 2.-е изд., испр. и доп. М., 2017. 952 с.

⁴⁶² Там же.

⁴⁶³ Материалы Всесоюзного съезда учителей. 2-4 июля 1968 г. М., 1968. 64 с.

Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 24 декабря 1976 г. № 1057 «О повышении минимальной заработной платы рабочих и служащих с одновременным увеличением ставок и окладов среднеоплачиваемых категорий работников, занятых в непроизводственных отраслях народного хозяйства» по согласованию с Госкомтрудом СССР и ЦК профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. Данным приказом были утверждены квалификационные характеристики инспектора школ (по учебной, по учебно-воспитательной работе), инспектора-методиста, инспектора внеклассной и внешкольной воспитательной работы, инспектора по дошкольному воспитанию, инспектора школ по начальной военной подготовке, инспектора по охране детства районного (городского) отдела народного образования.

Перестройка в стране привела к серьезной структурной и содержательной перестройке всей системы образования, хотя система образования достаточно долго работала по устоявшимся правилам. Педагогическая общественность в этот период уделяла внимание демократизации образовательного процесса и ослаблению авторитаризма в управлении системой образования. Процесс демократизации управления образованием и самоопределения образовательных учреждений актуализировал вопросы осуществления контроля за деятельностью учреждений, целей и форм инспектирования.

Объявленный в 1988-1990 годы «Парад суверенитетов», который появился в связи с объявлением союзными республиками приоритета их законодательства над общесоюзным, отразился и на работе органов государственного контроля, в том числе и в системе образования. В каждой союзной республике стала формироваться своя система контроля в области образования. Так внесены коррективы в систему инспектирования деятельности школ, органов народного образования, учреждений просвещения Российской Федерации в соответствии с установками Всероссийского съезда

учителей, состоявшегося в Москве 2-3 июня 1987 года⁴⁶⁴. В связи с поступающими запросами с мест Министерство просвещения РСФСР разъяснило, что инспекторский состав Министерства просвещения РСФСР будет осуществлять проверки обл(край)оно и министерств просвещения автономных республик по всем вопросам их деятельности. Инспектора министерств просвещения автономных республик, обл(край)оно будут осуществлять инспекторские проверки деятельности районных и городских отделов народного образования, а инспектора рай(гор)оно будут проверять работу руководителей школ и учреждений просвещения. В то же время определено, что «инспектирование преподавания школьных предметов, выявление уровня знаний и воспитанности учащихся должны осуществляться руководителями школ. Работа эта призвана способствовать созданию условий для подлинного творчества учителя, повышению его мастерства и развитию таланта, освоению им передового и новаторского опыта, освобождать учителя от регламентации его преподавательской деятельности, от написания ненужных справок, отчетов, планов»⁴⁶⁵.

Модернизация инспектирования как формы государственного контроля направлена на упорядочение системы его проведения, на то, чтобы каждое звено в управленческом аппарате четко выполняло свои обязанности. Эти меры, как рекомендовал Всероссийский съезд учителей, должны оградить учителя от некомпетентных проверок, навести порядок в проверке школ, других учреждений просвещения, органов народного образования. Такая система инспектирования и контроля не означала, что инспектора устраняются от посещений учреждений образования, эта функция за ними остается, но цель посещений должна быть направлена на выявление уровня деятельности соответствующих руководителей

---

⁴⁶⁴ Всероссийский съезд учителей, 13-14 апреля 1978 г., Москва: Стеногр. отчет. М., 1979. 320 с.

⁴⁶⁵ Методическое письмо от 15 октября 1987 года №8-786 /25 «О совершенствовании системы инспектирования и контроля» // Сборник приказов и инструкций Министерства просвещения РСФСР. 1987. №32 ноябрь.

школ, органов народного образования по осуществлению положений реформы.

Таким образом, распад Советского Союза в 1991 году способствовал тому, что советский этап осуществления государственного контроля в сфере образования завершился и начался этап постсоветского реформирования государственного контроля и надзора в сфере образования.

Список литературы

1. Алимов Г. Т., Ладнушкина Н. М., Пашенцев Д. А., Феклин С. И. Контроль и надзор в сфере образования. М., 2020.
2. Грачев В. А. Становление и развитие инспектирования в системе образования советской России: 1917–1991 гг. Автореф. дис. канд. пед. Наук. М., 2002.
3. Дудкина М. П. Изменения в школьном образовании в 1941-1945 годах // Идеи и идеалы. 2013. №1.
4. Каиров И. А. Об основных задачах инспекторов школ // Учительская газета. 1954 - 2 марта.
5. Ладнушкина Н. М., Пашенцев Д. А., Феклин С. И. Актуальные проблемы образовательного права в контрольно-надзорной деятельности. М., 2021.
6. Овчинников А. В. Московское учительство в годы Великой Отечественной войны: монография / А. В. Овчинников. М., 2010.
7. Перель И. А. Советская инспекция в системе строительства народного просвещения /И. А. Перель // Народное просвещение. 1925. № 3.
8. Перель И. А. Учительство об инспекторе (Итоги смотра) // В помощь организатору народного просвещения / под ред. И. А. Переля и М. Эпштейна. М., 1926.
9. Потемкин В. П. Статьи и речи по вопросам народного образования / под ред. И. А. Каирова, А. Г. Калашникова, Н. А. Константинова. М.-Л., 1947.
10. Семенов В. П. В помощь школьному инспектору и директору школы: Сборник постановл., распоряжений и других руководящих материалов о школе / Московский гороно / В. П. Семенов, Л. В. Цывин. М., 1940.

Динамика гражданско-правового режима земельных участков в советский и современный периоды

На современном этапе гражданско-правовой режим земельных участков складывается из характеристик земельного участка как объекта недвижимого имущества, в которые включаются сведения о кадастровом номере земельного участка; координатах поворотных точек границ земельного участка, содержащихся в ЕГРН; установленная площадь землепользования, отражённая в ЕГРН; фактическая площадь землепользования на местности; наличие акта согласования границ со смежными землепользователями, который является приложением к межевому плану; целевое назначение земельного участка; вид разрешённого использования; правила землепользования и застройки в конкретном сельском поселении или городском округе в части размещения объектов капитального строительства или иных некапитальных объектов, а также насаждения какой-либо растительности; документы территориального планирования на территории муниципального образования.

История земельного права начинается со времён становления государственности, поскольку земельные отношения являются основой не только экономической деятельности, но и политической организации публичной власти на конкретной территории, в силу чего охраняются мерами юридической ответственности⁴⁶⁶.

В советский период истории российской государственности с принятием 26 октября 1917 Декрета «О земле» земельные участки, объекты недвижимости на них, а также движимое имущество были национализированы без выплаты какой-либо компенсации. Земельные участки вместе с объектами недвижимости и движимым имуществом, принадлежащим крестьянам, национализации не подлежали. Во исполнение указанного декрета издавались допол-

---

⁴⁶⁶ Пашенцев Д.А., Романова Г.В. Юридическая ответственность за нарушение земельного законодательства // Образование и право. 2017. № 9. С. 100-101.

нительные нормативно-правовые акты ВЦИК и СНК, которые полностью вывели земельные участки как объекты недвижимого имущества из гражданского оборота, что в последующем послужило становлению монополии государственной собственности на земельный фонд России.

В 1922 году был издан Земельный кодекс РСФСР (далее – ЗК РСФСР от 1922 года). Согласно ст. 2 указанного документа подтверждались положения ранее изданных нормативно-правовых актов о нахождении земельного фонда страны в собственности государства. Согласно ст. 4, 9 ЗК РСФСР от 1922 года право пользования земельными участками имели все граждане РСФСР, которые намерены обрабатывать землю своим трудом, а также объединения трудящихся, городские поселения, государственные учреждения и предприятия. Несмотря на декларирование социалистической идеологии, ЗК РСФСР от 1922 года предусматривал право землепользователя сдавать свой земельный участок на праве трудовой аренды с определенными ограничениями, а также использовать наемный труд. В третьей части указанного Кодекса регулировались правила землеустройства, а также правила регистрации товарищеских землепользований. В разделе шестом части третьей указанного Кодекса отражены виды трудового землепользования: общинное, то есть земля между дворами распределялась на равных началах; участковое, то есть у двора остаётся прежний земельный участок, включая чересполосицу, отрубы и хутора; товарищеский, то есть члены трудового коллектива (артель, товарищество по общественной обработке земли, сельскохозяйственная коммуна) совместно обрабатывают землю. В разделе 2 части 3 данного Кодекса изложены правила земельной регистрации. Согласно ст. 194 ЗК РСФСР 1922 года, в сведения о земельном участке как об объекте недвижимости включены следующие данные: о местоположении и названии земельного участка, о его площади, о наличии на участке каких-либо построек; в сведения о наличии прав на земельный участок включены следующие данные: основания предоставления земельного участка, наименования землепользователей. ЗК РСФСР, принятый в 1922 году, действовал до 1970 года.

После окончания Гражданской войны 29 декабря 1924 года было образовано Союзное государство – СССР, в связи с чем в союзных республиках были приняты аналогичные Земельные кодексы, а на союзном уровне в 1928 году было издано Постановление ЦИК СССР «Об утверждении общих начал землепользования и землеустройства». Указанный документ унифицировал регулирование земельных отношений на территории Союза ССР, но содержал аналогичные положения из ЗК РСФСР, принятого в 1922 году.

Указанным документом устанавливалась государственная собственность на земельный фонд Союза ССР, на земельный фонд союзных республик, ввиду чего были запрещены любые сделки, связанные с отчуждением и передачей земельных участков. В качестве исключения продолжало существовать право трудовой аренды земельного участка. На уровне Союза ССР были утверждены коллективные формы землепользования. После окончания периода новой экономической политики государство начало реализовывать программу массовой коллективизации аграрного сектора экономики в целях быстрого получения ресурсов для проведения индустриализации⁴⁶⁷. С 1931 года в государстве начинаются масштабные работы во исполнение указанных актов.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 3 сентября 1932 года «О создании устойчивого землепользования колхозов» обязывало прекратить любые переделы земли после фактического закрепления земельных участков за каждым колхозом, а также передачу земельных участков от одного колхоза другому. В Постановлении ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 мая 1939 года «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» были отражены меры против раздела общественных земель в пользу отдельных личностей, в частности запрещались мнимые разделы земель-

---

⁴⁶⁷ Образование в стране новых аграрных производств связано с принятием Постановления ЦИК и СНК СССР от 01 августа 1928 года «Об организации крупных зерновых хозяйств». С целью модернизации старых аграрных фабрик в крупные сельскохозяйственные предприятия было издано Постановление СНК СССР от 25 апреля 1929 года «Об укреплении старых советских хозяйств».

ных участков, незаконное занятие площади общественных земель для увеличения площади своего участка.

В целях увеличения объёма продовольствия во время Великой Отечественной войны был расширен перечень возможных землепользователей, в частности рабочим или служащим лицам и их семьям, которые были эвакуированы со своего места жительства в связи с прохождением линии фронта, предоставлялись дополнительные земельные участки площадью до 0,15 га (основание: Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 7 апреля 1942 года «О выделении земель для подсобных хозяйств под огороды рабочих и служащих»).

По окончании Второй Мировой войны в 1945 году нашему Отечеству был нанесён серьёзный демографический и экономический ущерб, ввиду чего в послевоенное время государство занималось восстановлением экономики. В период с 1960-1984 гг. государство различными методами стимулировало развитие сельскохозяйственного сектора экономики, в частности существующие совхозы стали укрупняться, совершенствовалось техническое состояние агропромышленной техники, увеличивался размер посевных площадей. Несмотря на реализацию данных мер, они не позволяли получить желаемый для государства результат.

В 1970 году был принят новый Земельный кодекс РСФСР (далее ЗК РСФСР 1970 года). Данный нормативно-правовой акт существенно не изменял основы социалистического государственного строя, но тем не менее вводил разделение государственного земельного фонда на категории в зависимости от целевого назначения земли. В соответствии со ст. 4 ЗК РСФСР 1970 г., земли РСФСР подразделяются на следующие категории: земли сельскохозяйственного назначения; земли населенных пунктов; земли промышленности, транспорта, курортов, заповедников и иного несельскохозяйственного назначения; земли государственного лесного фонда; земли государственного водного фонда; земли запаса. Указанным Кодексом регулировался порядок перевода земель из одного целевого назначения в другое (ст. 5).

В 1985 году начался период перестройки, ввиду чего в экономику страны начали внедряться рыночные методы регулирования.

В 1990 году были приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик «О земле». Согласно данному документу, появился новый вид ограниченного вещного права - право пожизненного наследуемого владения. В том же году был принят ряд законов, определивших на десятилетие судьбу регулирования земельно-правовых отношений⁴⁶⁸.

В соответствии с Законом РСФСР «О земельной реформе» земельные участки могут передаваться в собственность граждан для ведения личного подсобного хозяйства, создания крестьянско-фермерского хозяйства, а также для иных сельскохозяйственных целей (ст. 4). Согласно ст. 5 указанного документа колхозам, совхозам и иным сельскохозяйственным организациям была предоставлена возможность предоставления земельных участков в общую (совместную или долевую) собственность. Таким образом, данным законодательным актом была отменена монополия государственной собственности на землю. Указанные правовые акты послужили фундаментом для последующих реформ в области земельного права.

В Земельном кодексе РСФСР, принятом 25 апреля 1991 года (далее – ЗК РСФСР 1991 г.), в РСФСР подтверждалось многообразие и равенство государственной, колхозно-кооперативной, частной, коллективно-долевой форм собственности, поддерживается развитие всех форм хозяйствования: колхозов, совхозов, крестьянских хозяйств, их кооперативов и ассоциаций (ст.3). Собственниками земли выступают: государство в лице РСФСР и республик, входящих в ее состав, граждане, колхозы, коллективы других кооперативных сельскохозяйственных предприятий и акционерных обществ, в том числе созданных на базе совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий. Кроме того, земельный фонд РСФСР был дополнен землями нового целевого назначения, а именно землями природоохранного, природно-заповедного, оздоровительного, рекреационного и историко-культурного назначения. Несмотря на проведение корен-

---

⁴⁶⁸ Законы РСФСР: «О земельной реформе» от 23.11.1990 года № 374-1; «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 22.11.1990 года № 348-1; от «О собственности в РСФСР» 25.12.1990 года № 445-1.

ных реформ, 26 декабря 1991 года произошёл распад Советского союза, и образовалось Содружество независимых государств. После этого начался период проведения приватизации государственного и муниципального имущества⁴⁶⁹, который определил порядок продажи в форме инвестиционного конкурса.

Новый виток в сфере земельно-правовых отношений произошёл после принятия 12 декабря 1993 года Конституции РФ, в которой провозглашено, что земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности (ч. 2 ст. 9); граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю (ст. 36). Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляется их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц. С принятием указанного документа был положен фундамент нового правового регулирования. В связи с изменением ядра правовой системы, ЗК РСФСР от 1991 года перестал действовать в той части, которая противоречила положениям Конституции РФ. Помимо старых нормативно-правовых актов, которые сохраняли свою юридическую силу, земельно-правовые отношения регулировались Гражданским кодексом РФ (часть первая которого была принята 21 октября 1994 году, а часть вторая – 22 декабря 1995 года). Кроме того, с момента принятия новой Конституции в государстве начался «указной период», где непосредственно Президент РФ был источником регулирования земельно-правовых отношений, так как положения ЗК РСФСР от 1991 года входили в противоречие с правовыми нормами Конституции РФ.

С принятием 25 октября 2001 года нового Земельного кодекса Российской Федерации (далее - ЗК РФ) изменилась парадигма регулирования земельных отношений: последние регулируются нормами земельного законодательства, то есть непосредственно нормами ЗК РФ. В случае если ЗК РФ не содержит положений, ре-

---

⁴⁶⁹ Был издан Указ Президента РФ от 25.03.1992 года № 301 «О продаже земельных участков гражданам и юридическим лицам при приватизации государственных и муниципальных предприятий»

гулирующих конкретную сферу земельных отношений, то субсидиарно применяются нормы природоресурсного, экологического, лесного, водного и иного специального законодательства. Гражданское законодательство применяется к земельно-правовым отношениям также субсидиарно в части регулирования имущественных отношений, связанных с гражданским оборотом земельных участков и сделок с ними, если иное не предусмотрено ЗК РФ или иным специальным законодательством. Согласно положениям ст. 2 ЗК РФ земельное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, ввиду чего законодательные акты, акты органов исполнительной власти, которые содержат нормы земельного права, могут приниматься законодательными и исполнительными органами как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации.

Гражданско-правовой режим земельных участков стал пониматься не только исходя из определения его как объекта недвижимого имущества, но и как объекта природоресурсного и экологического права. Согласно ст. 7 ЗК РФ земельный фонд РФ подразделяется на целевые категории. Кроме целевого значения земельных участков ЗК РФ ввёл новое понятия для отечественного права, а именно вид разрешённого использования земельных участков. Согласно п. 2 ст. 7 ЗК РФ, правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий. «Целевое назначение земель (и, соответственно, требования к целевому использованию земель) определяется их принадлежностью к той или иной категории, а разрешённое использование – дополнительный элемент, из которого складывается правовой режим земельного участка»⁴⁷⁰. В соответствии с абз. 3 п. 2 ст. 7 ЗК РФ, конкретные виды разрешенного использования земельных участков определяются в соответствии со специальным классификатором в зависимости от целевого назначения земельного участка и конкретизируют категорию использования земли.

---

⁴⁷⁰ Минина Е. Л. Разрешённое использование земельных участков: вопросы установления и изменения // Журнал российского права 2012. № 1. С. 62.

Так, например, земли сельскохозяйственного назначения подразделяются на виды разрешённого использования в зависимости от критерия осуществления растениеводства или животноводства, а в рамках данных критериев от вида выращиваемых культур или домашнего скота. Для земель населенных пунктов виды разрешённого использования земельных участков варьируются от разновидностей жилой застройки (размещение объектов капитального строительства) до ведения личного подсобного хозяйства. В рамках конкретной территории определение видов разрешённого использования земельных участков происходит на основании результатов градостроительного зонирования. Данные общественные отношения являются предметом регулирования земельного и градостроительного законодательства. В соответствии со ст. 30 ГрК РФ, зонирование территорий муниципальных образований определяется на основании правил землепользования и застройки, которые включают в себя карту градостроительного зонирования, градостроительные регламенты, порядок применения, внесения изменений. По общему правилу, указанному в ст. 32 ГрК РФ, правила землепользования и застройки принимаются и утверждаются органом местного самоуправления, что в соответствии с пп. 20 п. 1 ст. 14 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» относится к вопросам местного значения. Немаловажное значение также имеет местоположение границ земельного участка. Исходя из требований ст. 85 ЗК РФ, п. 4 ст. 30 ГрК РФ, градостроительное зонирование должно осуществляться с учетом местоположения границ земельных участков, поставленных на государственный кадастровый учет независимо от даты их постановки, что является важным критерием при осуществлении планировки территории в рамках конкретного населенного пункта. «Территориальное планирование осуществляется комплексно и включает в себя установления направлений развития инженерной, социальной и экономической инфраструктуры. Это необходимо для того, чтобы максимально учесть интересы граждан, муници-

пальных образований, субъектов Российской Федерации, Российской Федерации»⁴⁷¹.

Органами местного самоуправления осуществляются управление и распоряжение земельными участками, находящимися в муниципальной собственности (ст. 11 ЗК РФ). Согласно п. 1 ст. 19 ЗК РФ, в муниципальной собственности находятся земельные участки, право муниципальной собственности на которые возникло при разграничении государственной собственности на землю. Правовые нормы, регулирующие правила разграничения государственной собственности на землю содержатся в Федеральном законе от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (далее Закон № 137-ФЗ). Так, согласно п. 3 ст. 3.1 Закона № 137-ФЗ, в целях разграничения государственной собственности на землю к собственности поселений, городских округов, муниципальных районов относятся: земельные участки, занятые объектами недвижимого имущества, принадлежащие на праве собственности муниципальному образованию или казанным учреждениям, а также иные земельные участки в соответствии с федеральными законами и законами субъектов РФ. При этом в соответствии с п. 1 ст. 3.3 Закона № 137-ФЗ распоряжение указанными земельными участками осуществляется после государственной регистрации права муниципальной собственности. Как указано в п. 2 ст. 3.3 Закона № 137-ФЗ, орган местного самоуправления имеет право распоряжения земельным фондом, право государственной собственности на который не разграничено в целях предоставления земельных участков иным участникам гражданского оборота по основаниям, предусмотренным ЗК РФ. Право органа местного самоуправления по распоряжению землями неразграниченной государственной собственности ограничено территориальными границами и разновидностью муниципального образования. Так, городской округ и городское поселение имеют право распоряжения указанным земельным фондом в пределах границ муниципального образования, а муниципальный район

---

⁴⁷¹ Галева Е. Р. Территориальное планирование и зонирование территорий // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. № 2 (2). С. 2.

имеет право распоряжения земельным фондом как на территории сельских поселений, входящих в его состав, так и на межселенных территориях. В связи с наличием указанных полномочий у органов местного самоуправления в случае возбуждения в суде гражданского дела, связанного с признанием права собственности на земельный участок, а также с иными земельными спорами, в обязательном порядке к участию в деле привлекается уполномоченный орган местного самоуправления, на территории муниципального образования которого находится земельный участок в связи с возможным нарушением прав муниципалитета в части распоряжения землями государственной неразграниченной собственности.

Таким образом, на современном этапе на реализацию собственником своих правомочий в отношении земельного участка влияют его характеристики как объекта недвижимости, в том числе сведения о координатах поворотных точек границ земельного участка, содержащихся в ЕГРН; межевой план, согласно которому границы земельного участка установлены определённым образом; целевое назначение земельного участка; вид разрешённого использования; правила землепользования и застройки в конкретном сельском поселении или городском округе в части размещения объектов капитального строительства или иных некапитальных объектов, а также насаждения какой-либо растительности; документы территориального планирования на территории муниципального образования в случае изъятия земельного участка для государственных и муниципальных нужд, а также в случае изменения территориальных зон.

Список литературы

1. Галеева Е. Р. Территориальное планирование и зонирование территорий // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. № 2-2.
2. Минина Е. Л. Разрешённое использование земельных участков: вопросы установления и изменения // Журнал российского права. 2012. № 1.
3. Пашенцев Д.А., Романова Г.В. Юридическая ответственность за нарушение земельного законодательства // Образование и право. 2017. № 9.

История развития лизинга в России

Развитие общества и глобальные изменения в правовой и экономической системе России, вызванные совокупностью различных взаимосвязанных факторов, предопределили необходимость формирования обновленной системы гражданского оборота, поиска новых направлений ее модернизации. И одно из ведущих мест в этом процессе занимает развитие лизинговых отношений.

В большинстве стран с развитой экономикой, история и становление лизинга продолжается на протяжении достаточно длительного периода времени, однако в России лизинг применяется не столь длительное время. В отечественной юридической и экономической литературе по-разному оцениваются обстоятельства способствующие появлению лизинга. Представляется возможным выделить четыре основных этапа развития отечественного лизинга, каждый из которых соотносится с определенными нормативными правовыми актами в лизинговом законодательстве.

Одним из первых фактов участия России в лизинговых отношениях является «эпизодическая» деятельность крупных внешне-торговых организаций бывшего СССР, начиная с 1980 года. Лизинг на тот момент рассматривался, прежде всего, как одна из форм приобретения и реализации такого оборудования как крупногабаритные универсальные и другие дорогостоящие станки, самолеты, морские суда, автомашины, ЭВМ и проч.

Однако в начале рыночных реформ (в период перестройки) в СССР лизинговые операции начали приобретать более широкое распространение, в первую очередь во внешнеторговых организациях, например, таких как «Автоэкспорт», «Совтрансавто», «Авиаэкспорт», «Совкомфлот», «Совфрахт», «Трактороэкспорт» и др.

Разновидностью лизинговой операции, активно применявшейся Минморфлотом СССР, являлся «бербоут-чартер», т.е. наем

морского судна без экипажа⁴⁷². Таким образом, на условиях аренды в СССР использовались иностранные контейнеры.

При этом следует отметить, что как таковой внутренний лизинг на тот момент не получил заметного развития, вплоть до середины 1989 года, т. е. до начала перевода предприятий на арендные формы хозяйствования.

Особенно значимым явлением в становлении начальных правил применения аренды и лизинга стали Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде от 23 ноября 1989 года № 810-1 и Письмо Госбанка СССР от 16 февраля 1990 года № 270 «О плане счетов бухгалтерского учета», в котором был представлен порядок отражения аренды и лизинга в бухгалтерском учете⁴⁷³.

Второй период развития лизинга в России продолжался с начала до середины 1990 гг.⁴⁷⁴ Так, в начале 90-х гг. начали появляться первые лизинговые компании, большинство из которых были учреждены коммерческими банками. В деятельности предприятий начали появляться договоры, которые носили в себе элементы лизинговых сделок. При этом как таковое лизинговое законодательство на федеральном уровне по-прежнему отсутствовало. Тем не менее, лизинг развивался с применением норм законодательства об аренде.

В 1993 году лизинг был классифицирован как вид услуг финансового посредничества.

---

⁴⁷² Вахитов Д. Р., Шабанова Л. Б. Анализ современного состояния лизингового рынка в РФ: проблемы, индикаторы роста, перспективы развития, достоинства и недостатки // *Russian Journal of Economics and Law*. 2012. №3 (23). С. 179.

⁴⁷³ Калашников И. А. История развития лизинговых отношений // *Вестник Ростовского государственного университета путей сообщения*. 2000. № 2. С. 81; Прудникова А. Е. Историческое развитие и сущность лизинга // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2014. № 100. С.1556; Яковлева Е. С. История становления и развития договора международного финансового лизинга / Е. С. Яковлева, Т. С. Черевиченко // *Современные научные исследования и разработки*. 2017. № 8(16). С. 649.

⁴⁷⁴ Иванов Д. А. Развитие лизинговой деятельности в России // *Вестник Московского университета МВД России*. 2010. № 8. С. 112.

Третьим в развитии лизинга в России является период с середины 90-х гг. по 2002 год, который характеризуется принятием специального законодательства о лизинге.

Создаваемые в этот период профессиональные объединения, со временем стали приобретать формальную основу. Так, в 1994 году была создана Российская ассоциация лизинговых компаний «Рослизинг».

Нормативные правовые акты, способствующие развитию лизинговых отношений, принимались на региональном уровне, а также на уровне министерств и ведомств. Таким образом, в период с сентября 1994 года до октября 1998 года действовало Постановление Правительства РФ «О развитии лизинга в инвестиционной деятельности» от 29 июня 1995 г. № 663, которое неоднократно дополнялось и изменялось. Кроме того, представляется возможным выделить еще два постановления, принятые Правительством Российской Федерации, которые имели важную роль в развитии российского лизинга, среди них: Постановление № 1133 от 20 ноября 1995 года, которое предусматривало, что лизингополучатель может включать лизинговые платежи в состав затрат и Постановление № 752 от 27 июня 1996 г., регламентирующее, что стороны договора лизинга могут применять механизм ускоренной амортизации к активам, являющимся объектом финансового лизинга, при отражении таковых в своей финансовой отчетности.

8 февраля 1998 года Президентом Российской Федерации был подписан ФЗ № 16 «О присоединении Российской Федерации к Конвенции УНИДРУА “О международном финансовом лизинге”». Однако можно полагать, что Конвенция не получила достаточного признания во всем мире, так как к ней присоединились всего десять стран, пять из которых являлись бывшими республиками СССР.

Важным событием в становлении лизинга в России стало принятие Второй части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), которая вступила в силу в марте 1996 года. С тех пор все нормативные документы, регулирующие отношения

финансовой аренды (лизинга), должны были рассматриваться в соответствии с ГК РФ⁴⁷⁵.

29 октября 1998 года был принят ФЗ № 164 «О лизинге». В общей структуре законодательных актов Российской Федерации место собственно закона «О лизинге» в тот период времени не просматривалось. Он был обречен на противоречие с ГК РФ. В связи с чем впоследствии закон претерпел множество изменений (в т. ч. изменение названия) и стал более формальным документом, воспроизводящим и расширяющим основные положения главы 34 ГК РФ.

Четвертый период развития лизинга начался во второй половине 2001 года и продолжается в настоящее время. Данный период характеризуется реформированием законодательства, регулирующего лизинговую деятельность. Среди наиболее существенных изменений можно выделить: вступившую в действие в начале 2002 года главу 25 Налогового кодекса Российской Федерации, которая отчасти закрепила имеющийся льготный налоговый режим для проведения лизинговых операций в России.

Если же рассматривать вопросы современного правового регулирования лизинговых отношений, то очевидно, что все же имеют место некоторые проблемные аспекты, которые требуют своего разрешения. Несмотря на то, что в Российской Федерации сформирована законодательная база для осуществления лизинговой деятельности и созданы экономические стимулы для ее развития, практические аспекты не всегда соответствуют возросшим современным требованиям.

Перспективным направлением правового регулирования лизинговых отношений может выступать процесс непрерывного совершенствования правовых норм на основе анализа зарубежного опыта регулирования лизинговых отношений, а также обобщения правоприменительной практики. Можно полагать, что рынок лизинга на данный момент находится в кризисном состоянии, что вызвано объективными причинами, которые коснулись всего ми-

---

⁴⁷⁵ Сафиуллина И. Р. Роль лизинга в условиях мирового кризиса // Вестник Казанского технологического университета. 2009. №5. С. 33.

рового сообщества, поэтому обновление лизинговых модификаций является как никогда актуальным.

Список источников

1. Вахитов Д. Р., Шабанова Л. Б. Анализ современного состояния лизингового рынка в РФ: проблемы, индикаторы роста, перспективы развития, достоинства и недостатки // Russian Journal of Economics and Law. 2012. №3 (23).
2. Иванов Д. А. Развитие лизинговой деятельности в России // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 8.
3. Калашников И. А. История развития лизинговых отношений // Вестник Ростовского государственного университета путей сообщения. 2000. № 2.
4. Прудникова А. Е. Историческое развитие и сущность лизинга // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 100.
5. Сафиуллина И. Р. Роль лизинга в условиях мирового кризиса // Вестник Казанского технологического университета. 2009. №5.
6. Яковлева Е. С. История становления и развития договора международного финансового лизинга / Е. С. Яковлева, Т. С. Черевиченко // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 8(16).

Горячева Татьяна Сергеевна

Медико-биологические факторы трансформации семейного законодательства и демографической политики в России в XIX – начале XX века

Биомедицинские исследования играют важную роль в формировании правовой политики, направленной на улучшение демографической ситуации, здоровья населения и качества жизни. Вместе с тем, современная медицинская наука, позволившая значительно увеличить продолжительность жизни и снизить процент детской смертности, по мнению ряда ученых, способствует развитию хронических заболеваний и ухудшению «человеческого ге-

нофонда»⁴⁷⁶. Осуществление планирования семьи с рекомендацией избегать деторождения носителям генных дефектов, выявление генетических проблем на стадии пренатальной диагностики, составление банка спермы и яйцеклеток генетически здоровых людей и даже репродуктивное клонирование, по мнению отдельных ученых могло бы разрешить существующие проблемы⁴⁷⁷. В этой связи изучение историко-правового опыта влияния медико-биологических факторов на развитие семейного законодательства и демографической политики приобретает особую актуальность.

Развитие медико-биологических исследований, открытие законов наследственности, способствовало трансформации семейного законодательства, регулировавшего условия вступления в брак, институты родительства и попечительства. Законодательный запрет на брак между кровными родственниками, лицами недееспособными, установление нижней возрастной границы на брак для мужчин и женщин, предбрачное медицинское освидетельствование, проблемы установления отцовства и медицинские показания к опекунству и усыновлению – вот далеко не полный перечень направлений развития семейного законодательства, под воздействием медико-биологических факторов.

Ограничения на брак, связанные с кровным родством и запрет вступления в брак для лиц, признанных недееспособными, были продиктованы общим опасением рождения неполноценного потомства. По мнению Г.Ф. Шершеневича, определение кровного родства в близких степенях, как препятствие к браку в Законах гражданских (СЗРИ X т. ч.I, ст.37, п.1) было продиктовано не только церковными запретами, но и «инстинктивным отвращением и вырождением», причем, по мнению автора, «вырождение» от браков с близкими родственниками, недостаточно проверено опытом⁴⁷⁸.

---

⁴⁷⁶ Башилов Р.Н., Башилова С.М. Биомедицинская евгеника на современном этапе человеческой эволюции // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2014. Выпуск 2. С.43.

⁴⁷⁷ Там же. С.45.

⁴⁷⁸ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Казань. 1902. С. 592.

Следует отметить, что законодательство различных государств определяло степень близости кровного родства, как препятствие к браку, различно. Если каноны Русской православной церкви устанавливали запрет на брак в четвертой степени родства включительно (Указ Святейшего Синода 19 января 1810 г.)⁴⁷⁹, то Французский гражданский кодекс, с разрешения президента республики (ст. 164), допускал браки в третьей степени родства⁴⁸⁰, а Гражданское уложение Германской империи запрещало браки только с родственниками по прямой линии, а также родными, единокровными и единоутробными братьями и сестрами (§1310)⁴⁸¹.

Вопрос о допустимости правового регулирования репродуктивной функции мужчин и женщин, в научном сообществе России, начинает активно обсуждаться еще в конце XIX века, под влиянием демографических проблем, связанных с низкой рождаемостью, высокой детской смертностью, увеличением врожденных и наследственных заболеваний. В 1886-1888 гг. правительственная комиссия С.П. Боткина, занимаясь изучением вопроса уменьшения смертности и повышения рождаемости в России, предлагала поддержать предложение доктора Рейтца о принятии закона ставить отметки в паспорта о запрете вступать в брак лицам, освобожденным от воинской повинности по причине заболевания чахоткой или сифилисом, с целью установления препятствия передачи этих заболеваний своей жене, или потомству⁴⁸².

Вслед за зарубежными коллегами, активно пропагандировавшими евгенические идеи, в России начала XX века приобретают популярность способы влияния на врожденные качества будущих

---

⁴⁷⁹ Григоровский С.П. Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе и судопроизводстве по делам брачным: с дополнениями и разъяснениями по циркулярным и сепаратным указам святейшего Синода и с приложением графического изображения степеней родства и свойства. СПб. 1901. С. 19.

⁴⁸⁰ Французский гражданский кодекс 1804 года: с позднейшими изменениями до 1939 г. М. 1941. С. 66.

⁴⁸¹ Гражданское уложение Германской империи. СПб. 1898. С. 274.

⁴⁸² См.: Сысин А.Н. Первые шаги евгенического законодательства // Социальная гигиена. Сборник 3-4. С. 16.

поколений путем «улучшения человеческого рода»⁴⁸³. Вместе с тем, в отличие от Западной Европы и США, где активно развивалась «негативная евгеника», выражавшаяся, в том числе и в мерах, направленных на принудительную стерилизацию или сегрегацию лиц, имеющих физические, умственные, или социальные (алкоголизм, преступность, проституция) дефекты, большинство советских ученых предлагали влиять на наследственность путем улучшения социальных условий, воспитательных мер и профилактической медицины. Так профессор Н.К. Кольцов отмечал, что «лучший и единственно достигающий цели метод расовой евгеники, это – улавливание ценных по своим наследственным свойствам производителей: физически сильных, одаренных выдающимися умственными способностями людей и постановка всех этих талантов в такие условия, при которых они ...могли бы прокормить и воспитать многочисленную семью...»⁴⁸⁴. При этом ученый был убежден, что «выдающиеся люди», с распространением евгенических знаний, скорее других поймут «громадную ценность евгенического брака». Отмечая низкую рождаемость в семьях новой интеллигенции, по сравнению с промышленными и сельскохозяйственными рабочими, Н.К. Кольцов призывал усилить государственное вмешательство в данный процесс с целью «интенсивного размножения» и передачи своих способностей последующим поколениям⁴⁸⁵.

Эта позиция вызвала критику в научном сообществе. Так, антрополог и активный член Русского евгенического общества М.В. Волоцкой высказывал сомнение в том, что «комсомольцы и члены РКП, следуя заветам профессора Кольцова для повышения своей численности встанут на путь усиленного полового размножения»⁴⁸⁶.

---

⁴⁸³ См.: Филипченко Ю.А. Пути улучшения человеческого рода. Евгеника. Л., 1924. 190 с.; Волоцкой М.В. Поднятие жизненных сил расы (новый путь). М., 1923. 96 с.; Юдин Т.И. Евгеника. Учение об улучшении природных свойств человека. М., 1925. 239 с. и др.

⁴⁸⁴ Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы // Русский евгенический журнал. 1922. Т.1. Вып.1. С. 20.

⁴⁸⁵ Кольцов Н.К. Указ. соч. С. 15.

⁴⁸⁶ Волоцкой М.В. Классовые интересы и современная евгеника. М., 1925. С. 30.

В Советском государстве евгенические идеи А.С. Серебровского, выступавшего за улучшение наследственных качеств советских граждан путем организации «селекции человека», пытались реализовать с помощью «Союза «За лучшего ребенка». Задачами Союза являлась популяризация идеи «отделения любви от деторождения» и искусственного оплодотворения женщин от «наследственно ценного» мужчины⁴⁸⁷. Стоит отметить, что эти идеи, получившие осуждение научного сообщества в начале XX века, в современной действительности получают новое звучание. Развитие генной инженерии и репродуктивные технологии позволяют сегодня спланировать пол ребенка и даже его фенотип. Вместе с тем, данный факт создает определенные проблемы юридического характера.

Острая полемика в научном сообществе России начала XX века возникла по проблемам искусственного оплодотворения женщин как средстве борьбы с бесплодием, популяризации контрацепции и легализации аборт в ноябре 1920 г.⁴⁸⁸

В России, как и в других странах мира, на демографическую политику, которая, во многом, определяет трансформацию семейного законодательства, существенное влияние оказывали войны и эпидемии, значительно сокращавшие численность населения. По мнению известного юриста, профессора П.И. Люблинского, подготовившего ряд работ об особенностях евгенического движения в различных странах, можно выделить три основные «евгенические тенденции» в развитии законодательства о детях в начале XX века: популяционную, программу материального минимума и евге-

---

⁴⁸⁷ См.: Фандо Р.А. Союз «За лучшего ребенка» (Проект организации общественного евгенического союза в 20-е гг. XX в.) // Годичная научная конференция института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М.: Диполь-Т, 2003. С. 281-283.

⁴⁸⁸ Шолохова А.А. Новые пути в селекции человека и млекопитающих // Врачебная газета. 1929. № 3-4. С. 179-184; Кольцов Н.К. Евгеника как научная база в работе Отдела Охраны Материнства и Младенчества и аборт с точки зрения евгеники и охраны материнства и младенчества // Материалы I Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества, Москва, 1-5 декабря 1920. М., 1921. С. 41-55.

ническую⁴⁸⁹. Популяционную программу, по мнению автора, реализовывали страны с низкой рождаемостью, вышедшие из 1 Мировой войны победителями (Франция и Бельгия). Здесь осуществлялась политика поощрения рождаемости и борьбы с абортами, проводились мероприятия, направленные на борьбу с детской смертностью и оказание социальной помощи многодетным семьям. Программа материального минимума осуществлялась странами, побежденными в войне (Германия и Австрия), и выражалась в обеспечении уже рожденным детям необходимых условий для здорового развития. Страны, лишенные достаточной экономической опоры и материальных ресурсов, по мнению П.И. Люблинского, стремились сдерживать прирост населения, путем законодательства поощряющего противозачаточные практики, аборты и воздержания от браков. Евгеническая программа, присущая англосаксонским странам (Англия, Северная Америка), осуществлялась в условиях низкой рождаемости коренного населения с заметным ростом явлений вырождения, умственной дефективности и душевных заболеваний. В этих странах, как справедливо отмечал ученый, принимаются законы о принудительной стерилизации умственно и физически неполноценных людей, об ограничении на вступление в брак слабоумных, эпилептиков, больных туберкулезом, сифилисом и т.п.⁴⁹⁰

В Западной Европе и США в начале XX века активно развивается евгеническое законодательство. Так в марте 1907 г. в штате Индиана (США) был принят первый закон о принудительной стерилизации граждан, имеющих физические и психические отклонения. По свидетельству профессора П.И. Люблинского, к концу июля 1911 г. в Индиане было проведено более тысячи операций по стерилизации мужчин и женщин⁴⁹¹. К 1935 г. подобные законы были приняты в 26 штатах США, еще в 10 штатах они ожидали своего принятия, и только в 12 штатах законы о принудительной

---

⁴⁸⁹ Люблинский П.И. Евгенические тенденции и новейшее законодательство о детях // Русский евгенический журнал. 1925. Т. III. Вып. 1. С. 3-31.

⁴⁹⁰ Люблинский П.И. Указ. соч. С. 5-9.

⁴⁹¹ Люблинский П.И. Новое в вопросе о стерилизации дефективных // Русский евгенический журнал. 1927. Т.V. Вып.3-4. С.155-163.

стерилизации были отвергнуты. Только в Калифорнии к 1935 г. было стерилизовано 12 тысяч человек⁴⁹².

В ряде стран принимаются законы, запрещающие вступать в брак лицам, страдающим психическими расстройствами, умственной отсталостью или сифилисом. В 1933 в нацистской Германии был принят закон, запрещающий браки между арийцами и евреями, а затем, закон о принудительной стерилизации душевнобольных. В 1934 г. подобный закон был принят в Норвегии, в 1935 г. – в Швеции и Финляндии, в 1938 г. – в Исландии⁴⁹³.

С созданием Советского государства вопросы о запрете вступать в брак кровным родственникам, а также обязанности для будущих супругов информировать друг друга о наличии заболеваний, которые могут передаваться будущему супругу и детям, вызвали полемику. При обсуждении 1 семейного Кодекса на заседании ВЦИК 16 сентября 1918 г. Н.А. Рославец выступила с критикой запрета на брак между близкими родственниками, отметив, что «медицина склоняется к тому, что за исключением браков по прямой, нисходящей и восходящей линии, кровосмесительные браки не приносят столь вредных последствий, какие приписывались до сих пор»⁴⁹⁴. Отмечая, что законодательный запрет на вступление в брак для больных людей, не сможет предотвратить рождение «больного потомства», Н.А. Рославец выступила с предложением отменить данный запрет, с установлением обязанности добрачного медицинского освидетельствования, для выявления «заразительной» или «душевной болезни»⁴⁹⁵. Данное предложение не встретило поддержки ВЦИК и вызвало критику одного из авторов проекта Кодекса А.Г. Гойхбарга, который подчеркнул, что «в социалистическом строе никто не допустит такой свободы личности, при которой и сифилитики, безумный и сума-

---

⁴⁹² Бабков В.В. Заря генетики человека. Русское евгеническое движение и начало генетики человека. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 23.

⁴⁹³ Там же. С. 24.

⁴⁹⁴ Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета: стенографический отчет. С. 150.

⁴⁹⁵ Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета: стенографический отчет. С. 151.

сшедший могут соединиться»⁴⁹⁶. Вместе с тем, уже в проекте Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном, опекунском и наследственном праве» 1924 г. и в Кодексе законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. (ст.132) было закреплено требование об обязательном осведомлении своего будущего супруга о наличии «венерических, душевных и туберкулезных заболеваний»⁴⁹⁷.

Последствия мировой и гражданской войны, а также экономический кризис, стали причиной осуществления политики в СССР, направленной на снижение рождаемости. 18 ноября 1920 г. совместным постановлением Наркомздрава РСФСР и Наркомюста РСФСР «Об охране здоровья женщин», был легализован аборт и отменено наказание за его производство. Объясняя данное решение неэффективностью наказания за искусственное прерывание беременности, тяжестью последствий для здоровья женщин (50% женщин заболевают от заражения и до 4% из них умирают) и стремлением Рабоче-крестьянского правительства защитить женщин от «невежественных и корыстных хищников», в лице подпольных «абортистов», Постановление допускало бесплатное производство аборта в обстановке советской больницы, где «обеспечивается максимальная безвредность»⁴⁹⁸. В число показаний к аборту были включены основания, в том числе и медицинского характера, среди которых туберкулез, душевные заболевания, порок сердца и др.⁴⁹⁹.

Следует отметить, что и закон от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт», по мнению академика С.Я. Вольфсона, был продиктован «трогательной заботой о трудящейся женщине, чутким и любовным отношением к ней, отцовским вниманием к ребенку, настойчивым стремлением оздоровить и укрепить советскую се-

---

⁴⁹⁶ Там же. С. 152.

⁴⁹⁷ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 47. Ед.хр.44. Л. 2-4.

⁴⁹⁸ Постановление Народного Комиссариата РСФСР по здравоохранению и Народного комиссариата юстиции РСФСР от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщин» // <https://base.garant.ru/70486514/>

⁴⁹⁹ Андрияшко М.В. Ретроспектива развития отношений в сфере искусственного прерывания беременности в законодательстве раннего советского государства // Право: история и современность. 2019.№ 4(9). С. 10.

мью»⁵⁰⁰. Утверждая, что основными причинами аборта являются «эгоистические побуждения» женщин и «капиталистические пережитки прошлого», он заявлял, что Советское государство не может мириться с тем, чтобы десятки тысяч женщин становились на путь разрушения здоровья, что тормозит рост нового поколения социалистического общества⁵⁰¹.

Таким образом, медико-биологические основания являлись важным фактором трансформации семейного законодательства и демографической политики России в конце XIX – начале XX века. Вносились изменения в условия вступления в брак, менялись требования к будущим супругам, вводились запреты на брак по основаниям медицинского характера. Развитие медицинских и биологических исследований стало причиной попыток решения проблем уменьшения смертности и повышения рождаемости в России путем искусственного оплодотворения, совершенствования методов контрацепции и законодательного запрета абортов.

Список литературы

1. Андрияшко М.В. Ретроспектива развития отношений в сфере искусственного прерывания беременности в законодательстве раннего советского государства // Право: история и современность. 2019. № 4(9). С. 7-17.
2. Бабков В.В. Заря генетики человека. Русское евгеническое движение и начало генетики человека. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 799 с.
3. Башилов Р.Н., Башилова С.М. Биомедицинская евгеника на современном этапе человеческой эволюции // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2014. Выпуск 2. С.43-49.
4. Волоцкой М.В. Классовые интересы и современная евгеника. М.: Изд-во «Жизнь и знание», 1925. 47 с.
5. Волоцкой М.В. Поднятие жизненных сил расы (новый путь). М.: Изд-во «Жизнь и знание», 1923. 96 с.
6. Вольфсон С.Я. Семья и брак в их историческом развитии. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. 244 с.
7. Григоровский С.П. Сборник церковных и гражданских законов о браке и разводе и судопроизводстве по делам брачным: с дополнениями и разъяснениями по циркулярным и сепаратным указам святейшего Синода и

---

⁵⁰⁰ Вольфсон С.Я. Семья и брак в их историческом развитии. М., 1937. С. 236.

⁵⁰¹ Там же. С. 226.

с приложением графического изображения степеней родства и свойства. СПб.: тип. «Труд», 1901. 231 с.

8. Кольцов Н.К. Евгеника как научная база в работе Отдела Охраны Материнства // Русский евгенический журнал. 1922. Т.1. Вып.1.

9. Люблинский П.И. Евгенические тенденции и новейшее законодательство о детях // Русский евгенический журнал. 1925. Т. III. Вып. 1.

10. Люблинский П.И. Новое в вопросе о стерилизации дефективных // Русский евгенический журнал. 1927. Т.V. Вып.3-4. С.155-163.

11. Сысин А.Н. Первые шаги евгенического законодательства // Социальная гигиена. Сборник 3-4. М.: Госиздат, 1924. С. 11-21.

12. Фандо Р.А. Союз «За лучшего ребенка» (Проект организации общественного евгенического союза в 20-е гг. XX в.) // Годичная научная конференция института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М.: Диполь-Т, 2003. С. 281-283.

13. Филипченко Ю.А. Пути улучшения человеческого рода. Евгеника. Л.: Госиздат, 1924. 190 с

14. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Казань: бр. Башмаковы, 1902. 793 с.

15. Шолохова А.А. Новые пути в селекции человека и млекопитающих // Врачебная газета. 1929. № 3-4. С. 179-184.

16. Юдин Т.И. Евгеника. Учение об улучшении природных свойств человека. М.: Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1925. 239 с.

Поворова Елена Александровна

"Общее" мнение и публичная власть: по следам творческого наследия М.М. Сперанского

Михаил Михайлович Сперанский остался в русской истории как автор всеобъемлющего плана перестройки государственного управления. Основное внимание в своих политико-юридических трудах он уделил законодательной, исполнительной власти. Менее известны его взгляды на судебную власть, на сущность и значение суда. И очень немного исследований посвящено изучению небольшого труда «О силе общего мнения»⁵⁰², который был написан в 1802 году, по всей вероятности с подачи Александра I и

---

⁵⁰² Сперанский М.М. О силе общего мнения// Сперанский М.М. Проекты и записки. М., 1961 С. 77-83.

представляло по сути первую идеологическую концепцию власти по выстраиванию обратной связи с обществом, с тем чтобы властные преобразования были должным образом им восприняты. Помимо Сперанского вопросами формирования общего мнения и управления им интересовались его современники М.Л. Магницкий («Нечто об общем мнении в России и верховной полиции» от 1808 года⁵⁰³) и Н.С. Мордвинов, создавших записки чуть позже, чем «общее мнение» Сперанского, но несомненно в их развитие и опираясь на сформулированные Сперанским положения.

Но появиться такая записка и желание сформулировать, понятийно очертить мнение общества и особенности взаимодействия с тем, что в дальнейшем получит развитие как гражданское общество смогла лишь на основе уже проделанной работы предшественников, внявших тому, что сила общества может оказаться сильнее силы власти государственной и формирование гражданского общества - задача самой власти. Французская революция, деятельность философов эпохи Просвещения сделали достаточно очевидным для правящей власти фактом, что историческое развитие народов требует более широкого участия государства в общественной жизни. Более того, видеть общество не только неоднородным, разбитым на классы, страты, с пониманием особенностей социальной дифференциации, но и уметь видеть «общее» для всех них движение, мнение становится задачей важнейшей и потому, что культура, технологический прогресс печати и распространение идей, взглядов - провоцирует рост самосознания, а с ним и поиск новых форм его внешнего выражения.

Именно с этим - появлением самосознания и его в определенной степени, противостояния национальному сознанию, а также необходимостью учитывать и влиять на общее, общественное мнение столкнулась Екатерина. Без небольшого экскурса к ее собственному публицистическому опыту и попытке сформировать сословный представительный орган для понимания мнения

---

⁵⁰³ Записка М.Л. Магницкого «Нечто об общем мнении в России и верховной полиции» при всеподданейшем письме от ноября 1808 г.// РГИА. Ф.1167. (Комитет 6 декабря 1826 г.). Д 25, Л. 1-35.

«снизу» невозможно говорить о записке Сперанского. Появление ее стало следствием той деятельности, которая была осуществлена Екатериной, состоявшей в переписке с Руссо, Дидро и выглядевшей по началу как дебютантка в философских беседах, а в дальнейшем проявившейся как опытный политик, формирующий гражданское общество в том виде, насколько оно было понимаемо и возможно в российском государстве того времени.

Начало сознательной общественной жизни и литература Просвещения.

Писатели екатерининского времени придумали яркую метафору, которая сделалась общим местом, но, однако, пережило несколько столетий и сегодня остается очень характерной при рассмотрении темы общественного мнения – «Петр создал русским тело, а Екатерина вложила в них душу». Безусловно, эти слова передают наивную персонификацию социальных явлений, характерную мировоззрению того времени. Но в самой грубой форме здесь отражен чрезвычайно важный социологический факт, составляющий главную характерную черту эпохи.

Эрой в истории русского общественного самосознания воспринимается время правления Екатерины и хронологически русская общественность, действительно, начинает помнить и сознавать себя с этого времени.

Старые, формы общественного самосознания, имевшего по преимуществу националистический характер, или окончательно вымирают, или, обреченные на вымирание, эмигрируют в низшие слои общественной жизни. Изменение самосознание увязывается с победным появлением новой культуры. Новая культура победила прежде всего использованием возможностей технического прогресса, сделавшими из нее необходимое орудие новой государственности⁵⁰⁴.

Между доступом к печати и властью существует неразрывная связь, которой последняя эффективно пользуется для формирования «образа власти» и дает направление для развития «обще-

---

⁵⁰⁴ См.: Смена технологических укладов и правовое развитие России / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская. М.: ИЗИСП: Норма, 2021.

ственного» мнения. Первоначально книга, распространявшаяся по всем этажам социальной жизни, давала образец для сознательного личного поведения, но в екатерининское время она сделала новый шаг - к признанию важности общественной теории и необходимости сознательного общественного поведения.

Екатерина начала свое правление в такое время, когда почва была уже расчищена для восприятия последнего слова современной европейской литературы, – для усвоения той основной мысли, пропагандировавшийся этой литературой, что общественный строй, в интересах "человечества", может и должен быть перестроен на "разумных" началах. С этого момента роль критических идей в обществе возрастает. Элементы критики выделяются и составляют основу нового общественного мнения.

Но надо сказать немного о самом том обществе, вернее поколениях, «общее» мнение которых в совокупности и составляли мнение общественности.

Родившись в 1729 году Екатерина оказалась между двумя поколениями: родившемся во втором десятилетии XVIII века, учебные годы которого совпали приблизительно с открытием в 1732 году Шляхетского корпуса и поколением, появившемся уже при Елизавете и подростком к собственному воцарению Екатерины; учебные годы этого последнего поколения совпадают с открытием в 1755 году Московского университета. И если первое жило идеями и вкусами эпохи Людовика XIV, интересы его были по преимуществу литературно-эстетические, то уже второе поколение ощутило перелом настроений в европейском обществе переходящем к революционной эпохе. Поколение, к которому относится Екатерина, оказалось в переходном состоянии общественного настроения и умонастроения между обоими. Движение мысли от Людовика XIV к революции только назревало в лучших умах. Литература и поэзия уже уступили место философии и политике. Однако философские и политические идеи Руссо, Дидро, Гельвеция еще не сформировались в виде законченных доктрин и не захватили нотами общественного и философского протеста общество. Мысли философов контрабандой нового мировоззрения проникали в среду светских аристократических салонов в форме

вольтеровской шутки для остроумного разговора. В социальной среде, где общее мнение имело ценность, новые взгляды лишь сильно урезанными и искаженными по шаблону восприятия пополняли культурный багаж. Литература прогрессивной философии, новой идеологии потрясала лишь те основы, которые и без того были расшатаны в этой среде.

Наказ Екатерины. Мнение общественности.

В середине XVIII века провинциальное общество все еще не сложилось: оно появилось лишь в результате сословных реформ, проведенных Екатериной. Но в провинцию все-таки чаще стали заглядывать офицеры, побывавшие за границей во время Семилетней войны, откуда кроме журналов столичных мод и вольных нравов, они привозили и печатную литературу, и темы для отвлеченных разговоров о поэзии, о литературе. Это была настоящая книжная экспансия, которая внесла в обыденный и чиновничий мир новый язык, новые мысли и новые формы их выражения. Именно эта книжная эволюция позволила говорить Сенату с депутатами, выбираемым в комиссию 1761 года совершенно необычным до тех пор языком: работа над Уложением не есть повинность, а общественный долг. "Как сочинение Уложения для управления всего государства весьма нужно, следственно всего общества и труд в советах быть к тому потребен и потому всякого сына отечества долг есть советом и делом в том помогать"⁵⁰⁵. Сенат надеется, что избранные не только не откажутся, но охотно понесут "все затруднения и убытки", и не для того только, чтобы "получить награждение за излишние труды", но и "чая незабвенную в будущие роды о себе оставить память". Это – язык Екатерининской комиссии. Так государственная власть обратилась за просом к обществу с тем чтобы понять какие законы ждут подданные и что из себя представляет то общество, которым она руководит.

---

505 Указ Ее Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Правительствующего Сената, 29 сентября 1761 года. О порядке набора в состав комиссии по Уложению выборных представителей от дворянства и купечества// <http://hisdoc.ru/laws/16869/>

Правительственное средство массовой информации – как новая идеология

Екатерина, работая над Наказом, в котором придерживаясь идей Дидро, Монтескье и других просветителей, изложила принципы политики и правовой системы государства, встретила с общественным мнением. И эта встреча подтолкнула к публицистическим занятиям, которое, по ее мнению, должно было повлиять на нравы, воззрения сословного общества.

В 1769 г. начал выходить еженедельный листок "Всякая Всячина"⁵⁰⁶. В литературных кругах не было секретом то, что редактором листка является секретарь императрицы Козицкий, а руководит журналом сама Екатерина. У "Всякой Всячины", как и у других журналов того времени обычным приемом общения с читателями было помещение писем к "Сочинителю" и в ответах редакции на эти письма. Конечно, большая часть этой корреспонденции создавалась в самой редакции и в тех идеологических настроениях, которые, по мнению Екатерины, будут "заохочивать" публику к усвоению моральных сентенций: перемешивая смешное с серьезным.

Гражданское воспитание общественного мнения через судебную реформу и политические права

Реформа правовой жизни страны по планам Екатерины, как и реформа, задуманная Александром II, в конечном итоге сводилась к необходимости решения ситуации с положением судебной власти. Закон рассматривался ею, как главный инструмент государственного управления, который необходимо соотносить с «духом народа».

В книге «Руководство к познанию законов»⁵⁰⁷ Сперанский прежде всего дает как бы эскиз своих философских и правовых взглядов в той форме, какую они приняли к концу его жизни и упоминает о важности общественного мнения и социальной жизни. Он говорит, что совесть является основой нравственного порядка и нужно отличать законы совести от общежительных зако-

---

⁵⁰⁶ <http://trediakovskiy.lit-info.ru/trediakovskiy/kritika-o-trediakovskom/gukovskij-russkaya-literatura/satiricheskie-zhurnaly-1769.htm>

⁵⁰⁷ <https://www.prilib.ru/item/711410>

нов, то есть тех законов, которые издает власть. Главное различие между этими двумя видами состоит в том, что законы совести касаются и внутренних движений воли, в то время как общежительные законы, изданные властью, касаются лишь внешних действий в общественной жизни. По мнению Михаила Михайловича - действенная гарантия от нарушения законов исполнительной властью, это — развитие общественного мнения. Сперанский считает, что надо «сохранить и усилить народное мнение, власть сию ограничивающее не в существе ее, но в форме ее действия».

Сперанский пишет: «Четыре рода установлений в составе общежития необходимы: первое — свобода личности; второе — частная собственность; третье — власть; четвертое — институты духовной жизни (религия, науки, искусства)»⁵⁰⁸. Развитие социальной жизни состоит в укреплении и расширении этих институтов. И не менее важным для социальной жизни общества и формирования общего мнения благодаря наличию таковой жизни является значение суда.

Суд самым тесным образом связан с гражданскими отношениями, с правами различных сословий и классов. При отсутствии политической свободы состояние судебно-правовой системы является показателем зрелости правосознания в обществе и его готовности к восприятию реформ, проводимых властью. Но и политическое устройство страны сильно влияет на деятельность и состав суда. В результате в этой области проходит смешение и взаимовлияние двух факторов – массовой правовой культуры (или бескультурья, если угодно) и общей социальной политики государственной власти. Отсюда дилемма – с чего же начать? Реформировать ли сначала судоустройство, сделав его школой гражданского воспитания, или же напротив, реформа суда должна быть следствием политических реформ? При этом Сперанский не будучи сторонником в момент написания «Руководства» масштабных преобразований пишет о том, что реформировать сами принципы суда еще рано, поскольку по его убеждению «правый суд ... предполагает не только просвещенных судей, но и про-

---

⁵⁰⁸ Там же.

священную публику, искусных правоведов, знающих стряпчих и методическое сей части учение»; без этого «самая лучшая система судоведения произведет только вредное действие новости»⁵⁰⁹.

О невозможности внедрения конституционных форм пишет Сперанский, подразумевая, что переход к таковым остается в России по-видимому невозможным до тех пор, пока половина населения находится в состоянии полного рабства, пока основные законы и право вообще не упорядочены, пока законодательная власть не отделена от власти исполнительной, пока не существует независимого законодательного института, опирающегося на общественное мнение и пока недостаточный уровень образования мешает возникновению общественного мнения.

Дух времени и общественный дух

Сперанский в записке «Введение к уложению государственных законов»⁵¹⁰ цитирует Бэкона: «Время — самый большой новатор» в и утверждает, что нельзя избежать потрясений, если государственное устройство не соответствует духу времени. Поэтому главы государств должны внимательно наблюдать за развитием общественного духа и приспосабливать к нему политические системы.

Но какими признаками можно определить несоответствие власти духу времени? Следующие признаки представляются Сперанскому достоверными: «1) Перемена в предметах народного уважения. Не разумом, но силою воображения действует и властвует ими правительство на страсти народные. Для сего установлены между прочим чины и почести; доколе сила воображения поддерживает их на надлежащей высоте, дотоле они сопровождаются и уважением», но потом «внутренняя их очаровательная сила изглаждается и порой падает». 2) Ослабление власти. В настоящем положении все меры правительства, требующие морального повиновения, не могут иметь действия. «Тщетно ищут изъяснить сие из личных свойств министров... одна есть истинная сему причина: образ мыслей настоящего времени в совершенной противоположности с образом правления». 3) Невозможность частных ис-

---

⁵⁰⁹ Там же.

⁵¹⁰ <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3848894/>

правлений. Ничего не поделатъ без твердыхъ государственныхъ законовъ. Какъ исправить гражданскіе законы, «когда скрижали ихъ каждый день могутъ быть разбиты о первый камень самовластія», какъ исправить финансы, ускорить развитие просвѣщенія и «промышленности». Къ чему послужитъ народу просвѣщеніе, — къ тому только, чтобы яснѣе обозрѣл онъ всю горестъ своего положенія. 4) «Наконецъ, сие всеобщее недовольство, сія преклонность къ горестнымъ изъясненіямъ всего настоящаго есть ничто другое, какъ общее выраженіе пресыщенія и скуки отъ настоящаго вещей порядка». Особыхъ причинъ недовольствія какъ будто и нѣтъ, все осталось по старому, «а духъ народный страждетъ въ беспокойствѣ», это беспокойство можно объяснить только желаніемъ другаго порядка. По этимъ признакамъ, полагаетъ Сперанскій, «можно съ достоверностью заключить, что настоящая система правленія несвойственна уже болѣе состоянію общественнаго духа и что настало время переменить ее и основать новый порядокъ вещей».

Происходитъ ускореніе социального и историческаго времени.

Идеология Просвѣщенія съ ея направленностью на реформированіе политическаго строя уходитъ въ прошлое, на смену приходитъ идеология утверждающая развитие направленія либерально-идеалистическаго системы развитія социума и личности подъ вліяніемъ взглядовъ Гегеля и Шеллинга. Записка Сперанскаго по времени попадаетъ въ періодъ, когда гегельянство еще не стало доминирующимъ взглядомъ въ общественныхъ умонастроеніяхъ, но, несомненно, Михаилу Михайловичу, удалось въ самомъ общемъ видѣ представить и эти взгляды для Александра I.

По мнѣнію Сперанскаго, «во всехъ государствахъ, идущихъ къ просвѣщенію» помимо законодательства и государственнаго управленія, все болѣе ощутима роль «особеннаго рода силы, коей дѣйствіе на умы въ началѣ слабое, мало по малу расширяясь, дѣлается, наконецъ, стихіею политическаго бытія и определяетъ судьбу человѣческихъ обществъ». «Сила сія есть сила общаго мнѣнія», она «составляетъ важнейшій предметъ размышленій законодателей и воздѣйствія правительства». Признаніе наличія общаго мнѣнія и необходимости управленія имъ обусловливало анализъ

его сущности, механизма формирования и характера воззрения на «судьбы человеческих обществ».

По мнению Сперанского «общее мнение или дух народный есть внутреннее убеждение большей части людей о каком-либо политическом или гражданском предмете, происходящее от действия правительства и законов». Безусловно, для российской политической и правовой действительности это первое определение и дано оно в самых общих чертах, но теме не менее оно очертило границы в которых и стало в дальнейшем развиваться наполнение этого термина. В основном исследователи обращают внимание на понятие «люди». В первоначальном варианте текста вместо слова «люди» используется «людей общества» и с большей вероятностью в качестве «общего мнения» рассматривалось мнение дворянского общества. Но в силу взглядов Александра I, декларировавшего защиту всех сословий, общее мнение в записке Сперанского в итоговом варианте определялось как «дух народный».

Государственная идеология - управление общим мнением

При этом возможность управления общественным мнением, а также механизм его формирования представляли большой интерес для верховной власти. Если для Екатерины возможность влияния на общее мнение виделось в основном в публицистических опытах, в том числе ее собственных, то Сперанским в первую очередь предпринята попытка увидеть каким образом, в каких условиях возникает стихия общего мнения. Для Михаила Михайловича важным было выявить, что «дух народный» рождается «не от постепенного и непрерывного действия правительства. При этом под политической категорией «правительства» автор понимал носителя верховной власти – императора и в целом систему государственного управления. Сперанский видел произвольное рождение общего мнения «от стечения обстоятельств, коих оно ни предвидеть, ни остановить не может» и чаще всего это обстоятельства увязаны с внешней опасностью, внутренним кризисом, деспотическим правлением. Но возникающий в силу таких обстоятельств «дух народный» имеет своей целью общую безопасность и защиту и при этом «может действовать сильно, но никогда не может действовать продолжительно». Поэтому главное

задачей правительства будет «необходимость управления им», куда входит повышение авторитета государственной власти, формирование уверенности народа в правильности выбранного правительством политического и социального курса. «Нужно, чтобы правительство, не ограничиваясь управлять справедливо, пожелает родить общую уверенность в сей справедливости, пожелает чтобы не только ему повиновались, но любили бы его».

Как и Екатерина автор записок считал, что общее мнение в государствах должно воспитывать «нравственное чувство», утверждать понятия «общественные о пороке и добродетели», и самое главное – общее мнение должно быть одно «из главных орудий закона».

Общее мнение должно быть одним «из главных орудий закона»

Общее мнение, или мнение депутатов интересовало Екатерину при создании Наказа. Созванные депутаты для работы Уложенной комиссии представляли по сути одну из первых форм общественной формы работы по формированию правового пространства страны, его конституционализации⁵¹¹.

Сперанский неоднократно обращался к идее массового понимания значения права в записке «Отрывок о Комиссии Уложения», созданной в 1802 году. В ней он говорил о взаимосвязи кодификации и «духа народного», поскольку создание и обнародование свода фундаментальных законов должно было утвердить значение права в обществе.

Сперанский полагал, что существование в государстве общего мнения и гласности правительственных намерений защитит верховную власть, поскольку «голос публики защищает человека государственного от всех криков зависти и злословия». Поскольку общее мнение может быть благом, когда просвещенное и действует на усиление государства и деструктивной силой в случае противодействия законам и правительству».

---

⁵¹¹ См.: Бабаева Ю.Г., Пашенцев Д.А. Основные этапы развития российского конституционализма // Образование и право. 2018. № 11.

Общее мнение, формально ограничивающее абсолютизм и формирование общего мнения элитой

Роли общего мнения, которое «власть сию ограничивающее не в существе ее, но в форме ее действия» Сперанский отводил в «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений России». Интересно то, что формирование общего мнения для Сперанского, которое будет состоять в диалоге с властью и влиять на «дух народный» в целом первоначально видится возможным посредством просвещенной, передовой частью дворянства, что могло бы быть реализовано через прообраз «Общественной палаты». Эта идея возникла в связи с замыслом создания перспективного плана развития государства, описанная в записках 1802-1804 года «Коренные законы государства» и «Размышления о государственном устройстве империи». План развития « может возникнуть из частных мыслей, друг друга пересекающих, хотя из одного начала идущих» и может он быть создан только усилиями правительства и представителями общества, под которыми понималась просвещенная, передовая часть дворянства. Сперанский видел необходимость создания интеллектуальных элит, творцов общественного духа, идеологов общего мнения, находящихся у власти, но независимых от нее, которые могли бы транслировать мнения и взгляды различных слоев населения по политическим и социально значимым вопросам. Элита, или элитарная группа, или если транслировать это в современные политологические термины, должна была заниматься: 1) анализом всех проектов, относящихся к общему государственному устройству страны; 2) «составление на их основе коренных законов»; 3) поиск средств, способствующих введению их в действие без политических потрясений.

О духе политической реформы и общественном мнении

Необходимость участия элиты, ее мнения в механизме, в том числе правовом реализации власти, говорилось в написанной поле возвращения из Эрфрута осенью 1808 года записке «Рассуждения о духе и зрелости политической реформы в России». Именно в это записке впервые было использован Сперанским термин «общественное мнение».

В записке отмечалось, что «произошли огромные изменения в объекте общественного мнения, которое недовольно существующим порядком вещей и ждет усовершенствования законов и государственного управления». Автор записки не уточняет дальше, что именно понимается под общественным мнением и кто является его носителем, но изучение документа позволяет сделать вывод, что автор апеллирует все к той же элитарной группе – просвещенному дворянскому сословию. «Есть ли правительственная мера, которую бы не порицали? Есть ли закон, благодетельное намерение которое не было бы извращено ложной интерпретацией. Этому состоянию может быть только одна причина: то, что состояние общественного мнения находится в полной оппозиции к форме правления... и что теперешние формы правления не состоят более в согласии с общественным мнением».

Записки Сперанского, а равно Магницкого «Нечто об общем мнении в России и верховной полиции» 1808 года, Мордвинова о гармонизации взаимоотношений верховной власти и народа 1810 года» сделали возможным создание государственной идеологии, выразившуюся в триаде «самодержавие, православие, народность», а также привели к идее создания ведомства политического сыска с главной функцией - тайным надзором за общественным мнением и народным духом.

Идея права и закона в формировании общественного мнения, так четко проводимая Сперанским практически во всех своих трудах, осталась не только современниками, но и дальнейшими поколениями без должного внимания. Поэтому вполне пророческими кажутся его слова и за записки «О силе общего мнения..», что «..в государствах, где нет общего мнения о предметах управления, все суждения о них разнообразны, уединены, недействительны. Там добрый и вредный закон приемлется с равнодушием, исполняется без усердия, проходит без внимания».

С точки зрения форм репрезентации власти XVIII век во много оказался переломным. Рождение общественного мнения и увеличение его влияния поставили перед властью задачу его целенаправленного информирования, а рост грамотности населения и значительно более быстрое распространение информации предо-

ставили для этого новые инструменты. Власти пришлось привыкать не только осуществлять управление страной, но и объяснять подданным свои действия, создавать у граждан свой благоприятный образ – облегчающий ее функционирование и обеспечивающий поддержку ее начинаниям. И неучтенная информационная составляющая во властных инструментах управления в сочетании с отсутствием правовой составляющей образования и социализации граждан во многом деформировали образ власти, равно и отдаляла ее от возможности формирования и влияния на общественное мнение.

Образ власти образца триады николаевского времени претерпел изменения, но так и не включил в себя правовую составляющую. Медийное пространство, занимающееся информационное политикой, в официальной коннотации транслирует с одной стороны выгодные представления власти о себе, которая занимается стилизацией самой себя и тех, кем она правит, с другой стороны существует медийная область, в которой формируется иная культура восприятия обществом себя самого и образа власти. И такое разделение идеологии предлагаемой обществу, публичной презентации и образа власти восприятия ее в частной жизни начало формироваться со времени появления критических замечаний в сторону власти, публикуемых и распространяемых в обществе. От классического примера медийного противостояния екатерининской «Всякой всячины» с новиковским «Трутнем» до программ телевидения и ю-туба. Сперанским, гением юриспруденции, по оценке Владимира Томсинова, были предложены идеи на долгие не года, а опередившие века идеи возможного развития правового общества и значения общего мнения, которые, возможно в постиндустриальном информационном обществе смогут быть восприняты.

Список литературы

1. Бабаева Ю.Г., Пашенцев Д.А. Основные этапы развития российского конституционализма // Образование и право. 2018. № 11.

2. Записка М.Л. Магницкого «Нечто об общем мнении в России и верховной полиции» при всеподданейшем письме от ноября 1808 г.// РГИА. Ф.1167. (Комитет 6 декабря 1826 г.). Д 25, Л. 1-35.

3. Москаленко Л.Я. Общественно-политические взгляды и социальная программа Н.С. Мордвинова. М., 1984.

4. Смена технологических укладов и правовое развитие России / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, А.А. Дорская. М.: ИЗиСП: Норма, 2021.

5. Сперанский М.М. О силе общего мнения // Сперанский М.М. Проекты и записки. М., 1961.

Борисов Андрей Марксович

Первые труды отечественных юристов о лицах юридических: К.А. Неволин и В.Ю. Александров

Одна из фундаментальных категорий теории права «субъект права», тематика которой декомпозируется на многочисленные составляющие, исходя, во-первых, из необходимости дать правовое определение, пригодное как для теоретических изысков, так и для законодательной работы и правового регулирования тех или иных общественных отношений. Во-вторых, для целей практической юридикации последних необходимо отработать вопросы классификации субъектов правоотношений, их статуса (правосубъектность, права и обязанности или полномочия, правовые гарантии и ответственность) применительно к различным видам правоотношений, с целью исключения как пробельности, так и коллизионности правового регулирования. В-третьих, для установления соотносимости избранной модели субъекта права с моделями иностранных юрисдикций и нормами международного права. В-четвертых, важно видеть всю проблематику субъекта права от истоков реализованной в праве его юридической конструкции в сравнении с иными предложениями его правового оформления (сравнительно-исторический взгляд) до аспектов современного правоиспользования, правособлюдения, правоисполнения и правоприменения с учетом антропологической природы данного социально-правового явления и отражения в нем опреде-

ленного интереса различных объединений людей, а также с точки зрения формационного подхода к оценке социальных групп и их цивилизационного развития.

Тема юридического лица в отечественной юридической науке раскрывалась в трудах многих русских юристов XIX века с разной степенью глубины рассмотрения соответствующей проблематики, и заметим, что правоведы черпали знания не только из учений западноевропейских юристов, но и из законодательства ряда европейских стран. Такая работа с первоисточниками требовала знания иностранных языков, и учеба, как в российских, так и в европейских университетах, предполагала овладение основными «научными» языками, среди которых особое значение придавалось латинскому языку. Кроме него определенное внимание уделялось греческому, немецкому, французскому языкам.

Первая публикация о юридическом лице датирована 1835 годом и принадлежит К.А. Неволину (1806-1855), упоминавшему о существовании общественных союзов, но не использующему термин «юридическое лицо»⁵¹².

В трудах К.А. Неволлина нет отражения европейских учений о юридических лицах, и в общих чертах представлена эволюция философской мысли о союзах людей в юридическую идею об этих союзах. С 1839 года ученый описывает различные общественные союзы, но не рассматривает их в качестве юридических лиц⁵¹³. Только с 1851 года в труды по истории российских гражданских законов он включает тезисы о юридических лицах в самом кратком изложении и без углубления в теорию субъектов права (подчеркивалось первородство именно общественной собственности, из которой со временем выделилась государственная собственность, а затем по государственным актам, по воле государства

---

⁵¹² Неволлин К. А. Рассуждение о философии законодательства у древних, сочиненное для получения степени д-ра законовещения Константином Невוליным. – Санкт-Петербург: тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1835. [2], 107 с.

⁵¹³ Неволлин К. А. Энциклопедия законовещения / Соч. д-ра прав и орд. проф. энциклопедии законовещения и учреждений Рос. империи в Ун-те св. Владимира Константина Неволлина. Т. 1-2. – Киев, 1839-1840. 2 т.; 21. Введение в энциклопедию законовещения, общая часть ее и первая половина особенной части. 1839. VIII, 633 с.

произошло обособление частной собственности; описательно показано развитие правовых установлений о коллективных формах производственной, а именно промышленной, сельскохозяйственной, промысловой деятельности в законах Российской империи)⁵¹⁴.

Особого внимания заслуживает труд не маститого юриста В.Ю. Александрова⁵¹⁵ (студент 4 курса юридического факультета Императорского Московского университета; к сожалению, какой-либо другой дополнительной информации обнаружить не удалось), который был издан в 1865 году и во многих своих тезисах предвосхитил взгляды более именитых правоведов, чьи публикации появились позднее.

В качестве источников для исследования Виктор Ю. Александров указал Дигесты (III. 4. Quod cujuscunq̄ue universitatis nomine vel contra eam agatur, XLVII.22. de Collegiis et corporibus) и труды 21 европейского юриста (Ф. К. Савиньи, К. А. Вангеров, Й. Унгер, Г. Ф. Пухта, Л. Келлер, Дж. К. Блунтчли, Э. Бёкинг, К. Л. Арндтс, Г. Безелер, К. Ф. Ф. Синтенис, И. Ф. Кирульф, И. Ф. Л. Гошен, Х. Ф. С. Мюленбрух, Г. А. Хайзе, К. Ф. Россхирт, Э. Пфайфер, К. Г. Вехтер, А. Тибаут, Кори, Е. Ф. Эльверс, Нортхофф), изданные в период с конца 20-х годов до начала 60-х годов XIX века.

В семи главах своей работы В.Ю. Александров раскрыл свои взгляды на понятие юридического лица, его историческое развитие, виды с более подробным освещением особенностей корпораций и учреждений, на права юридических лиц. Для себя автор определил задачу следующим образом: «изложить учение о юридических лицахъ, какъ оно возникло въ Римскомъ правѣ и развивалось далее и какъ, наконец, оно представляется въ современной наукѣ»⁵¹⁶.

---

⁵¹⁴ Неволин К. А. История российских гражданских законов / Соч. Константина Неволлина. Т. 1-3. СПб, 1851. 3 т.; 22. Книга вторая об имуществвах. Раздел первый об имуществвах вообще и раздел второй о правах на вещи. – XII, 452 с.

⁵¹⁵ Александров Виктор. Учение о лицах юридических, по началам науки: Рассуждение студента Имп. Моск. ун-та, Юрид. фак., 4 курса Виктора Александрова, «удостоен. золотой медали». М., 1865.

⁵¹⁶ Александров Виктор. Учение о лицах юридических, по началам науки. С. 5.

Проблема юридического лица в работе рассматривалась в гражданско-правовом аспекте, и для составления понятия субъект права автор определил необходимыми два условия – наличие индивидуальной воли и признание лица субъектом права в законодательстве.

Отсюда он сделал вывод о том, что право допускает расширение применения понятия «субъект права» путем соединения правоспособности не с человеком, а с искусственно созданным субъектом⁵¹⁷. Как следствие – возможность выделения двух видов субъектов. Первый вид – субъекты естественные или лица физические, второй – субъекты искусственные или лица юридические. И в том, и в другом варианте лиц человек остается единственным субъектом права, а в ситуации с юридическими лицами отношение его прав к отдельному человеку превращается из непосредственного в опосредованное⁵¹⁸.

Основная причина расширения понятия субъекта права, по мнению В.Ю. Александрова, состоит в «ограниченности и несовершенствѣ человѣческой природы, вслѣдствие которой человѣкъ не можетъ ограничиваться своими собственными силами, и долженъ себѣ искать поддержки духовной и матеріальной въ разныхъ человеческихъ соединеніяхъ и полезныхъ учрежденіяхъ»⁵¹⁹. Автор дает ясное определение юридического лица, которое «есть искусственный, правомъ положительнымъ созданный, субъектъ права, неимѣющій естественнаго, тѣлеснаго бытія, какъ физическое лицо»⁵²⁰.

Весьма важным положением в учении о юридическом лице автор признает его понимание как юридической фикции, но недостаточно только фактического существования какого-либо общества для признания его юридическим лицом, ибо необходимо еще соответствующее законодательное установление.

Рассуждения о фактическом и вымышленном проявляется во многих тезисах. В частности, в корпорации юридическая личность

---

⁵¹⁷ Там же. С. 6.

⁵¹⁸ Там же. С. 7.

⁵¹⁹ Там же.

⁵²⁰ Там же. С. 8.

присваивается совокупности ее членов как идеальному целому, а в учреждении – самому понятию, соединенному с определенной ценностью⁵²¹.

Область отношений для участия в них юридического лица ограничена В. Ю. Александровым гражданско-правовыми отношениями, связанными с имущественными правами и обязанностями. Однако для этих субъектов права им оговариваются цели более важные, в том числе имеющие политический и административный характер, и к таким субъектам права исследователь относит города, гражданская субъективность (юридическая личность) которых отнесена на второй план и служит более важным социальным целям⁵²².

Римское право не имело в своей терминологии термина «юридическое лицо», и понятны авторские соображения о неприменимости к использованию некоторых названий, встречающихся в учениях европейских юристов («нравственное лицо», «мистическое лицо»), к юридическим лицам, ибо они скорее относятся к сфере нравственных (не юридических – авт.) или абсолютно нереальных отношений и неточно характеризуют общественные союзы.

Констатируя как факт существование у римлян в древнейшие времена различных соединений людей (религиозных, ремесленных, низших слугителей и др.), автор полагает, что не было необходимости в создании искусственного субъекта права, поскольку в существующих союзах основой являлись общая и однообразная деятельность членов, а также их политическое положение. В самостоятельных имущественных правах они нуждались мало, так как эти права давались им извне (властью), а, например, значительные издержки религиозных союзов покрывались государством в силу «государственного характера религии»⁵²³.

В эпоху римских завоеваний ставшие зависимыми от Рима города и общины (муниципии и колонии) стали «первымъ поводомъ возникновенія и развитія понятія юридическаго лица»⁵²⁴, а само

---

⁵²¹ Там же. С. 10-11.

⁵²² Там же. С. 13-15.

⁵²³ Там же. С. 17.

⁵²⁴ Там же. С. 18.

это понятие стало позднее применяться европейскими юристами к древним корпорациям, к государству под названием «*fiscus*», храмам, и отношения с участием в нем юридических лиц стали рассматриваться судами⁵²⁵.

Достоинством работы является раскрытие вопроса о видах общин и их характеристика. Так, в римском праве упоминаются три вида союзов.

К первому относились: *civitas*, *municipes* или *municipium* (*municipia*), *respublica*, *сjmmune*, *сjmmunitas* – покоренные города, селения (общины); *curiae* или *decuriones* – подразделения городских общин, но также назывались и отдельные члены этих общин; *vici* – деревня; *for a*, *conciliabula*, *castella* – общины, занимавшие срединное положение между городами и селами, а позже целые провинции стали приобретать положение юридических личностей как большие общины; *coloniae* – общины, подобные городским, образованные римскими переселенцами.

Второй вид – произвольные соединения лиц: религиозные союзы (коллегии жрецов и весталок); соединения нижних служащих (писцы, которые в зависимости от характера деятельности назывались *librarii*, *fiscales*, *censuales*); корпорации (*decuriae soribarum*); ремесленные цехи кузнецов, булочников, мореплавателей и др.

Общественные организации назывались *societas*, а если в их основе был договор, то *societas privatae* (товарищества для горных, соляных промыслов, таможенные откупщики), общества для развлечений – *sodalitates*, *sodalitia*, *collegia sodalitia*. Такие собрания или клубы могли иметь политические цели, почему в определенных случаях политической опасности, которая могла исходить от этих обществ, они подвергались запрещению, а члены союза осуждались как уголовные преступники. Предупреждению таких ситуаций служило правило, по которому такие общества должны были получать согласие верховной власти на свою деятельность⁵²⁶. К этой группе относились *collegia tenuiorum*, которые со-

---

⁵²⁵ Там же. С. 18-19.

⁵²⁶ Там же. С. 20-21.

бирались раз в месяц, их члены не могли состоять в других обществах, а членами могли быть даже рабы с дозволения их хозяев⁵²⁷.

По общему правилу, как полагает В. Ю. Александров, произвольные корпорации рассматривались как подобие городских общин и могли иметь свое имущество и представителей, что и составляло сущность юридического лица. Названиями таких общин стали *collegium* и *corpus*, а их участники назывались *collega*, *collegiate*, *sodales*, *corporati* или *decuriati*, *decuriales* и *socii*, а затем появилось общее название *universitas*⁵²⁸.

К третьему виду автор относил богоугодные заведения, которые не имели общего названия, а по своему предназначению именовались как *orphanotrophia*, *xenodochia* и т. п. Храмы, выполняющие важные публичные функции, являлись, по сути, государственными учреждениями и только пользовались предоставленными им государством имуществами, а боги храмов имели привилегию, состоящую в праве наследовать по завещанию⁵²⁹.

Благотворительные учреждения в известном современникам виде – произведение позднего христианства, поскольку редкими были заведения для бедных и их существование, а также обеспечение зависело преимущественно от властей. Последние христианские императоры поощряли создание больниц, домов для призрения старцев, сирот, и данные заведения получали самостоятельность юридических личностей. Надзор за благотворительными учреждениями был предоставлен духовенству⁵³⁰.

За особый вид юридических лиц римское право признавало государство – *aerarium populi*, которое считалось владельцем имущественных прав с названием «казна» и которое «всею раньше и всего безусловно было признано юридической личностью»⁵³¹. В период сенатской республики средствами, которыми наполнялся *aerarium*, распоряжался сенат. В императорский период этот фонд был разделен и появился *fiscus* (частное имущество

---

⁵²⁷ Там же. С. 22.

⁵²⁸ Там же.

⁵²⁹ Там же. С. 23.

⁵³⁰ Там же. С. 24-25.

⁵³¹ Там же. С. 25-26.

императора имело название *res private principis*), а с усилением императорской власти различия между *aerarium* и *fiscus* исчезли⁵³².

В отношении наследства (*hereditas jacens*) В. Ю. Александров пишет, что оно не признавалось римлянами за юридическую личность и считалось ничьим⁵³³, далее он высказывает мнение о том, что «нѣтъ никакой практической необходимости признавать наследство, при какихъ бы то ни было условіяхъ, за юридическое лицо»⁵³⁴. С развитием государственной централизации свободное существование человеческих ассоциаций стало ограничиваться и их деятельность стала поднадзорной государству⁵³⁵.

Четвертая глава о видах юридических лиц, по словам автора, есть «слабый очеркъ разнообразныхъ мнѣній»⁵³⁶, на основе которых он заключает, что к юридическим лицам следует относить корпорации и учреждения, и высказывает отрицательное отношение к взглядам на земельные участки, верховную власть, государственные должности как на юридических лиц⁵³⁷.

Проанализировав особенности правового статуса корпораций и товариществ с точки зрения интересов участников, автор приходит к выводу о том, что товарищества и общества с формальным коллективным единством членов (акционерное общество) есть объединения, имеющие признаки юридической личности, но они не могут быть отнесены к таковым⁵³⁸. Критически оцениваются мнения о признании персонами права «кровных человеческих соединений» (семейство, род и племя – не суть корпорация)⁵³⁹.

Оценивая современность В.Ю. Александров считал, что самая обширная корпорация с самой сложной организацией – государство, и имеют политическое значение такие «члены государственного организма», как политические общины – городские, сельские, сословные (дворянские сословия, мещанские и купеческие

---

⁵³² Там же. С. 26.

⁵³³ Там же. С. 26-28.

⁵³⁴ Там же. С. 53.

⁵³⁵ Там же. С. 40.

⁵³⁶ Там же. С. 41.

⁵³⁷ Там же. С. 54-55.

⁵³⁸ Там же. С. 64-71.

⁵³⁹ Там же. С. 75-77.

общества), ремесленные цехи и гильдии, имеющие общее имущество. Преследуют общественные цели религиозные общины (церковные приходы), университеты и клубы⁵⁴⁰.

Автор объясняет свое несогласие различать публичные и частные корпорации тем, что всякая корпорация существует во имя общественных интересов, а потому понятие «частная корпорация» не может существовать⁵⁴¹.

Для возникновения корпорации как юридической личности, по его мнению, необходимо выполнение таких условий как соединение физических лиц и признание этого соединения властью через соответствующий акт⁵⁴².

Проблема реализации прав корпораций освещена вполне ясно: для осуществления прав нужны действия, которые могут совершать только физические лица, ибо никакое юридическое лицо на это не способно; поэтому «положительное право, путем юридического вымысла, должно признать за корпорацией, кромѣ правоспособности и способность къ действиямъ»⁵⁴³.

Признанием в положительном праве действий физического лица за действия юридического лица решается вопрос о дееспособности последнего, которое получает представителей в своей организации. Организация определяет «какія физическія лица должны и могут быть представителями корпорации; какимъ образомъ эти представители могутъ выражать волю корпорации; какимъ способом она должна проводиться въ исполненіе, и на сколько дѣйствія представителей подлежатъ контролю верховной власти»⁵⁴⁴.

Вопрос о контроле со стороны власти за деятельностью юридических лиц, эффективности правового механизма такого контроля и в настоящее время сохраняет свою актуальность.

Приводя исторические свидетельства в описании способов организации корпораций, В. Ю. Александров указывает на то, что

---

⁵⁴⁰ Там же. С. 78-79.

⁵⁴¹ Там же. С. 80.

⁵⁴² Там же. С. 83.

⁵⁴³ Там же. С. 96-97.

⁵⁴⁴ Там же. С. 97-98.

первоначально такое представительство осуществлялось рабами. Однако они сами были собственностью, полноправной личности не имели и как исполнители чужой воли были ограничены в своих действиях. В городах и общинах коллективные формы принятия решений дополнялись единоличным управлением уполномоченных по тем или иным вопросам лиц (actors)⁵⁴⁵.

По поводу деликтоспособности корпораций автор задается вопросом: «можно ли преступныя дѣйствія, совершенныя представителями корпорации отъ имени послѣдней, вмѣнять самой корпорации?»⁵⁴⁶.

Здесь примечательна сама постановка вопроса, в которой со всей ясностью говорится о преступных действиях именно представителей юридического лица, а не его самого, что, вероятно, исходно исключается. Далее приводятся известные правила о вменении: лицо, совершившее преступное деяние, и лицо наказуемое должны совпадать «въ одномъ субъектѣ»⁵⁴⁷. Данное правило близко уголовно-правовой теории, но цивилисты допускали вменение деликтных действий представителей самой корпорации, связывая их с гражданскими последствиями и определяя, что в этих случаях ответственность падает на имущество корпорации.

Римское право не признавало городские общины способными совершать преступные действия, и потому в нем ответственность падала только на представителей общин. Но оно допускало исключения: если вследствие обмана приобреталось общее имущество (имущество в пользу корпорации), то община (корпорация) обязывалась возратить это имущество⁵⁴⁸.

В работе указывается, что примеры строгого обращения с городскими общинами из римской истории есть примеры не гражданских, а политических актов, а каноническое право актами понтификов допускало применение санкций (отлучение от церкви) не только к отдельным членам общин, но и к самим общинам (корпорациям).

---

⁵⁴⁵ Там же. С. 99-100.

⁵⁴⁶ Там же. С. 107-108.

⁵⁴⁷ Там же. С. 108.

⁵⁴⁸ Там же. С. 110.

Если в общинах их сущностной характеристикой являлось объединение людей, то иначе этот вопрос решался в отношении учреждений и установлений, в которых юридическая личность связывалась с имуществом, выделяемым государством, обществом или частным лицом для какой-либо общепользуемой цели. Поэтому «тѣломъ, къ которому прикрѣпляется юридическая личность, служить здѣсь *имущество* учрежденія, а не физическія лица, которыя пользуются непосредственно благодѣянiями учрежденія»⁵⁴⁹.

Интересна мысль о том, что как учение о юридических лицах вообще, так и учение об учреждениях, в частности, представляется довольно шатким, но за учреждениями нельзя отрицать самостоятельной юридической личности.

Автор приводит их виды: богоугодные и благотворительные, в том числе вспомогательные кассы; для духовных целей – публичные библиотеки, музеи, картинные галереи и стипендии для помощи бедным студентам; церковные и религиозные учреждения; фамильные учреждения, майораты и минораты, которые в последнее время теряют свое значение (существуют в прибалтийских землях); в зависимости от учредителя они могут быть государственными, общественными, церковными и частными⁵⁵⁰. Юридическая личность признается за учреждениями именно «для того, чтобы охранить и здѣсь интересъ общій отъ эгоизма и частныхъ лицъ»⁵⁵¹ (эти соображения В. Ю. Александров высказывает и в отношении корпораций). Учреждения, как и корпорации, для осуществления своей правоспособности нуждаются в представительстве и эти функции выполняют также физические лица, что определяется в учредительном акте. Отличие от организации корпораций состоит в том, что член корпорации является носителем ее юридической личности, а представители учреждений – «лица совершенно постороннія, чуждыя учрежденію»⁵⁵². В последних

---

⁵⁴⁹ Там же. С. 113.

⁵⁵⁰ Там же. С. 118-120.

⁵⁵¹ Там же. С. 124.

⁵⁵² Там же. С. 126.

организационные отношения схожи с отношениями опекунов над малолетними.

Завершая изложение, кратко представим мнения В. Ю. Александра о правоспособности юридических лиц:

- юридическое лицо – продукт юридического вымысла;
- такие юридические характеристики юридического лица, как правоспособность и дееспособность – это тоже вымышленные его свойства;
- для признания его юридической личностью необходимо властное выражение воли государства в положительном праве;
- понятие юридического лица есть понятие гражданского права;
- существенное право для юридического лица – имущественное право (право собственности);
- эти права приобретаются и отчуждаются при посредстве физических лиц;
- в сфере гражданского права правоспособность этих лиц ограничена.

Выделяя работу В.Ю. Александра, отметим, что обращаем на нее внимание не столько из-за того, что ее автором является молодой человек, еще студент, сколько по причине более серьезной: его труд – по сути, первое комплексное исследование, посвященное учению о юридических лицах, в котором выражена авторская позиция по ряду существенных вопросов; работа студента отличается фундаментальностью проработки основных доступных на то время источников и содержит положения, которые позднее встречаются в трудах иных российских юристов. Вряд ли типографское издание Московского университета 1865 года, в котором было опубликовано исследование четверокурсника столь авторитетного учебного заведения, оказалось неизвестным или недоступным преподавателям университета, юридической общественности и ученым-юристам, прилагавшим определенные усилия к получению новых поступлений из-за рубежа и справлявшихся об отечественных типографских новинках по интересующей их тематике.

Труд В.Ю. Александра свидетельствует о владении автором соответствующими римскими текстами и содержит анализ взгля-

дов европейских юристов на фигуру юридического лица. Главным является ясность и определенность мнений, выражение им собственного взгляда, порой расходящегося с позицией известных авторитетов в праве по ряду вопросов: о понятии юридического лица; об искусственности данного субъекта права; об обусловленности признания его таковым положительным законодательством; о видах юридических лиц; о право- дее- и деликтоспособности юридической личности; об обоснованности различения публичных и частных корпораций; об участии общественных союзов не только в гражданских, но и в административных правоотношениях; о значении физического лица для представления вовне интересов корпораций и учреждений.

В целом автор признает юридическое лицо в качестве субъекта права с ограниченной дее-деликтоспособностью, отрицает возможность признания признаков юридической личности за наследуемым имуществом, земельными участками, властью и должностными лицами, а также отмечает недостаточную разработанность данного учения применительно к товариществам и акционерным обществам.

Список литературы

1. Александров В. Ю. Учение о лицах юридических, по началам науки: Рассуждение студента Имп. Моск. ун-та, Юрид. фак., 4 курса Виктора Александрова, «удостоен. золотой медали». М., 1865.
2. Неволин К. А. Рассуждение о философии законодательства у древних, сочиненное для получения степени д-ра законовещения Константином Невוליным. СПб., 1835.
3. Неволин К. А. Энциклопедия законовещения / Соч. д-ра прав и орд. проф. энциклопедии законовещения и учреждений Рос. империи в Унте св. Владимира Константина Неволина. Т. 1-2. Киев, 1839-1840. 2 т.; 21. Введение в энциклопедию законовещения, общая часть ее и первая половина особенной части. 1839. VIII.
4. Неволин К. А. История российских гражданских законов / Соч. Константина Неволина. Т. 1-3. СПб., 1851. 3 т.; 22. Книга вторая об имуществах. Раздел первый об имуществах вообще и раздел второй о правах на вещи. XII.

Соколов Александр Станиславович

**Теоретик финансов и права А. А. Соколов
о германском имперском законодательстве 1913 г.**

Сегодня, когда страна оказалась в сложной финансово-экономической ситуации, когда в условиях внешнеполитического давления со стороны Запада идет поиск путей стабилизации товарно-денежных отношений, возрос интерес со стороны научной общественности к проблеме перехода от плана к рынку. Подобный опыт уже имел место после 1917 г., когда осуществлялся переход от планомерного регулирования к многоукладной экономике⁵⁵³. Интерес представляет не только накопленный опыт перехода к рыночным отношениям до 1917 г. и после, но и судьба конкретных людей, осознавших необходимость этих реформ, приложивших усилия для их осуществления. В рамках статьи ставится задача раскрыть жизненный путь уникальной личности Александра Александровича Соколова (1885-?).

Его биография отражает драматизм эпохи, в которой он жил и работал. Достаточно известно, что человек, занимавший после февраля 1917 г. должность консультанта Министерства финансов, работавший проректором Кубанского Политехнического Института при Деникине, оказался в начале 1920-х гг. не на знаменитом пароходе который увез из России значительную часть деятелей науки и культуры, а в ряду тех, кто участвовал в проведении финансовой реформы 1922-1924 гг., человек к которому проявляли интерес руководитель Наркомата финансов Г.Я. Сокольников, председатель Правления Госбанка А.Л. Шейнман и другие. Тем не менее, А.А. Соколов оказался невостребованным властью ни до 1917 г., не сумели по достоинству оценить его и те, кто хотели вывести Россию на путь индустриального развития при большевиках. К сожалению, не отдали ему должного и современные ученые. А.А. Соколов был известным исследователем в области финансов и права начала XX в. Являясь автором большого числа

---

⁵⁵³ Законодательное обеспечение новой экономической политики / отв. ред. Боголюбов С.А., Пашенцев Д.А., Залоило М.В. М., 2021.

научных работ по различным финансовым проблемам, он значительное внимание уделял теории налогообложения⁵⁵⁴.

В своей автобиографии, написанной в марте 1924 г., А.А. Соколов указывал, что родился он 1 марта 1885 г. в деревне Шарипово Серпуховского уезда Московской губернии. «Мне удалось получить образование (благодаря тому, что мне удалось устроиться на казенный счет). Образование свое я закончил в Московском университете в 1910 г. Лет с 16-17 стал давать уроки и этим немного прирабатывать для жизни», - отмечал он⁵⁵⁵. Окончив юридический факультет с дипломом 1 степени, А.А. Соколов был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности по кафедре финансового права. В 1913 г. он посетил Германию с научной целью. В анкетном листе Центроналога А.А. Соколов указывал, что читает на немецком, французском и английском⁵⁵⁶.

К первым наиболее значимым научным работам А. А. Соколова следует отнести монографию «Германское имперское финансовое законодательство», написанную в 1915 г. В этой работе им анализируются четыре принятых в 1913 г. закона Германской Империи, нацеленных на увеличение доходов для целей финансирования возросших военных расходов. Обращение к данной теме объяснялось тем, что подготовка Германии к войне вызвала колоссальное увеличение расходов. В 1913-1914 гг. эта сумма достигла 1 822 млн марок. В связи с усилением военных расходов имперский бюджет стал дефицитным. Для покрытия дефицита империя прибегала к выпуску займов и введению новых налогов. В 1906 г. был введен налог с наследства, в 1913 г. налог на прирост стоимости имущества.

Свою работу автор начинает с исследования соотношения прямого и косвенного налогообложения в Германии. В этой связи отмечается, что «при основании Германской Империи источники

---

⁵⁵⁴ Миллер Н. В. Исследование проблем налогообложения в трудах А. А. Соколова // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2010. № 3. С. 150.

⁵⁵⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп.18. Д.8206. Л.5.

⁵⁵⁶ Там же. Л.4.

обложения были поделены между нею и союзными государствами, таким образом, что в то время как союзным государствам была предоставлена по преимуществу область прямого обложения, финансы империи должны были покоиться главным образом на косвенных налогах, к которым присоединились также налоги на обращение. Правда соответствующий (70) параграф германской имперской конституции отнюдь не заключал в себе прямого воспрещения империи вводить свои прямые налоги. Тем не менее, до последнего времени господствовала точка зрения, что прямые налоги являются податным доменом союзных государств, в который империя не должна вторгаться»⁵⁵⁷. Затем автором были проанализированы причины, побудившие власти Германии увеличить налоговое бремя, посредством введения новых и реформирования ранее действовавших налогов. Он считал, что правительство изыскивало средства для покрытия новых военных расходов. Таким образом, вводились преимущественно косвенные налоги, тяжесть которых ложилась на плечи населения. Ученый подчеркивал, что германскому правительству нужно было, «чтобы новые налоги носили характер как бы добровольной жертвы населения, и принятие их свидетельствовало бы перед всем миром о величайшей готовности германского народа жертвовать на алтарь отечества»⁵⁵⁸.

С критических позиций А.А. Соколовым были рассмотрены законы: о единовременном чрезвычайном сборе на оборону государству, об изменениях в финансовом устройстве империи и о налоге на имущие классы, об изменении закона о штемпельном налоге, о праве государства на наследование. Он делает вывод о неэффективности дополнительных мер по увеличению налоговых доходов. В частности, он жестко критикует штемпельные налоги на страхование, поскольку они не учитывают платежеспособность налогоплательщика. Что касается обложения имущих классов, А.А. Соколов считал, военные расходы должны финансировать

---

⁵⁵⁷ Соколов А. А. Германское имперское финансовое законодательство 1913 г. //Известия Московского коммерческого института. Экономическое отд. Кн.3. 1915. С. 4.

⁵⁵⁸ Там же. С. 5.

именно обеспеченные слои населения. А.А. Соколов полагал, что опыт, проделанный Германией, имеет значение, далеко выходящее за пределы самой Германской империи. Этот опыт, по мнению автора, что базирование финансов сложных государств исключительно на косвенных налогах приводит к последствиям, совершенно не желательным с точки зрения финансовых принципов. Другая важная идея, которая была положена в основу финансового германского законодательства 1913 г., заключается в признании того, что военные расходы должны быть покрываемы за счет обложения имущих классов⁵⁵⁹.

Одновременно с изданием данной книги А.А. Соколов готовит ряд статей для Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, публикуется по проблемам финансового права в периодической печати. Впоследствии он в своей деятельности сосредоточится на проблемах налогообложения, местных финансов. В декабре 1914 г. Александр Александрович был зачислен приват-доцентом Московского университета, состоял также доцентом Московского Коммерческого института, преподавал в Университете им. Шанявского. В 1916 г. А.А. Соколовым совместно с П.П. Гензелем был предложен постатейный законопроект о налоге на общий прирост имущества с учетом опыта в этой части Германии⁵⁶⁰. Одновременно начинается его политическая деятельность. В октябре 1917 г. на VII съезде Всероссийского союза городов им был прочитан доклад, в котором был проанализирован проект реформы городских финансов, подготовленный комиссиями министерства финансов и внутренних дел. В период Гражданской войны А.А. Соколов перебрался в Екатеринодар, где состоял профессором Кубанского политехнического института и Кубанского государственного университета по кафедре политической экономии. В 1921 г. он возвратился в Москву, где с ноября он начал работать в Институте экономических исследований Наркомата финансов. Одновременно он начал преподавать в Институте народного хо-

---

⁵⁵⁹ Соколов А. А. Германское имперское финансовое законодательство 1913 года. М., 1916. С. 37.

⁵⁶⁰ Лушникова М. В., Лушников А. М. Российская школа финансового права: портреты на фоне времени. Ярославль, 2013. С. 166.

зьяства им. К. Маркса. А.А. Соколова по праву можно считать одним из теоретиков финансово-правовой составляющих нэпа. Он принимал активное участие в проведении денежной реформы 1922-1924 гг. А.А. Соколов доказывал, что политика НКФ должна была быть направлена на стабилизацию курса советского рубля «при условии международного урегулирования этого вопроса»⁵⁶¹. Его можно считать одним из теоретиков финансово-правовой составляющей нэпа.

В 1920-е гг. А.А. Соколов сосредотачивает свое внимание на изучении теоретических вопросов налоговой политики, денежного обращения и кредита, внешней торговли. Все его работы представляли доклады, тезисы, экспертные оценки законопроектов. Несмотря на активную научную и педагогическую работу в области советских финансов большевистская власть не доверяла ученому. В его характеристике, как сотрудника Центроналога НКФ указывалось, что А.А. Соколов «человек способный - ученый с инициативой. Аполитичен (или очень скрытен). Добросовестный».

Одна из последних должностей А.А. Соколова связана с работой в октябре 1928 г. консультантом отдела финансовой политики Планово-экономического управления НКФ. В этом году он издает свою наиболее известную работу «Теория налогов», в которой автор освещает экономические основы обложения, связывая налоговые проблемы с важнейшими экономическими проблемами, в том числе советского государства. Его последняя публикация датирована в журнале «Вестник финансов» 1929 г. Дальнейшая судьба А.А. Соколова неизвестна.

Александр Александрович Соколов входит в плеяду виднейших отечественных исследователей в области финансов и права начала XX в. Современники, да и сам ученый относил себя к представителям финансовой науки, содержание же работ А.А. Соколова однозначно указывает на то, что его с полным правом следует чтить и как незаурядного исследователя в области финансо-

---

⁵⁶¹ Денежная реформа 1921—1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. М., 2008. С. 78.

вого права в целом и налогового права в частности⁵⁶². Его деятельность пришлась на переломные эпохи российской истории. Он обладал такими качествами ученого, которые вызывают уважение и у наших современников. Это служение высшим интересам Отечества, профессионализм и компетентность, умение проводить в жизнь собственную позицию.

Список литературы

1. Законодательное обеспечение новой экономической политики / отв. ред. Боголюбов С.А., Пашенцев Д.А., Залоило М.В. М.: Проспект, 2021.
2. Миллер Н. В. Исследование проблем налогообложения в трудах А. А. Соколова // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2010. № 3.
3. Соколов А. А. Германское имперское финансовое законодательство 1913 г. // Известия Московского коммерческого института. Экономическое отд. Кн.3. 1915.
4. Соколов А. А. Германское имперское финансовое законодательство 1913 года. М., 1916.
5. Денежная реформа 1921—1924 гг.: создание твердой валюты. Документы и материалы. М., 2008.
6. Кучеров И. И. Профессор А. А. Соколов — основоположник учения о налогах // Соколов А. А. Теория налогов. М., 2003.

Калинина Елена Юрьевна

**Безмолвные и отверженные:
правовой статус и правовой образ
изгоев в средневековой Испании. Современные направления
и методы исследования на примере образа мусульман
Иберийского полуострова в романском искусстве XI-XIII вв.**

Изгои или маргиналы в Средневековье. Правовая характеристика социальной группы. Одна из наиболее сложных для изучения социальных групп Средневековья - изгои или маргиналы. Это

---

⁵⁶² Кучеров И. И. Профессор А. А. Соколов — основоположник учения о налогах // Соколов А. А. Теория налогов. М., 2003. С. 6.

люди, вытесненные на периферию любых общественных отношений и воспринимаемые всеми типами правосознания как неприемлемые в правовой и общей культуре общества. Это отторжение, давление, исключение, унижение⁵⁶³ связаны с несколькими причинами. Сложившееся к X-XI вв. христианское европейское общество требовало самоидентификации и установления границ, чтобы познать свою сущность. Официальное правосознание, азы которого диктовались публичной властью, находящейся в процессе становления, нуждалось не только в понимании того, какая культурная зона располагается снаружи, но и в том, как складывающаяся государственно-правовая система делится внутри себя. Образ «другого» является базовым элементом для развития любого вида идентичности. Определить и отграничить группу от других, располагающихся за пределами идентифицируемого сообщества можно только с некоторым знанием того, что находится за её пределами, и путём установления критериев для «сортировки» и разграничения «избранных людей». Так элементы, которые очерчивают отличия «других» часто в то же время относятся к числу тех, которые связывают группу в единое целое⁵⁶⁴.

Разные философы по-разному определяли количество социальных групп и их признаки и особенности, следуя римскому построению общества или христианской политической философии. «В конце IX века в средневековой литературе появляется тема, которая получит своё распространение в XI и станет общим местом в XII веке: описание общества через его деление на три категории, или сословия. Три составляющими такого трехчленного общества, согласно формулировке Адальберона Ланского начала XI века, являются *oratores, bellatores, laboratores*, иначе говоря, служители церкви, воины, работники»⁵⁶⁵. Известный французский меди-

---

⁵⁶³ См.: Gutiérrez Baños, F. Los marginados en la pintura española de estilo gótico lineal: un discurso iconográfico para la afirmación de valores establecidos // In Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval. - Madrid, CSIC, 2009. P.186

⁵⁶⁴ Jakobsson S. Saracen Sensibilities: Muslims and Otherness in Medieval Saga Literature // The Journal of English and Germanic Philology, Vol. 115, №. 2, 2016. P. 237

⁵⁶⁵ Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С. 58

евист Ж.Ле Гофф, автор предыдущей цитаты, делает предположение о том, что такое деление связано со становлением монархии⁵⁶⁶. Представляется, что с историко-правовой позиции можно говорить о том, что происходит становление публичной власти, её территориальной и духовной (идеологической) идентификации и, соответственно, государственности.

Служители Церкви и воины - это представители официальной правовой культуры, те, кто её оформляют и устанавливают на основе обозначенных социально-политических границ правовые, то есть оформляют социальные нормы посредством права. Публичная власть находит своё отражение в неразрывном на тот момент времени содружестве клириков и политиков. К работникам, как обычно считают, относятся все остальные, те, кто трудятся. Классически к ним относят крестьян, огромное новое сословие, составляющее основное европейское население.

Но возникает вопрос: а есть ли ещё какие-то группы населения, помимо тех, кто вошёл в эти три основные сословия? Ответ самоочевиден. В европейской политико-правовой культуре Средневековья, особенно в период становления государственности современного типа, можно увидеть огромные массы, которые не могут быть полностью отнесены ни к одной из этих групп.

Прежде всего, это те, кто когда-то состоял в какой-то группе и обладал соответствующим статусом, то есть правами и обязанностями, но по какой-то причине оттуда вышел (выпал, был вытеснен): криминальные субкультуры, нищие, расстриги, беглые (всё равно беглые сервы или беглые мужья, решившие избавиться от тягот семейной жизни), грешники, младшие сыновья, не получившие наследство и вынужденные искать своего счастья вне дома и т. п.

С другой стороны, это те, кто не мог получить социальный и правовой статус, поскольку данное общество просто не знало, что это за люди, куда их можно «приписать». Например, это новоприбывшие этнические группы, как это случилось в Испании, когда в период завоевания Иберийского полуострова помимо известных

---

⁵⁶⁶ Там же.

групп, которые только начали смешиваться и искать пути регулирования правоотношений (римляне, варвары, автохтоны) появились мусульмане. Ещё более любопытный случай - дети от смешанных браков, которые в правовом поле как бы не существовали, поскольку нередко были запрещены. Сюда можно отнести и детей, рождённых в результате сексуального насилия в период военных действий⁵⁶⁷. Как пишет тот же Ле Гофф, «христианский мир, включив в себя новое общество, возникшее в период подъёма X-XII вв., достиг определённой завершенности своего развития и не стал терпимее к тем, кто не захотел подчиниться установленному порядку или был отторгнут самим обществом»⁵⁶⁸.

Эти группы, исключённые из политико-правового пространства не могли быть полностью исключены из географического пространства, то есть изгнаны физически. К тому же их наличие определяет саму структуру социума. Без них невозможно установить правовую норму, ибо она должна определить пространство должного и возможного поведения, что автоматически предполагает неприемлемое для данной правовой культуры поведение, наказуемое или неодобряемое. Продолжая оставаться частью общества, они не имеют возможности в полной мере проявлять себя в политико-правовом пространстве, поскольку они представляют собой модель «другого», «плохого», «зла», а, следовательно, подвергаются давлению, исключению⁵⁶⁹, умалению своих прав. По сути, маргиналы или изгои это не какая-то стабильная социальная группа, которую можно измерить и описать количественно или качественно. Тот, кто считался изгоем, мог принадлежать одновременно нескольким социальным группам или не принадлежать никакой⁵⁷⁰. Довольно любопытно, что ни одна социальная группа

---

⁵⁶⁷ Jotischky A. Ethnic and Religious Categories in the Treatment of Jews and Muslims in the Crusader States // Antisemitism and Islamophobia in Europe : a shared story? - London : Palgrave Macmillan, 2017. P. 26.

⁵⁶⁸ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 382.

⁵⁶⁹ См.: Gutiérrez Baños, F. Op.cit. P.186.

⁵⁷⁰ См.: Medina B. (2016) Márgenes y marginados en el arte medieval. Los pecadores como marginados: el caso de la Lujuria. [Trabajo de Fin de Grado] Universidad de Valencia. Retrieved from <http://>

в Средневековье не является строго ограниченной. Будучи рождённым в высоком сословии, можно было стать изгоем и, наоборот, - быть изгоем не фатально, в любой момент можно вернуться в общество. Нередко встречались такие люди, которые могли быть одновременно изгоями и теми, кто обладал всей полнотой политико-правового статуса.

Всё это определяет отверженность изгоя, качество, которое вынесено в заголовок данного исследования. Он представляет собой обратную сторону правовой и социальной нормы в целом. Его правовой статус определяется тем, что есть определённые черты, которые общество и формирующееся государство не хочет осознавать в самом себе, а потому в правовых актах определяет как наказуемое или, по меньшей мере, неодобряемое.

Что касается «безмолвия» изгоев, то оно частично связано с бесписьменной в своей основе народной культурой, а также тем, что те, в чьих руках находилось перо, не считали необходимым посвящать строки тем, кто в рамках официального правосознания не существовал или не был достоин существования, представлял собой изнанку общества, всё то, что оно пыталось изжить или скрыть как порок. Ни средневековые учёные, ни исследователи Нового времени не уделяли должного внимания голосу маргиналов. Для всех неприглядное в истории не было достойно описания и изучения. Современная историко-правовая методология призвана «оживить», реконструировать основы правового статуса изгоев, особенности их правосознания и правовой культуры. Это довольно смелая задача, если учесть практически полное отсутствие источников, которые историко-правовая наука считает официально признанными и допустимыми. Личность средневекового изгоя видится нечётко, у него нет собственного голоса, идентификацион-

---

https://www.academia.edu/31982055/M%C3%A1rgenes_y_marginados_en_el_arte_medieval_Los_pecadores_como_marginados_el_caso_de_la_Lujuria (дата обращения: 20.05.2022).

ные границы размыты, пространство, как географическое, так и политическое, правовое, ментальное, не определено⁵⁷¹.

Поскольку не только в средневековой Европе, но даже в средневековой Испании огромное количество маргинальных подгрупп, то для рассмотрения была избрана только одна из них - это мусульмане, которые начинают вытесняться на периферию социально-правового пространства в момент становления идеологии реконкисты (отвоевания) или «священной войны» как со стороны мусульман, так и со стороны христиан. Будет использован метод герменевтики, позволяющий осуществлять трактовку не только письменных текстов, но и визуально-образных. В нашем случае рассмотрим испанскую романскую скульптуру как нетрадиционный источник информации об изгоях в целом и о мусульманах в частности.

Романская скульптура как историко-правовой источник. Государственно-правовая система является элементом культуры. Это означает, что государственно-правовые феномены и изобразительное искусство тесно взаимосвязаны. «Искусство прямо или косвенно всегда соприкасалось с правом, отражая его и влияя на представление о справедливом и несправедливом, произволе или насилии, нравственном и безнравственном, прекрасном или безобразном»⁵⁷². Право и искусство не могут быть изолированы друг от друга, поскольку они существуют в едином информационно-коммуникационном пространстве и взаимно обуславливают друг друга. И право, и искусство имеют одну миссию - воспроизведение ценностей, на основе которых формируется социальное поведение. В этом смысле и право, и искусство - нормативные феномены, которые формируют систему общественных оценок и ценностей⁵⁷³. И искусствоведы, и правоведы отмечали время от вре-

---

⁵⁷¹ См.: Lahoz, L. Marginados y proscritos en la escultura gótica. textos y contextos // In Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval. Madrid, CSIC, 2008. P. 213.

⁵⁷² Вишневыкий В. П. Право в изобразительном искусстве // Искусство и право: тенденции развития и формы интеграции / сост. Т. А. Кочемасова, Н. Н. Мухина. Ярославль: Филигрань, 2015. Вып. 1. С. 114.

⁵⁷³ См., например: Лукашева Е. А. Право и культура // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. №5. С. 26-42; Сорокина Ю. В. О

мени эти особенности права и искусства⁵⁷⁴. Если мы говорим об изображениях маргинальных социальных групп, то можно выдвинуть гипотезу о том, что, анализируя детали, можно не только обрисовать их образ, но и определить их статус⁵⁷⁵.

Романское искусство родилось как глобальный язык всей Европы, поэтому оно содержит некоторые тематические константы и стилистику, отвечающую общим религиозным и политическим факторам⁵⁷⁶. Этот язык более универсальный письменный, чем, например, латынь, потому что знание письменного языка - удел немногих, небольшой части общества. Визуальные образы понятны без слов самым широким массам, даже тем, кто безграмотен. Они действуют напрямую на эмоциональную сферу, почти не затрагивая когнитивный аспект сознания. Именно этот момент особенно важен для публичной власти в рамках политической пропаганды. В обществе складываются некие поведенческие паттерны, которые практически не осознаются конкретными индивидами и группами, которые поступают так, а не иначе. Помимо этого формируется отношение к определённым лицам или политическим группам, истоки и значение которого так же не осознаются, не контролируются, критически не осмысливаются.

Романское искусство возникает как совершенно новое направление, которое характеризует всю ситуацию в целом, в том числе, в плане политики и права. Это первый европейский худо-

---

взаимодействии права и культуры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 4 (31). С. 71-87.

⁵⁷⁴ См., например: Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 2001; Кравцов Н. А. Живопись и скульптура в политической жизни Древнего Рима // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4. С. 24-26; Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 2012.

⁵⁷⁵ Muñoz Martínez A. B. Pobreza, enfermedad y exclusión en la iconografía bíblica románica/ / In Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval. Madrid: CSIC, 2008. Pp. 167-183

⁵⁷⁶ Monteiro Arias I. El vecino proscrito: el arte románico como mecanismo de difamación del musulmán en el norte peninsular (siglos XI-XII) // 2005, Actas del V Congreso de Historia Social, Las figuras del desorden: heterodoxos, proscritos y marginados. 10 y 11 de Noviembre. 2005, Universidad de Castilla la Mancha https://www.academia.edu/4697094/El_vecino_proscrito_el_arte_rom%C3%A1nico_como_mecanismo_de_difamaci%C3%B3n_del_musulm%C3%A1n_en_el_norte_peninsular_siglos_XI_XIII (дата обращения: 20.05.2022).

жественный стиль, характеризующийся универсальностью и единством, который не имеет предшественников в средневековом искусстве. Унификация во всех сферах социальной жизни - веяние и атрибут времени, связанный с объединением и унификацией основополагающих политико-правовых принципов, имеющих истоки в процессе зарождения феодальной Европы.

В рамках настоящего исследования рассматривается романская скульптура в Испании в XI-XIII вв. Хотя романское искусство анонимно, но нужно понимать, что у него были определённые исполнители и заказчики. Заказчики в основном формировали запрос, а авторы реализовывали его, закладывая тот смысл, который был предложен, но и интерпретируя окружающий мир индивидуально и неповторимо. Жёсткие канонические формы будут заложены позже, уже в период готики, а пока художник свободен в выборе выразительных средств, хотя связан заказчиком, с точки зрения идеи и сюжета. Зная эти факты, мы можем выявить основы средневекового правосознания в указанном периоде.

Известно, что у истоков романского искусства стоял бенедиктинский орден, его клюнийская ветвь⁵⁷⁷. Именно его представители могут считаться заказчиками оформления церквей. Хотя клюнийское движение обычно связывается с Францией, это не значит, что испанские политические проекты, о которых мы будем говорить далее, например, Реконкиста, были привнесены извне, из другого государства. В рассматриваемый период политические границы в Европе эфемерны. Можно, однако, утверждать, что сама Европа как единый ментальный и культурный феномен начинает свой путь эволюции. Европа складывается как цивилизация, ядром которой становится христианство. Это надгосударственный феномен, который носит не только духовный и морально-нравственный, но политический и правовой характер. Европа как цивилизация должна сложиться в качестве системы, обладающей границами, центром, элементами, расположенными в определённом порядке. Этот процесс выражается в реструктуризации и унификации европейской политики, которая включает в себя два

---

⁵⁷⁷ Ibid.

основополагающих компонента - светский и духовный⁵⁷⁸. Папство, которое можно считать одной из первых транснациональных корпораций, в целях универсализации своей власти начинают формировать христианский мир - *Rex Dei*. Начинается межцивилизационное противостояние, что приводит к военному усилению и консолидации рыцарского сословия. Всё это требует идентификации, то есть отделения себя от внешнего мира, от других цивилизаций, наличия символов.

Одним из символов христианской Европы, её религиозным центром становится Путь Сантьяго. Всё, что на нём происходило, имело серьёзное политическое государство- и правообразующее значение. Не случайно основные памятники романского искусства расположены на этом паломническом пути. Одними из инициаторов возрождения Пути Святого Иакова и придания ему религиозно-политического значения стали клюнийцы. Помимо этого считается, что клюнийцы стали инициаторами введения романской литургии, которая пришла на смену мосарабской. Это носило даже больше политический характер, чем духовный: существовавшая до этого вестготско-мосарабская литургия не просто была сложной для восприятия, обрывочной и неполной, но и подозрительной в новом европейском мире в связи с тем, что она носила отпечаток мусульманской традиции.

Смыслом происходящих, казалось бы, в лоне Церкви перемен стал рост могущества антиисламской коалиции между североиспанскими христианскими королевствами и Францией и Римом. Эта борьба укрепила не только христианство (на тот момент в лице бенедиктинцев), но и королевскую власть, которая находилась в процессе становления. Начиналась Реконкиста и не только в Испании, для которой она была почти естественным процессом (смена власти происходила волнообразно, королевства, отдельные замки и территории меняли своего хозяина практически непрерывно в течение многих столетий). Европа становилась не просто христианской, но антимусульманской цивилизацией. Ради спра-

---

⁵⁷⁸См.: Monteiro I. *Codex Aquilarensis* // Aguilar de Campoo. № 22. 2006. Pp. 146-171

ведливости нужно отметить, что в исламской цивилизации происходили схожие процессы. Рождалась идеология «священной войны против неверных» с обеих сторон, в том числе, в Испании, где христиане и мусульмане веками жили рядом и формировали пограничную культуру, в том числе в области политики и права.

Можно дискутировать по поводу роли клюнийцев в начинающейся Реконкисте, но в любом случае их деятельность заложила идеологические основы борьбы против «сарацин». В любом случае сами средневековые идеологи связывали возрождение одного из крупнейших паломнических путей в Европе, как минимум, с идеологической борьбой против иберийского ислама. В Испании устанавливается абсолютное господство бенедиктинского ордена через его клюнийскую ветвь. Они были более всего озабочены проблемами противостояния с исламом и ведением «священной войны». Форпостом этой борьбы стала Испания, а разрозненные христианские королевства восприняли растущую роль Церкви как инструмент для усиления своего влияния. Возникает антиисламская идеология, которая распространяется посредством хроник и других письменных источников. Однако большая часть населения принадлежит к бесписьменной культуре. Это свидетельствует о необходимости развернуть пропаганду другими средствами⁵⁷⁹.

Новая идеологическая конструкция борьбы объединённого христианства против ислама породила специфическую идеологию религиозно-политического характера. В рамках этой идеологии рождалась и пропаганда, как обычно, более грубая форма внушения, в рамках которой мусульмане приобретали всё более негативный образ, пока не стали даже демонизироваться. В обыденном сознании эта идея проявилась особенно ярко растущему числу лже-пророков, которые не были на службе у власти, в том числе Церковной, но при этом привлекали простой народ чудесами, яркими выступлениями, громкими пророчествами. Эти образцы не были записаны, известны, скорее, эффекты от их деятельности, поскольку в отдельных случаях они могли довести народ до истерики и даже до погромов, которые раньше не наблюдались, по-

---

⁵⁷⁹ Ibidem.

скольким простым людям любого вероисповедания, скорее, стремились создать приемлемые условия для совместного проживания в едином географическом и политико-правовом пространстве.

Те немногие источники, в которых создавался образ «другого» в официальном и профессиональном правосознании, были написаны монахами и предназначались для образованной публики. Образ «другого» в обыденном правосознании был более близким мироощущению простонародья. Для его описания характерны грубые, порой нецензурные, выражения и такие же выразительные средства использовали и в изобразительном искусстве. К началу XII века один из образов врага - сарацин - уже сложился. Этот процесс был двусторонним. На противоположной стороне полуострова новые династии формировали враждебную идеологию по отношению к христианам, и модель «священной войны» оказалась оформлена практически одновременно. Но сегодня нас будут интересовать выразительные средства пропаганды со стороны христиан.

Так, можно отметить наличие целой иконографической программы по опорочиванию мусульман, которая отразилась в романских изображениях на капителях и в изображениях архитектурных деталей портиков и крыш церквей и соборов в крупных городах и небольших посёлках. Изучение этой программы началось не так давно. Оно связано с введением в историко-правовую науку новых методологических подходов, которые позволяют с высокой степенью вероятности интерпретировать образы изобразительных искусств, с точки зрения политики и права. В ряде случаев можно выразить полное согласие с авторами, на которых будут в дальнейшем приводиться ссылки, а в некоторых - можно оставить место для сомнений. Эти ситуации будут прокомментированы отдельно.

Самое главное, что позволяет работать с источниками изобразительного искусства в качестве историко-правовых - это данные социальной психологии. В частности, уже в средневековый период было замечено, что для того чтобы некая информация казалась правдивой, необходимо создать подкрепляющий зрительный образ. Визуальное восприятие является ведущим в большинстве

случаев, а зрительные образы дольше всего остаются в памяти. Именно они представляются самыми точными и правдивыми. Всё это неосознанно, без научного подкрепления привело к необходимости создания образа мусульманина, характерного для романского искусства, который оказал значительное влияние на формирование обыденного правосознания.

Христиане и мусульмане на Иберийском полуострове в Средние века. О взаимном восприятии мусульман и христиан на Иберийском полуострове стоит упомянуть отдельно. Это восприятие значительно отличалось от того, которое сложилось у остальных европейцев. Разителен контраст даже с соседней Францией. У испанцев сложилось двойственное отношение к мусульманам: не только как к завоевателям, но и как к людям, с которыми они жили рядом в течение нескольких веков. По-другому воспринимали мусульман французы, так как они пережили краткие периоды завоевания, и не были вынуждены ежедневно сосуществовать с простыми людьми, но подверглись тяготам периодических военных операций. Это, несомненно, повлияло на образ мусульманина как среди элиты, так и среди представителей простонародья.

Между официальным и профессиональным правосознанием, с одной стороны, и обыденным, с другой стороны, пролегла пропасть. Все модели, представляющие мусульман в виде чудовищ, практически не находили своего адресата в период Средневековья в Испании. Этот любопытный факт, который отчасти объясняет (хотя сам не до конца осознан в науке) преимущественно положительное отношение к изгоям в народной культуре. Простонародное воображение осталось глухо к насаждаемым образам и не пошло по пути их обогащения и трансляции. Мусульмане и христиане в ту эпоху жили смешанно, по соседству друг с другом. Отношение к бедным людям со стороны местных властей, сеньоров было несправедливым вне зависимости от этнической или религиозной принадлежности, допускалась (а нередко считалась необходимой) жестокость. Поэтому соседи-мусульмане были ближе христианам, чем сеньоры. Простым людям, чья религия ещё не установилась в полной мере, не мешало культурное разнообразие, о чём свидетельствует огромное количество межрелиги-

озных браков⁵⁸⁰ в средневековой Испании, не говоря уже об иных близких отношениях между представителями разных религий. А. Тахири пишет, что христиане и мусульмане не только жили по соседству, но даже могли делить жилища⁵⁸¹. Несмотря на появляющиеся время от времени правовые акты, запрещающие те или иные формы взаимоотношений, разорвать сложившиеся связи было невозможно⁵⁸².

И даже короли не стремились следовать советам Церкви и принимать нормативные акты против иноверцев или ужесточать имеющиеся. Имеются сведения даже о положительной дискриминации в пользу мусульман в христианских королевствах Испании. Отношения политического и экономического характера как с мусульманскими правителями, так и с отдельными представителями «мавров» в Испании были распространённым явлением, поскольку они нередко были очень выгодны для обеих сторон. Подданные мусульмане, которые платили налоги, развивали науку, литературу, искусство, нередко служили советниками при дворе, да и как простые ремесленники приносили пользу, были выгодны правительству. То же самое происходило и с другой стороны. Поэтому ни мусульманское, ни христианское правительство не было заинтересовано ни в изгнании, ни даже в обращении иноверцев. Всё это пришло гораздо позже, к Новому времени. Более того, нельзя не согласиться с уважаемым исследователем испанского средневековья, И. И. Варьяш о том, что совместная христианско-мусульманская история даёт возможность определить испанскую

---

⁵⁸⁰ См.: Marín Guzmán R. Las fuentes árabes para la reconstrucción de la historia social de la España musulmana. Estudio y clasificación // Estudios de Asia y Africa. 2004. Vol. 39, №. 3 (125). P. 515. URL: <http://redalyc.uaemex.mx/pdf/586/58639301.pdf> (дата обращения: 10.12.2011); Калинина Е. Ю. Становление государственно-правовой системы средневековой Испании: цивилизационный подход. Дисс...д.ю.н. Санкт-Петербург, 2021. С. 152.

⁵⁸¹ См.: Tahiri A. Las clases populares en al-Andalus. Málaga, 2003. P. 38; Калинина Е. Ю. Указ. соч. С. 154.

⁵⁸² См.: Narbona Vizcaíno R. Tras los rastros de la cultura popular: Hechicería, supersticiones y curanderismo en Valencia medieval // Edad Media: revista de historia. 1998. №. 1. P. 100.

средневековую культуру как особый тип цивилизации⁵⁸³. Добавим: пограничной цивилизации.

Но наступает эпоха, когда исламское цивилизационное влияние вновь начинает расти. Завоевание Святой земли и римская идея *Rex Dei* являются фундаментальными основами средневековой геополитики того времени. Во многом это связано с тем, что европейская государственно-правовая система дошла в своём развитии до такого высокого уровня, когда власть начинает восприниматься в связке с территорией, что означает становление государственности. Испания при этом начинает реконкисту ещё и потому, что правительства христианских королевств явственно ощущают усилившуюся культурную колонизацию. Аль Андалус становится ключевой точкой, ядром этого процесса.

Влияние Аль Андалуса на европейскую культуру в принципе хорошо изучено, поэтому очевидна опасность, которой подвергалась христианская культура, испытывающая всё большее влияние со стороны ислама. Одежда, музыка, язык, сельское хозяйство и системы орошения, гастрономия, не говоря уже о науках, испытали влияние мусульманской культуры. Конечно, нужно отметить, что столь блестящих результатов добились именно в Аль Андалусе, где происходила встреча исламской и христианской культуры, а не в монокультурных зонах, что подчёркивает важность культурного пограничья. Но культурный расцвет влиял и на экономическое и политическое могущество, что не могло устраивать правителей христианских королевств, которые начинают идентифицировать себя в таких терминах как империя.

С другой стороны, не стоит представлять себе благостную картину. Конечно, с обеих сторон было огромное количество жестокости, недоверия, ненависти, особенно в период открытых военных столкновений. Средневековые источники красноречиво свидетельствуют о разорённых землях, разграбленном имуществе, сожжённых или осаждённых поселениях, разрушенных церквях и

---

⁵⁸³ См.: Варьяш И. И. Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII–XV вв. М., 2001. С. 7.

осквернённых образах⁵⁸⁴. Красноречиво свидетельство из другой эпохи и другой страны, Италии, которое можно привести, поскольку именно на итальянских землях можно было наблюдать ситуацию, похожую на испанскую на несколько столетий раньше. Флорентийский купец Лука Ландуччи (1460-1516), восторженный сторонник Джироламо Савонаролы, представляет собой интересное свидетельство двойственного отношения флорентийцев к сарацинам. В своём дневнике Лука часто с энтузиазмом отзывался о крестовых походах во Флоренции, выражал надежду, что необходимо объединить силы разрозненных политических союзов Италии против неверных, осуждая жестокость мусульман, которые предавали огню деревни, уводили женщин и продавали христиан в рабство. Однако в другом месте своего дневника он похвалил щедрость турецкого посла во Флоренции за то, что тот подарил городу экзотических животных, и одобрительно описал празднества и торжества в честь его прибытия⁵⁸⁵. Ещё раз подчеркнём: ситуация, складывающаяся в течение нескольких столетий, не может отличаться единообразием. Двойственность взаимоотношений между христианами и мусульманами характерна для европейских средневековых источников.

Антиисламская идеология в Европе полностью утвердилась в 1095 году, когда был организован первый Крестовый поход. Обращаясь ко всем западным христианам и умоляя их «освободить» Святую землю, Папа Римский пообещал погибшим за веру воинам вход в Рай, а сами рыцари объявлялись мучениками. Сакрализация войны повлекла за собой демонизацию противника, поскольку эта кампания рассматривалась не как конфронтация между политическими образованиями или группами людей, а скорее как необходимая война против врага Бога - дьявола⁵⁸⁶. Таким образом,

---

⁵⁸⁴ См.: García Fitz F. Lección de Clausura. Islám visto por Alfonso X // *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales*. Avila: Fundación Sánchez Albornoz, 2009. Pp. 412–413.

⁵⁸⁵ Nirit Debby Ben-Aryeh, *Visual rhetoric: images of saracens in florentine churches*. - *Anuario de Estudios Medievales on Preaching in Middle Ages*, Vol. 42. Barcelona, 2012. Pp.7-28.

⁵⁸⁶ Monteiro I., Hernandez Aguilar L.M. *Seeking the origins of Christian representation of Islam // Islamophobia Studies Yearbook*. Wien, 2016. P.86.

христианские общества Западной Европы разработали собственные критерии оценки и описания мусульман и их верований. Средневековые христиане основывали своё восприятие ислама не столько на практике и догматах самого ислама, сколько на своих собственных предубеждениях⁵⁸⁷. Очевидно, что эта идеология привела к созданию монолитного ментального образа мусульманина, который мы можем найти во многих средневековых текстах, в том числе, визуального характера, если мы говорим более широко о текстах культуры.

Образ мусульман в романском искусстве: гипотезы и факты. Художественные образы нередко используются для обозначения мест межкультурных разрывов и определения границ как во времени, так и в пространстве⁵⁸⁸. Скульптурные изображения в романских церквях, созданные в XI-XIII вв., были эффективным средством обучения населения, транслятором идей и пропагандистских штампов. Конечно, большая часть сюжетов воспроизводит сцены из Библии. Но в романских церквях можно встретить множество других изображений, смысл которых не всегда поддаётся современной расшифровке. В скульптурных изображениях, которые встречаются как в официальном оформлении храмов, так и в скрытых местах, в дополнение к традиционным для средневекового искусства библейским сюжетам можно встретить светские и мифологические изображения, в которых отражены общественные представления о социальной действительности. Как уже говорилось, в ряде случаев заказчик оказывал фундаментальное влияние на изображаемый сюжет и заложенный смысл. В каких-то случаях художник мог позволить проявиться своей фантазии. Однако сегодня в России лишь в немногих академических исследованиях более пристально изучается романская иконография и анализируются политико-правовые коннотации этих изображений.

---

⁵⁸⁷ Jakobsson S. Op.cit.

⁵⁸⁸ См.: Akbari S. The Other's Images: Christian Iconoclasm and the Charge of Muslim Idolatry in Medieval Europe // Images of Otherness in Medieval and Early Modern Times: Exclusion, Inclusion, and Assimilation. Ed. Anja Eisenbeiss and Lieselotte E. Saurma-Jeltsch. Berlin ; München: Deutscher Kunstverlag, 2012.

В этом присутствует логика. Романское искусство носит в значительной степени символический характер, и изображения не всегда передают очевидный смысл. Поэтому важно определить менталитет рассматриваемых народов и изучить тексты той эпохи, когда создавались романские образы.

Трактовка художественных сюжетов - задача довольно непростая, даже если мы примем как факт, что художник всегда отражает свою эпоху, общесоциальные представления о добре и зле, о преступлении и грехе, об основополагающих ценностях. Простой пример. Те авторы, которые всё же принимаются за расшифровку символов, заложенных в произведениях искусства, например, могут утверждать, что образ зверя, соответствующий христианской риторике, может восприниматься как образ врага. Из этого вытекает ряд исследований испанских авторов на «звериную тему» в романском искусстве. В целом сравнение мусульман с дикими зверями характерно для средневековых письменных источников. В романском искусстве можно встретить огромное количество животных, нередко фантастических, часто противостоящих людям, но, конечно, не стоит думать, что все они относятся к религиозным оппонентам. Это было бы слишком просто и не стоило бы постановки отдельного вопроса и разработки методологической программы для изучения этого вопроса.

Современные российские исследователи средневековой европейской иконографии, такие как С. Зотов и М. Майзульс⁵⁸⁹, отмечают факт многозначности и сложности визуальных образов эпохи. Они подчёркивают, что один и тот же символ мог быть носителем разного содержания. Всё было ситуативно, тем более что количество визуальных образов, используемых в иконографии не столь велико. Да и простой необразованный зритель мог не запомнить большое количество разных образов. Гораздо проще было создать несколько визуальных метафор и наполнять их разным содержанием в зависимости от ситуации.

---

⁵⁸⁹ См., например: Зотов С., Харман Д., Майзульс М. Страдающее Средневековье. М., 2018.

В романском искусстве редко встречаются фигуры только с отрицательным или только положительным значением. Даже образы святых могли наполняться негативным содержанием. Например, художник мог (непонятно, по чьей воле и позволению) поиздеваться над образами, связанными с Церковью, или сделать это в назидание (скажем, обезьяна или осёл в образе священника или даже епископа). Никаких серьёзных моральных или юридических ограничений, по-видимому, у художников не было, по крайней мере, такие случаи в рассматриваемый период не стали достоянием историков. Единственным, безусловно, положительным образом мог быть только Иисус (или Бог, Троица) и Мария.

Романское искусство было почти идеальным инструментом для рождения светско-духовной политико-правовой идеологии в рамках церковного мышления. В социальной философии господствовала эсхатологическая идея, в которой доминировала дуалистическая мысль о борьбе добра со злом в лице Бога и Дьявола. В условиях формирующейся Реконкисты это стало идеальной метафорой священной войны между христианством и исламом - не просто политической борьбы за цивилизационное влияние и владение землями, но борьбы добра и зла. Враг обезчеловечивается в пропаганде, и это очень важно, чтобы снять положительные чувства к нему у зрителей. Хорошим примером являются слова Бернара Клеврского, отца и учителя церкви XII в., который, в частности, сказал, что тот, кто забирает жизнь врага, совершает не гомицид (то есть убийство человека), а малицид (*malicida, malicide*), то есть уничтожение зла⁵⁹⁰.

Один из наиболее значимых аспектов средневекового искусства - это повторяемость сюжета борьбы. Либо это сражение между людьми (рыцарями), либо битва между людьми и животными. Как справедливо считают современные испанские исследователи⁵⁹¹, смысл этих сюжетов не мог быть абстрактным. В трудной геополитической ситуации, когда ожесточались битвы христиан и мусульман на разных фронтах, не только на полуострове, но и на

---

⁵⁹⁰ Monteiro Arias I. *El vecino proscrito...*

⁵⁹¹ См.: Monteiro I. *Codex Aquilarensis...*

Святой земле, художники не могли не знать и не думать о том, что происходило в окружающем их мире⁵⁹².

Образы становились всё более вычурными, что вполне естественно, поскольку искусство обладает только выразительными средствами, посредством которых нужно не удовлетворить эстетический вкус, как это мы представляем себе сегодня, а рассказать историю широкой публике, донести какую-то идею, сформировать представление о какой-то проблеме. Так зло в романском искусстве, как считают исследователи, обычно визуализируется с помощью фигур животных, часто бесформенных, то есть которых трудно отнести к какому-то реальному виду, часто просто монстров. Добро изображается в виде благостных (по мысли заказчика) образах, чаще всего связанных с Христом или пасторальных библейских сценах, например, рая. В общем, историки признают этот факт, и, казалось бы, в нём нет ничего нового. Однако историки часто описывают этот факт абстрактно, то есть именно в терминах борьбы добра со злом. Стоит заглянуть за кулисы создания этих образов и попробовать расшифровать, а что в современном им обществе сподвигало создавать произведения искусства именно такого формата и с такими сюжетами. Очевидно, что ни один художник не будет создавать какую-то композицию, не имея идеи, которая витает в воздухе и волнует его самого и его зрителей. Тем более если мы вспомним, что в Средневековье художники, как правило, творили в рамках жёсткого заказа.

Художественная традиция представления добра и зла в виде животных очень древняя, и связывается именно с востоком. В рассматриваемую эпоху этот способ визуализации получил новую жизнь и моральное назначение в христианстве. Служители культа, несомненно, были знакомы со «звериными темами» в исламском искусстве, не были они чужды и простому зрителю, поскольку испанские мусульмане широко использовали эти мотивы в резьбе по дереву.

---

⁵⁹² См., например: Gómez Gómez, A. ...Y lo cotidiano en la iconografía románica de la Ribera del Duero // Biblioteca: estudio e investigación. №23. 2008. Pp. 215-236.

В этой идентификации нет ничего странного. Немало этому способствовали ассоциации, приходившие с мусульманских территорий. Так, например, в одном восхвалении Пророка в Кордове говорилось, что он мог проповедовать учение даже неразумным зверям (подобный сюжет есть и в христианстве), что было немедленно подхвачено христианскими проповедниками, причём делалась прямая ассоциация между теми, кому проповедают ислам и зверями. В христианских проповедях часто говорилось уже не о неразумных, а о диких зверях⁵⁹³. Апокалипсис и его отсылка к Зверю привели средневековых монашеских мыслителей к описанию Дьявола в любой животной форме⁵⁹⁴. Через христианские тексты описания переходят в литературу той эпохи, в которой получают чрезмерную, порой гротескную окраску. Так, например, в письменных и устных текстах Средневековья мусульмане приобретают деформированный монструозный облик. Персонажи-мусульмане обладают двумя ртами, двумя носами и четырьмя руками. Нередко описываются огромные зубы. Как обычно для обычного сознания, деформированные уродливые черты связываются с характером, с внутренними качествами. Уродство связывается с отрицательными личностными характеристиками и отсылается к дьяволу. Деформированное уродство приводит к формированию образа животного или монстра.

Одним из образов, противостоящих сражающемуся рыцарю, является кентавр с луком и стрелами. Исследователи нередко ассоциируют его со знаком Стрельца, то есть с колесом года. Но вот интересный образ в одной из небольших церквей провинции Севовия: на голове кентавра исследователи находят головной убор, напоминающий тюрбан. Это даёт основание выдвинуть гипотезу о том, что возможно художник почему-то идентифицировал мифологическое существо с вполне реальным образом⁵⁹⁵. Эта гипотеза поддерживается тем известным фактом, что одним из наиболее распространённых видов оружия у мусульман Аль Андалуса были

---

⁵⁹³ См.: Monteiro I. Codex Aquilarensis...

⁵⁹⁴ Monteiro I., Hernandez Aguilar L.M. Op.cit. P. 86.

⁵⁹⁵ См.: Monteiro I. Codex Aquilarensis...

лук и стрелы. Для образа христианского воина характерно наличие копья и меча (например, Песнь о моём Сиде).

Преимущественное использование лука и стрел как оружия в битвах с мусульманами подтверждается и традиционными источниками. В *Primera Crónica General de España* (конец XIII века) рассказывалось о том, что когда мусульмане наступали, они использовали в боях чернокожих женщин с короткими волосами, которые были отличными лучницами. Другие хроники (*La Chronica latina de los Reyes de Castilla*) описывают использование мусульманами стрел в бою⁵⁹⁶.

Здесь нужно сделать следующий комментарий. Долгое совместное существование христиан и мусульман на Иберийском полуострове оставило глубокий след в таких бытовых деталях как одежда или оружие. Нередко в деревне их делал один мастер. Помимо этого в одежде было немало схожих деталей. И сегодня в одной из провинций Испании есть деталь национального костюма, называемая кобихадо. Визуально она настолько похожа на бурку, что даже современные испанцы считают, что она осталась со времён мусульманского владычества. Самое любопытное, что историки костюма однозначно утверждают, что это наследие кастильского костюма и не имеет ничего общего с исламской одеждой. Этот факт должен служить серьёзным ограничением при подобных толкованиях, хотя они являются очень любопытными и открывают перед историком права значительные перспективы.

Выводы. Представленный подход к интерпретации визуальных образов Средневековья даёт огромный простор для изучения и формирования нового взгляда на огромное количество скульптурных работ, которые во множестве представлены в испанских и французских храмах романского периода. Можно с уверенностью заявлять, что в большинстве случаев перед нами откроется дверь в пространство ментальности и смыслов изучаемой эпохи. «Каменные изображения были одним из видов уроков, которые церковь давала прихожанам»⁵⁹⁷. Образ в Средневековье - это важная часть

---

⁵⁹⁶ Там же

⁵⁹⁷ Monteiro Arias I. El vecino proscrito...

устной проповеди для представителей бесписьменной или малописьменной культуры⁵⁹⁸. Скорее всего, если такая гипотеза будет допущена, то при сопоставлении сделанных открытий при изучении представленных в храмах визуальных образов с письменными свидетельствами может быть найдено подтверждение проводимой в настоящем исследовании мысли в официально признаваемых историко-правовой наукой источниках. В этом случае можно будет говорить уже не о гипотетическом, а о вполне легитимном введении этих источников в науку. Тот факт, что романское искусство теснейшим образом связано с Церковью, а также с формированием государственно-правовой идеологии, заставляет историка права изучать романские изображения в совокупности с письменными текстами.

Список литературы

1. Варьяш И. И. Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII–XV вв. М., 2001.
2. Вишнеvский В. П. Право в изобразительном искусстве // Искусство и право: тенденции развития и формы интеграции / сост. Т. А. Кочемасова, Н. Н. Мухина. Ярославль, 2015. Вып. 1.
3. Зотов С., Харман Д., Майзульс М. Страдающее Средневековье. М., 2018.
4. Калинина Е. Ю. Становление государственно-правовой системы средневековой Испании: цивилизационный подход. Дисс... д.ю.н. Санкт-Петербург, 2021.
5. Кравцов Н. А. Живопись и скульптура в политической жизни Древнего Рима // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4.
6. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000.
7. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005.
8. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 2012.
9. Лукашева Е. А. Право и культура // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. №5.

---

⁵⁹⁸ Lahoz L. La imagen del marginado en el arte medieval. *Clio & Crimen.*, 2012, №9, P. 51.

10. Сорокина Ю. В. О взаимодействии права и культуры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 4 (31).
11. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 2001.
12. Akbari S. The Other's Images: Christian Iconoclasm and the Charge of Muslim Idolatry in Medieval Europe // Images of Otherness in Medieval and Early Modern Times: Exclusion, Inclusion, and Assimilation. München, 2012.
13. García Fitz F. Lección de Clausura. Islám visto por Alfonso X // Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia: XI Congreso de Estudios Medievales. Avila, 2009.
14. Gómez Gómez A. Y lo cotidiano en la iconografía románica de la Ribera del Duero // Biblioteca: estudio e investigación, №23, 2008.
15. Gutiérrez Baños F. Los marginados en la pintura española de estilo gótico lineal: un discurso iconográfico para la afirmación de valores establecidos // In Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval. Madrid, 2009.
16. Jakobsson S. Saracen Sensibilities: Muslims and Otherness in Medieval Saga Literature // The Journal of English and Germanic Philology. Vol. 115. №. 2. 2016.
17. Jakobsson S. Saracen Sensibilities: Muslims and Otherness in Medieval Saga Literature // The Journal of English and Germanic Philology. Vol. 115. №. 2. 2016.
18. Jotischky A. Ethnic and Religious Categories in the Treatment of Jews and Muslims in the Crusader States // Antisemitism and Islamophobia in Europe : a shared story? London, 2017.
19. Lahoz L. La imagen del marginado en el arte medieval. Clio & Crimen. 2012. №9.
20. Lahoz L. Marginados y proscritos en la escultura gótica. textos y contextos // In Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval. Madrid, 2008.
21. Marín Guzmán R. Las fuentes árabes para la reconstrucción de la historia social de la España musulmana. Estudio y clasificación // Estudios de Asia y Africa. 2004. Vol. 39. №. 3 (125).
22. Medina B. Márgenes y marginados en el arte medieval. Los pecadores como marginados: el caso de la Lujuria. [Trabajo de Fin de Grado] Universidad de Valencia. 2016. Retrieved from http://https://www.academia.edu/31982055/M%C3%A1rgenes_y_marginados_en_el_arte_medieval_Los_pecadores_como_marginados_el_caso_de_la_Lujuria (дата обращения: 20.05.2022).
23. Monteiro I. Codex Aquilarensis // Aguilar de Campoo. № 22. 2006.

24. Monteiro Arias I. El vecino proscrito: el arte románico como mecanismo de difamación del musulmán en el norte peninsular (siglos XI-XII) // Actas del V Congreso de Historia Social, Las figuras del desorden: heterodoxos, proscritos y marginados, 2005. https://www.academia.edu/4697094/El_vecino_proscrito_el_arte_rom%C3%A1nico_como_mecanismo_de_difamaci%C3%B3n_del_musulm%C3%A1n_en_el_norte_peninsular_siglos_XI_XIII_ (дата обращения: 20.05.2022).
25. Monteiro I., Hernandez Aguilar L. M. Seeking the origins of Christian representation of Islam // Islamophobia Studies Yearbook. Wien, 2016.
26. Muñoz Martínez A. B. Pobreza, enfermedad y exclusión en la iconografía bíblica románica / In Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval. Madrid, 2008.
27. Narbona Vizcaíno R. Tras los rastros de la cultura popular: Hechicería, supersticiones y curanderismo en Valencia medieval // Edad Media: revista de historia. 1998. №. 1.
28. Nirit Debby Ben-Aryeh, Visual rhetoric: images of saracenns i florentine churches. Anuario de Estudios Medievales on Preaching in Middle Ages. Vol. 42. Barcelona, 2012.
29. Tahiri A. Las clases populares en al-Andalus. Málaga, 2003.

Хащина Эллина Эдуардовна

**Исторический обзор правового регулирования культурной
и языковой политики Канады как инструмента
предотвращения сецессии**

Специфика каждой страны, включая особенности правовой системы, национально-культурный и этнический состав населения определяет свой особый индивидуальный путь сохранения целостности, и те средства, которые эффективны в одной стране, не могут гарантированно предотвратить выход отдельной территории из состава другого государства. Тем не менее, изучение положительного опыта различных стран может оказаться полезным и позволит выявить наиболее универсальные антисецессионные механизмы. В этом отношении опыт Канады представляет особый интерес для российского исследователя, что напрямую связано с полиэтническим составом населения этой страны.

К концу XX столетия был накоплен исторический опыт, свидетельствующий об опасности попыток изменения территорий компактного проживания этносов с целью достижения государственного единства и сплочения нации. Как отмечает А.В. Блещик «избрание федеративной формы государственного ства - наиболее адекватный ответ на вызовы многоэтничности, поскольку федерация позволяет обеспечивать интересы сформировавшихся наций в условиях единого многонационального государства»⁵⁹⁹. В то же время, тема многонационального или же этнического федерализма является в значительной степени дискуссионной. Это обусловлено тем, что по меткому выражению И. А. Старостиной «репутация этнического федерализма в мире основательно подорвана»⁶⁰⁰. Во многом этот тезис связан с высоким сепаратистским потенциалом государств, основанных по такому принципу. Американский исследователь Филип Редер приводит в своем исследовании статистические данные, свидетельствующие о крайней нестабильности такого рода государственных образований. Он отмечает, что из восемнадцати национальных федераций, существовавших в период с 1901 по 2008 г., пять вернулись к централизации и так и не реализовали заявленное в конституционном законодательстве рассредоточение власти (Бирма, Индонезия, Нигерия, Танзания и Россия). Еще восемь государств такого рода пережили сепарацию или развал (Австро-Венгрия, Малайзия, Пакистан, Сербия - Черногория, Советский Союз, Чехословакия, Эфиопия и Югославия), а одно – Босния и Герцеговина – управляется международным сообществом⁶⁰¹. Фактически, успешным примером функционирования национальных или этнических федераций могут служить лишь три государства – Бельгия, Индия и Канада.

---

⁵⁹⁹ Блещик А. В. Национальная политика и регулирование национальных отношений в зарубежных федерациях // Российский юридический журнал. 2014. С. 36.

⁶⁰⁰ Старостина И. А. Политико-правовые проблемы этнического федерализма на пути формирования стратегии национального развития России: конституционно-правовые аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С.48.

⁶⁰¹ Roeder F. Ethnofederalism and Mismanagement of Conflicting Nationalisms // Erk J., Anderson L. (Eds.). The Paradox of Federalism: Does Self-Rule Accommodate or Exacerbate Ethnic Divisions? Abington, UK, 2010. P. 23.

Проблема национального, культурного и языкового разнообразия населения Канады возникла с самого начала политической истории этой страны, точкой отсчета которой является 1534 г.: именно тогда мореплаватель из Бретони Жан Картье положил начало французской колонизации Северной Америки и объявил землю, по которой протекала река Ошелага (ныне река Святого Лаврентия) собственностью французской короны. В то же время на территорию, на которой располагается современная Канада, предъявили свои претензии англичане, что привело к четырем францужско-британским войнам, завершившимся подписанием в 1763 г. Парижского мира, закрепившего отказ Франции от территориальных претензий на Канаду и юридическое закрепление ее под властью английской короны. Несмотря на это, французские колонисты продолжали составлять значительную часть населения Канады, поскольку лишь немногие могли позволить себе дорогостоящее путешествие обратно во Францию.

Как нормативная регламентация, так и практика сосуществования англичан и французов на территории Канады с самого начала принципиально отличалась от соседних Соединенных Штатов Америки, где власти пытались реализовать модель «плавильного котла» - максимальной интеграции населения и ассимиляции вновь прибывших, обусловленную, во многом, необходимостью сплочения населения перед внешней угрозой. Огромная территория позволяла британскому и французскому сообществу свободно разместиться, не стесняя друг друга, а позиция метрополии по отношению к Канаде изначально была более гибкой и направленной на повышение лояльности франко-канадского населения к британскому правлению. Она нашла отражение в Квебекском акте 1774 г., позволившем этническим французам не только использовать свой язык и исповедовать католическую религию, но и применять на территории своего проживания (которая, как допускалось в акте, могла быть увеличена) французское право⁶⁰².

---

⁶⁰² См. Нохрин И. М. Квебекский акт 1774 года: к вопросу о причинах создания // Вестник ЧелГУ. 2012. №25 (279). С. 94.

Конституционным актом 1792 г. Канада разделялась на Верхние и Нижние земли, а в 1867 г. принятый в Великобритании Акт о Британской Северной Америке разделил Канаду, объявленную британским федеративным доминионом, на четыре провинции, тем самым предоставив французскому сообществу некоторую долю автономии. Однако проблема сосуществования франко- и англо-канадцев не могла быть решена юридическим путем, поскольку ее корни уходили в экономику. Французское население придерживалось традиционного уклада жизни, проживая, преимущественно, в сельской местности и ведя натуральное хозяйство, в то время как англоканадцы ориентировались на урбанизацию и индустриализацию, активно развивая промышленность и поддерживая экономические связи с метрополией. Это привело к экономическому отставанию франко-канадцев и росту недовольства жителей провинции, которое, однако, долгое время носило латентный характер.

Говорить о появлении реальной угрозы целостности Канадской федерации можно лишь в начале 1960-х гг., ознаменовавшихся ростом национально-сепаратистских устремлений в провинции Квебек, процент франкоговорящего населения которой составлял и составляет около 80 %.

Вторая половина XX в. ознаменовалась проведением двух референдумов (1980 и 1995 гг.) по вопросу о политическом суверенитете Квебека, что было напрямую связано с деятельностью Квебекской партии, сторонники которой требовали признания политической и экономической независимости Провинции. Противники независимости с небольшим отрывом одержали победу.

Высокий уровень напряженности, конфликтности и соперничества между сторонами достигнув пика в 1960-70-х гг., к концу XX в. начал постепенно снижаться (что не исключало отдельных вспышек конфронтации), что, на наш взгляд, свидетельствует об осознании как федеральным правительством, так и властями Квебека необходимости сотрудничества и поиска компромиссов, а впоследствии – и консенсуса. На выборах 2018 г. на провинциальных парламентских выборах подавляющее большинство голосов избирателей (74 места из 125) получила партия «Коалиция за бу-

дущее Квебека» («Coalition Avenir Québec» или CAQ) и сформировала правительство под руководством Франсуа Лего. В отличие от побеждавших ранее партий CAQ поддерживает идею сохранения Квебека в составе Канады и обещает не проводить референдум об отделении, однако настаивает на предоставлении федерацией большей автономии для Квебека. Полагаем, что подобный выбор квебекских избирателей позволяет говорить об эффективности предпринимаемой федеральными властями политике. Гибкость, проявленная при выстраивании отношений между Канадой и Квебеком, учет национальных особенностей населения Провинции, отраженный в правовых актах не только не стали источником для подпитки сепессионистских настроений, но, напротив, создали условия для гармоничного сосуществования Квебека в составе единой Канады.

Языковая политика является наиболее уязвимым вопросом в отношениях между Канадой и Квебеком. Соотношение англоговорящего и франкоговорящего населения в Канаде согласно переписи 2021 г. составляет 56,0 % и 24 % соответственно⁶⁰³. В провинции Квебек это соотношение принципиально отличается: на французском языке говорят 85,4 % жителей провинции. При этом 14,5 % являются аллофонами, т. е. их родным языком не является ни французский, ни английский, и лишь 8,9 % жителей считают родным языком английский. Таким образом, если на территории Канадской федерации преобладает англоязычное население, то на территории провинции Квебек англофоны являются языковым меньшинством.

Краткий исторический экскурс эволюции языковой и культурной политики Канады показывает, что канадская федерация изначально ориентировалась на билингвизм, что получило отражение на самом высоком правовом уровне. Уже в Конституционном акте 1867 г. в качестве официальных языков были закреплены английский и французский. В то же время де-факто подавляющее большинство субъектов федерации использовали английский

---

⁶⁰³ Statistics Canada. URL: <https://www12.statcan.gc.ca/census-recensement/index-fra.cfm?MM=1> (дата обращения: 26.06.2022)

язык, и, как следствие, на всей территории страны за исключением Квебека французский язык играл второстепенную роль. Отказ от использования иных правовых инструментов регламентации статуса языка приводил к ущемленному положению франкофонов, в частности, английский язык вплоть до 1959 г. оставался единственным языком государственного управления на всей территории страны, включая Квебек⁶⁰⁴.

Законодательство провинции развивалось по иному пути, нередко вступая в противоречие с федеральным. Так, в 1974 г. парламент Квебека принял Закон об официальных языках, а в 1977 г. была принята Хартия французского языка, целью которых была защита французского языка, объявленного единственным официальным на территории Провинции. Так, согласно Хартии все дорожные знаки, наименования улиц, вывески и рекламные щиты должны быть выполнены на французском языке, он также подлежал использованию в качестве рабочего на крупных и средних промышленных предприятиях Квебека. Французский язык объявлялся единственным для получения образования в средней школе. Статья 73 Хартии закрепляла следующую норму: «Могут получать образование на английском языке, по требованию их отца и матери, дети, отец и мать которых получили в Квебеке начальное образование на английском языке»⁶⁰⁵. Эта норма фактически исключала возможность выбора жителями Квебека англоязычного учебного заведения, в то время как Конституционный Акт о Канаде предоставлял родителям ребенка право выбора.

Конституционный акт 1982 г., дополнивший Акт о Канаде, дополнил норму о двух официальных языках указанием на необходимость официального использования двух языков в федеральных органах государственной власти и провинции Новый Брансуик. Остальные провинции получили право принимать решения по вопросам, связанным с использованием одного официального языка внутри провинции самостоятельно, при условии

---

⁶⁰⁴ Corbeil J.-Cl. *Théorie et pratique de la planification linguistique // Langues et usage des langues*. Québec, 1990. P. 13-27.

⁶⁰⁵ *Recueil des législations linguistiques dans le monde*. T. 1. Le Canada fédéral et les provinces canadiennes. Québec, 1994. P. 177.

одобрения соответствующих решений региональными законодательными органами⁶⁰⁶.

В числе важнейших правовых инструментов, используемых канадским правительством для признания равного статуса английского и французского языков на территории федерации, следует признать закрепление в законе об официальных языках (*Loi sur les langues officielles*) 1988 г. следующих норм: законы и нормативные акты, издаваемые федеральными учреждениями должны публиковаться на двух языках; жители Канады должны иметь возможность направлять обращения в органы государственной власти на любом официальном языке; судьи обязаны заслушивать и принимать письменные показания на любом из официальных языков без помощи переводчика; все наружные вывески на зданиях органов государственной власти должны быть исполнены как на английском, так и на французском языках.

Таким образом, язык может служить как фактором интеграции общества, так и причиной для эскалации его раскола. Требование представителей этнического меньшинства использовать их родной язык, в том числе, в публичной сфере может провоцировать этнические конфликты и выступать в качестве важного политического феномена, который требует от государства публично-правовых решений, выраженных в конституционных и иных нормативных актах. С одной стороны, практика выделения субъектов федерации по языковому и национальному признаку, предоставления им значительной автономии может вызвать ряд проблем, в числе которых асимметрия, т. е. неравенство составных частей в политическом отношении, неспособность национальных образований к обновлению, эскалация дальнейших требований национальных и лингвистических меньшинств. В то же время, успешный опыт реализации многонациональной модели федерализма в отдельных случаях дает основания рассматривать правовые инструменты в области языковых и национально-культурных преференций отдельных регионов в качестве действенного механизма

---

⁶⁰⁶ См. Кожемякина В. А. Особенности языковой политики Квебека // Альманах современной науки и образования. 2015. № 10 (100). С. 62-67

предотвращения сецессии, применение которого, однако, отличается значительным своеобразием в зависимости структуры общества в каждом конкретном государстве.

Канадский опыт демонстрирует, что в сложных этнических и языковых сообществах одного лишь закрепления статуса языка меньшинства на конституционном уровне недостаточно – требуется применение целого комплекса правовых инструментов языковой политики, включая предоставление равных возможностей получения образования на официальных языках, использование его в государственном управлении, расширение представительства языковых меньшинств в федеральных органах власти и других. В противном случае велика вероятность увеличения числа сторонников независимости, зачастую радикально настроенных, примером чему служит деятельность Квебекской партии во второй половине XX века.

На сегодняшний день статус французского языка в Квебеке получил нормативное закрепление в результате франкофонской государственной политики, последовательно проводимой провинциальным правительством. Квебек стал франкоязычной территорией Канады, а французский язык стал символом квебекской идентичности. В то же время, стоит отметить, что языковая политика, проводимая канадскими властями, направлена на равноправие английского и французского языка, что демонстрирует стремление федерации к компромиссу, в то время как политика провинции в данной сфере не учитывает в должной мере интересы англофонов. Поиск правовых механизмов предотвращения сецессии – это непрекращающийся процесс, и канадскому правительству предстоит дальнейшая регламентация взаимоотношений с провинцией Квебек.

Список литературы

1. Блещик А. В. Национальная политика и регулирование национальных отношений в зарубежных федерациях // Российский юридический журнал. 2014.
2. Кожемякина В. А. Особенности языковой политики Квебека // Альманах современной науки и образования. 2015. № 10 (100).
3. Нохрин И. М. Квебекский акт 1774 года: к вопросу о причинах создания // Вестник ЧелГУ. 2012. №25 (279).
4. Старостина И. А. Политико-правовые проблемы этнического федерализма на пути формирования стратегии национального развития России: конституционно-правовые аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11.
5. Corbeil J.-Cl. Théorie et pratique de la planification linguistique // Langues et usage des langues. Québec, 1990.
6. Recueil des législations linguistiques dans le monde. T. 1. Le Canada fédéral et les provinces canadiennes. Québec, 1994.,
7. Roeder F. Ethnofederalism and Mismanagement of Conflicting Nationalisms // Erk J., Anderson L. (Eds.). The Paradox of Federalism: Does Self-Rule Accommodate or Exacerbate Ethnic Divisions? Abington, UK, 2010.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Всероссийского форума историков права

Всероссийский форум историков права, демонстрируя единство российского научно-педагогического сообщества по вопросам освоения богатого юридического наследия, опираясь на решения Учредительного собрания Ассоциации историков права,

отмечает:

История права и государства как научная дисциплина в системе отечественной юридической науки занимает свое место. Она эволюционировала вместе с ней, выполняя на разных этапах развития определенную роль в исследованиях российской правовой действительности, выступая и средством познания, и формой юридического знания, и социокультурным феноменом. Это особая сфера юридического знания, отличающаяся своим пограничным, междисциплинарным характером, который проявляется как во внешнем взаимодействии с другими науками, прежде всего историей, социологией и политологией, так и во внутреннем, когда предмет познания науки истории права и государства соотносится с предметной областью теоретико-правовых и отраслевых наук, указывая ретроспективные связи с историческим опытом. Обозначенный аспект заметно влияет на выбор познавательного инструментария и форм популяризации полученных научных результатов, возникает потребность не только в поиске наиболее эффективных форм адаптации историко-правового знания к реалиям современности, но и в познании процесса становления и развития истории права и государства с науковедческих позиций;

констатирует:

- в современных условиях приращение знаний об истории права и государства, о ретроспективной динамике общественных процессов имеет важное значение для формирования научной картины развития социума, определения возможных путей его дальнейшей эволюции;

- изучение истории права и государства дает богатый материал для осуществления правового и патриотического воспитания

молодежи, для формирования общеправовой культуры и кругозора студентов-юристов;

- в юридическом сообществе существует выраженная потребность в проведении научных мероприятий историко-правового характера, в объединении усилий историков права для разработки актуальных научных тем и вопросов на основе современной методологии, в активизации научно-издательской деятельности в рамках историко-правового и философско-правового направлений;

предлагает:

- проводить регулярные историко-правовые конференции в разных городах России с целью повышения интереса в обществе к историко-правовой проблематике;

- активизировать усилия по подготовке и изданию новых научных работ в сфере истории права и государства, истории учений о праве и государстве, философии права, чтобы выйти на качественно более высокий уровень развития отечественного правоведения;

- усилить работу со студенческой молодежью для формирования нового корпуса молодых ученых, заинтересованных в исследовании вопросов историко-правовой направленности;

- обратить особое внимание на исследование ценностного содержания отечественных правовых традиций, чтобы на этой основе внести свой вклад в формирование национальной идеи в Российской Федерации, соответствующей представлениям многонационального народа о справедливости, праве и правде.

Пашенцев Д. А.

**Историко-правовая наука в условиях
новой научной рациональности**

В статье раскрываются возможности использования постнеклассической методологии в историко-правовых исследованиях. Показано значение антропологического поворота в науке для приращения историко-правового знания. Отмечается целесообразность обратить внимание историков права на правовое поведение в исторической ретроспективе. Подчеркивается воспитательный потенциал историко-правового знания.

Честнов И. Л.

**Генетическая постклассическая методология
в историко-правовой науке**

Автор показывает перспективы генетической постклассической методологии применительно к историко-правовой науке. Генезис права в такой ретроспективе эксплицируется анализом первичного акта, конструирующего изучаемый правовой институт и его последующую институционализацию. Оба эти момента предполагают, в свою очередь, исследование борьбы основных социальных сил данного социума за право «официальной номинации» социального института как правового.

Кожеева М. А.

**Наука истории русского права: генезис, методы познания,
место в современном историко-правовом знании**

В статье выявляются предпосылки и причины зарождения науки истории русского права (в современном звучании – истории права и государства России), раскрыты методологические аспекты исследования процесса генезиса научной дисциплины в контексте юридического науковедения, проанализированы факторы, обусловившие выделение истории русского права в самостоятельную область отечественной юридической науки, выстроена фактология процесса генезиса научной дисциплины и показаны методы научного познания истории русского права на первоначальном этапе.

Методологические критерии периодизации истории государства и права

В статье рассмотрены методологические критерии периодизации истории государства и права. Отмечено значение для понимания указанной проблемы учета как физического, так и исторического типов времени. Подчеркивается, что научно-естественные теории являются философской основой для осмысления системной ритмики общественной эволюции. Анализируются такие важные основания, как формационный и цивилизационный подходы к систематизации государственно-правовых явлений в контексте их эволюции. Приведены примеры использования рассмотренных методологических критериев в предлагаемом стадийном подходе к периодизации истории государства и права.

Яцук Т. Ф.

Этапы развития истории государства и права России как науки и учебной дисциплины в советский и постсоветский периоды

Выделены периоды развития истории государства и права России как науки и учебной дисциплины. Предложены и описаны критерии, позволяющие обосновать хронологические рамки выделяемых периодов и дать характеристику каждому периоду. Среди критериев указаны те, которые задают политические установки, обеспечивают организационные условия для функционирования историко-правовой науки, характеризуют качественное состояние истории государства и права. Качественное состояние науки в рамках каждого периода раскрывается через краткое рассмотрение основных проблем науки: понимание предмета, методологии, приоритетной исследовательской тематики.

Скоробогатов А. В.

Телеологическая парадигма историко-правового познания

Статья посвящена исследованию теоретико-методологического аспекта телеологической парадигмы историко-правового познания. Анализ и интерпретация сформулированных еще в конце XIX в. Р. Фон Иерингом теории правовой цели с современных мировоззренческих позиций позволяет сделать вывод, что идея телеологической детерминированности правового

развития не утратила своего методологического потенциала и может рассматриваться как парадигма современных интегративных историко-правовых исследований правовой реальности и роли в ней человека.

Шатковская Т. В.

Применение исторического метода как неперенное условие действенности современного законодательства

Статья посвящена обоснованию необходимости применения исторического метода в законодательном процессе. На основании отечественного исторического опыта показаны способы использования прошлого при создании законов. Автор приходит к выводу о том, что историческая обоснованность законодательства сократит человеческий произвол, предотвратит возможный конфликт социальных интересов и отрыв права от его собственных корней.

Дорская А. А.

Тенденции развития историко-правовой науки в России на современном этапе (анализ диссертационных исследований 2012-2022 гг.)

В статье анализируются позитивные и тревожные тенденции развития науки истории государства и права за последние 10 лет. В качестве предмета исследования выступает тематика диссертационных исследований, защищённых в последние годы. Выделены основные направления, по которым защищаются историко-правовые диссертации.

Ворошилова С.В.

Архивный документ в историко-правовых исследованиях

В статье рассматривается содержание понятий «документ» и «архивный документ». Определяется соотношение понятий «архивный документ» и «исторический источник». Характеризуется методика работы с архивными документами в историко-правовых исследованиях. Определяется значение использования архивного документа в историко-правовой науке.

Традиции и новации в становлении и развитии отечественной юриспруденции и юридической науки

Статья посвящена особенностям становления и развития отечественной юриспруденции. Раскрывается взаимодействие традиций и новаций в процессе эволюции права и правовых знаний на протяжении разных периодов. Анализируется преобразовательная деятельность Петра I в сфере законодательства, развития юриспруденции, совершенствования юридического образования в контексте столкновения традиций, представленных отечественным правовым наследием, и новаций, воплощенных в зарубежных, европейских заимствованиях. Новации и традиции, как неотъемлемые свойства науки проявляются в процессе формирования нового знания и внедрения его в практику, в приверженности установившимся образцам и принципам познания, в признании преемственности развивающегося знания. Гармоничное соотношение новаций и традиций обеспечивает отечественной юридической науке устойчивое прогрессивное развитие.

Крупеня Е. М.

Междисциплинарный синтез теории и истории государства и права: к вопросу об актуализации субъектно-личностного направления в исследованиях

Автор акцентирует внимание на исследованиях, в которых историко-правовая проблематика разрабатывается с использованием операционного ресурса понятий и категорий общей теории права и государства, что подтверждает тренд на междисциплинарный синтез-рельефный признак науки постмодерна; одновременно на основе анализа ряда диссертационных исследований, посвященных истории права в различных типах государственно-правовых систем и истории учений о праве и государстве показано, как актуализируется субъектно-личностное направление в исследованиях постнеклассического этапа развития научной рациональности.

Эволюция процессуального права в контексте предметно-отраслевого метода преподавания Истории государства и права России

В статье представлены тенденции развития процессуального права России, выделенные на основе предметно-отраслевого подхода к правовой регламентации процесса. Так, становление правового оформления процессуальных отношений начинается от точечной регламентации и развивается до кодифицированного акта. Обосновано, что для создания полной картины развития процесса необходимо учитывать не только состязательный и розыскной, гражданский и уголовный процессы, но и иные виды — полицейский, межевой и др. Обозначена связь антидемократических течений в обществе с внедрением альтернативных процессов ускоренного и упрощенного порядка. Кроме того, показана эволюция системы доказательств и их оценки.

Ильин А. В.

Историко-правовые аспекты трансформации понятийных характеристик источников права и правотворчества

В данной статье осмысливаются некоторые моменты историко-правовых трансформаций понятийных характеристик права и правотворчества в контексте связанности этого с современными общетеоретическими правовыми проблемами. Это представляется исключительно важным и вызвано задачей повышения качества и эффективности правотворческого процесса, строительства социального и правового государства, оптимизации правового регулирования общественных отношений.

Шаляпин С. О.

Сравнительно-исторические правовые исследования конфессионально-правовых систем

Изучение конфессионально-правовых систем методами сравнительно-исторического исследования начато отечественной наукой еще во второй половине XIX в. благодаря трудам М. Н. Капустина. Современный этап развития юриспруденции требует соединения методов компаративистики и исторического анализа в деле изучения всего многообразия систем религи-

озного права, известных человечеству. Конфессионально-правовые системы за многие столетия оказали решающее влияние на формирование правовых культур, доктрин, системы источников права всех современных цивилизаций. Сравнительное познание их прошлого, выявление точек сближения и принципиальных отличий – это путь к гармонизации различных правовых систем в обозримом будущем.

Марченя П. П.

Мифология правового нигилизма в России и проблема переосмысления реальной роли массового правосознания в русских смутах и революциях

В статье делается попытка в контексте проблем цивилизационной идентичности и цивилизационного суверенитета переосмыслить концептуальное положение о «правовом нигилизме», который якобы свойственен именно русскому народу в большей степени, чем другим европейским народам. Это положение рассматривается как миф, предмет информационной войны и одновременно как своеобразное поле противоречивого консенсуса для многих экспертов самых разных, несовместимых во всем прочем взглядов, которые, не будучи в состоянии договориться о том, какой феномен считать «правом», проявляют согласие в том, что к этому феномену российская цивилизация относится «нигилистически». Сравниваются идеологические интерпретации этого мифа в дореволюционной, советской и постсоветской специальной литературе. По мнению автора, крайне негативные оценки ряда правоведов по отношению к истории собственного государства и народа, в сочетании с готовностью подражать государствам и народам чужим, позволяют ставить вопрос не о нигилизме народа, а о нигилизме по отношению к народу.

Израелян В. Б.

Историко-правовой анализ развития юридической техники

В статье проведен анализ актуальных тенденций развития юридической техники с позиции их историко-правового генезиса. Автором исследованы особенности юридической техники на различных этапах, в том числе в современный период. Сделан вывод о наличии общих тенденций развития юридической техники, позволяющих утверждать об обеспечении духовных и нравственных начал в содержании права как об одной из приоритетных задач юридической техники.

Каузальность норм уголовного права и правовых форм досудебного производства в России в XIV-XV вв.

В статье рассматривается эволюция норм уголовного права и правовых форм досудебного производства в русском праве в период XIV-XV вв. в концепте теории каузальности. Автором отмечается, что идущий в XIV-XV вв. в русском праве процесс смены частнопредварительной доктрины на публично-правовую конкретизируется внесением в понятие преступного в основных памятниках права (Новгородская и Псковская судные грамоты, Судебник 1497 г. и др.) формально-юридических признаков и усилением роли государства в досудебном производстве по наиболее опасным с точки зрения тогдашнего законодателя преступлениям (против государства, разбой, душегубство, грабеж, татьба). Подчеркивается, что правовая регламентация деятельности специальных должностных лиц, учрежденных при судах для розыска и поимки преступников, исследования фактических обстоятельств наказуемых деяний, создает основу для зарождения процессуальных институтов предварительного расследования и формирования новой правовой процессуальной формы – «сыска», или следственно-розыскной. Каузальность уголовно-правовых норм и государственно-публичных форм досудебного производства позволяет выявить свойство системности права.

Гордова Т. В.

История становления и развития института заключения брака в России

Институт брака является одним из ключевых в семейном праве. Политика государства направлена на поддержку брачных союзов в стране, увеличение рождаемости. Несмотря на то, что в России распространяются фактические брачные отношения, законодательно признаются и регулируются только зарегистрированные браки. Основным актом, регулирующим брачные отношения, является Семейный кодекс Российской Федерации. Сегодня можно говорить о его стабильности, так как за весь период его существования в него вносились изменения всего восемь раз.

«Учебная служба» как особый вид государственной службы Российской империи

В статье рассматривается оформление на законодательном уровне Российской империи XIX века такой юридической конструкции как «учебная служба», обоснование необходимости выделения этого особенного вида службы в самостоятельном варианте, специфика и значение учебной службы в общей системе государственной гражданской службы и в становлении особого правового статуса преподавателей учебных заведений Российской империи. Исследование указанного историко-правового российского опыта представляется актуальным для регулирования правоотношений в современной образовательной сфере российского государства, дальнейшего развития правового статуса педагогических работников.

Борисов А. А.

Законы царской России и Российской империи о законотворчестве и видах правовых актов

Теория правотворчества является частнонаучной юридической теорией, история становления и развития которой в Российской империи отражена в ряде правовых исследований. Один из аспектов этой теории связан с проблемой применяемых правовых форм или видов правовых актов. Автор приходит к выводу о том, что данный вопрос не получил полного отражения в историко-правовой науке. В то же время, существующие взгляды на периодизацию развития идей и практики отечественного нормотворчества должны учитывать особенности нормативного закрепления правил принятия законов на различных исторических этапах.

Михайлов В. И.

Первый советский уголовный кодекс: общие положения и ситуации правомерного вреда (обстоятельства, исключающие преступность деяния)

В статье проведен анализ ряда норм Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. Особое внимание уделено положениям, устанавливающим обстоятельства, исключающие преступность деяния. Подробно исследованы такие ситуации, исключающие наказание и закрепленные в уголовном законе, как

необходимая оборона, крайняя необходимость и настоящие убитого. В статье делает вывод о значении УК РСФСР 1922 г. для формирования отечественной законотворческой традиции.

Краснов А. Б.

Государственно-правовое регулирование концессионных отношений в СССР (1920 – 30-е гг.)

В статье дан краткий анализ особенностей государственно-правового регулирования концессионной деятельности в СССР в период трансформации советского общества и перехода государства к развитию экономики на основе методов планирования. Сделан вывод о том, что правовая практика Советского руководства по части регламентации данных отношений сочетала в себе как традиционные юридические инструменты, выработанные многолетней практикой Российской империи, так и новаторские идеи, применение которых было во многом обусловлено реституционными претензиями ведущих западных стран по итогам Первой Мировой войны, а также общей напряженной социально-экономической обстановкой в самом Советском Союзе.

Ладнушкина Н. М.

История развития государственного контроля в сфере образования: советский опыт

Целью проведенного исследования является выявление особенностей осуществления государственного контроля и надзора в сфере образования в советский период, определения основных методов и форм контрольно-надзорной деятельности, изучение нормативного правового обеспечения инспекторской деятельности в данный период.

Иванова С. А.

Динамика гражданско-правового режима земельных участков в советский и современный периоды

В динамике становления гражданско-правового режима земельных участков в советский и современный периоды следует различать несколько важнейших этапов: переход от национализации земли к ее денационализации (разгосударствлению); приватизация земли; децентрализация права государственной собственности на землю и государственного управления земельными ресурсами.

История развития лизинга в России

В статье рассматриваются некоторые тенденции развития лизинговых отношений, анализируются особенности каждого этапа исторического развития института лизинга в России. Сделан вывод о необходимости непрерывного совершенствования правовых норм на основе анализа зарубежного опыта регулирования лизинговых отношений, а также обобщения правоприменительной практики.

Горячева Т. С.

Медико-биологические факторы трансформации семейного законодательства и демографической политики в России в XIX – начале XX века

В статье рассматривается влияние медико-биологических факторов на семейное законодательство. Характеризуется правовое регулирование репродуктивной функции мужчин и женщин, проводится сравнение отечественных и зарубежных законов, принятых под воздействием медико-биологических исследований.

Поворова Е.А.

"Общее" мнение и публичная власть: по следам творческого наследия М.М. Сперанского

В статье рассматривается «общее мнение», которое стало первым в истории отечественного права понятием, определяющим значение, особенности возникновения, развития и влияния на публичную власть социального феномена. Сперанский представил анализ появления общественного самосознания и обосновал его значимость в формировании внутренней и внешней стратегии действий государственной власти. Необходимость видеть общество с учетом особенностей его социальной дифференциации, одновременно отмечать «общее» для всех социальных слоев мнение становится одной из задач для преобразователей публичной власти Российской Империи.

**Первые труды отечественных юристов о лицах юридических:
К. А. Неволин и В. Ю. Александров**

Теория юридического лица и соответствующие правовые институты имеют свою историю, которая в российской юриспруденции создавалась на основе трудов европейских правоведов отечественными юристами. Актуальность темы статьи объясняется сохраняющейся полемикой относительно проблем юридизации общественных отношений с участием юридического лица. Руководствуясь принципом историзма и методом анализа научных взглядов представителей отечественной юридической науки XIX века – К. А. Неволлина и В. Ю. Александрова, автор раскрывает особенности появления в отечественном правоведении идеи юридического лица и первого ее описательно-аналитического осмысления.

Соколов А. С.

**Теоретик финансов и права А. А. Соколов
о германском имперском законодательстве 1913 г.**

Рассматривается научная деятельность А. А. Соколова в области финансов и права. Исследуются основные этапы биографии ученого. Особое внимание уделено изучению А. А. Соколовым германского имперского финансового законодательства накануне войны. Подчеркивается его роль в анализе причин увеличения налогового бремени в Германии.

Калинина Е. Ю.

**Безмолвные и отверженные: правовой статус и правовой образ
изгоев в средневековой Испании. Современные направления
и методы исследования на примере образа мусульман
Иберийского полуострова в романском искусстве XI-XIII вв.**

В статье представлена концептуальная модель нового методологического подхода в историко-правовой науке, позволяющая интерпретировать тексты, транслируемые посредством изобразительного искусства. Предложена трактовка образов романского искусства из Испании XI-XIII в. с целью выявления особенностей образа и социально-правового статуса изгоев на примере мусульман в преимущественно христианском обществе. Показано, что изучение разных источников, как традиционного, так и нетради-

ционного характера и сопоставление результатов откроет новые перспективы при изучении ряда вопросов, которые до сих пор оставались на периферии изучения в историко-правовой науке.

Хащина Э. Э.

**Исторический обзор правового регулирования культурной
и языковой политики Канады как инструмента
предотвращения сецессии**

На примере исторического опыта правовой регламентации отношений в области языковой политики Канады рассматривается роль правовых инструментов в предотвращении сецессии. Формулируется вывод о том, что в сложных этнических и языковых сообществах одного лишь закрепления статуса языка меньшинства на конституционном уровне недостаточно – требуется применение целого комплекса правовых инструментов языковой политики в области образования, культуры и государственного управления.

Abstracts of articles

Pashentsev D. A.

Historical-legal science in the era of a new scientific rationality

Abstract. The article illustrates the possibilities of using postclassical methodology in historical-legal studies. The author explains how the anthropological turn in science has benefited history and law and why legal historians should pay attention to legal behavior in historical retrospect. An emphasis is placed on the educational potential of historical-legal knowledge.

Chestnov I. L.

Genetic postclassical methodology in the historical-legal science

Abstract. The author examines the prospects of genetic postclassical methodology in relation to historical-legal studies. An analysis of the primary act that constructed the studied legal institution and its subsequent institutionalization can explain the genesis of law in such a retrospect. In turn, both of these points suggest examining the struggle of the major social forces of the given community for the right to “officially call” a social institution a legal one.

Kozhevina M. A.

Science of the Russian law history: genesis, methods of cognition, place in modern historical-legal knowledge

Abstract. The article explores the origins of the Russian law history as a science (now, it is conventional to say – the history of the Russian law and state), reveals the methodological aspects of examining the genesis of scientific discipline in the context of legal science, analyzes the factors contributing to the spin-off of the Russian law history

into a distinct branch of domestic legal science. The author lines up the factual sequence of the scientific discipline genesis and shows methods of scientific cognition of the Russian law history at the outset.

Mikhailova N. V.

Methodological criteria for the periodizing the state and law history

Abstract. The article discusses the methodological criteria for periodizing the state and law history. Resolving this issue requires accounting for both physical and historical types of time. According to the author, the systemic rhythm of social evolution can be understood through scientific-natural theories. Analysis is given to important foundations such as the formation and civilization approaches to systematizing state-legal phenomena through the lens of their evolution. Using the considered methodological criteria for periodizing the state and law history, given the proposed approach to establishing the relevant milestones, is illustrated.

Yashchuk T. F.

Milestones in the development of the Russian state and law history as a science and educational discipline in the Soviet and post-Soviet periods

Abstract. The article examines the stages of the development of the Russian state and law history as a science and educational discipline. The author proposes and describes the criteria for justifying the timeframes for the established periods and characterizing each of them. The criteria include those that set political guidelines, provide organizational grounds for historical-legal science functioning and qualitatively define the state and law history. By examining the key challenges of science, namely understanding the subject, methodology, priority research topics, one can determine the qualitative state of science during each period.

Teleological paradigm of historical-legal knowledge

Abstract. The article covers the theoretical-methodological aspect of the teleological paradigm of historical-legal knowledge. Analysis and interpretation of the theories of legal purpose coined by R. von Jhering at the end of the 19th century in the light of the modern world outlook allows concluding that the idea of teleological determination of legal development has not lost its methodological potential and can be viewed as a paradigm of modern integrative historical-legal studies of legal reality and the role of a man in it.

Shatkovskaya T.V.

Making modern law more effective by applying the historical method

Abstract. The article argues for the use of the historical method in lawmaking. The ways of applying domestic historical experience in creating laws are illustrated. The author concludes that the historical validity of lawmaking will reduce human arbitrariness, prevent a possible conflict of social interests and the separation of law from its roots.

Dorskaya A. A.

Modern trends in the development of the Russian historical-legal science (analysis of the dissertations from 2012 to 2022)

Abstract. This article examines the encouraging and alarming trends in the development of the science of law and state history over the last decade. The subject of research is the topics of the dissertations defended in recent years. The author highlights the key scientific areas in which historical-legal dissertations are defended.

Archival document in historical and legal studies

Abstract. The article discusses the content of the concepts of "document" and "archival document". The relationship between the concepts of "archival document" and "historical source" is determined. The methodology of working with archival documents in historical and legal studies is characterized. The significance of the use of an archival document in historical and legal science is determined.

Kareva A. V.

Origins and evolution of domestic jurisprudence and legal science: traditions and innovations

Abstract. The article discusses the peculiarities of domestic jurisprudence formation and development. The evolution of law and legal knowledge over different periods is characterized by the interaction of traditions and innovations. In the context of a clash of the traditions represented by domestic legal heritage and the innovations embodied in foreign, European borrowings, the author analyzes Peter the Great's transformative activity in legislation, jurisprudence, and legal education. Innovations and traditions, as the intrinsic features of science, are manifested in forming a new knowledge and bringing it into practice, in adhering to the established patterns and principles of cognition, in recognizing the continuity of a developing knowledge. When innovations and traditions are in balance domestic legal science prospers sustainably and steadily.

Interdisciplinary synthesis of the theory and history of state and law: addressing the issue of updating the subjective-personal area in research

Abstract. The author focuses on studies dealing with historical-legal issues using the operational capacity of concepts and categories of the general theory of law and state, which confirms the trend towards an interdisciplinary synthesis-prominent sign of postmodern science; at the same time, based on the analysis of a number of the dissertations devoted to the history of law in various types of state-legal systems and the history of teachings on law and state, it is shown how the subjective-personal branch is actualized in studies of the postnonclassical stage of the development of scientific rationality.

Minnikes I. V.

Evolution of procedural law through the lens of the subject-branch approach to teaching the History of the State and Law of Russia

Abstract. The article presents trends in the development of Russian procedural law based on a subject-branch approach to the legal regulation of the process. Hence, legal registration of procedural relations begins with occasional regulation and culminates with the codified act. For a comprehensive picture of the development of the process, it is justifiable to consider not only adversarial and retrieval, civil and criminal processes but also their other types – police, boundary, etc. The author indicates the link between antidemocratic movements in society and the introduction of alternative processes of the accelerated and simplified nature. Additionally, the evolution of the evidence system and its assessment is shown.

**Conceptual evolution of sources of law and lawmaking:
historical-legal aspects**

Abstract. This article examines some historical-legal changes concerning conceptual features of law and lawmaking and how these relate to general theoretical legal problems of the modern age. Consequently, it is extremely important to improve the quality and efficiency of the legal process, build a social and legal state, and optimize the legal regulation of public relations.

Shalyapin S. O.

**Confessional-legal systems
in comparative-historical legal perspective**

Abstract. In the second half of the 19th century, thanks to the works of M. N. Kapustin, domestic science began studying confessional-legal systems through the comparative-historical methods. To study the entire variety of the religious law systems known to humanity, modern jurisprudence requires the combination of comparative studies and historical analysis. Confessional-legal systems over many centuries have had a crucial impact on the formation of legal cultures, doctrines, systems of sources of law in all modern civilizations. Comparative cognition of their past, identification of convergence points and fundamental differences is the way to harmonize various legal systems in the foreseeable future.

Mythology of the Russian legal nihilism and the challenge of rethinking the role of mass legal awareness in Russian civil troubles and revolutions

Abstract. In the article, the author attempts to rethink the conceptual provision on “legal nihilism,” which is supposedly common to the Russian people to a greater extent than to other European peoples, through mainstreaming issues of civilizational identity and civilizational sovereignty. Many experts upholding diverse views, incompatible in everything else, consider this provision a myth, a subject of information warfare, and, at the same time, the room for contradictory consensus. Unable to find any middle ground on what phenomenon to consider “law,” they agree that Russian civilization refers to it “nihilistically.” A comparison is made between the ideological interpretation of this myth in the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet specialized literature. The author argues that the negative assessments of a number of legal scholars of their own state and people, combined with the willingness to imitate other states and peoples, make it possible to question not the nihilism of the people, but the nihilism towards the people.

Israelyan V. B.

Evolution of legal workmanship: a historical-legal analysis

Abstract. The article analyzes current trends in the development of legal workmanship through the prism of their historical-legal genesis. The author explores the features of legal workmanship at different stages, including the modern era and highlights general trends, which allow it to conclude that promoting spiritual and moral principles in law is one of the primary tasks of legal workmanship.

The causality of criminal law and legal forms of pre-trial proceedings in Russia in the 14th–15th centuries

Abstract. The article examines the evolution of the norms of criminal law and legal forms of pre-trial proceedings in Russian law during the 14th–15th centuries through the lens of the theory of causality. The author notes that the shift from private law doctrine to public law one, which takes place in the 14th–15th centuries in Russian law, is specified by introducing formal legal signs into the concept “criminal” in the key artifacts of law (Novgorod and Pskov judicial charters, Sudebnik of 1497, etc.) and strengthening the role of the state in pre-trial proceedings for the most dangerous crimes from the perspective of the then legislator (crimes against the state, assault, murder, robbery, stealing). The author emphasizes that the legal regulation of the activities of the special officials seconded to courts for the search and capture of criminals, the study of the actual circumstances of the punishable acts, sets the stage for the emergence of procedural institutions of preliminary investigation and the formation of a new legal procedural form – “criminal search,” or investigative-searching. State-public forms of pre-trial proceedings and criminal law norms are causally linked, making it possible to identify the consistency of law.

Gordova T. V.

Marriage in Russia: its origins and evolution

Abstract. Marriage is one of the most important institutions in family law. In order to increase the birth rate in the country, the government promotes marriages. Although a number of common-law marriages is increasing in Russia, only the registered one are legally recognized and regulated.

The Family Code of the Russian Federation is the key act regulating marriage. There have been only eight changes to it over the entire period of its existence, thus, one can say about its consistency.

The article examines the history of the Russian marriage laws.

“Training service” as a special type of public service of the Russian Empire

Abstract. This article examines the formation of such a legal structure in the Russian Empire of the 19th century as a “training service.” The author justifies the spin-off of this special type of public service into a distinct one, highlights the peculiarities and importance of the training service in the public service system as well as its role in the according of a special legal status to teachers in educational institutions of the Russian Empire. It seems relevant to study this historical-legal domestic experience when it comes to regulating legal relations in the modern education system of Russia and advancing the legal status of teachers.

Borisov A. A.

Laws of Tsarist Russia and the Russian Empire on lawmaking and types of legal acts

Abstract. As is commonly known, the theory of lawmaking is a specific scientific legal theory whose formation and development in the Russian Empire is documented in a number of legal studies. The applied legal forms or types of legal acts are one aspect of this theory. According to the author, historical-legal science has not fully addressed this issue. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire and the Digest of Laws of the Russian Empire, when it comes to defining issues of legal forms, do not reflect all of the acts adopted before their adoption. Existing views on the periodization of the development of ideas and practices of domestic lawmaking should take account of the features of legal consolidation at different historical milestones.

**First Soviet Criminal Code: general provisions
and situations of legitimate harm
(circumstances that exclude the criminality of an act)**

Abstract. The article analyzes a number of norms of the Criminal Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR) of 1922. Provisions establishing circumstances that exclude an act from being a crime are given special attention. A particular focus has been on the situations that do not entail punishment under criminal laws, such as justifiable defense, extreme necessity and insistence of the killed. In the article, the author concludes about the importance of the Criminal Code of the RSFSR of 1922 for the formation of a domestic legislative tradition.

Krasnov A. B.

**Concession relations in the USSR (1920–30s):
a state-legal regulation**

Abstract. The article presents a brief analysis of the peculiarities of a state-legal regulation of concession activities in the USSR during the transformation of Soviet society and the transition to the planning-based economic development. The main objective of the study is to identify the regularities of the development of the mechanism of a state-legal regulation of concessions in the USSR by assessing legal documents pertaining to the 20–30s of the 20th century, both the regulatory acts and individual concession agreements concluded based on them. Additionally, considerable attention is paid to studying the official documents of Soviet concession bodies located in the Russian State Archive of the Economy and the State Archive of the Russian Federation. One of the crucial outcomes of this study, besides the proposed periodization of a state-legal regulation of concession relations in the USSR in the 20–30s, is the following conclusion: the legal practice of the Soviet leadership in terms of governing these relations com-

bined both the traditional legal instruments as far back as in the Russian Empire and the innovative ideas, which was largely implemented due to, on the one hand, the restitution claims of leading Western countries following the results of the First World War and the generally poor socioeconomic climate in the Soviet Union.

Ladnushkina N. M.

History of state control in education: the Soviet experience

Abstract. The article aims to identify the peculiarities of state control and supervision in the field of education during the Soviet period, to determine the main methods and forms of control and supervision and to examine the legal support for inspections throughout this epoch.

Ivanova S. A

Evolution of the civil regime of land plots in the Soviet and modern times

Abstract. A number of major milestones should be distinguished in the evolution of the civil regime of land plots in the Soviet and modern periods: the transition from the nationalization of land to its denationalization (destatization), privatization of land, decentralization of state land ownership and public land management.

Currently, the civil regime of land plots includes the features of a land plot as a real estate object, namely the information on the cadastral number of a land plot, the coordinates of the turning points of a land plot boundaries contained in the Unified State Register of Real Estate, the measured land use area reflected in the Unified State Register of Real Estate, the actual land use area in the field, the boundary alignment act with adjacent land users (it is attached to the demarcation plan), the designated purpose of a land plot, the permitted use type, the land use and development rules applied in a particular rural settlement or urban district in terms of the construction of permanent facilities or

other impermanent facilities as well as the planting of any vegetation, the municipality area planning documents.

Neznamova A. A.

History of leasing in Russia

Abstract. The article explores some trends in the development of leasing relations and analyzes the features of each milestone in the history of leasing in Russia. The conclusion is made about the need for continuous improvement of legal norms based on the analysis of foreign experience in regulating leasing relations, as well as generalization of law enforcement practice.

Goryacheva T. S.

Biomedical factors of transformation of family legislation and demographic policy in Russia in the XIX – early XX century

Annotation. The article examines the influence of biomedical factors on family legislation. The legal regulation of the reproductive function of men and women is characterized, a comparison of domestic and foreign laws adopted under the influence of biomedical research is carried out.

Povarova E.A.

"General" opinion and public power: in the footsteps of the creative heritage of M.M. Speransky

Abstract. The article considers the "general opinion", which became the first concept in the history of domestic law that defines the meaning, features of the emergence, development and influence on public power of a social phenomenon. Speransky presented an analysis of the emergence of public self-consciousness and justified its importance in the formation of internal and external strategies of actions of state power. The need to see society taking into account the peculiarities of its social differentiation, at the same time to note the "common" opinion for all social strata becomes one of the tasks for the transformers of the public power of the Russian Empire.

**First works on legal entities by domestic lawyers:
K. A. Nevolin and V. Yu. Alexandrov**

Abstract. The theory of legal entities and relevant legal institutions has its own history, which was developed by domestic lawyers based on the works of European jurists. An ongoing controversy regarding the legalization of public relations with the participation of a legal entity explains the relevance of the article topic. Following the principle of historicism and analyzing the scientific views of domestic legal scholars of the 19th century (K. A. Nevolin and V. Yu. Alexandrov), the author reveals how the idea of a legal entity appeared in domestic law and how it was first comprehended in a descriptive-analytical manner.

Sokolov A. S.

**Finance and law theorist A. A. Sokolov on the German imperial legislation
of 1913**

Abstract. The article covers the scientific inquiries of A. A. Sokolov in the field of finance and law. The author explores the key milestones in the scholar's biography. An emphasis is placed on the study of the German imperial financial legislation by A. A. Sokolov on the eve of the war. His role in analyzing the reasons for the tax burden increase in Germany is highlighted.

Kalinina E. Yu.

**Silent and rejected: the legal status and legal conception of outcasts
in medieval Spain. The modern research pathways and methods
illustrated through the image of Muslims of the Iberian Peninsula
in Romanesque art of the 11th–13th centuries.**

Abstract. The article covers a conceptual model of a new methodological approach in historical-legal science, which allows interpreting the texts communicated through the visual arts. The author proposes the way of interpreting images of Romanesque art in Spain of the 11th–13th centuries to identify the peculiarities of the conception and socio-legal status of outcasts on the example of Muslims in a mainly Christian society. It is shown that exploring different sources, both traditional and nontraditional, and their comparison will offer new perspectives in the study of some issues that have so far been left to the margins of historical-legal science.

The role of legal regulation of Canada's cultural and language policies in preventing secession: historical overview

Abstract. The article explores the historical experience of Canadian language policy to examine the role that legal instruments played in preventing secession. The author concludes that the mere recognition of a minority language at the constitutional level is not enough in complex ethnic and language communities. Rather, a wide range of the language-related legal instruments should be used in education, culture, and public administration.

Научное издание

**ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Сборник научных статей
по итогам Всероссийского форума историков права

10-11 июня 2022 г.

Под редакцией
А. А. Дорской и Д. А. Пашенцева

Технические редакторы:
М. В. Андрианова, А. В. Сидоров

Подписано в печать 31.08.2022 г. Формат 60×84/16.
Усл.-печ. л. 24,6. Тираж 500 экз. Заказ № 71

Издательство «Саратовский источник»
г. Саратов, ул. Кутякова 138б, 3 этаж.
Тел. (8452) 52-05-93
E-mail: saristoch@bk.ru
Отпечатано в типографии «Саратовский источник»